

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ХАДЖИ МУРАТ ИБРАГИМБЕИЛИ

**РОССИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

(ИЗ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1969

9(С)15
И15

Ответственный редактор
Н. А. ХАЛФИН

Книга касается русско-иранских войн 1804-1813 и 1826-1828 гг. и русско-турецких войн 1806-1812 гг. и 1828-1829 гг. и активного участия в них азербайджанских войск. Подробно показана военно-политическая история этого периода - причины поражения Ирана и Турции и включение Северного Азербайджана в состав России. Освещаются также военно-политические события в Грузии, Армении и Дагестане.

1-6-4
93-69

ОГЛАВЛЕНИЕ

➤ Введение	5
➤ Глава I. Присоединение Азербайджана к России. Участие населения и ополчений в военных действиях на стороне русской армии (1801-1813 гг.)	26
➤ Глава II. Азербайджанские ополчения и милиционные отряды в русско-иранской войне 1826-1828 гг.	91
➤ Глава III. Боевой вклад азербайджанских иррегулярных войск в победу России в русско-турецкой войне 1828-1829 гг.	127
➤ Заключение	149

ВВЕДЕНИЕ

В первой трети XIX в. в многовековой истории азербайджанского, грузинского и армянского народов совершился поворот огромного исторического значения. Этот период занимает особое место в истории Закавказья и потому представляет непреходящий интерес.

Насыщенность важными военно-политическими событиями, сыгравшими огромную роль в исторических судьбах народов Закавказья, активное и непосредственное выступление народных масс в русско-закавказских, русско-иранских и русско-турецких войнах - характерная особенность первой трети XIX столетия.

Русско-грузинские отношения, расширившиеся во второй половине XVIII в., привели в 1801 г. к присоединению Картли-Кахетинского царства (Восточной Грузии) к России. Вместе с грузинскими землями были присоединены азербайджанские султанства (Борчалинское, Казахское и Шамшадильское), бывшие вассалами картли-кахетинского царя. С присоединением этих султанств к России начался процесс присоединения к ней Северного Азербайджана¹, длившийся около 30 лет.

Гюлистанский мирный договор, заключенный 12 (24) октября 1813 г. в результате русско-иранской войны 1804-1813 гг., закрепил присоединение к России ханств Азербайджана (за исключением Нахичеванского ханства), Восточной Грузии, Дагестана и части Восточной Армении. По окончании русско-иранской войны 1826-1828 гг. и подписании Туркманчайского мирного договора 10 (22) февраля 1828 г. был завершен длительный и сложный процесс присоединения Закавказья к России.

Азербайджанский народ, эксплуатация которого оставалась не менее жестокой, чем прежде, избавился от разорительных нашествий иноземных захватчиков и внутренних феодальных междоусобиц.

Исследование этого вопроса - актуальная задача советской исторической науки. Ее решение тесно связано с военно-политической историей Азербайджана первой трети XIX в. [3-4]

Неизученность политики России в Закавказье в целом и в период присоединения его в частности оправдывает выбор темы данного исследования.

Если прибавить к тому же, что неправильное освещение закавказской политики России и ее взаимоотношений с народами Закавказья в зарубежной буржуазной исторической литературе часто объясняется неизученностью вопроса, создающей возможность для всяческих измышлений, то это делает необходимым изучение избранной темы.

В XIX в. Россия, несмотря на захватнические устремления царизма, объективно играла прогрессивную роль для народов Кавказа. «Россия, - писал Ф. Энгельс 23 мая 1851 г. К. Марксу, - действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку». Ф. Энгельс подчеркивал далее, что «господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»².

История русского и азербайджанского народов богата страницами, свидетельствующими об их боевом содружестве в борьбе против общих врагов - царизма и иноземных захватчиков.

Но, признавая факт постоянного и настойчивого тяготения народов Закавказья к России, не следует забывать и о колониальной политике русского самодержавия, вызывавшей противодействие местного населения.

Русско-иранские и русско-турецкие войны первой трети XIX в. носили явно несправедливый, захватнический характер для обеих сторон, боровшихся за обладание Кавказом. Но объективно для народов Закавказья войны эти были освободительными, так как только в результате победы России в этих войнах они могли спастись от угрозы порабощения и физического истребления со стороны феодальных деспотий Востока.

Несмотря на большую литературу, такие важные вопросы истории Азербайджана первой трети XIX в., как отношение различных слоев населения к России, Ирану и Турции, участие азербайджанцев в русско-иранских и русско-турецких войнах, формирование иррегулярных азербайджанских войск, их место и роль в планах русского командования и в боевых действиях в составе русской армии, изучены еще недостаточно. Поэтому исследование в первую очередь этих вопросов является задачей настоящей работы.

¹ В дальнейшем - Азербайджан, т. е. территория нынешней Азербайджанской ССР.

² Энгельс - Марксу 23 мая 1851 г., стр. 241 (подробное описание всех использованных работ см. в библиографии).

Автор стремился на фоне событий русско-иранских и русско-турецких войн и происходившей внутренней борьбы между сторонниками русской ориентации и ее противниками показать отношение различных классов, слоев и групп населения к русской армии.

Поэтому центральное место в работе отведено выяснению численности, социального состава, принципов комплектования, [4-5] эволюции азербайджанских воинских формирований, отношения к ним царского правительства и командования, а также рассмотрению военно-политических событий, в которых принимало участие население Азербайджана.

Вследствие тенденциозности дореволюционной и зарубежной буржуазной историографии и неразработанности военно-политической истории присоединения Азербайджана к России в советской историографии создавалось неверное представление о том, что население Азербайджана было пассивным зрителем в этом поворотном событии своей исторической судьбы. Это нельзя считать правильным. Но, признавая прогрессивность присоединения Закавказья к России, нельзя также умолчать о колониальной сущности политики царизма.

Поэтому в задачу данного исследования входит оценка национально-освободительных движений азербайджанского и других народов нашей Родины против царизма. В работе автор руководствовался принципиальным положением Программы Коммунистической партии Советского Союза о необходимости вести борьбу «против национализма и шовинизма, против тенденций к национальной ограниченности и исключительности, к идеализации прошлого и затушевыванию социальных противоречий в истории народов»³. Вместе с тем в работе не только подчеркиваются те моменты, которые разделяли народы бывшей Российской империи, служили предметом разногласий, но и прослеживаются факторы, которые сближали эти народы и государства, служили развитию их экономики и культуры.

Изучение истории боевого содружества русских воинов с воинами-азербайджанцами в борьбе с общим врагом имеет научное и практическое значение. Исследование проблемы помогает дальнейшему укреплению дружбы народов нашей многонациональной Родины, доказывает объективно прогрессивную роль России в судьбах кавказских народов, воспитывает советскую молодежь на боевых традициях наших народов в духе непримиримой ненависти к врагам нашей Родины, в духе интернационального единения трудящихся.

Обзор источников и литературы

Основой настоящего исследования послужили архивные материалы Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА), Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА СССР), Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР (ЦГИА Груз. ССР), Центрального государственного исторического архива Азерб. ССР (ЦГИА Азерб. ССР), архива Ленинградского [5-6] отделения Института истории Академии наук СССР, Научного архива Института истории Академии наук Азерб. ССР, рукописного фонда Академии наук Азерб. ССР, рукописного фонда Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

В частности, значительный материал по истории русско-иранских и русско-турецких войн, по вопросам создания национальных иррегулярных войск и их участия в этих войнах почерпнут из фонда Военно-ученого архива (ВУА) ЦГВИА. Наряду с этим большой материал, характеризующий отношение населения Закавказья к той или другой из воюющих сторон, а также отношение царского правительства и военного командования к населению присоединенных ханств, обнаружен в других фондах ЦГВИА, в частности в фондах «Канцелярия начальника Главного штаба» (ф. 35), «Инспекторский департамент» (ф. 395), «Иран» (ф. 446), «Турецкая война 1828-1829 гг.» (ф. 477), «Кавказские войны» (ф. 482).

Материалы ЦГИА Груз. ССР, главным образом фонды «Кавказская археографическая комиссия» (ф. 416), «Военно - исторический отдел штаба Кавказского военного округа» (ф. 1087), «Канцелярия Тифлисского военного губернатора» (ф. 1105), подтверждают участие азербайджанских ополчений и иррегулярных войск в русско-иранских и русско-турецких войнах, знакомят с социальным составом, численностью, принципами комплектования, вооружения и снабжения этих формирований. Один из основных военных фондов ЦГИА Груз. ССР (ф. 548, «Главный штаб Кавказской армии»)⁴ содержит наиболее значительные материалы по изучаемой теме и по остальным вопросам военно-политической истории Закавказья за 1815-1865 гг.

³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 116.

⁴ В настоящее время передан в ЦГВИА СССР и хранится под №14719

Материалы личных фондов, хранящиеся в ЦГВИА, ЦГАДА, ЦГИА Грузии и ЦГИА Азербайджана, письма, мемуары и путевые записки военных деятелей, русских генералов и офицеров, служивших на Кавказе в изучаемый период, и другие документы дают возможность показать роль русских и азербайджанских офицеров, место и роль азербайджанских и других кавказских иррегулярных войск в изучаемых войнах, раскрыть экономическую поддержку населением Закавказья русской армии. К ним относятся материалы, составляющие личные фонды ЦГВИА (ф. 90 «Раевский Н. Н.»; ф. 184 «Фредерикс Б. А.»; ф. 194 «Давыдов Д. В.»), ЦГАДА (ф. 1406 «Ермоловы»), ЦГИА СССР (ф. 1018 «Паскевич-Эриванский»), ЦГИА Груз. ССР (ф. 1438 «Эсадзе С. С.»), ЦГИА Азерб. ССР (ф. 123 «Мехти-Кули-хан Карабахский»; ф. 979 «Аббас-Кули-ага Бакиханов [Кудси]»), архива Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (ф. 36 «Воронцовы»), отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 231 «Погодин I»). Личные фонды содержат также ценные сведения о ссылке декабристов на Кавказ, о их службе в частях Отдельного [6-7] Кавказского корпуса и их боевом содружестве с азербайджанцами, грузинами и армянами.

Оригинальным наглядным источником для изучения борьбы населения Азербайджана и его иррегулярных войск совместно с русскими войсками против общего врага являются подлинные графические военные документы: военные топографические карты, планы и схемы сражений, осад крепостей, расположений боевых порядков и действий войск Отдельного Грузинского или Отдельного Кавказского корпусов в русско-иранских и русско-турецких войнах первой трети XIX в. Они хранятся в основном в фондах Военно-ученого архива. На схемах, картах и планах, вычерченных русскими штабными офицерами и военными топографами штабов Отдельных Грузинского и Кавказского корпусов, обозначены азербайджанские ополчения и конно-мусульманские полки, а также азербайджанский пехотный батальон.

Сличение этих картографических материалов с другими документами позволяет еще раз убедиться в тенденциозном освещении историками места, роли и численности азербайджанских ополчений и иррегулярных частей в изучаемых войнах. В силу того, что ополчения на указанных картах и схемах графически изображены в динамике сражений, возможно было определить их роль и место, иногда и численность от начала до конца военных операций. В Эрзерумской операции русской армии, например, в 1829 г. приняли активное участие все пять конно-азербайджанских полков общей численностью около трех тысяч воинов⁵, в то время как об этом ни слова не сказано в дореволюционной и советской историографии.

В результате анализа материалов ЦГИА Азерб. ССР автору удалось определить классовую принадлежность значащихся в них азербайджанских воинов. Преобладающую часть азербайджанских ополчений составляли крестьяне, отчасти горожане и представители бекско-агаларского сословия. Следует отметить, что в начале процесса присоединения Азербайджана к России русской армии оказывали помощь вооруженные ханские дружины, которые наряду с участием в русско-иранской войне 1804-1813 гг. выступали и против сопротивлявшихся присоединению к России феодалов. Социальный состав этого «ханского войска» был несколько иной, ибо в его рядах сражались и призванные ханом беки со своей прислугой (нукерами), состоящей из их приверженцев.

Из эпистолярного наследия русских военачальников, декабристов дипломатических чиновников, служивших в Закавказье в период русско-иранских и русско-турецких войн первой трети XIX в., в предлагаемой работе использованы весьма ценные сведения, содержащиеся в частных письмах чиновника дипломатической канцелярии при штабе Отдельного Кавказского [7-8] корпуса Киселева Николая Дмитриевича, хранящихся в архиве Киселевых (ф. 129) Отдела рукописей ГБЛ.

Десять писем Н. Д. Киселева к родным во время русско-иранской войны 1826-1828 гг.⁶ проливают дополнительный свет на события этой войны, на роль азербайджанского населения и его помощь русской армии.

Перечисленные документальные материалы фонда архивохранилищ Москвы, Ленинграда, Тбилиси и Баку являются богатейшим научным и историческим наследием, использованным при написании настоящей книги.

Вместе с тем многие из этих материалов имеют существенные недостатки, в частности тенденциозность документов как личного, так и официального характера. Они являются или официальными государственными и военными документами, составленными в царских высших

⁵ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 505-1, ч. 2, План взятия Эрзерума русскими поисками.

⁶ Эти письма впервые опубликованы в «Записках отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. 20. М., 1953, (Н. Д. Киселев, Письма к родным во время русско-иранской войны 1826-1828 гг.).

военных и гражданских ведомствах, штабах армий, корпусов и других инстанциях, или представляют собой эпистолярное наследие тех же представителей царского генералитета и других военных, дипломатических и гражданских деятелей царской России, которые служили в Закавказье в тех же штабах и управлениях государственной и военной администрации царского наместничества на Кавказе и были проводниками колонизаторской политики царизма.

Редкое исключение среди этих архивных документов составляют мемуары, дневники, походные журналы, воспоминания, личные письма к друзьям и родным, написанные прогрессивными военными и гражданскими деятелями царской России первой половины XIX в. К таким документам относятся переписка декабристов, сосланных на Кавказ, воспоминания и походные журналы Бурцева, Вальховского, Гангелова, Раевского. Однако, хотя их переписка свободна от великодержавного шовинизма, колониализма и презрения к народам Кавказа, все же в ней нередко проскальзывают монархические идеи.

Из материалов кавказских архивов наиболее ценными являются рукописи азербайджанских историографов-хронистов второй половины XIX в. Мир Мехти Хазани, Бахман-Мирзы Каджара, Сеид Али Кязим-бека оглы, Мирзы Ахмед Мирзы Худаверды оглы.

Мир Мехти Хазани, или, точнее, Ахунд Сеид Мир Мехти Гаши-бек оглы Мусеви Карабаги (1819-1894), посвятил свою хронику «Книга об истории Карабаха»⁷ политической истории Карабахского ханства (1747-1828 гг.).

Бахман-Мирза Каджар (1808-1884) - автор рукописи «Книга благодарения царю царей»⁸ - был одним из сыновей [8-9] наследника шахского престола, принца Аббас-Мирзы, от которого наследовал управление Южным Азербайджаном. В результате дворцовых интриг и преследований первого министра Ирана Гаджи Мирзы Агаси Бахман-Мирза скрывался в русском консульстве в Тегеране, в 1848 г. перешел в российское подданство и поселился в Тифлисе, а в 1851 г. переехал в Шушу. Его книга написана на персидском языке в Шуше в 1871 г. и до сих пор не издана.

В силу своей приверженности к русскому самодержавию автор «Шукур-наме» пишет только о положительных сторонах политики царизма и включения Азербайджана в состав России. Им обходятся факты жестокого колониального режима царской России, установленного на Кавказе. Само название книги посвящено императору Александру I, которого Бахман-Мирза называет «царем царей вселенной» и наделяет его самыми высокими человеческими качествами, благодаря которым якобы, Азербайджан «достиг своего расцвета». Но тем не менее, несмотря на апологию царизма, работа содержит некоторые интересные факты.

Сеид Али Кязим-бек (годы рождения и смерти неизвестны) - автор «Книги о драгоценностях Ленкорани»⁹, весьма образованный человек, владевший многими восточными и русским языками, - принадлежал к ханскому сословию талышских ханов и был одним из родственников Мир-Мустафы хана Талышского. Книга «Джавахи-наме-и Ленкоран» написана в 1869 г. на персидском языке и до сих пор не издана. Хотя этот труд посвящен истории лишь одного Талышского ханства конца XVIII - первой половины XIX в., преимущественно его экономике и географии, для нашей работы он представил определенный интерес, несмотря на его тенденциозность и идеализацию ханского режима.

Мирза Ахмед Мирза Худаверды оглы (родился около 1792 г.) - автор «Книги известий»¹⁰ - будучи уроженцем Карабаха, жил в Ленкорани, где отец его, Мирза Худаверды, служил при талышских ханах - Мир-Мустафе и Мир-Гасане, после 1828 г. был чиновником царской пограничной службы, Книга «Ахбар-наме» написана на персидском языке в 1882-1883 гг. По своему стилю и характеру описаний она близка к мемуарам. Идеализируя период ханского правления в Талыше, Мирза Ахмед не отрицает разорительных последствий русско-иранских войн и положительного влияния России на судьбы Азербайджана. В некоторых главах рукописи имеется довольно ценный фактический материал о взаимоотношениях талышских правителей с царской Россией, о численности азербайджанских ополчений, о их боевых действиях против иранских войск. Книга [9-10] «Ахбар-наме» страдает теми же пороками, что и все рукописи азербайджанских хронистов той эпохи.

Авторы названных работ являются представителями азербайджанской бекской (дворянско-помещичьей) историографии, сохранившей традиции историографов-хронистов первой половины XIX в. Принадлежа к господствующему классу, авторы этих хроник выражали интересы ханов, беков, агаларов, муштеидов и других представителей феодально-клерикальной верхушки бывших

⁷ Мир Мехти Хазани, Китаби-тарихи Карабаг.

⁸ Бах май-Мирза Каджар, Шукур-наме-и шаханшахи.

⁹ Сеид Али Кязим-бек оглы, Джавахир-наме-и Ленкоран.

¹⁰ Мирза Ахмед Мирза Худаверды оглы, Ахбар-наме.

азербайджанских ханств, причем в основном тех из них, которые придерживались русской ориентации. Несмотря на социальную ограниченность, названные рукописи содержат значительный фактический материал по изучаемой теме. Достоинством части этих хроник является также и то, что они написаны на азербайджанском языке, игнорируя существовавшую традицию в историографии изучаемой эпохи, в которую включались только работы на персидском языке - официальном языке феодальной знати.

Некоторые сведения извлечены из рукописных хроник армянских летописцев Захаряна Якова Погосяна и Аракела Костаняна¹¹, часть которых в переводе на русский язык хранится в научном архиве Института истории Академии наук Азерб. ССР. Научные достоинства этих рукописей крайне низки. Будучи представителями армянского духовенства, эти летописцы рассматривали описываемые события с позиций борьбы мусульман против христиан.

Для восстановления достоверности тех или иных исторических событий и фактов изучаемого периода приходилось прибегать к сопоставлению документальных материалов исторических архивов и рукописных фондов с литературными источниками дореволюционных русских и зарубежных авторов, историко-мемуарной литературой, периодическими изданиями и такими ценнейшими материалами, какими являются графические военные документы.

Без этих источников было бы невозможно показать реальную картину активного участия населения Азербайджана и его иррегулярных войск в борьбе за присоединение к России и в войнах этого периода в составе русской армии. Кроме архивных источников использованы также опубликованные материалы. К ним относятся сборники документов: «Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией» (т. II-VII); «Архив Раевских» (т. I-III); «Шесть писем о Грузии и Кавказе, написанные в 1833 г.» П. Зубова; «Россия в Малой Азии или кампания маршала Паскевича в 1828 и 1829 гг.» Ф. Фонтана; «Полное собрание законов Российской империи» (т. V, XXI-XXII); приложения к книге Щербатова о И. Ф. Паскевиче (т. I-III); [10-11] «Кавказский сборник» (т. I, IV-XIII, XV-XVII, XXI-XXIV, XXVII); приложения к запискам А. П. Ермолова, изданным в Москве в 1869 г.; а также изданные советскими историками сборники «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х годах XIX в.», «Нахичеванские рукописные документы XVII-XIX вв.», «Указы Кубинских ханов», «Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX в.)», «История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.».

Из перечисленных источников наиболее полно использованы акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (далее - АКАК), в которых обстоятельно освещена военно-политическая сторона присоединения Азербайджана и всего Закавказья к России. Хотя это официальное издание документов архива Главного управления наместника царя на Кавказе проникнуто духом апологии политики царской России на Кавказе, оно значительно дополняет сведения о создании национальных ополчений, их роли в успешной обороне внешних границ Закавказья и в военных операциях русской армии.

Не меньшее значение для настоящей работы имеют и «Записки Н. Н. Муравьева-Карского», публиковавшиеся в журнале «Русский архив». В своих воспоминаниях Муравьев-Карский много места уделяет истории формирования, обучения и боевых действий четырех азербайджанских конных полков в период русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Причем из всех дореволюционных авторов наиболее объективно и даже с некоторыми нотами симпатии писал об азербайджанских воинах именно Муравьев-Карский.

Из иранских источников привлечены придворные хроники, составленные современниками: Абд ар-Раззаком Думбули «Маасир-и Султанийе», Рзакули-ханом Хидайат «Роузат ас-сафа-йи Насири», Мухаммед Таги-ханом Мустауфи «Сипахр-и насих ат-таварих». Хотя все они посвящены восхвалению шахов и принцев и часто грешат искаженным описанием войн, все же в них содержится некоторый необходимый нам фактический материал, в частности описаны события двух русско-иранских войн и указана численность войск.

В настоящей работе использованы также и французские опубликованные источники: «Миссия генерала Гардана в Персию во время Первой империи» и «Переписка Наполеона I»¹².

В работе использованы сочинения азербайджанских авторов - непосредственных участников и современников изучаемых событий: «Гюлистан-Ирам» Аббас-Кули-Ага Бакиханова, «Карабаг-наме» Мирзы Адигезал-бека, «Тарих-и Карабаг» Мирзы Джамала Джеваншира Карабахского, а

¹¹ Захарян Яков Погосян, Война шаха (Ага Мухаммеда) с Карабахским ханом; Аракел Костанян из монастыря Гтича, История сражения 1826 г. при Гандзаке.

¹² «Mission du general Gardane en Perse»; «Correspondence de Napoleon I».

также хроники Керим [11-12] Аги Фатеха, Хаджи Сеид Абдул Гамида¹³ и др. Работы этих хронистов в силу их классовой принадлежности отражают интересы господствующих классов Азербайджана изучаемого периода. Как правило, все эти сочинения представляют собой летописные повествования о дворцовых интригах в ханстве Азербайджана накануне и после вхождения его в состав России, о «доблести» ханов, беков и других представителей класса феодалов.

Компилятивность, описательный характер повествования, отсутствие анализа событий и оценки их - таковы главные недостатки названных военно-исторических хроник. Отличительная черта этих сочинений - одобрительное отношение самих авторов к факту присоединения Азербайджана к России. Это объясняется тем, что почти все авторы рассмотренных хроник после включения ханств в состав России принадлежали к господствующему классу, были привлечены царизмом к государственной и военной службе и обеспечены имениями, крупными пенсиями, наградами и ценными подарками.

Особое место среди названных авторов принадлежит крупнейшему представителю азербайджанской историографии, ученому, историку, философу и поэту Аббас-Кули-Ага Бакиханову. Ему и его труду «Гюлистан-Ирам» посвящен целый ряд работ советских историков. Помимо общих трудов, в которых этот вопрос затронут попутно, имеются и специальные монографические исследования Ц. П. Агаяна, Ф. Касумзаде, И. К. Ениколопова¹⁴. Поэтому нет необходимости подробно останавливаться на биографии Бакиханова и на характеристике его сочинения «Гюлистан-Ирам».

Следует сказать, что для данной работы оказались полезными сведения и факты, приводимые Бакихановым о русско-азербайджанских отношениях, о включении азербайджанских ханств в состав России, о походе русских войск в 1801-1806 гг. в Закавказье, о боевом содружестве русских и азербайджанцев и о борьбе двух ориентации - на Россию и Иран.

Несмотря на то что Бакиханов намного превзошел своих предшественников и современников как по методу исследования, так и по исторической концепции, он все-таки не отошел от мировоззрения своего класса и выступил с апологетическими тенденциями по отношению к бекам и ханам, защищая их сословные привилегии.

Изучаемый период совпадает с жизнью и творчеством великих представителей передовой русской культуры и культур [12-13] народов Закавказья. На творчество прогрессивных русских и закавказских писателей и поэтов большое влияние оказали декабристы, их прогрессивные, свободололюбивые идеи. Известно, что значительная часть декабристов после подавления восстания 14 декабря 1825 г. была сослана в Сибирь, а затем на Кавказ для участия в русско-иранских и русско-турецких войнах, причем среди сосланных были офицеры, разжалованные в рядовые и непосредственно участвовавшие в боевых действиях на территории Азербайджана, Грузии и Армении. Большими друзьями декабристов, сосланных на Кавказ, были великий русский поэт А. С. Пушкин, выдающийся драматург и поэт А. С. Грибоедов, передовые представители закавказских народов Аббас-Кули-Ага Бакиханов, Александр Чавчавадзе и др.

В настоящей работе использованы ценные сведения из кавказского цикла произведений А. С. Пушкина. Поэт проявлял исключительное внимание и чувство дружбы к народам Кавказа, в частности к азербайджанцам.

Брат поэта, Лев Сергеевич, принявший участие в восстании декабристов 14 декабря 1825 г.¹⁵ был сослан вместе с другими декабристами на Кавказ. Он принял активное участие в русско-иранской войне 1826-1828 гг. и русско-турецкой войне 1828-1829 гг. За боевые отличия он был произведен в капитаны¹⁶. Вместе с братом поэта в Отдельном Кавказском корпусе проходил службу и Аббас-Кули-Ага Бакиханов, а друг юности поэта, причастный к движению декабристов, сын знаменитого героя Бородинского сражения, генерал-майор Николай Раевский-младший, командовал Нижегородским драгунским полком и одновременно сводной азербайджанской конной бригадой.

Летом 1829 г. А. С. Пушкин совершил путешествие в Арзрум, во время которого посетил боевой лагерь Отдельного Кавказского корпуса, где познакомился с азербайджанскими офицерами и всадниками из конных полков. Под впечатлением этого путешествия и Соганлугского сражения, очевидцем и непосредственным участником которого был поэт, им написаны «Путешествие в

¹³ А. Бакиханов, Гюлистан-Ирам; Мирза Адигезал-бек, Карабаг-наме; Мирза Джамал Джеваншир Карабахский, Тарих-и Карабаг; Керим Ага Фатех, Краткая история шекинских ханов; Хаджи Сеид Абдул Гамид, Родословная Шекинских ханов и их потомков.

¹⁴ Ц. П. Агаян, А. Бакиханов; Ф. Касумзаде, Аббас Кули Ага Бакиханов; И. К. Ениколопов, Современники о Бакиханове.

¹⁵ М. В. Нечкина, Пушкин и декабристы, стр. 30.

¹⁶ И. К. Ениколопов, Современники о Бакиханове, стр. 33.

Арзрум» и стихотворение «Из Гафиза»¹⁷, в которых он приводит интересные сведения об азербайджанских воинах.

Глубоко вникая в своеобразие самобытной и древней культуры народов Закавказья, поэт стремился к знакомству с их лучшими прогрессивными представителями. В частности, в боевом лагере, во время Соголангского сражения, в штабе Паскевича он познакомился с Аббас-Кули-Ага Бакихановым, который принимал непосредственное участие в русско-турецкой войне в качестве кавалерийского офицера.

Идеей дружбы России и закавказских народов проникнута романтическая поэма Пушкина «Кавказский пленник», затрагивающая [13-14] один из самых злободневных вопросов военно-политической жизни 20-х годов XIX в.

В работе использованы произведения закавказских писателей и поэтов XIX в. (Мирзы Фатали Ахундова, Хачатура Абовяна, И. Чавчавадзе¹⁸), в которых отразились дух, колорит и события изучаемой эпохи. Несмотря на жестокий колониальный гнет и антинародный характер политики царской России, передовые представители малочисленной прогрессивной интеллигенции Азербайджана, Грузии и Армении сознавали прогрессивное значение сближения с Россией и русским народом.

Наибольший интерес для изучаемой темы представляют философские и художественные произведения неутомимого борца «за свободу и счастливое будущее своего народа»¹⁹. Мирзы Фатали Ахундова. Заслуга его в том, что он с необыкновенной прозорливостью предвидел прогресс своего народа благодаря сближению с русским народом. «Мусульмане перестанут дичиться и чуждаться русских, - писал Ахундов, - под покровительством которых их жизнь, собственность и честь совершенно гарантированы, между тем как их собратья в Персии и Турции находятся в жалком положении и величайшей нищете: они сольются с русским народом, исчезнет навсегда между ними дух фанатизма»²⁰. М. Ф. Ахундов подчеркивал только прогрессивное влияние сближения с Россией, не замечая результатов великодержавно-шовинистической и монархической политики русского царизма в Закавказье.

Великий армянский просветитель Хачатур Абовян был современником рассматриваемых событий. В своем замечательном произведении «Раны Армении» Абовян красочно воспроизвел события русско-иранской войны 1826-1828 гг. и вооруженную помощь населения Закавказья русской армии.

Великий сын грузинского народа, страстный пропагандист идеи дружбы закавказских народов с русским народом, Илья Чавчавадзе писал: «...русская культура оказала большое руководящее влияние на путь нашего развития, оказала воздействие на то, что составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль. Она оказала свое положительное влияние на наши чувства и направления... Каждого из нас взрастила русская литература, каждый из нас на выводах ее обосновал свои убеждения на предмет и поприще своей общественной деятельности»²¹.

Так же как и М. Ф. Ахундов, Хачатур Абовян, Илья Чавчавадзе и другие прогрессивные деятели Закавказья идеализировали царскую Россию, не видели ее мрачных сторон. Признавая прогрессивность присоединения Закавказья к России, они не [14-15] отражали в своих произведениях антинародность колониальной политики русского царизма.

В работе использована также русская столичная и местная пресса: «Военный журнал», «Инженерные записки», «Отечественные записки», «Славянин», «Сын отечества», «Московский телеграф», «Русский инвалид», «Северная пчела», «Тифлиссские ведомости» и др. В газетах и журналах помещались сводки с театров военных действий, письма, воспоминания и рассказы участников и очевидцев сражений, приказы о награждении участников войн, в том числе и азербайджанцев, за боевые отличия. Эти источники, как правило, были проникнуты духом пренебрежения к народам Закавказья, участвовавшим в войнах на стороне России. Авторы публикаций в своем большинстве игнорировали ратные способности азербайджанцев, грузин и армян, сводили почти на нет роль крестьян, которые составляли основную часть местных ополчений.

В работе привлечены и некоторые публикации, содержащиеся в исторических и других журналах царской России: «Военный сборник», «Библиотека для чтения», «Известия штаба

¹⁷ А. С. Пушкин, Путешествие в Арзрум, т. IV; т. I, стр. 266.

¹⁸ М. Ф. Ахундов, Избранные художественные произведения, его же, Избранные философские произведения; Х. Абовян, Раны Армении; И. Чавчавадзе, Полное собрание сочинений.

¹⁹ М. Касумов, Выдающийся азербайджанский мыслитель, стр. 7.

²⁰ М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения, стр. 50.

²¹ И. Чавчавадзе, Полное собрание сочинений, стр. 285.

Кавказского военного округа», «Кавказская старина», «Морской сборник», «Русский архив», «Русский вестник», «Русская старина», а также в газете «Кавказ».

Разумеется, будучи официальными, эти периодические издания в публикуемых сводках «с театра военных действий, правительственных сообщениях и объявлениях» о разных новостях «для края сего любопытнейших» и в сведениях, «согласных с видами правительства»²², свою точку зрения подчиняли интересам и политике царизма на Кавказе и события периода присоединения Закавказья освещали через призму классовых интересов монархической России.

Но, несмотря на это, упомянутые журналы и газеты представляют некоторый интерес, так как дают для изучаемой темы довольно убедительный материал, отражающий различные сведения об экономической поддержке азербайджанцами, грузинами и армянами русской армии в ходе войн. Больше того, в корреспонденции с фронтов хотя и редко, но встречались сведения, по которым можно судить об отношении различных групп населения Азербайджана к русско-персидским и русско-турецким войнам, к мероприятиям русского командования и правительства.

История русско-иранских и русско-турецких войн первой трети XIX в. изобилует фактами боевого содружества русской армии и азербайджанских ополчений в борьбе против иноземных захватчиков. Эти факты отражены в многочисленных документах официальных царских военных и гражданских ведомств, в переписке военных, дипломатических и гражданских должностных лиц царской России как в Петербурге, так и на [15-16] Кавказе, а также в переписке частного характера. При написании многотомных работ дореволюционные историки пользовались этими материалами, давая им оценку с позиций своего класса. Эти работы, будучи насыщены фактами, не изобилуют обобщениями и выводами и потому носят сугубо повествовательный характер.

Однако среди обширной дореволюционной русской литературы, освещающей историю этих войн, трудно отыскать работу объективно отражающую обстановку в Закавказье в изучаемый нами период. Игнорируя такие важные факторы, как вооруженная и экономическая поддержка населением Азербайджана, Грузии и Армении русской армии, ненависть его к иранско-турецким поработителям, переход населения на сторону России, дореволюционные историки довольствуются общим разбором стратегических планов и тактикой отдельных полков, бригад, батальонов и отрядов, подробным описанием диспозиций, сил и средств воюющих сторон и бесконечным перечислением состава действующих армий.

Как и вся домарксовская историография, отличавшаяся, по словам В. И. Ленина, субъективизмом «в выборе отдельных “главенствующих” идей или в толковании их»²³, дореволюционная кавказоведческая историография крайне односторонне освещала русско-иранские и русско-турецкие войны.

В дворянско-буржуазной литературе история русско-иранских и русско-турецких войн освещалась с позиций великодержавного шовинизма. Сознательно обходя или искажая исторические факты, царские историки все военные успехи относили исключительно за счет царя, главнокомандующих, военачальников, а также за счет регулярной армии.

Естественно, что эти историки в своих работах затушевывали жестокую колониаторскую политику царизма в Закавказье и основное внимание уделяли освещению хода войны, причем без глубокого военно-теоретического анализа. Они выражали позицию господствовавшего класса и выступали в качестве апологетов колониаторской политики царского самодержавия и ультрапатриотического духа, принижая или вовсе игнорируя роль азербайджанского, грузинского и армянского народов, их военную, материальную и моральную помощь малочисленному русскому корпусу, а истории регулярных полков, бригад и дивизий посвящая капитальные, многотомные работы. Объяснение поддержки русской армии азербайджанцами, грузинами и армянами эти историки видели в их верноподданнической, монархической идеологии. Основное внимание они уделяли роли местного феодально-помещичьего сословия - ханов, беков, агаларов и их приверженцев.

Однако нельзя не учитывать значительного архивного материала, использованного в работах русских дореволюционных [16-17] военных историков²⁴. Большинство из них примыкало к охранительно-монархическому направлению дореволюционной историографии России.

К этой же категории работ можно отнести многотомные книги, авторами которых являются военные историки, генералы и офицеры царской армии или чиновники царской военной и

²² В. Н. Иваненко, Гражданское управление Закавказьем..., стр. 162.

²³ В. И. Ленин, Карл Маркс, стр. 58.

²⁴ Н. Ф. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе; «Утверждение русского владычества на Кавказе»; В. А. Потто, Боевая хроника полков 21 пехотной дивизии и Дагестанского конно-иррегулярного полка; его же, История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. III; А. М. Михайловский-Данилевский, Описание турецкой войны...; А. И. Петров, Война России с Турцией 1806 - 1812 гг.

гражданской администрации на Кавказе, ярые монархисты и великодержавные шовинисты, такие апологеты царского колониализма на Кавказе, как П. О. Бобровский, А. Л. Гизетти, Г. Казбек, С. Скрутковский, Шабанов, И. И. Янжул²⁵ и др. Все эти работы отличаются обилием фактического материала, но подход авторов к освещению и оценке событий крайне ненаучен. Почти все названные работы носят сугубо военный, описательный характер с некоторыми тенденциозными оценками и выводами, обусловленными классовой принадлежностью авторов, отражающих точку зрения правящего дворянского класса.

Изучая труды дореволюционных историков, можно проследить отражение в них реакционной национальной политики царизма на Кавказе, выразившейся в разжигании национальной розни между его народами. Особенно эта рознь провоцировалась в Закавказье между азербайджанским, грузинским и армянским народами под флагом борьбы христиан против мусульман.

Хотя азербайджанцы сражались против иранских и турецких завоевателей плечом к плечу с солдатами русских полков, с воинами грузинских и армянских ополчений, их роль и боевое содружество дореволюционными авторами сводились почти на нет. Не получила должного освещения и историческая роль русского солдата в изучаемых войнах. Все успехи приписывались «исключительному полководческому дару» и «блестящей деятельности» царских главнокомандующих. Такой трактовкой истории русско-иранских и русско-турецких войн отличались И. Гурьянов, Ф. Булгарин, Н. Ушаков, Н. Епанчин, В. Дубасов, П. Ковалевский, Р. Фадеев, Н. Лукьянович, Н. Андрианов, Б. Колубакин, И. Захарьин, И. Гржегоржевский, Ф. Валентини, Эсадзе, Романовский и многие другие представители официальной царской историографии. В основном их работы посвящены царским колонизаторам, самовлюбленным сановникам александровской [17-18] и николаевской России, таким, как инспектор Кавказской линии и главнокомандующий в Грузии, генерал-лейтенант князь Цицианов, главнокомандующие на Кавказе генерал-фельдмаршал граф Гудович, генерал-лейтенант Пауллуччи, генерал-лейтенант Ртищев, генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский и другие царские военачальники, презрительно относившиеся к народам Кавказа.

Официальная историография монархической России, проникнутая духом великодержавного шовинизма, презрительно третировала «нерусские» народы нашей Родины как «инородцев» и рассматривала «их лишь как объект русификации»²⁶.

Роль азербайджанских воинских иррегулярных формирований в изучаемых войнах в дореволюционной историографии не заняла сколько-нибудь значительного места и не получила объективного освещения. Не нашло должного отражения в ней также и стремление населения Азербайджана к дружбе с Россией. Если в некоторых работах дворянско-буржуазных историков (И. Гурьянов, Н. Ушаков, П. Ковалевский, Н. Дубровин, В. Потто и др.) и освещаются отдельные эпизоды участия азербайджанцев в боевых действиях русско-иранских и русско-турецких войн, то в основном эти эпизоды касаются действий представителей бекско-агаларского сословия Азербайджана, грузинского мтавадства или армянского меликства. Роль широких масс крестьян и ремесленников Азербайджана, Грузии и Армении, их активная поддержка русской армии сводились по существу на нет.

Лишь некоторые работы содержат отрывочные краткие описания действий «обывательских караулов из татар», «земских ополчений», «туземной милиции», «татарских

---

²⁵ П. О. Бобровский, История 13-го лейб-грендерского Эриванского полка за 250 лет; А. Л. Гизетти, Хроника Кавказских войск; Г. Казбек, Военная история грузинского грендерского полка; С. Скрутковский, Лейб-гвардии сводный полк на Кавказе в персидскую войну с 1826 по 1828гг.; Шабанов, История 13 лейб-грендерского Эриванского полка; И. И. Янжул, 80 лет боевой и мирной жизни 20 артиллерийской бригады.

²⁶ «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС».

ополчений», «конно-мусульманских полков» и т. п.²⁷.

Но и в этих работах основное внимание уделяется роли феодально-клерикальных элементов: ханов, беков, агаларов, наибов, векилей, азнауров, тавадов, князей, меликов, муштеидов, патриархов, экзархов, католикосов и их приверженцев.

Справедливо писал В. И. Ленин, что «прежние теории не охватывали как раз действий масс населения». Дворянско-буржуазные авторы в своих работах не рассматривали «совокупность всех противоречивых тенденций». О классовой ограниченности и тенденциозности дореволюционных исследований [18-19] В. И. Ленин сказал, что они «в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»²⁸.

Многовековое господство иранских феодалов, феодальная раздробленность Азербайджанских владений, нескончаемые междоусобицы и разорительные войны, жестокая колониальная политика русского царизма, низкий уровень экономического и культурного развития не могли служить благоприятной почвой для изучения истории страны и ее историографии. Этим и объясняется ограниченность исторических трудов в рассматриваемый период и в течение всего XIX в.

В работе использованы сочинения Ахмед-бека Джеваншира, Гаджи Шейх Гасана Моллазаде Гянджеви, Мирза Хасана Эфенди Алкадари²⁹.

Эти авторы в своих работах, незначительных по научным достоинствам и представляющих собой компиляции азербайджанских историографов-хронистов XIX в., выражали интересы царизма, помещиков, капиталистов и местных эксплуататорских классов. Конец XIX - начало XX в. знаменовали собой дальнейшее усиление колониального и национального гнета русского царизма на окраинах империи, в том числе и в Азербайджане. Вместе с тем к этому времени права и привилегии местных господствующих классов, ущемленные в первый период после присоединения Азербайджана к России, были намного расширены и укреплены. Наряду с этим участь широких масс населения и особенно крестьянства, ожидавшего избавления от гнета местных феодалов и улучшения экономического положения, намного ухудшилась. Хотя после реформы царского правительства 1870 г. крестьянство Азербайджана было «освобождено», но фактически оно не имело ни земли, ни свободы³⁰.

Авторы названных работ принадлежали к числу местных эксплуататоров, получивших при царизме права и привилегии. Именно эта причина определяла их взгляды, и потому в своих работах они восхваляли русский царизм, его порядки и отношение к господствующим классам Азербайджана.

Западноевропейские буржуазные историки, а также иранские и турецкие историки XIX и XX вв. представляют события первой трети XIX в. в Закавказье, Иране и Турции в крайне ложном свете. Они стремятся обелить реакционную, колониальную сущность политики европейских держав в восточном вопросе и оправдать захватнические устремления шахского Ирана и [19-20] султанской Турции в Закавказье, отрицая исторически прогрессивное значение присоединения его к России.

Однако при тщательном изучении работ зарубежных историков мы можем проследить и некоторую объективность в трактовке роли народов Закавказья в русско-иранских и русско-турецких войнах первой трети XIX в., а следовательно, и признание факта стремления народов Закавказья к присоединению к России.

Зарубежные историки обычно приписывают России роль главной виновницы всех политических и военных конфликтов, имевших место на Среднем Востоке. При этом оправдываются колониальные цели и захваты чужих территорий британской и французской буржуазией, Иранскими и турецкими феодалами. Такой трактовкой русско-иранских и русско-турецких отношений первой трети XIX в. отличаются работы немецких историков XIX в.: «История России и европейская политика с 1814 по 1831 г.» Т. Бернгарди, «Закавказье» Гартгауфена, «Александр I, император России» Румпфа, «Россия в начале XIX столетия» Фосса,

²⁷ Во всем тексте под выражением «татары» следует понимать азербайджанцев, которых так называли царские колонизаторы. Это определение вошло в оборот не только в официальной переписке царской военной и гражданской администрации, но и в художественной литературе России XIX-XX вв. (Пушкин, Лермонтов, Толстой). См.: Н. Ф. Дубровин, «История войны и владычества русских на Кавказе»; «Утверждение русского владычества на Кавказе» под ред. В. А. Потто; В. А. Потто, История 44-го драгунского Нижегородского полка; Шабанов, История 13 лейб-гренадерского Эриванского полка, Казбек Г., Военная история Грузинского гренадерского полка; П. И. Ковалевский, Завоевание Кавказа Россией.

²⁸ В. И. Ленин, Карл Маркс, стр. 57.

²⁹ Джеваншир Ахмед-бек, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 г.; Гаджи Шейх Гасан Моллазаде Гянджеви, Зубдат-ут-Таварих, тт. III-IV; Алкадари Гассан, Асари-Дагестан.

³⁰ См.: И. М. Гасанов, Частновладельческие крестьяне в Азербайджане в первой половине XIX в., стр. 234.

«Русско-турецкие войны в Европе и Азии в сравнении с соответствующими 1828 и 1829 годами» Штейнле, «История османского государства в последнем столетии» Шмайндлера, «Воспоминания о турецком походе 1828 - 1829 годов» Зейдлица, «Описание русско-турецкого похода в 1828 году в Европе и Азии» Витцлебена, исторический обзор русского казачества, изложенный в книге «Казачи в их историческом развитии и их современное положение»³¹.

Кавказской проблеме и иранскому вопросу посвящены две работы австрийского историка второй половины XIX в. Оттокара фон Шлехта Вссерда: «Борьба между Персией и Россией в Закавказье с 1804 до 1813 года» и «Последняя русско-персидская война (1826-1828 гг.)»³². Основное внимание в его работах уделяется сугубо военной стороне вопроса (сила сторон, динамика сражений, действия отдельных отрядов и полков противников в период обеих войн). Особенный интерес представляет первая работа О. Вссерда, в которой говорится о борьбе населения Азербайджана совместно с русской армией против иранских захватчиков. При всей тенденциозности по отношению [20-21] к России О. Вссерд отмечает стремление к переходу на сторону России многих азербайджанских владетелей. В частности, автор упоминает о переходе в январе 1804 г. Насиб-султана Шамшадильского со своим конным ополчением на сторону русских войск и вооруженной помощи этого ополчения русским войскам при взятии крепости Ганджи. Описывая опустошительное нашествие иранских войск на Азербайджан, О. Вссерд подчеркивает ненависть населения к иноземным захватчикам³³.

Много внимания вопросам проникновения французского влияния в Иран, Турцию и Закавказье в начале XIX в. уделяет французская историография. Большинство своих работ французские историки посвятили событиям начала XIX столетия в Иране и в Закавказье и только некоторые - периоду русско-турецкой войны 1828 - 1829 гг. Среди них можно назвать следующие: «История Александра I, императора Всероссийского, и основных событий его царствования» Альфонса Раббе, «Русские в Малой Азии в 1723-1877 гг.» Леграна, а также работы французских буржуазных историков XX в., таких, как Дрио, Лакост и др.³⁴.

Для этих работ характерно тенденциозное освещение роли России в Закавказье и оправдание колониальной политики наполеоновской Франции и захватнических устремлений каджарского Ирана. Однако авторы этих трудов все же вынуждены признать симпатии части населения Азербайджана к союзу с Россией и его активное участие в вооруженной борьбе против иноземных захватчиков как в составе русской армии, так и самостоятельно. Факты участия азербайджанцев в русско-иранских и русско-турецких войнах первой трети XIX в., приведенные в работах французских авторов, отрицавших прогрессивные последствия присоединения закавказских народов к России, тем более убедительны.

Характеризуя ратные способности азербайджанцев, Раббе отмечает, что их «воинственная доблесть - превосходный спутник душевного благородства». Он признает, что «такой народ побеждает всегда»³⁵.

В отличие от французской, английская буржуазная историография XIX-XX вв. более тенденциозна. Из множества работ английских авторов можно назвать «Положение Турции в настоящее время» Торнтон, «Персия и персидский вопрос» Керзона, «Турция и ее ресурсы...» Уркварта, «Турецкая империя и ее наследники» Миллера, «Кавказское поле битвы» Аллена, «Британия и Средний Восток» Булларда, «Восточный вопрос» [21-22] Мариотта, «История Персии» Сайка³⁶. Эти историки сводят все разорительные нашествия иранских и турецких полчищ на Азербайджан, Грузию и Армению к исключительно оборонительным мерам,

³¹ T. Bernhardt, Geschichte Russlands und der europaischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831; A. Harthausen, Transkaukasien, T. 1-2; J. D. T. Rumpf, Alexander I. Kaiser von Russland; C. D. Voss, Russland beim Anfang des XIX Jahrhunderts; N. Steinle, Die russisch-turkischen Kriege in Europa und Asien verglichen mit jenen in den Jahren 1828 und 1829; D. Schmeindler, Geschichte des Osmanischen Reiches im letzten Jahrzehnt; C. Seidlitz, Zur Erinnerung an den turkischen Feldzug aus den Jahren 1828 und 1829; F. A. Witzleben, Darstellung des russisch-turkischen Feldzuges im Jahre 1828 in Europa und Asien, vol. 1 - 2 «Die Kosaken in ihrer geschichtlichen Entwicklung und gegenwertigen Zustanden».

³² D. Wssehrd, Die Kampfe zwischen-Persien und Russland in Transkaukasien seit 1804 bis 1813; Idem, Der letzte persisch-russische Krieg (1826 - 1828).

³³ O. Wssehrd, Die Kampfe zwischen Persien und Russland in Transkaukasien seit 1804 bis 1813, S. 5, 11, 12.

³⁴ A. Rabbe, Histoire d'Alexandre I-er empereur de toutes les Russies, et des principaux evenements de son regne; M. Legrand, Les Russes en Asie Mineure 1723-1877; E. Driau, La Question d'Orient; R. Lacoste, La Russie sovietique et la question d'Orient.

³⁵ A. Rabbe, Histoire d'Alexandre I-er..., стр. 214.

³⁶ T. Thornton, The Present State of Turkey G. Curzon, Persia and the Persian Question; D. Urquhart, Turkey and its Resources, W. Miller, The Ottoman Empire and its Successors (1801-1927), W. Allen, Caucasian Battle-field; R. Bullard, Britain and Middle East; F. A. R. Marriott, The Eastern Question; P. M. Sykes, A History of Persia, vol. II

вызванным якобы агрессивными действиями России. Они нередко правильно освещают политику Франции на Среднем Востоке. Так, Сайке признает, что «Франция (в 1802 г. - *Х. М. И.*) сделала попытку начать переговоры (с Ираном. - *Х. М. И.*)... через своих активных консульских агентов... в течение многих лет неустанно следовавших курсом политических авантюр, покрывая сетью утонченных интриг всю Западную Азию». Он не отрицает, что «в 1804 г. правительство (Франции - *Х. М. И.*) предложило (Ирану - *Х. М. И.*) свое участие в союзе против России», а в 1805 г. уже более конкретно, «зная, что потеря Грузии глубоко взволновала Иран», через своего полномочного посланника полковника Ромье, заявило о своей готовности силой оружия вернуть Ирану потерянные провинции Грузии и Азербайджана ценой отказа шаха от союза с Англией и при условии, если «в Индию вторгнутся объединенные французская и иранская армии». При рассмотрении же вопроса английского проникновения в Иран, в Закавказье, и в частности в Азербайджан, в начале XIX в. бросается в глаза идеализация политики Англии. Сайке подтверждает непогрешимость британской политики в Иране и в Закавказье, пытаясь доказать, что «английская политика всегда была удачной», ибо она была на стороне Ирана, которому предлагала «защиту британской короны». Между тем история знает немало фактов коварных действий английской дипломатии, приводивших к неоднократным военным столкновениям между Ираном и Россией.

То, что английские колонизаторы сыграли не последнюю роль в развязывании русско-иранских войн первой трети XIX в. и в возобновлении их прерывающихся кампаний, признает и сам Сайке, подчеркивая, что «только любезностью нельзя связать России руки»³⁷. Такое заявление было сделано английским агентом при тегеранском дворе Харфордом Джонсом, предложившим Фетх-Али-шаху от имени короля Великобритании «союз с ежегодным ассигнованием в 160000 туманов (120000 фунтов), пока Великобритания будет находиться в состоянии войны с Россией, и британских офицеров, которые обучат иранскую армию»³⁸.

Американская историография поддерживает излюбленную концепцию почти всех зарубежных историков об извечном стремлении [22-23] России к территориальным продвижениям и к проникновению в британские владения в Индии. Многочисленным провокациям и подстрекательствам английских и французских колонизаторов в Иране и Турции и натравливанию их на Россию американская буржуазная историография придает оборонительный характер, сваливая всю вину за дипломатические и военные конфликты на Россию.

Известно, что английский кабинет оправдывал колониальную сущность всех своих деяний в Турции миротворческой «проповедью» защиты Османской империи. Эту же линию в восточном вопросе развивает и американский историк Франк Эдгар Бейли в своей книге «Британская политика и турецкое реформистское движение»³⁹, изданной в Кембридже в 1942 г. Он пишет: «Британская политика сохранения „территориальной целостности турецкой империи“ давно была воспринята как неотъемлемая часть внешней политики Англии на всем протяжении XIX столетия». Бейли утверждает, что «защита Турции стала основным принципом внешней политики Великобритании»⁴⁰ в XIX в., тогда как в действительности все деяния британского правительства сводились к установлению его господства над Османской империей, владевшей важными военными и торговыми коммуникациями на Ближнем и Среднем Востоке, включая бассейн Средиземного моря.

Другой американский буржуазный историк, Хоскинс, в своей работе «Британские пути в Индию», изданной в Нью-Йорке в 1928 г., настолько фальсифицирует вопрос проникновения Англии в Иран, Турцию и Закавказье, что доходит до абсурда, приписав Англии «оборонительную роль на Ближнем Востоке» в первой трети XIX столетия⁴¹.

Подобных же взглядов придерживаются и другие представители реакционной американской буржуазной историографии, в частности Дэвис, автор работы «Краткая история Ближнего Востока», изданной в Нью-Йорке в 1923 г.⁴²; Гордон, автор работы «Американо-турецкие отношения 1830-1930», изданной в Филадельфии в 1932 г.⁴³, и др.

³⁷ P. M. Sykes, A History of Persia, vol. II, стр. 401 (под Грузией Сайке подразумевает все Закавказье, включая и Азербайджан).

³⁸ Там же, стр. 405.

³⁹ F. E. Bailey, British Policy and the Turkish Reform Movement

⁴⁰ Там же, стр. 39.

⁴¹ H. L. Hoskins, British Routes to India, стр. 146.

⁴² W. S. Davis, A Short History of the Near East.

⁴³ L. T. Gordon, American Relations with Turkey 1830-1930, and Economic Interpretation.

Современная американская реакционная буржуазная историография, искажая историческую действительность, пытается навязать версию о том, что только после русско-турецкой войны 1828-1829 гг., «когда Россия и Франция были сильны в восточной части Средиземного моря, в Лондоне была принята другая политика и решение защитить и сохранить турецкое государство и особенно его столицу, Константинополь, стало краеугольным камнем английской внешней политики для второй половины [23-24] века»⁴⁴. Следует отметить, что в начале и на протяжении всей первой трети XIX в., насыщенной русско-иранскими и русско-турецкими войнами, Англия действовала в Иране, Турции и Закавказье не менее активно, чем во второй половине XIX в.

Из иранской исторической литературы начала XX в. в работе использована книга Фируги «Тарихи-Иран» («История Ирана») ⁴⁵.

В сочинениях иранских историков игнорируется роль народных масс и классовой борьбы в Иране и Закавказье, восхваляется династия Каджаров и особенно наследник престола Аббас-Мирза, фальсифицируется история русско-иранских войн изучаемого периода. Вопрос вмешательства Англии в русско-иранские отношения и значительная роль Ост-Индской компании в развязывании как первой, так и второй русско-иранских войн ими почти обходится.

Характерно, что почти все иранские историки приводят весьма несостоятельные, случайные причины в оправдание многочисленных поражений иранской армии в русско-иранских войнах. Например, Мухаммед Таги-хан Мустауфи, оправдывая «неудачи» Аббас-Мирзы, писал: «Невзирая на продолжительность военных действий, по причине малочисленности иранских войск он (Аббас-Мирза. - Х. М. И.) не смог выйти из войны победителем» ⁴⁶.

Между тем ни в одном из сражений русско-иранской войны 1826-1828 гг. русская армия не имела численного превосходства над иранской, а, напротив, была в два раза меньше ее. Иранские войска, вторгшиеся в пределы Закавказья 16 (28) июля 1826 г., составляли 35 «сарбазских» и «джамбазских» (пехотных) батальонов численностью до 38 тыс. человек⁴⁷. Кроме того, вассалы иранского шаха готовили выставить ему на помощь около 180 тыс. пеших и конных воинов⁴⁸. Русское же командование в состоянии было противопоставить армии неприятеля только около 7 тыс. штыков пехоты и не более 3 тыс. регулярной кавалерии и казаков⁴⁹, кроме ополчений из местного населения.

Из иранской военно-исторической литературы в нашей работе привлечено исследование Джамии Гузанлу «Военная история Ирана» ⁵⁰. [24-25]

Современная буржуазная историография Ирана, традиционно придерживающаяся аналогичных тенденций, за последнее время пополнилась новыми работами, в которых фальсифицируются события русско-иранских войн первой трети XIX в. и извращается вопрос присоединения Азербайджана и всего Закавказья к России.

К этим работам можно отнести «Историю политики и дипломатии Ирана» проф. Али Акбара Бина, многотомное исследование проф. Махмуд Махмуда «История политических связей Ирана с Англией в XIX веке», работу профессора Тебризского университета Ахмеда Таджбахша «Русско-иранские отношения в первой половине XIX в.», исследование Насира Наджми «Иран в буре, или Наследный принц Аббас-Мирза и русско-иранские войны», изданное в Тегеране в 1961 г.⁵¹.

Современные иранские буржуазные историки придерживаются ошибочной концепции при рассмотрении русско-иранских отношений и особенно в освещении русско-иранских войн. Они оправдывают реваншистские устремления Фетх-Али-шаха и Аббас-Мирзы против России. Главное внимание современных иранских буржуазных историков уделяется истории русско-иранской войны 1826-1828 гг. Это понятно, ибо именно с окончанием этой войны был завершён процесс присоединения Закавказья к России, был положен конец разорительным походам Каджаров против народов Закавказья, а статьи Туркманчайского договора укрепили стратегическое положение царской России, усилили ее политическое и экономическое положение

⁴⁴ Н. Л. Hoskins, British Routes to India, стр. 135.

⁴⁵ Фируги, Тарихи-Иран, Тегеран, 1904.

⁴⁶ Мухаммед Таги-хан Мустауфи, Сипарх-и Насих ат-таворих, стр. 201.

⁴⁷ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 69.

⁴⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 72 (рапорт Ермолова царю 13.VIII.1826).

⁴⁹ «Кавказский сборник», т. XXII - Материалы для описания Персидской войны (Записки Коцебу), см. также В. А. Потто, История 44 драгунского Нижегородского полка, т. III, стр. 2 - 4

⁵⁰ Джамил Гузанлу, Тарих-и Низами-йи Иран, дж. 2.

⁵¹ Али Акбар Бина, Тарих-и сийаси ва диплома Си-йи Иран дж. 1; Махмуд Махмуд, Тарихи-и равабит-и Иран ва Инклиси дар карн-и нуздахум-и милади, дж. 1, чап. 2; Ахмед Таджбахш. Равабит-и Иран ва Русийе дар нима-йи аввал-и карн-и нуздахум-и милади, Насир Наджми, Иран дар мийан-и туфан йа торх-и зандагани-йи; Аббас Мирза Наиб ас-Салтане, Джангха'йи Иран ва русийе.

в Иране и на всем Среднем Востоке. Позициям Англии был нанесен чувствительный удар. С ростом анти-колониальной и национально-освободительной борьбы народов Востока в современной иранской историографии появились тенденции пересмотра прежних концепций, выразившиеся в более объективном подходе к освещению русско-кавказских взаимоотношений и истории русско-иранских войн⁵². Также наблюдаются попытки разоблачения двуликой, подстрекательской и экспансионистской политики Англии и Франции на Среднем Востоке в конце XVIII - первой трети XIX в. и их вмешательства в отношения России с Кавказом, Ираном и Турцией⁵³.

Из всех перечисленных работ современных иранских буржуазных историков более всего наше внимание привлекло исследование Насира Наджми «Иран в буре, или Наследный принц Аббас-Мирза и русско-иранские войны», посвященное непосредственно русско-иранским войнам первой трети XIX в. [25-26]

Из работ турецких историков нами использованы хроники Абдуррахмана Шерефа «История османского государства от создания до 1855 г.» (т. 1-2, Стамбул, 1897-1899), Алтынай Ахмеда Рефика «Всемирная история» (т. 1-4, 6, Стамбул, 1912-1913), Языксыз Неджиб Асима «История турок» (Стамбул, 1898), Ахмеда Расима «История османов» (т. 4, изд. 1-е, Стамбул, 1915).

Названные труды в научном отношении не представляют большой ценности. Авторы упомянутых хроник - придворные историки, и главный смысл войн против России они видели в борьбе защитников «знамени ислама» против «гяуров», т. е. против христиан. Однако в некоторых из этих сочинений встречаются и объективные оценки фактов из истории русско-турецких войн изучаемого периода⁵⁴ и о действиях отдельных протурецки и проирански настроенных феодалов Закавказья в пользу Турции и Ирана⁵⁵.

Вопросы, рассматриваемые в настоящем исследовании, не затронуты авторами турецких хроник. Больше того, ими не освещено даже отношение населения самой Турции к русско-иранским и русско-турецким войнам.

Буржуазная историография Турции периода 30-х годов XX в. представлена четырехтомным коллективным исследованием «Тарих»⁵⁶. В нашей работе привлечен третий том этого труда, посвященный новой и новейшей истории. Из работ, изданных в 40-х годах, наше внимание привлекли исследования турецких буржуазных историков Юсуфа Акчура «Распад османского государства (XVIII и XIX вв.)», Окчу Яхья «История турецко-русских противоречий с XIII в. по настоящее время», Кёктен Кылыча «Предыстория Карса» и работа армянского буржуазного историка Галуста Арапьяна «Жизнь и подвиги рушукского аяна, Мустафы паши Байрактара. Конец XVIII - начало XIX в», написанная в Турции и переведенная с армянского на турецкий язык Эсатом Урастом.

Из турецких работ, выпущенных в свет в 50-х годах XX в., можно назвать исследования буржуазных историков Курата Акдес Нимета, Кочу Решад Экрема, Тюльбентчи Феридуна Фазыла, Акшита Ниязи, Карала Энвер Зии, Шакира Зии, Унала Тахсина⁵⁷, а также многотомное исследование Исмаила Хаккы [26-27] Узунчаршылы «История Турции», из которого мы использовали первую и вторую части IV тома⁵⁸.

Современная буржуазная историография Турции за последние годы пополнилась рядом исследований по истории русско-турецких отношений и войн первой трети XIX в.⁵⁹

Для работ современной буржуазной турецкой историографии характерны общие тенденции - искаженное представление о характере взаимоотношений народов Кавказа с Россией, отрицание прогрессивной роли последней в судьбах этих народов, извращенная трактовка русско-турецких войн рассматриваемого периода, замалчивание фактов, свидетельствующих о поддержке населением Закавказья русской армии, преувеличение сил и влияния тех личностей из числа

⁵² См.: Ахмед Таджбахш, Равабит-и Иран...

⁵³ См.: Али Акбар Бина, Тарих-и сийаси...

⁵⁴ Ахмед Расим, Османлы Тарихи, стр. 1860-1863.

⁵⁵ Там же, стр. 1632 - 1634.

⁵⁶ Tarin, TTT cemiyeti tarafindan yazilmistir. Cilt, 1 - 4.

⁵⁷ I. Akçura, Osmanlı devletinin dağılma devri (18 ve 19 cu asırlarda); Y. Okcu, Turk-Rus mucadelesi tarihi; K. Kokten, Karsin tarih oncesi; K. Arapyan, Rusçuk ayani Mustafa paşa nin hayati ve kahramanliklari; Akdes Nimet Kurat, Turk-ingiliz munasebetlerine kısa bir bakiş (1563-1953); Koçu Reşad Ekrem, Turk zaferleri; Tulbentçi Feridun Fazil, Buyuk, tark zaferleri; Niyazi Akşit, Tarih; Karal Enver Ziya, Yeni ve yakin çağlar tarihi; Şakir Ziya, Tanzimat devrinden sonra Osmanlı nizam ordusu tarihi; Unal Tahsin, 1700-den 1958-e kadar Türkiye siyasi tarihi.

⁵⁸ İ. Uzunçarşılı, Osmanlı tarihi.

⁵⁹ Enver Behnan Şapolyo, Yeni ve yakin çağlar ve Türkiye tarihi; Uçok Coşkun, Siyasi tarih. 1789-1950, Comaglu Semsettin, Çanakkale bogazi ve savaşlari; Göktürk İzzettin Mete, Tarihimizin satvety ve cihandaki yerimiz; Fahir H. Armaoglu, Siyasi tarih dersleri 1789-1919.

феодалной верхушки Кавказа, которые пошли на служение к султану, изображение народов Кавказа и в том числе азербайджанского народа в качестве извечных врагов России и русского народа. Перечисленными недостатками страдают работы Исмаила Хаккы Узунчаршылы, Энвера Бехнана Шапольо, Энвера Зия Карала, Тахсина Унала, Армаоглу Х. Фахира и др. Ни в одной из названных работ не затронуты вопросы участия в войнах в составе русской армии населения Закавказья, его воинских формирований. Не коснулись турецкие ученые и отношения населения Закавказья к воюющим сторонам. Характерно, что инициатива в развязывании войн и вина за все дипломатические и военные конфликты между Россией и Турцией, как правило, приписываются исключительно России. Говоря о виновности России в развязывании русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Тахсин Унал пишет: «Русские знали, что флот погиб, в казне не осталось денег. Они вынудили Османское государство вступить в войну в самый момент ослабления, с целью получения больших выгод»⁶⁰. Освещая историю англо-турецких военных союзов на протяжении XVIII-XIX вв., другой турецкий историк, Акдес Нимет Курат, также обвиняет Россию в агрессивности. «Перед лицом защиты от русских, - пишет Курат, - турецкое правительство считало резонным сближение с Англией»⁶¹. Между тем неопровержимые исторические факты свидетельствуют о непрерывных военных походах турецких феодалов против России и народов Кавказа в течение первой трети XIX в. и об агрессивных колониальных устремлениях Англии и Франции на Среднем Востоке, в Турции и на Кавказе. Неверно освещено в работах некоторых [27-28] турецких историков и отношение русского народа в целом к русско-турецким войнам вообще и к войнам первой трети XIX в. в частности.

В работах турецких историков отсутствует социально дифференцированный анализ, нет различия позиций отдельных слоев населения как России, так и Кавказа по отношению к войнам. Не видя большинства народа, отрицательно относившегося ко всем войнам, которые вела царская Россия, Энвер Зия Карал отождествляет с ним господствующие классы, дворянско-купеческие слои, заинтересованные в новых завоеваниях царизма⁶². Работы некоторых современных турецких буржуазных историков насыщены духом апологии военных походов турецких феодалов против России и народов Кавказа, что унаследовано авторами от придворных султанских хронистов XIX в. Разорительные походы турецких феодалов в Закавказье оправдываются этими историками «необходимостью спасения славы ислама»⁶³.

Отдельные работы отличаются крайне ложными оценками успехов турецкой армии и ее боевых качеств. Решад Екрем Кочу в большом историческом приложении к газете «Миллиет» с громким названием «Победы, одержанные в истории турками» провозглашает, что «победы, завоеванные веками турецкой армией, не имеются в истории ни одной нации». Оценивая боевые качества турецкой армии, он считает, «что турецкая армия всегда была лучшей в мире»⁶⁴. Характерно, что это «большое историческое приложение» к газете «Миллиет» посвящено памяти погибших в грязной войне в Корее турецких солдат, направленных туда по воле американских империалистов.

История русско-турецких войн как в XVIII, так и в XIX в. свидетельствует о бесконечных поражениях турецкой армии, несмотря на численное превосходство ее и эффективную помощь со стороны Англии, Франции, Австрии и Пруссии.

Выступая с клеветой на народы Кавказа, на их взаимоотношения с Россией, турецкие современные историки прибегают к ссылкам на старые работы, на их якобы достоверность и «объективность». Вместе с тем в современной турецкой историографии наблюдаются попытки объективного подхода к оценке и освещению русско-кавказских взаимоотношений и истории русско-турецких войн первой трети XIX в. Это характерно для работ Юсуфа Акчура, Ниязи Акшита, Акдес Нимета Курата, Исмаила Хаккы Узунчаршылы, Шакира Зия. Освещая историю русско-турецкой войны 1806-1812 гг., Ниязи Акшит, например, признает, что «Османское государство, надеясь на дружбу с Францией, открыло эту войну»⁶⁵. Довольно объективно пишет об английской помощи Турции в конце XVIII - начале XIX в. [28-29] Акдес Нимет Курат. «Адмиралом Нельсоном, - отмечает он, - в Турцию был послан артиллерийский инженер, которому была предоставлена должность в Турции». Курат не отрицает усилий Турции и Англии в начале XIX в. в деле расширения возможностей «для более тесных сношений между этими двумя

⁶⁰ Unal Tahsin, 1700-den 1958 - e kadar Turkiye siyasi tarihi, стр. 95.

⁶¹ Akdes Nimet Kurat, Turk - ingiliz munasebetlerine....

⁶² Karal Enver Ziya, Yeni ve yakin çaglar tarihi, стр. 119.

⁶³ Fahir H. Armaoglu, Siyasiya tarih dersleri..., стр.144

⁶⁴ Koçu Reşad Ekrem, Turk zaferleri, стр. 2.

⁶⁵ Niyazi Akşit, Tarih, стр. 186.

государствами»⁶⁶. Весьма объективно о вине Турции в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. пишет Шакир Зия⁶⁷.

Наряду с этой новой тенденцией в современной турецкой историографии появились стремления критического подхода к освещению роли Англии, Франции, Австрии и Пруссии в русско-турецких противоречиях первой трети XIX в. и попытки обвинить западные державы в экспансионистской политике на Среднем Востоке, подстрекательстве и натравливании Турции против России. Больше того, некоторые современные турецкие историки (Энвер Зия Карал, Фахир Х. Армаоглу, Тахсин Унал, Ниязи Акшит и др.) пытаются разоблачить двойственную, предательскую политику правительств Англии и Франции, в частности Наполеона Бонапарта, по отношению к Турции и обвинить их в поражениях, которые Турция терпела в войнах с Россией в первой трети XIX в. Исмаил Хаккы Узунчаршылы, рассматривая русско-турецкие отношения в конце XVIII в., обвиняет правительства Англии, Франции, Пруссии и Австрии в том, что они «натравливали против нее (России. - *Х. М. И.*) Османскую империю»⁶⁸. Фахир Х. Армаоглу при всей тенденциозности в освещении истории русско-турецкой войны 1806-1812 гг. признает, что «Себастиани, посол Франции в Стамбуле, прилагал усилия, чтобы вовлечь Османское государство в войну»⁶⁹. Тахсин Унал с раскаянием пишет: «Поверив французам и их помощи, мы приняли их сторону» в 1806 г. Подвергнув критике политику Франции на Среднем Востоке в начале XIX в., Унал пишет, что «Наполеон, став врагом России в 1801 году, приступил к натравливанию турок против русских и англичан». Анализируя причины русско-турецкой войны, Тахсин Унал отмечает, что «он (Наполеон. - *Х. М. И.*) толкнул нас на войну с Россией 1806-1812гг.»⁷⁰.

О двойственной, подстрекательской политике Наполеона пишет и Ниязи Акшит. «Османь, - говорит он, - изучив содержание Тильзитского и Эрфуртского договоров, поняли всю бесполезность союза с Францией»⁷¹.

При всех недостатках работы зарубежных историков содержатся значительный материал по русско-иранским и русско-турецким войнам, а также истории Закавказья. [29-30]

* * *

Реакционная и агрессивная внешняя политика российского царизма всегда вызывала критику советских историков. Выдающийся советский историк старшего поколения М. Н. Покровский еще в дореволюционное время в своих блестящих, но не лишенных противоречивости статьях, вошедших в сборник «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» (М., 1924), подверг критике классовую сущность внешней политики российского царизма. Он критиковал дореволюционных официальных историков, стремившихся с целью апологии внешнеполитического курса царизма использовать героические традиции русского народа.

Известно, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин постоянно разоблачали и обнажали экспансионистскую внешнюю политику российского царизма, клеймили позором все мерзости колониального, социального и национального гнета, которому подвергались народы окраин Российской империи, однако они видели и другую Россию, революционно-демократическую, ее прогрессивное влияние на народы Востока, ее «цивилизаторскую роль» по отношению к народам Кавказа. Труды основоположников научного коммунизма послужили методологическим фундаментом для настоящего исследования.

Опираясь на указания классиков марксизма-ленинизма, советская историческая наука создала цельную концепцию об агрессивной сущности политики царизма и западноевропейских государств в странах Востока, раскрыла происхождение каджарского Ирана и султанской Турции на Кавказе. Советские историки определили прогрессивный характер процесса присоединения нерусских народов к России, выявили значение того факта, что, несмотря на субъективные намерения царских колонизаторов, присоединение отдельных национальных районов, в том числе Азербайджана, к России сыграло объективно прогрессивную роль в их исторических судьбах.

В настоящем исследовании автор опирается на значительные достижения советской исторической науки и, в частности, ее военно-исторические труды.

⁶⁶ Akdes Nimet Kurat, *Türk-İngiliz Münasebetlerine...*, стр. 14.

⁶⁷ Şakir Ziya, *Tanzimat...*, стр. 19.

⁶⁸ I. Uzunçarşılı, *Osmanlı Tarihi*, IV cilt, 1 kısım, стр. 629.

⁶⁹ Fahir H. Armaoglu, *Siyasi tarih dersleri*, 1789-1919, стр. 82.

⁷⁰ Unal Tahsin, 1700-den 1958 - e kadar Türkiye siyasi tarihi, стр. 66, 67, 69.

⁷¹ Niyazi Akşit, *Tarih*, стр. 186.

При всем этом военно-политические вопросы истории Азербайджана первой трети XIX в. до сих пор не были предметом самостоятельного исследования. В частности, советскими историками не разработаны вопросы участия населения и иррегулярных формирований Азербайджана в русско-иранских и русско-турецких войнах на стороне России, внутренней борьбы в ханствах Азербайджана между сторонниками ориентации на Россию и противниками ее. Эти вопросы были затронуты в общих трудах лишь в связи с другими проблемами.

Различным аспектам истории присоединения Закавказья к России посвящены многочисленные монографии, коллективные [30-31] труды, научные статьи и другие исследования советских историков.

Истоки и предпосылки присоединения Азербайджана и всего Закавказья к России, ее политики на Среднем Востоке, противоречия внутри отдельных владений и другие вопросы, связанные с предпосылками, обусловившими в конечном итоге присоединение Закавказья к России, исследуются в монографиях О. П. Марковой «Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в.»; Г. Б. Абдуллаева «Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией»; А. Р. Иоаннисяна «Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия»; Д. В. Гваритишвили «Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии (сатавадо-синьории)» и в других работах советских ученых. Большим достоинством названных исследований советских историков является широта исторического фона, что помогло нам правильно понять политику царской России в Закавказье в конце XVIII - первой трети XIX в., определить ее роль и место в международных отношениях изучаемого периода, а следовательно, определить роль и место Азербайджана и всего Закавказья в восточной политике соперничавших держав.

Общие вопросы проблемы присоединения Закавказья, и в частности Азербайджана, к России нашли свое отражение в капитальных трудах советских ученых⁷², в статьях⁷³ и в других исследованиях. Большая работа в этом направлении проведена коллективом азербайджанских историков, плодом многолетних поисков и исследований которых явилась «История Азербайджана», т. 2.

Прогрессивные экономические последствия присоединения Азербайджана к России рассмотрены и освещены в монографических исследованиях А. С. Сумбатзаде «Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в.»; И. М. Гасанова «Частновладельческие крестьяне в Азербайджане в первой половине XIX в.», в работах М. М. Эфендиева⁷⁴.

Прогрессивное влияние присоединения Азербайджана к России на экономическое и культурное развитие азербайджанского [31-32] народа рассмотрено в работе «Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры» под редакцией А. Н. Гулиева и В. Д. Мочалова. Книга явилась плодом многолетнего кропотливого труда авторского коллектива азербайджанских историков, философов и критиков в составе М. Д. Джафарова, М. А. Исмаилова, М. М. Касумова, А. С. Сумбатзаде.

Изучению политического строя Азербайджана XIX - начала XX в., преобразований, происшедших в нем после присоединения к России, посвящено исследование А. Ш. Мильмана «Политический строй Азербайджана в XIX - начале XX в.». Автор на широко использованном архивном материале с учетом его классово-тенденциозности и ограниченности прослеживает историю различных государственно-правовых институтов в Азербайджане, вскрывает подлинный смысл и значение основных законодательных актов, освещает государственно-правовую структуру общества. Значительное место автор уделит освещению преобразований, происшедших в экономической, политической и культурной жизни азербайджанского народа после присоединения Азербайджана к России. В их работах, исходя из положений марксистско-ленинской науки о том, что каждое явление следует «рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»⁷⁵, освещена роль Среднего Востока, в частности Ирана и Турции, а также Закавказья в системе международных отношений первой трети XIX в. Во всех этих исследованиях содержится богатый фактический

⁷² З. Т. Григорьян, Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в.; М. С. Иванов, Очерк истории Ирана; С. Б. Окунь, Очерки истории СССР, т. I-II; И. П. Петрушевский, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - начале XIX в.; его же. Колониальная политика царизма в Азербайджане в 20-60-х годах XIX в., т. I; Н. А. Смирнов, Политика России на Кавказе в XVI - XIX вв., А. В. Фадеев, Россия и Кавказ первой трети XIX в., Г. В. Хачапуридзе, К истории Грузии первой половины XIX в.

⁷³ Г. В. Хачапуридзе, Об историческом значении присоединения Грузии к России; Г. Г. Мехтиев, Историческое значение присоединения Азербайджана к России.

⁷⁴ М. М. Эфендиев, К вопросу об институте ранджбарства в Азербайджане в XIX в.; его же, Повинности и правовое положение владельческих райятов в Азербайджане в первой половине XIX в.

⁷⁵ В. И. Ленин, Письмо к Инессе Арманд от 30 ноября 1916 г. стр. 329

материал и сделаны весьма ценные выводы, без которых нельзя было разобраться в политической обстановке Кавказа и Закавказья изучаемого периода.

Наиболее значительными исследованиями из указанной группы работ являются монографии М. А. Игамбердыева, А. Р. Иоаннисяна, Н. С. Киняпиной, А. Ф. Миллера, О. П. Марковой, Л. С. Семенова и Е. Л. Штейнберга. Работа Н. С. Киняпиной обобщает важнейшие факты из области внешней политики России дореформенного периода. Автор удачно сочетает анализ внешней политики русского царизма с освещением истории войн, которые вела Россия в первой половине XIX в., в частности русско-персидской войны 1826-1828 гг. и русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Вполне оправдано значительное внимание автора к внешней политике России 1825-1849 гг. и истории Крымской войны. Интересны разделы книги, посвященные особенностям восточного кризиса второй половины 20-х годов XIX в. и восточному кризису 30-х годов XIX в.⁷⁶. Все эти вопросы решаются автором исходя из обширного фактического материала. [32-33]

Монография Л. С. Семенова ценна тем, что в ней освещена не одна дипломатическая история изучаемой проблемы, а охвачен весь комплекс дипломатических и экономических отношений между Ираном и великими державами на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Вызывает большой интерес совершенно новая трактовка автором истории выработки плана военной кампании русско-иранской войны 1827 г., когда столкнулись два проекта: генерала А. П. Ермолова и любимца царя - генерала И. Ф. Паскевича. Автор убедительно освещает причины оставления на Кавказе уже фактически смещенного с поста главнокомандующего А. П. Ермолова. В книге доказывается, что хотя к проекту Паскевича царь и Главный штаб отнеслись одобрительно, но все же они были вынуждены «принять отвечающий обстановке план Ермолова» и оставить его на Кавказе до полного обеспечения подготовки «к реализации этого плана»⁷⁷.

Некоторые вопросы военно-политической истории присоединения Закавказья, в частности Азербайджана, к России, заняли немало места и в дагестанской советской историографии⁷⁸. Среди этих работ по постановке вопроса ближе всего к теме исследования стоит монография В. Г. Гаджиева⁷⁹.

Несмотря на то что история русско-иранских и русско-турецких войн первой трети XIX в. освещена во многих работах советских историков, разработанность этих вопросов еще далеко не полная. События русско-иранской войны 1804-1813 гг. исследованы в упомянутых трудах З. Т. Григорьяна, в работе М. А. Игамбердыева, в статье Г. Г. Мехтиева, а также в названных монографиях А. Р. Иоаннисяна, О. П. Марковой, А. В. Фадеева, Г. В. Хачапуридзе, Е. Л. Штейнберга.

Русско-турецкая война 1806-1812 гг. анализируется в работе П. А. Жилина «Разгром турецкой армии в 1811 году»; в исследованиях закавказских историков: А. П. Иоселиани «Из истории боевого содружества русского и грузинского народов» (на груз, яз.); Г. А. Дзидзария «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX в.»; Ю. Г. Сафарова «Крах турецкой и персидской агрессии на Кавказе в начале XIX века». Монография П. А. Жилина посвящена одной из замечательных страниц победы русского оружия на заключительном этапе русско-турецкой войны 1806-1812 гг., достигнутой под командованием великого русского полководца М. И. Кутузова. Автор впервые в советской исторической литературе осветил деятельность М. И. [33-34] Кутузова на посту главнокомандующего молдавской армией, раскрыв силу этого крупнейшего полководца, выдающегося политика и искусного дипломата. Однако Кавказский театр войны не охвачен в книге, так как освещение его не входило в задачи автора, но выводы, сделанные П. А. Жилиным, вполне приемлемы для нашей монографии.

Работы А. П. Иоселиани и Г. А. Дзидзария охватывают события русско-турецкой войны 1806-1812 гг., касающиеся Западной Грузии.

В статье Ю. Г. Сафарова рассмотрены вопросы совместной борьбы русской армии и народов Кавказа против военно-феодальной экспансии султанской Турции в начале XIX в. Автор сделал важный вывод о том, что при помощи религиозных течений ислама, таких, как «суннизм, шиизм, суфизм, мюридизм и т. д. ...турецкие захватчики, за спиной которых стояли англо-французские

⁷⁶ Н. С. Киняпина, Внешняя политика России первой половины XIX в., стр. 119 - 268.

⁷⁷ Л. С. Семенов, Россия и международные отношения..., стр. 113.

⁷⁸ В настоящей работе использованы исследования: С. Ш. Гаджиева, Кумыки; В. Г. Гаджиев, Роль России в истории Дагестана; Р. М. Магомедов, Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - начале XIX вв.; И. Р. Нахшунов, Экономические последствия присоединения Дагестана к России; Х. М. Хашаев, Общественный строй Дагестана в XIX в.; «Очерки истории Дагестана», т. I.

⁷⁹ В. Г. Гаджиев, Роль России в истории Дагестана стр. 185-186, 193, 198-199, 203, 206. стр. 329

капиталисты, стремились поднять народы Кавказа на борьбу против России, отторгнуть Кавказ» от нее и включить его в состав Османской империи⁸⁰. С этим выводом вполне согласны и мы.

В работе Н. С. Киняпиной прослежена дипломатическая история русско-иранской войны 1826-1828 гг. Автор убедительно раскрывает историю дипломатической борьбы между Ираном и Англией, с одной стороны, и царской Россией - с другой, в период между двумя войнами (1813-1826 гг.). Не менее удачно Н. С. Киняпина рассматривает специальные военно-политические и стратегические вопросы темы⁸¹.

История русско-иранской войны 1826-1828 гг. освещена в работах И. Г. Антелава, З. Т. Григорьяна, И. К. Ениколопова, А. П. Иоселиани, М. А. Игамбердыева, Н. С. Киняпиной, М. Г. Нерсияна, Н. А. Тавакаляна.

События русско-иранской войны 1826-1828 гг. в связи с освещением дипломатической и военной деятельности Аббас-Кули-Аги Бакиханова затронуты в монографиях Ц. П. Агаяна и Г. Гусейнова⁸², в них же имеются некоторые сведения об участии азербайджанцев в войнах. Исследованию событий русско-иранской войны 1826-1828 гг. и роли в них армянских ополчений посвящена статья Н. А. Тавакаляна. Основным документом, на котором основывается автор при анализе формирования армянских ополчений, является «Предположение для сформирования армянских батальонов», которое явилось своеобразным уставом для этих батальонов⁸³. Интересны наблюдения автора о социальной структуре и снабжении этих ополчений. [34-35]

Значительным материалом по военно-политическим проблемам Среднего Востока начала XIX в. насыщена книга Е. Л. Штейнберга «История британской агрессии на Среднем Востоке». Вторая глава книги всецело посвящена этой проблеме в период наполеоновских войн. Автор на богатом фактическом материале, извлеченном в основном из фонда ВУА ЦГВИА и из французской исторической и мемуарной литературы, осветил историю острой борьбы Англии, Франции и России на Среднем Востоке. Причем в работе глубоко раскрываются происки английских колонизаторов на Кавказе, направленные против России. Враждебная деятельность Англии против России, как пишет Штейнберг, имела в виду не только укрепление британского влияния в самом Иране, а речь шла «о более обширных и далеко идущих планах: о проникновении в Закавказье и Туркмению, об усилении английского военно-стратегического контроля над Каспийским бассейном»⁸⁴.

Русско-турецкая война 1828-1829 гг. как в современной зарубежной, так и в советской историографии рассмотрена в основном в плане ее Балканского театра военных действий. Некоторая недооценка значения Кавказского театра этой войны с политической и стратегической точек зрения унаследована современной историографией от дореволюционной русской, западно-европейской и дореспубликанской турецкой историографии. Между тем анализ неопубликованных материалов привел нас к выводу, что Кавказский театр военных действий русско-турецкой войны 1828-1829 гг. имел немаловажное значение с Политической и стратегической точек зрения и победоносный исход этой войны для России во многом был обусловлен успешным наступлением частей Отдельного Кавказского корпуса в глубь Азиатской Турции.

В советской историографии перечень работ, посвященных истории военных действий на Кавказском театре этой войны, крайне ограничен. Как предмет специального исследования в связи с Грузией история этой войны рассмотрена единственно в статье И. Г. Антелава⁸⁵, написанной на грузинском языке. В статье Л. Н. Пентюхова⁸⁶ освещены действия лишь эскадры Черноморского флота и его военно-десантные операции в период войны 1828-1829 гг. Вопросы боевых действий сухопутных сил вовсе не затронуты автором и не входили в его задачи. Освещению кануна и хода русско-турецкой войны 1828-1829 гг. на Балканском театре, в связи с русско-австрийскими противоречиями, посвящена работа Н. С. Киняпиной⁸⁷. Ею же освещен дипломатический аспект этой войны в исследовании «Внешняя [35-36] политика России первой половины XIX в.». Автор уделяет внимание рассмотрению Балканского театра войны и, освещая ход военных действий,

---

⁸⁰ Ю. Г. Сафаров. Крах..., стр. 60

⁸¹ Н. С. Киняпина, Внешняя политика России..., стр. 131-141.

⁸² Ц. П. Агаян, А. Бакиханов; Г. Гусейнов. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX в.

⁸³ Н. А. Тавакалян. Роль армянского народа в русско-персидской войне 1826-1828 гг., стр. 140

⁸⁴ Е. Л. Штейнберг, История британской агрессии на Среднем Востоке, стр. 47.

⁸⁵ И. Г. Антелава, Русско-турецкая война 1828-1829 гг. и Грузия.

⁸⁶ Л. Н. Пентюхов, Из истории русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

⁸⁷ Н. С. Киняпина, Русско-австрийские противоречия накануне и во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

показывает участие балканских народов и особенно болгарского народа в войне совместно с русской армией⁸⁸

Во всех названных исследованиях, посвященных специально упомянутым четырем войнам или затронувших их историю попутно, в связи с другими проблемами, вскрыты причины, породившие их, дана марксистско-ленинская оценка их характера и последствий, а также сделаны некоторые шаги для выяснения роли населения и национальных воинских формирований Закавказья в этих войнах на стороне России. Наряду с этим отдельные историки⁸⁹ уделили внимание также выяснению той значительной роли, которую сыграли в рядах Отдельного Кавказского корпуса, в военных действиях 1826-1829 гг. сосланные на Кавказ декабристы и причастные к декабристскому движению офицеры.

Однако если боевые действия грузинских и армянских воинских формирований уже освещены достаточно подробно, то о боевых действиях азербайджанцев лишь упоминалось вскользь. Сведений о численности азербайджанских воинских формирований не приводилось, а социальный состав этих формирований вовсе не исследовался.

Значительный вклад в разработку военно-политических вопросов истории присоединения Закавказья и особенно Грузии и Армении к России, а также в освещение истории русско-иранских и русско-турецких войн изучаемого периода внесли О. П. Маркова, С. Б. Окунь и покойный А. В. Фадеев.

О. П. Маркова дала принципиально новую оценку крупнейшему восстанию крестьян на Кавказе в 1812 г. Она доказала, что каждой социальной группе местного населения были присущи свои тенденции, которые влияли на ход внутренних и внешнеполитических событий⁹⁰.

Вызывает большой интерес также работа С. Б. Окуня⁹¹, в частности его наблюдение о снабжении русской армии в Закавказье в период войн из местных средств. С. Б. Окунь правильно отмечает, что присоединение к России очень скоро начало сказываться на характере экономического развития Грузии. Царская администрация, по словам Окуня, была заинтересована в развитии хлебопашества для снабжения армии, и потому она принимала меры для расширения посевов. В результате «в очень скором времени снабжение русских гарнизонов уже шло за счет местных продуктов». Этот вывод С. Б. Окуня вполне применим и к Азербайджану. [36-37]

Военно-политическим и дипломатическим вопросам истории присоединения Кавказа к России посвящена монография А. В. Фадеева⁹². Значительное место в названном исследовании отведено освещению событий рассматриваемого периода на Северном Кавказе и в Грузии, частичное внимание уделено Азербайджану.

В советской историографии вопроса об участии азербайджанцев в кавказских войнах впервые коснулись азербайджанские историки З. Ибрагимов, Е. Токаржевский и М. А. Исмаилов⁹³. Ими были подняты общие вопросы военно-политической истории Азербайджана первой трети XIX в.; они не ставили специальной задачи исследовать вопрос об участии азербайджанцев в войнах на стороне России. Брошюра З. Ибрагимова и Е. Токаржевского, выпущенная в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., носит популярный характер. Авторы ее приводят высказывания писателей и историков с древнейших времен до XX в. о военной доблести азербайджанцев.

В статье М. А. Исмаилова приведены некоторые факты из литературных источников и архивов об участии азербайджанцев в отдельных сражениях, но приведенные в статье эпизоды не могли составить цельного представления о роли азербайджанцев в кавказских войнах. Разумеется, статья М. А. Исмаилова, базирующаяся в основном на опубликованных источниках, явилась первым опытом, дающим читателю общее представление об участии азербайджанцев в рассматриваемых войнах в составе русских войск.

В работах названных историков, особенно тех, которые вышли в свет в 40-50-х годах, допускаются некоторые ошибочные положения в оценках роли народов Кавказа в процессе присоединения к России, в ходе русско-иранских и русско-турецких войн первой трети XIX в. и замалчивается колониальная политика царской России по отношению к этим народам.

⁸⁸ Н. С. Киняпина, Внешняя политика России..., стр. 141 - 150.

⁸⁹ См. работы Ц. П. Агаяна, С. К. Бушуева, З. Т. Григорьяна, И. К. Ениколопова, М. Г. Нерсияна, В. Т. Пашуто, А. В. Фадеева.

⁹⁰ О. П. Маркова, Восстание в Кахетии 1812 г., стр. 312.

⁹¹ С. Б. Окунь, Очерки истории СССР, т. I, стр. 138.

⁹² А. В. Фадеев, Россия и Кавказ первой трети XIX в.

⁹³ З. Ибрагимов, Е. Токаржевский, Писатели и историки о мужестве и доблести азербайджанцев; М. А. Исмаилов, Участие азербайджанцев в русско-иранских и русско-турецких войнах в первой трети XIX века.

Автор настоящей работы в анализе политики царской России в Закавказье в период присоединения его к России стремился избежать таких ошибок, подчеркивая реакционную роль колонизаторской политики царизма. Известно, что царизм, ведя войны на Востоке, преследовал завоевательные цели. Но, будучи захватническими, несправедливыми с обеих сторон, они были исторически прогрессивными, ибо способствовали избавлению народов Закавказья и Балканского полуострова от угрозы порабощения и физического истребления со стороны отсталых деспотий Востока, создавали условия для частичного развития производительных сил Азербайджана, Грузии и Армении. Но эти войны, а следовательно, и вся внешняя политика царизма [37-38] не могли полностью совпадать с национальными чаяниями народов Закавказья, ибо они приносили им лишь некоторые, независимые от субъективных устремлений царизма, объективные выгоды в результате колониальной экспансии царской России. На каком-то определенном этапе процесса присоединения Закавказья Россия действительно сыграла прогрессивную роль по отношению к его народам, но это отнюдь не свидетельствует о справедливости войн, которые она вела на Востоке.

Таким образом, хотя русско-иранским и русско-турецким войнам первой трети XIX в. и прогрессивным последствиям присоединения Закавказья к России посвящены многочисленные исследования советских историков, тема активного участия азербайджанских воинов на стороне России не может считаться изученной в достаточной степени. Также недостаточно изучены в советской историографии и вопросы сугубо военно-исторического и военно-стратегического планов в связи с войнами на Кавказе в первой трети XIX в. Между тем освещение хода боевых действий в Закавказье в рассматриваемый период и участия в них местных иррегулярных формирований, военно-стратегический и военно-политический анализ военных действий с учетом специфики характера горного театра войны имеют весьма важное и актуальное значение. Освещение характера боевых действий русской армии в Закавказье, партизанских действий населения и национальных ополчений имеет практическое значение для оценки роли горного театра в современной войне.

Автор выражает глубокую благодарность акад. М. В. Нечкиной, акад. АН АзССР А. С. Сумбатзаде, чл.-корр. АН СССР П. А. Жилину, чл.-корр. АН АзССР А. Н. Гулиеву, проф. С. Б. Окуню, Н. С. Киняпиной, М. А. Исмаилову и Е. А. Токаржевскому, доктору исторических наук И. В. Стригунову, кандидату исторических наук, доценту Л. С. Семенову, научному сотруднику Военно-исторического музея артиллерии и инженерных войск Советской Армии Р. Ш. Сот за ценные замечания, советы и рекомендации при подготовке настоящей монографии.

Автор искренне признателен сотрудникам ЦГВНА, ЦГИА СССР, ЦГАДА, ГрузЦГИА, АзЦГИА и Научного архива Института истории АН АзССР за чуткое к нему отношение при работе в этих архивах, а также сотруднику рукописного фонда АН АзССР А. Ибрагимову за оказанную им помощь в переводе иранских источников и литературы. [38-39]

ГЛАВА I

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНА К РОССИИ. УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ОПОЛЧЕНИЙ В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА СТОРОНЕ РУССКОЙ АРМИИ (1801-1813 гг.)

Социально-экономическое положение и политическая обстановка в Азербайджане накануне присоединения к России

Присоединение Азербайджана к России было весьма сложным и длительным процессом. В изучаемый период (1801 - 1829 гг.) Азербайджан не был единым, самостоятельным национальным государством. Он представлял раздробленные, враждующие между собой ханства и мелкие, находившиеся в вассальной зависимости от них государственные образования, в которых господствовало натуральное хозяйство. Долгое время народы Азербайджана находились под гнетом иранских феодалов. Но в 40-х годах XVIII в. в результате упорной освободительной борьбы иранское иго было свергнуто и на территории Северного Азербайджана образовались Бакинское, Гянджинское, Дербентское, Кубинское, Карабахское, Нахичеванское, Талышское, Шекинское и Ширванское ханства. Это были обособленные, самостоятельные или полунезависимые феодальные государства. Кубинское ханство на северо-восточной окраине Азербайджана и Талышское - на южной существовали еще в конце XVII в., но как вассальные феодальные владения - олькэ (округа) - во главе с наследственными владельцами – хакимами¹.

Намного раньше этих ханств возникли более мелкие феодальные владения - Варандинское, Джрабердское, Гюлистанское, Дизакское и Хаченское меликства. Одновременно с ханствами возникли и другие мелкие государственные образования - султанства (Арешское, Елисуйское, Казахское, Куткашенское, Кабалинское и Шамшадильское). Оригинальным феодальным Владением были так называемые Джаро-Балакенские джамааты (вольные общества), занимавшие на северо-западе Азербайджана земли, граничившие с Грузией и Дагестаном. В это же время в Южном Азербайджане образовались Ардебильское, Карадагское, Макинское, Марагинское, Тебризское и Урмийское ханства. В конце XVIII - начале XIX в. султанства и меликства были вассалами ханств. В частности, Арешское, Елисуйское и [39-40] Куткашенское султанства находились в вассальной зависимости от шекинского хана, названные же меликства были вассалами карабахского хана².

Все эти вассальные феодальные владения были раздроблены и стояли на крайне низком политическом, экономическом и культурном уровне развития. В это время в Азербайджане господствовали феодальные отношения с присущими им правовыми и политическими порядками. Производительные силы развивались очень медленно. Главную отрасль экономики составляло сельское хозяйство, в основном производство зерна и риса. Наряду с этим культивировался шафран, было распространено садоводство и виноградарство. Техника, применяемая в земледелии, была самая примитивная. Кроме хыша (сохи) и котана (плуга), крестьяне Азербайджана ничего не имели. Постоянным бедствием для сельского хозяйства были засухи.

Не менее важной отраслью сельского хозяйства в ханствах было скотоводство, причем последнее сохраняло кочевые и полукочевые формы, которые лишь с небольшими изменениями продержались вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. В первой трети XIX в. в Азербайджане кочевники составляли более одной трети сельского населения³. Из-за постоянных междоусобиц и угрозы нашествия иноземных захватчиков крестьяне, ремесленники и другие слои населения ханств Азербайджана жили в вечной тревоге. На это состояние населения обратил внимание один из иностранных путешественников, посетивший Закавказье в конце XVIII в. «Постоянные войны, - писал он, - и разбои поставили жителей в необходимость держать себя

¹ И. П. Петрушевский, Очерки по истории феодальных отношений, стр. 86.

² «История Азербайджана», т. I, стр. 334 - 335.

³ Д. И. Исмаил - заде, Из истории кочевого хозяйства Азербайджана..., стр. 111.

почти всегда вооруженными. Даже крестьяне ведут соху, сеют, жнут, имея кинжал сбоку и поблизости оружие»⁴.

Характер производственных отношений в ханствах был обусловлен крайней отсталостью производительных сил. Этим же были обусловлены и формы земельной собственности Основная масса земель накануне присоединения Азербайджана к России была сосредоточена в руках крупных феодалов (ханов). По свидетельству личного секретаря карабахского хана, Мирзы Джамала Джеваншира, «при подсчете оказалось, что у хана столько скота и плугов, сколько у всего населения Карабаха, вместе взятого, и даже на две пары больше, чем у него... число... овец, коров и буйволов было настолько велико, что не поддавалось учету»⁵. [40-41]

К. Маркс, говоря о феодализме на Востоке, подчеркивал, что особенностью его является господство государственной феодальной земельной собственности⁶. В Азербайджане накануне присоединения его к России господствовала именно эта форма земельной собственности. Маркс указывал, что экономическая форма, в которой реализуется феодальная земельная собственность, выражается в получении феодальной ренты (в той или иной форме) собственником земли⁷. Именно господство продуктовой ренты служило одной из основных причин низкого экономического уровня ханств Азербайджана. Земельная община, как орудие восточного деспотизма, была присуща и ханствам Азербайджана. Даже после присоединения к России в структуре феодального общества никаких кардинальных изменений не произошло, за исключением того, что верховным собственником всех владений ханств и непосредственным владельцем собственности, принадлежавшей сбежавшим ханам, стало царское правительство⁸.

Ханства Азербайджана помимо междоусобиц раздирали также внутренние классовые противоречия между феодалами и крестьянами. К числу первых относились светские и духовные феодалы: ханы, султаны, беки, агалары, мелики, шейхи, муштеиды, кази, ахунды и другие. Самыми крупными феодалами являлись владетельные ханы - верховные правители государств, главы господствующей иерархии. На следующей ступени феодальной лестницы стояли более мелкие феодалы - султаны и мелики⁹. Значительные земельные владения до присоединения Азербайджана к России принадлежали светским и духовным феодалам. Светские феодалы делились на беков-тиюльдаров¹⁰ и беков-мюлькадаров¹¹. Самой многочисленной прослойкой феодалов в ханствах Азербайджана были беки и агалары, которые занимали исключительно высшие должности в ханстве. Они получали жалованье из ханской казны, доходы «от порученных им частей управления» или целые деревни в пожизненное владение. Основная обязанность беков и агаларов состояла в постоянной готовности их к ханской службе¹² и особенно к военной. Агаларами назывались только феодалы Борчалинского, Казахского и Шамшадильского султанств, в обязанность которых входило управление деревнями. Как беки, так и агалары были освобождены от всяких податей и повинностей¹³. [41-42]

Особое место в феодальной иерархии занимало высшее мусульманское духовенство (шейхи, муштеиды, сеиды, кази и ахунды) Оно также было освобождено от податей и повинностей Вакфные земли, сбор с населения (закят и хумс), приношения за отправление религиозных обрядов были источниками его доходов. Наряду с этими доходами шейх уль-исламы, муштеиды и ахунды получали жалованье, земли и деревни по особым указам ханов¹⁴. Наличие крупного землевладения мечетей было специфической особенностью аграрного строя Азербайджана, рассматриваемого периода.

Своеобразную социальную группу населения ханств Азербайджана составляли так называемые маафы¹⁵. К ним относились привилегированные крестьяне, освобожденные от подушной подати за военную службу. Эта категория представляла собой как бы «служилых

⁴ М. Биберштейн, Описание провинций... (НАИИ АН Азерб. ССР инв. № 466, л. 34).

⁵ Мирза Джамал Джеваншир Карабахский, История Карабаха, стр. 103 - 104.

⁶ См: К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 354.

⁷ Там же, стр. 358.

⁸ См. А. С. Сумбатзаде, Кубинское восстание 1837 г, стр. 21.

⁹ См. И. П. Петрушевский, Очерки по истории феодальных отношений ..., стр. 134.

¹⁰ От «ТИЮЛЬ» — пожалование Тиюльные пожалования заключались в том, что ханы жаловали феодалам незаселенные и населенные земли, обязывая крестьян нести в пользу тиюльдаров феодальные повинности (см.. И. М. Гасанов, Частновладельческие крестьяне в Азербайджане..., стр. 24).

¹¹ Мюльк - безусловная форма феодальной земельной собственности, передающейся по наследству.

¹² АКАК, т. VII, док. 373; т. VIII, док. 354.

¹³ «Колониальная политика российского царизма...», ч. I, стр. 123 - 124

¹⁴ «Обозрение Российских владений за Кавказом...», ч. III, стр. 25 - 29

¹⁵ Муаф (муафи) в Азербайджане чаще произносилось мааф [маафы] (букв. прощенный, освобожденный, изъятый). Освобожденный от налога, изъятый из окладных (податных) списков (см. «Указы Кубинских ханов кн. III, стр. 84).

людей». До присоединения Азербайджана к России маафы составляли ханскую дружину или войско, а так же гвардию. К ним относились ханская прислуга, земские всадники, лица, купившие у ханов маафскую привилегию. В одном из русских источников сказано: «Каждая из сих провинций (му- сульманские. - *Х. М. И.*) имеет класс маафов, или людей, освобожденных от податей... Маафы обязаны были лично службою; они входили в состав войска, в котором, сверх того, по призыву ханов должны были участвовать беки с своею прислугою и тем количеством подвластных, какое каждый из них был в состоянии вооружить»¹⁶. Характерно, что, однажды за платив определенную сумму за привилегию, маафы навсегда избавлялись от податей, и это право передавалось по наследству¹⁷. Право на маафское сословие «приобреталось при ханах или за особенные заслуги или по ходатайству беков, вступивших в родство с престолудинами, которых они старались вывести из податного состояния, или покупались у самого хана за достаточные подарки»¹⁸. До присоединения к России в маафство переводились целые племена, которые выставляли преимущественно конницу для участия в войнах¹⁹. Так, азербайджанское воинственное племя кенгерлы, обитавшее в Нахичеванском ханстве было полностью освобождено от податей и получило права [42-43] мафов²⁰. Таким образом, крупный феодал - хан имел постоянный штат «служилых людей», гвардию, которая пополнялась и прекращалась в более крупное войско, если необходимо было выступить против иноземного вторжения или против другого феодала. Кубинский хан, например, до присоединения ханства к России имел большое войско, состоявшее исключительно из маафов и нукеров²¹.

После присоединения к России в составе русской армии в боевых действиях в Закавказье участвовал целый конный полк (800 сабель), сформированный царским командованием из кенгерлинских маафов²². Каждый ополченец или являлся со своим собственным конем и вооружением или получал их от выставлявшего ополчение феодала. Таким образом, ополчения эти, по составу крестьянские, по форме были феодальными. Во главе войска стоял хан, численностью войск которого наряду с другими условиями (сословное происхождение, размер и характер владений и т. д.) определялось его положение среди других ханов Азербайджана. В периоды крупных военных столкновений хан пополнял имевшееся в его распоряжении ядро постоянных войск новыми вооруженными сельчанами, материальное обеспечение которых осуществлялось за счет всего населения. «На Случай [выдачи]... военных пособий, - свидетельствует один из Источников, - и других непредвиденных надобностей [хан] собирал войска, хлеб и деньги для военной нужды»²³. Эти войска в преобладающем большинстве состояли из сельского населения, крестьян.

По свидетельству Мирзы Джамала, «все илаты (крестьяне, - *Х. М. И.*) Карабаха, отмеченные в журналах и списках, входили в [состав] конного войска. При надобности из магалов (округов. - *Х. М. И.*) и деревень являлись в войско пешие стрелки» со старшинами магалов²⁴.

Маафы «не только не платили никаких податей и не несли повшинностей, но еще получали от хана подарки лошадьми, оружием и другими вещами»²⁵. Обязанность маафов состояла «в том, что властью бывших ханов были они отправляемы в поход против неприятеля, исполняли распоряжения местного начальства и содержали караулы, но не платили в казну податей на сем же основании»²⁶.

Таким образом, вполне понятно, что институт маафов был органически связан с ханским политическим строем и вытекал из социальной и военно-политической природы азербайджанских ханств конца XVIII - начала XIX в. [43-44]

Большинство населения ханств Азербайджана составляли, крестьяне, которые по своему правовому и имущественному положению делились на райятов, ранджбаров, элятов и др.

Самой многочисленной частью сельского населения были райяты, имевшие свое хозяйство, земельные наделы, инвентарь и рабочий скот. Они были обязаны платить подати и отбывать повинность в пользу феодалов. Землями сельских общин, членами которых являлись райяты, владели ханы или их казна. В силу этого райяты делились на две категории: на казенных, т. е

¹⁶ АКАК, т. VII, док. 372.

¹⁷ «Указы Кубинских ханов», кн. III, стр. 84.

¹⁸ АКАК, т. VIII, док. 354.

¹⁹ «Передняя Азия в документах», стр. 10.

²⁰ Г. Б. Абдуллаев, Азербайджан в XVIII в., стр. 108.

²¹ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл 17 - 19.

²² См.: ЦГВИА, ф. 477, д. 81, лл. 9 - 10; ф. ВУА, д. 17358, лл. 4 - 4 об.

²³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 18 - 19.

²⁴ Мирза Джамал Джеваншир Карабахский, Тарих-и Карабаг, стр. 102.

²⁵ АКАК, т. VIII, док. 354.

²⁶ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 91, д. 78, лл. 267 - 268

государственных, и частновладельческих. Жесточайшей двойной эксплуатации подвергались частновладельческие райяты как со стороны казны, так и со стороны беков, владевших ими. Сбор податей и налогов феодалы превращали в настоящий грабёж. Отсутствие упорядоченной системы взывания ренты создавало неограниченные возможности для произвола ханских сборщиков налогов, которые применяли насилие и вымогательство по отношению к крестьянам. Для взимания податей при ханских дворах содержался большой аппарат, состоявший из есаулов которые три раза в год объезжали ханства и грабили крестьян есаулы не получали особого жалования, но, собирая с жителей подати, имели право требовать в свою пользу 10 процентов от нее. Ханы, беки, султаны, агалары, наибы, есаулы и другие представители феодальной верхушки наживали колоссальные состояния за счет эксплуатации крестьян. Когда хан Карабаха Ибрагим-Халиль бывал в походах или останавливался где-либо лагерем, тысяцкие, сотники, беки, наибы, секретари (мирзы) эшикагасы (дворецкие), стражники, есаулы и вся ханская челядь питалась из кухни хана, требовавшей огромных расходов покрывавшихся за счет беспощадной эксплуатации крестьян Ежедневный расход кухни хана составлял несколько десятков овец, около 40 пудов риса и т. д. Достаточно сказать, что в конце XVIII - начале XIX в. на частновладельческих райятах лежали 35 податей и различных повинностей²⁷.

Наиболее жестокой эксплуатации в ханствах Азербайджан, в этот период подвергались ранджбары, не имевшие орудий производства (инвентарь, тягловая сила) и находившиеся поэтому в лично зависимом положении от крупных и мелких феодалов. Феодалы «присвоили себе такую степень власти над черным народом, что сей последний делается совершенно рабами»²⁸

Наконец, в ханствах Азербайджана существовала кочевая прослойка общества, так называемые эяты, основным занятием которых было скотоводство. Эяты составляли большинство ханских ополчений и были основной частью этих формирований. Поэтому они освобождались от многих повинностей, которые лежали на райятах. Феодальная же знать кочевых племен, [44-45] которая составляла большую прослойку среди феодалов в ханствах, получала основной доход в форме ренты не от эятов-кочевников, а от райятов-земледельцев. Следовательно, положение эятов было значительно легче, чем райятов и ранджбаров²⁹.

В азербайджанских ханствах еще в конце XVIII - начале XIX в. вплоть до присоединения их к России как пережиток прошлого сохранилось рабство, носившее патриархально-домашний характер. Рабами были пленные и похищенные люди, ими торговали на невольнических рынках Турции и Ирана, а также в Дагестане и Дербентском ханстве³⁰.

Население городов в ханствах Азербайджана во второй половине XVIII - начале XIX в. состояло из купцов, ремесленников и городской бедноты. В городах жила и ханская аристократия со своими нукерами (слугами). Значительную часть городского населения составляли крестьяне, зависимые от беков³¹.

Жесточайший гнет и эксплуатация крестьян, ремесленников и городской бедноты не раз толкали последних на борьбу против угнетателей - ханов и других феодалов. Но к концу XVIII - началу XIX в. формы классового протеста крестьян и других угнетенных слоев населения азербайджанских ханств носили частный характер, в лучшем случае они выражались в бегстве крестьян от своих феодалов, убийстве ханских чиновников и беков, в поджоге их усадеб и дворцов. При бегстве от одного феодала крестьяне на новом месте попадали в аналогичные условия эксплуатации и непосильного гнета, но у другого феодала. Феодалы разыскивали бежавших крестьян и жестоко их наказывали. В некоторых ханствах розыск бежавших крестьян осуществлялся по специальным ханским фирманам (указам). Так было, в частности, в Карабахском ханстве, где хан приказал феодалу Нури-беку разыскать своих райятов и поселить их на прежних местах после соответствующего наказания³².

Ранджбары, будучи лично зависимыми крестьянами, находившем, в значительно более тяжелых условиях, чем райяты. Они были прикреплены к своему владельцу и подвергались жесточайшей эксплуатации. Большинство их принадлежало ханам и бекам и принудительно работали в их хозяйствах. В Шекинском ханстве в конце XVIII в. на ханских шелковых плантациях насчитывалось 3280 ранджбаров. На шелковых плантациях и зерновых полях талышского хана

²⁷ См.: «История Азербайджана», т. I, стр. 359 - 360; И. П. Петрушевский, Очерки по истории феодальных отношений..., стр. 265.

²⁸ А. П. Ермолов, Записки..., ч. 2, стр. 39.

²⁹

³⁰ Г. Б. Абдуллаев, Азербайджан в XVIII в., стр. 166

³¹ В. Н. Левиатов, Очерки по истории Азербайджана XVIII в., стр. 166

³² ЦГИА Азерб. ССР, ф. 130, д. 47, л. 59.

принудительно трудилось 790 семейств ранджбаров, что составляло 4650 человек³³. Аналогичная картина наблюдалась и в других ханствах.

Вопрос о существовании крепостного права в Азербайджане вообще и во второй половине XVIII - начале XIX в. в [45-46] частности в известной степени стал предметом исследования советских ученых. Некоторые из них (В. В. Бартольд, И. П. Петрушевский, Ц. П. Агаян, Ф. Ш. Шабанов) пришли к выводу, что в Азербайджане существовало крепостное право.

История феодального общества знает множество форм феодально-зависимых отношений. Феодалы азербайджанских ханств не обладали так называемым вещным правом в отношении крестьян, ибо у последних было слабо развито или полностью отсутствовало собственное хозяйство еще с периода зарождения феодальных отношений в Азербайджане.

В материалах «О зависимых сословиях Закавказья и Дагестана», выявленных в Дагестанском историческом архиве, сказано, что райяты находились в зависимости от феодалов «только по земле», оставаясь людьми «лично свободными», т. е. сохраняющими право во всякое время в связи с прекращением использования земли прекратить и «зависимые к бекам отношения»³⁴. Следовательно, юридически оформленного, такого, как в царской России, крепостного права в Азербайджане не существовало³⁵. «Раятская зависимость, - свидетельствует один из источников, - существует во многих местностях Закавказского края, где она не включает в себе ничего похожего на крепостные отношения»³⁶. Однако это не исключало наличия феодальной зависимости и жесточайшей эксплуатации крестьян и особенно ранджбаров в азербайджанских ханствах рассматриваемого периода.

Таким образом, не крепостное право, а только некоторые его элементы тяготели над ранджбарами - небольшой частью крестьян Азербайджана.

В экономике ханств в конце XVIII - начале XIX в. существовали различные формы феодальной эксплуатации. Они соответствовали уровню развития производительных сил и отражали постоянные противоречия между феодалами и крестьянами внутри ханств. С крестьян взимались налоги, подати и повинности, причем формы налогов были и натуральные и денежные. Кроме постоянных налогов и податей существовали и чрезвычайные, которые взимались путем добавочных обложений. Для усиления войска в случае войны ханы брали «с каждого двора как в городе, так и в деревнях от 20-ти до 30-ти рублей и хлеба сколько потребно... сообразуясь с обстоятельствами времени»³⁷. За неуплату или опоздание с уплатой налогов и податей ханы жестоко расправлялись с крестьянами.

К концу XVIII в. в связи с ростом товарного производства и развитием рыночных отношений сборы налогов и податей в [46-47] Азербайджане деньгами приобрели повсеместный характер и особенно в городах. Но натуральная форма налогов и податей еще оставалась преобладающей, что обрекало на консервацию натуральное хозяйство. К. Маркс указывал, что рента продуктами «как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений, как это наблюдается, например, в Азии»³⁸. Это указание Маркса можно отнести и к Азербайджану XVIII - начала XIX в.

Азербайджанские ханства в рассматриваемый период были организацией политической власти феодалов, машиной в руках этого класса для угнетения и подавления непосредственных производителей - крестьян и ремесленников. Главной (внутренней) функцией ханств в этот период являлась охрана существовавшего социально-экономического строя, удержание в повиновении эксплуатируемых масс; другой (внешней) функцией ханства была военная, т. е. оборона своих границ и захват соседних земель. По сути дела вся история азербайджанских ханств второй половины XVIII - начала XIX в. - это история непрерывных междоусобных войн³⁹ и восстаний крестьян.

В отдельных ханствах классовая борьба в деревне принимала характер вооруженных столкновений. Эти выступления носили стихийный и разрозненный характер. Хотя вооруженные крестьяне и вели длительную борьбу против ханов, беков и других феодалов, но в конце концов жестоко подавлялись⁴⁰. Вооруженные крестьяне наталкивались на организованное сопротивление

³³ НАИИ АН Азерб. ССР, д. 540, л. 85.

³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 126, д. 11 - б, л. 8.

³⁵ Г. А. Дадашев, О феодально-крепостнических остатках... стр. 123, 134; Г. Б. Абдуллаев, Азербайджан в XVIII в., стр. 164-165; А. Ш. Мильман, Политический строй Азербайджана..., стр. 36 - 38

³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 1, д. 11 - б, л. 6.

³⁷ ЦГВИА, ВУА, д. 18474, лл. 18 - 24

³⁸ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 359 - 360.

³⁹ См.: А. Ш. Мильман, Политический строй Азербайджана... стр. 40 - 49.

⁴⁰ Подробно об этом см.: «История Азербайджана», т. I, стр. 359 - 361.

ханов, беков и духовенства, использовавших всю мощь государственного механизма для удержания эксплуатируемых масс в повиновении.

Ханства Азербайджана конца XVIII в. представляли собой феодальные монархии с неограниченной властью верховного правителя в лице хана. Последний был наделен высшей законодательной, судебной и исполнительной властью. Хан мог вынести смертный приговор и решение о помиловании. Разумеется, политика ханов выражала и защищала интересы феодалов-землевладельцев. В изучаемое время система управления в ханствах была почти аналогична системе управления в шахском Иране. Известный тезис К. Маркса о политическом строе восточных государств вполне применим к азербайджанским ханствам конца XVIII - начала XIX в., ибо, как во всех государствах на Востоке, в ханствах Азербайджана «существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ»⁴¹. [47-48]

Феодальная раздробленность ханств Азербайджана, присущая в рассматриваемый период всему Закавказью, и бесконечные междоусобные войны, а также захватнические притязания Каджаров и турецких султанов, разрушали отсталые производительные силы, обрекая народные массы на голод, нищету и вымирание. Все это значительно ослабляло способность азербайджанского народа сопротивляться иранской и турецкой военно-феодальной экспансии. Усилия некоторых феодалов объединить ханства Азербайджана не имели успеха: экономическая отсталость и эфемерность ханств и султанств служили препятствием для осуществления этих стремлений.

* * *

Царская Россия, используя «каждое контрреволюционное междуцарствие в Европе», неуклонно проводила в жизнь свою колонизаторскую политику на Востоке, и прежде всего на Кавказе. «Начиная со времени первой французской революции, - писал К. Маркс, - попятное движение на европейском континенте всегда означало также и продвижение России на Востоке»⁴².

Если в конце XVIII в. царизм проводил политику создания на окраинах империи, в частности в Закавказье, вассальных государств, то в начале XIX в. он переходит к прямому колониальному захвату этих территорий. Эти территориальные приобретения были результатом не только прямых военных захватов, но и добровольного перехода закавказских феодалов в подданство России. Сам по себе факт присоединения к России некоторых азербайджанских и грузинских владений не означал того, что политика царизма не преследовала здесь колониальные цели и не осуществлялась, как везде, военно-феодальными методами. Одним включением Восточной Грузии в состав Российской империи не исчерпывались политические цели русского царизма в Закавказье. Начав создавать военный плацдарм на границах Ирана и Турции, в центре Закавказья, царская Россия стремилась расширить его путем включения в состав империи ханств Азербайджана и Дагестана.

Необходимо учитывать и военно-стратегическое значение территории Азербайджана, расположенного на стыке Европы и Азии. Главным военно-операционным направлением театра русско-иранской войны 1804 - 1813 гг. было направление Тебриз - Тифлис, проходившее через Нахичеванское ханство Азербайджана, главным же военно-операционным направлением русско-иранской войны 1826 - 1828 гг. было направление Тебриз - Елизаветполь - Тифлис, проходившее через Карабах. Все это вызывало соперничество между Ираном и Турцией, с одной стороны, и Россией - с другой. К подрыву влияния последней в Закавказье активно стремились Англия и Франция. Российский [48-49] царизм, выражая интересы дворян и буржуазии, добивался расширения территории и рынков сбыта, приобретения новых источников сырья. Территория Азербайджана с прибрежной полосой Каспийского моря, да и само море имели для России также важное стратегическое значение. Речь шла о военно-стратегическом контроле над Каспийским бассейном, чего хотела также Англия, имевшая к тому времени доступ к южному побережью Каспия через Индию и Персидский залив. Овладение западным и юго-западным берегами Каспийского моря создавало России плацдарм для расширения экспансии на юг. Одновременно предотвращалось проникновение Англии через Каспийское море в Закавказье и Среднюю Азию.

Наиболее дальновидные феодальные правители Азербайджана в конце XVIII - начале XIX в. стремились к усилению и расширению экономических и политических связей с Россией, к

⁴¹ К. Маркс, Британское владычество в Индии, стр. 132.

⁴² К. Маркс, Голландские дела..., стр. 111.

включению своих владений в ее состав. Их желания совпадали с политическими и военно-стратегическими целями российского царизма, что послужило основной причиной форсированного включения ханств Азербайджана в состав России.

Прежде всего царская Россия стремилась установить через Астрахань - Дербент - Баку коммуникации с Грузией, где находились русские войска. Для осуществления этой цели необходимо было присоединить прикаспийские владения и остальные ханства Азербайджана. Александр I предписывал главнокомандующему на Кавказе генералу Кноррингу: «Содержа сношения с окрестными владельцами и народами, стараться приумножить число приверженных к России, особенно же привлекать ханов Эриванского, Гянджинского, Шекинского, Ширванского, Бакинского и других, над коими власть Бабахана (Фетх-Али-шаха.- Х. М. И.) еще не утвердилась»⁴³. По инициативе России в г. Георгиевске (Северный Кавказ) в сентябре 1802 г. встретились представители царского командования и ханств Кубинского, Дербентского, Тальшского, шамхальства Тарковского, уцмия Каракайтагского и кадия Табасаранского. В результате переговоров 26 декабря 1802 г. был подписан Георгиевский договор, по которому названные владения обязывались совместно выступить против Ирана в случае его нападения. Во второй статье договора указывалось на то, что споры и недоразумения между его участниками должны решаться третейским судом, а в случаях невозможности разрешения споров этим судом надлежит обратиться к российскому монарху, как к «защитнику и покровителю своему»⁴⁴.

Подписание Георгиевского договора ослабило позиции шахского Ирана в Закавказье и было ударом по политическим [49-50] и стратегическим интересам Англии, которая стремилась прибрать к рукам бассейн Каспийского моря с помощью Ирана и владетелей прикаспийских феодальных государств. Подписание Георгиевского договора свидетельствовало об усилении русской ориентации в Азербайджане и Дагестане. А после того как каджарский Иран, озлобленный присоединением части Грузии и азербайджанских владений к России, в 1804 г. двинул свои многочисленные войска в пределы Азербайджана и Восточной Армении, а османские завоеватели вторглись в пределы Грузии, начались длительные русско-иранские и русско-турецкие войны первой XIX столетия. В этих войнах сплошным театром военных действий оказалось все Закавказье от Черного до Каспийского моря. Народы Закавказья были во влечены в орбиту ожесточенной борьбы двух враждебных соперничавших за преобладание на Среднем Востоке сил. Англии и Франции, с одной стороны, и России - с другой. Причем для первых орудием борьбы стали шахская Персия и султанская Турция, преследовавшие свои захватнические цели в этих войнах.

Английские и французские колонизаторы с конца XVIII в стремились установить свое господство в Закавказье. Ближайшей задачей на пути достижения этой цели было сохранение в этом районе Среднего Востока власти шахского Ирана и султанской Турции. Значительное место в этой борьбе отводилось Азербайджану, который являлся промежуточным районом на торговых коммуникациях между европейскими странами и Ираном. Через территории Карабахского, Шекинского и Ширванского ханств издавна проходили важнейшие караванные пути из Тифлиса к берегам Каспия, значение которого для торговли как с Европой, так и с Азией было велико. Подчеркивая значение Черного и Каспийского морей в этой торговле Ф. Энгельс писал: «Вся отдаленная от морей территория начиная Шварцвальдом и кончая песчаными холмами Великого Новгорода, орошается реками, впадающими в Черное или Каспийское море. Дунай и Волга, эти две гигантские реки Европы, Днестр, Днепр и Дон - все они образуют естественные каналы для перевозки продуктов из отдаленных от моря областей в Черное море»⁴⁵

Борьба Англии и Франции за преобладание в Иране была тесно связана с борьбой за господство в Закавказье. Сильным соперником для этих держав в начале XIX в. становится царская Россия. Российский царизм, будучи угнетателем и палачом русского народа, проводил по отношению к нерусским народам еще более жестокую политику. Такая же участь постигла и азербайджанский народ. Но объективно сближение с более передовой по сравнению с османской Турцией и каджарским Ираном Россией, с русским народом, приобщение к [50-51] передовой русской культуре в конечном итоге сыграли прогрессивную роль для азербайджанского и других народов Закавказья.

Азербайджанский народ, как и все народы Закавказья, веками подвергался разорительным кровавым нашествиям турецких и иранских феодалов. Города и села Азербайджана предавались огню, мужское население не раз подвергалось физическому истреблению, женщины и дети

⁴³ АКАК, т. I, док. 548

⁴⁴ О Георгиевском договоре см.: Н. Дубровин, Закавказье от 1803 до 1806 гг., стр. 486 - 487

⁴⁵ Ф. Энгельс, Действительно спорный пункт в Турции, стр. 11.

уводились в рабство. Еще в 20-х годах XVIII в. турецкие феодалы с многочисленными полчищами прошли с огнем и мечом по мирным городам и селам Азербайджана, сея смерть и опустошение. На протяжении всего XVIII в. народы Закавказья неоднократно были на грани физического истребления.

Настоящим бедствием были такие наиболее драматические моменты в истории этих народов, как военные походы жесточайших восточных завоевателей Надир-шаха Афшара и Ага Мухаммед-шаха Каджара, деспотизм которых принял чудовищные размеры. О деспотизме Надир-шаха по отношению к азербайджанскому и дагестанскому народам свидетельствуют многочисленные русские и зарубежные историки. В мемуарах одного из них, доктора И. Лерха, читаем следующие строки: «На дороге (в Дербент) стояло много бедных слепых, просящих милости, у коих по повелению шаха (Надира.- *Х. М. И.*) выколоты были глаза»⁴⁶.

После подавления одного из крестьянских восстаний в Ширване в 1743 г. по приказу Надир-шаха его чиновники отослали «14 батманов (около 42 кг.- *Х. М. И.*) вынутых глаз» пленных крестьян⁴⁷.

Крайний деспотизм, доходивший до садизма, характеризовал власть одного из самых жесточайших завоевателей в истории народов Востока, Ага-Мухаммед-шаха Каджара, злодеяниям и надругательствам которого в конце XVIII в. дважды подвергались азербайджанский, грузинский и армянский народы. Жестокость Ага-Мухаммед-шаха не имела пределов. В 1794 г., в период междоусобной борьбы в Иране, по его приказу были ослеплены 20 тыс. человек и «воины доставили деспоту 20 тысяч пар вынутых глаз»⁴⁸. Уничтожив всех своих соперников внутри Ирана и утвердив свою власть, Ага-Мухаммед-шах стал готовиться к вторжению в Закавказье и порабощению его народов.

В этот период стала проявлять активность и османская Турция. Эмиссары султана Селима III и Ага-Мухаммед-шаха рыскали по городам и селам Закавказья и Дагестана, распространяя среди мусульманских народов фирманы (указы) и воззвания султана и шаха о покорности и признании верховной [51-52] власти Ирана⁴⁹. Но угрозы завоевателей не давали ожидаемых ими результатов. Владетели Закавказья за редким исключением⁵⁰ отказывались от признания власти ирано-турецких феодалов. Более того, оборонительный союз был заключен между картли-кахетинским царем Ираклием II, азербайджанскими феодалами Ибрагим-Халиль-ханом Карабахским, Мир-Мустафа-ханом Талышским, Мухаммед-ханом Эриванским, которые «дали торжественный обет не подчиняться Ага-Мухаммед-шаху всеми средствами оказывать помощь друг другу»⁵¹.

В обстановке непрекращавшейся борьбы с иноземными завоевателями, раздираемые кровопролитными междоусобными войнами, политически раздробленные и экономически отсталые ханства Азербайджана были вынуждены искать помощи и спасения от угрозы поглощения и физического истребления со стороны отсталых деспотий Востока. Таким государством, которое способно было подать руку помощи азербайджанским ханствам, надежно оградить их и взять на себя покровительство над ними, была только Россия, в поддержке которой большинство азербайджанских феодалов и преобладающая часть населения ханств видели выход из сложившейся катастрофической обстановки. В силу этих условий ориентация различных слоев населения Азербайджана на Россию приобрела широкий размах. Разумеется, цели, которые преследовали при этом господствующие классы, т. е. местные феодалы, духовенство и их приверженцы, и эксплуатируемое большинство, т. е. крестьяне и бедные слои горожан, были совершенно различны. Первые стремились с помощью российского монарха добиться привилегий и укрепления своей власти, дальнейшего усиления феодального гнета; вторые надеялись с помощью сильной России избавиться от нескончаемых иноземных нашествий, феодальных междоусобиц и непосильного гнета местных феодалов. Трудящиеся массы Азербайджана не понимали истинных намерений русского царизма и наивно верили в его «благородные цели», считая Россию спасительницей.

Россия действительно ответила на просьбу азербайджанских и грузинских феодалов помощью. Но, несмотря на меры, принятые царским правительством для предотвращения

⁴⁶ И. Я. Лерх, Сведения о втором путешествии в Персию..., стр. 79.

⁴⁷ Н. В. Пигулевская и др., История Ирана..., стр. 324.

⁴⁸ Г. Б. Абдуллаев, Азербайджан в XVIII в. ..., стр. 62.

⁴⁹ См.: Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. II, стр. 298.

⁵⁰ Только дербентско-кубинский Шейхали-хан принял сторону Турции и Ирана, послав к султану Селиму III своего уполномоченного Мегмет-бека с заверениями в верности и готовности выступить против России (см.: П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа..., ч. II, стр. 331 ч. III, стр. 247).

⁵¹ Мирза Адигезал-бек, Карабаг-наме, стр. 77.

вторжения полчищ Ага-Мухаммед-шаха⁵², последний, подстрекаемые [52-53] французскими агентами, во главе многочисленной армии, усиленной французской артиллерией, вторгся в пределы Карабах-ского ханства⁵³ Азербайджана. Во время этого похода иранской артиллерией командовали французские офицеры⁵⁴.

Гянджинское ханство и Ереван сдались Ага-Мухаммед-хану без сопротивления. Эчмиадзин признал власть Каджара и заплатил ему огромную контрибуцию. Но подчинить Карабахское ханство иранскому завоевателю не удалось. Безуспешная четырехмесячная осада крепости Шуши была снята из-за активных боевых действий азербайджанцев и армян в тылу иранских войск.

В результате опустошительных походов этого жестокого иранского завоевателя на Азербайджан и Грузию осенью 1795 г. и весной 1797 г. города и села их были разорены, голод и эпидемия чумы охватили почти все население⁵⁵. «Невозмогу было, - сказано в азербайджанском источнике, - вынести многим такую несчастную долю. Народ умирал сотнями от голода и моровой язвы и бежал, кто только в состоянии был бежать, куда глаза глядели»⁵⁶. 12 сентября 1795 г. был взят Тифлис и предан огню⁵⁷. Город, по выражению Мирза Адигезал-бека, был превращен «в дом глубокого траура», население, в том числе и азербайджанцы, было частью вырезано, а частью угнано в рабство⁵⁸.

Нашествие Ага-Мухаммед-хана для Грузии и Азербайджана было тяжелейшим бедствием, подорвавшим и без того слабую экономику Картли-Кахетинского царства и Карабахского ханства, сократило численность их населения. Захватчиками было взято в плен большое количество грузин, азербайджанцев и армян. Затем пленных продавали на невольнических рынках по 15-20 пиастров за человека⁵⁹. Такой же участи подверглись азербайджанские земли Ширвана и г. Шемаха⁶⁰. Один из иностранцев, перешедших на русскую военную службу, немец по происхождению, М. Биберштейн, участвовавший в персидском походе русской армии вместе с В. Зубовым в 1796 г., [53-54] в своих воспоминаниях писал: «Узурпатор Ага Магомет хан разрушил ее (крепость Шемаха.- Х. М. И.) снова, когда в конце 1795 г. он перешел Куру и пришел в эти места, возвращаясь из своей экспедиции в Грузию. Мы еще застали город в этом жалком состоянии и жителей, живущих под защитой лачуг наполовину сохранившихся... город был доведен до груды развалин»⁶¹.

В этот период перед лицом угрозы нашествия Ага-Мухаммед-хана Каджара дагестанские владельцы⁶² обратились за военной помощью к России⁶³. Царское правительство направило в Грузию и в Дагестан около 3 батальонов пехоты, 6 орудий, 1 регулярный эскадрон казачьей команды, до 400 казаков и 500 сабель калмыцкой конницы. Однако этих войск было недостаточно, и потому царское правительство, снарядив экспедиционную армию, направило ее на Кавказ⁶⁴. Экспедиционная русская армия состояла из трех корпусов: Главного, Кавказского и корпуса генерал-поручика Булгакова. Кроме трех корпусов, в походе участвовали и отдельные отряды русских войск: дагестанский под командованием генерала Савельева, грузинский под командованием полковника Сырыхнева и отряды в крепости Баку и на о-ве Сара (в Талышском ханстве). Общая численность экспедиционной армии достигала 20954 человек, из коих свыше 11 тыс. составляла пехота, 9 тыс.- конница, артиллерия насчитывала 103 орудия⁶⁵. Общее коман-

⁵² Царское правительство дало приказ главнокомандующему на Кавказе Гудовичу удовлетворить просьбу картли-кахетинского царя и азербайджанских ханов о помощи, снабдив их артиллерией, боеприпасами и даже войсками, а Мир-Мустафу-хана Талышского по его просьбе - принять в подданство России. Через генерала Гудовича царское правительство довело до сведения Ага-Мухаммед-шаха, что он должен отказаться от притязаний на владения, «скипетру российскому подвластных», т. е. на Картли-Кахетинское царство, ханства Дербентское, Бакинское, Карабахское и Талышское (см: И. Г. Б у т к о в, Материалы для новой истории Кавказа..., ч. II, стр 331)

⁵³ Мирза Джамал Джеваншир Карабахский, История Карабага, стр. 77-80.

⁵⁴ См.: П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа..., ч. 111, стр. 251.

⁵⁵ Там же, ч. II, стр. 420.

⁵⁶ Ахмедбек Джаваншир, История Карабахского ханства (с 1747 по 1805 гг.), стр. 78.

⁵⁷ А. Бакиханов, Гюлистан-Ирам, стр. 143.

⁵⁸ Мирза Адигезал-бек, Карабаг-наме, стр. 81.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 299, л. 66.

⁶⁰ С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I, стр. 24.

⁶¹ М. Биберштейн, Описание провинций..., стр. 17 - 18.

⁶² Шамхал Тарковский Магомед-хан, уцмий Кайтагский Рустам-хан и кадий Табасаранский Рустам-кади.

⁶³ В. Г. Гаджиев, Роль России в истории Дагестана, стр. 165.

⁶⁴ П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа..., стр. 274 - 275, 349.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36/611, лл. 195-196 об. (ведомость о числе войск, действительно под ружьем состоящих, 1 ноября 1796 г.). Н. Дубровин неправильно приводит численность войск, участвовавших в походе 1796 г., - «до 30 тысяч пехоты и конницы при 200 орудиях» (Н. Д. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. III, стр. 92-97).

дование экспедиционной армией было вверено генерал-поручику, графу Валериану Зубову, брату фаворита Екатерины II Платона Зубова⁶⁶.

Русским войскам, направленным в Дагестан и в Азербайджан, специальным рескриптом императрицы Екатерины II предписывалось, чтобы «при движении... соблюдаемо было безукоризненное поведение, чтобы никакие притеснения жителей не делали... ограждали неприкосновением личную и имущественную безопасность»; рескрипт требовал от русских солдат и офицеров уважения к религии народов Азербайджана и Дагестана, строгой справедливости и внимания к ним, в то время как население Азербайджана, несмотря на его религиозную общность с Ираном и Турцией, подвергалось непосильному гнету [54-55] этих жесточайших восточных деспотий. Более того, ему грозило прямое физическое истребление.

В то же время национально-колониальная политика русского царизма в Закавказье и, в частности, в Азербайджане во второй половине и в конце XVIII в., направленная на подготовку присоединения этих территорий к России, отличалась большой осторожностью и дипломатическим характером, что на первых порах создавало у населения иллюзии по отношению к господству царской России. В период временного присоединения части Азербайджана (прикаспийских земель) к России⁶⁷ население его верило, что законы царской России «охраняли неприкосновенность имущества и гарантировали некоторые личные права, чего не было при прежних властях»⁶⁸. В силу запутанности норм шариата (мусульманское духовное законодательство) и произвола ханов защита личности и имущества не была обеспечена. Разумеется, иного и нельзя было ожидать в условиях феодальной раздробленности и существования многих этнических групп и племен, не слившихся в единую нацию. Решающую роль в правопорядке играли особенности, содержащиеся в местных адатах и обычаях⁶⁹.

Российские войска с помощью местных ополчений 10 мая 1796 г. заняли Дербент, вслед за ним были заняты Куба и Баку. России подчинились и выразили свою преданность Гусейн-Кулихан Бакинский, Джават-хан Гянджинский, Ибрагим-Халиль-хан Карабахский, Селим-хан Шекинский, Касим-хан Ширванский⁷⁰.

Цель похода 1796 г. заключалась прежде всего в защите интересов русско-иранской и русско-индийской торговли. На русскую экспедиционную армию были возложены следующие задачи: вытеснение Ага-Мухаммед-шаха из всех прикаспийских владений, строительство укрепления в Астрабадском заливе и занятие крепостей Дербент и Баку. Поход русской армии под командованием В. Зубова носил двойственный характер: и освободительный, и завоевательный⁷¹. Объективно помощь, оказанная русской армией, спасла население Грузии, Азербайджана и Дагестана от разорения, порабощения и прямого физического-истребления.

Смерть Екатерины II (6 ноября 1796 г.) и вступление на российский престол Павла I повлияли на ход дальнейших [55-56] событий. По приказу нового императора русские войска были возвращены в Россию. После ухода русских войск внешнеполитическая и внутренняя обстановка в Азербайджане, как и во всем Закавказье, осложнилась. Весной 1797 г. Ага-Мухаммед-шах с многочисленными войсками вторгся в Карабах, захватил крепость Шушу, в которой учинил кровавую расправу над мирными жителями. Ибрагим-Халиль-хан Карабахский и на этот раз доказал свою преданность России и, покинув Шушу, бежал в Джарский округ, но не перешел на сторону Ирана. В результате второго нашествия войск Ага-Мухаммед-шаха в 1797 г. над народами Закавказья и Дагестана нависла новая опасность порабощения и физического истребления. Спасение им принесло убийство Ага-Мухаммед-шаха в июле 1797 г. в Шуше его придворными⁷².

В конце XVIII в. Азербайджан в результате иноземных вторжений и внутренних междоусобиц переживал сильный упадок экономики и торговли. Грабительские нашествия наносили огромный вред хозяйству страны. В этот период ни один город Азербайджана не насчитывал свыше 6 тыс. жителей. Большинство населения в результате нашествий было истреблено или угнано в рабство иранскими захватчиками. Попытки каджарского Ирана поработить азербайджанский народ и на этот раз потерпели неудачу. Но это не исключало еще

⁶⁶ «Русский архив», 1879, кн. I, стр. 393-397.

⁶⁷ В результате похода русских войск под командованием Петра I в 1722г. в Дагестан и Азербайджан. Прикаспийские области Азербайджана около 14 лет (1722-1735) находились под властью России.

⁶⁸ Г. Абдуллаев, Азербайджан в XVIII в..., стр. 27.

⁶⁹ И. П. Петрушевский, Очерки по истории феодальных отношений..., стр. 321.

⁷⁰ Подробно см.: Н. Дубровин, Поход графа Зубова в Персию в 1796г.

⁷¹ Подробно о походе в Иран русской армии в 1796 г. под командованием В. Зубова см.: О. П. Маркова, Россия, Закавказье..., стр. 290-293.

⁷² См.: Мирза Джамал Джеваншир Карабахский, История Карабагского ханства, стр. 83-84, 87.

возможности поглощения Азербайджана и всего Закавказья шахским Ираном и Османской Портой.

К концу XVIII - началу XIX в. каджарский Иран и султанская Турция были отсталыми, аграрными империями Востока. Каджарский Иран представлял собой, по определению самих иранцев, «мулук-ус-сафаиф» - монархическое объединение, т. е. шахское «стадо народностей»⁷³. Бесконечные братоубийственные войны внутри Ирана привели страну к полному разорению. Один из современников сообщал: «Персия, плавающая в крови на месте благодатной земли, представляет позорище, мертвыми трупами покрытое; земледелие кинуто, плодородные поля остались опустошенными, богатство городов расхищено, купечество ограблено и истреблено, и земледельцы обливают слезами землю, которая прежде процветала... Такое состояние приводит в содрогание человечество»⁷⁴. Социально-экономическая отсталость Ирана накладывала свой отпечаток и на культуру его народов.

Не в лучшем, если не в худшем положении была и султанская Турция. Со второй половины XVIII в. обширная Османская империя испытывала острейший социальный кризис. [56-57] Разложение феодализма в Турции отразилось на всех народах, населявших территорию обширной Османской империи. Зачатки национального самосознания как в турках, так и в других мусульманских народах империи душил ислам, хотя он и объединял турок⁷⁵. В этот период «жалкое крушение терпели все попытки турецкого правительства стать на путь цивилизации», ибо «исламистский фанатизм... неизменно прибегает» к любым средствам, вплоть до поощрения иностранного вмешательства «для того, чтобы опять добиться власти и уничтожить любые прогрессивные начинания»⁷⁶.

Глубочайший кризис феодальной системы затронул все стороны жизни Османской империи. Экономический и культурный упадок государства определялся глубочайшим конфликтом между производительными силами и феодальными производственными отношениями. В свою очередь этот кризис отразился на политическом и военном могуществе империи османов. Возникшая в результате захватнических походов турок-османов Османская империя не объединяла народы, населявшие ее территорию, не способствовала их экономическому и культурному сближению, а служила тормозом развития как для угнетенных народов, так и для самого турецкого народа. Действительно, как указывал Маркс, «пребывание турок в Европе представляет собой серьезное препятствие для развития всех ресурсов, которыми обладает фракийско-иллирийский полуостров»⁷⁷. Таким же препятствием Порты была и для Кавказа.

Гнет турецкого султана вызвал сильный отпор поработенных народов, в том числе и народов Кавказа. Восстания охватили колоссальные области империи. Султанская централизованная власть над всеми покоренными провинциями терпела крах. Пользуясь внутренним кризисом в собственно Турции - Анатолии, подчиненные центральной власти феодалы за другим выходили из этого подчинения и создавали самостоятельные государства⁷⁸. Маркс указывал по этому поводу: «...власть центрального, то есть турецкого, правительства из года в год ослабляется восстаниями в христианских провинциях, из которых ни одно не бывает совершенно безуспешным из-за слабости Порты и вмешательства соседних государств»⁷⁹.

Кризис Османской империи, внутренние осложнения и освободительная борьба поработенных ею народов способствовали иностранному проникновению в дела Высокой Порты. Английские и французские колонизаторы проникли во все сферы жизни империи османов, отношения которой с Англией и Францией приобрели весьма неравноправный характер. С середины XVIII в. [57-58] огромным влиянием на Турцию стала пользоваться Франция, направлявшая как внешнюю, так и внутреннюю политику султана.

Россия и Австрия по отношению к Турции вели открытую экспансионистскую политику. Спровоцированная французами русско-турецкая война 1768-1774 гг. резко ухудшила внутреннее положение Османской империи, а подписанный 10 (21) июля 1774 г. Кючук-Кайнарджийский мирный договор⁸⁰ привел к утере ею значительной территории, в том числе феодальных владений Северного Кавказа. Особенно подорвали мощь Османской империи предусмотренные договором

⁷³ Берар, Персия и персидская смута, стр. 17.

⁷⁴ ЦГВИА, ф. 52, д. 286, л. 32 (цит. по: В. Г. Гаджиев, Роль России в истории Дагестана, стр. 179).

⁷⁵ А. Ф. Миллер, Мустафа-паша Байрактар стр. 57.

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Британская политика.- Турция, стр. 6.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ А. Ф. Миллер. Мустафа-паша Байрактар, стр. 59.

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Британская политика.- Турция, стр. 6.

⁸⁰ Подробно см.: Т. Юзефович, Договоры России с Востоком..., стр. 24-41.

признание права России на свободное торговое мореплавание в Черном море в проливах и права покровительства России господарям Молдавии и Валахии и православной церкви. Но самым тяжким ударом для могущества султана была потеря Крыма, объявленного независимым, а в 1783 г. присоединенного к России. Впервые от Османской империи отпала не христианская, а мусульманская провинция. Султан потерял выгодного вассала в лице крымского хана. Важная стратегическая позиция, преграждавшая России путь к Черному морю, была утрачена. К этому времени относится и возникновение так называемого восточного вопроса, ставшего для великих держав, по выражению К. Маркса, «вечным восточным вопросом», всплывавшим на поверхность «всякий раз, когда утихает на время революционный ураган»⁸¹.

Превратившись в конце XVIII - начале XIX в. в мощное политическое средство, восточный вопрос содействовал «тем силам, которые стремились разрушить изнутри эту клонящуюся к гибели империю»⁸². Хотя царская Россия наряду с другими странами Европы к началу XIX в. стала играть роль международного жандарма и ее политика в отношении Турции носила агрессивный характер, восточный вопрос не ограничивался разрешением лишь русско-турецких противоречий. Все европейские державы, а не только царская Россия, стремились воспользоваться слабостью Османской империи, чтобы прибрать ее обширную территорию к своим рукам⁸³. Народные восстания в поработанных областях охватили всю огромную Османскую империю.

Однако угроза турецкого порабощения для народов Закавказья оставалась еще реальной действительностью. В этих исторических условиях стало невозможным дальнейшее самостоятельное существование ханств Азербайджана, как и всего Закавказья. «Азербайджанский народ оказался перед альтернативой [58-59] - либо подпасть под тяжелое иранское и турецкое иго, либо присоединиться к России»⁸⁴, способной оградить его от грабительских нашествий иноземных захватчиков и избавить от внутренних междоусобиц.

В результате нескончаемых нашествий иранских и турецких феодалов и внутренних междоусобиц азербайджанский народ понес большие жертвы. «Весь пройденный азербайджанским народом путь тяжелой вековой борьбы против иранских и турецких захватчиков воспитывал в нем чувство ненависти к этим кровавым завоевателям»⁸⁵. Об этом свидетельствуют не только русские источники, но даже некоторые иранские. В хронике придворного шахского историографа Рза Кули-хана Хидайата говорится, что издевательства палача Ага-Мухаммед-шаха Каджара и грабительские действия его полчищ в Азербайджане усиливали ненависть азербайджанцев к этому кровавому завоевателю и к Ирану, в то же время они усиливали симпатии к русскому государству⁸⁶. Именно это обстоятельство и описанные выше события способствовали усилению в Азербайджане ориентации на Россию на рубеже XVIII и XIX вв. Этим и объясняется активное участие населения в иррегулярных войсках Азербайджана на стороне русской армии в русско-иранских и русско-турецких войнах первой трети XIX в.

Русско-иранская война 1804 - 1813 гг. и активное участие в ней азербайджанского народа

С присоединением Картли-Кахетинского царства, согласно манифесту Александра I от 12 сентября 1801 г., к России присоединились и азербайджанские земли, находившиеся в вассальной зависимости от грузинского царя: Казахское⁸⁷, Шамшадильское и Борчалинское султанства. В ходе присоединения Закавказья к России уже некоторые ханства Азербайджана фактически были ликвидированы путем вооруженного принуждения.

11 сентября 1802 г. грузин - князь П. Д. Цицианов был назначен главнокомандующим на Кавказ. Он прибыл в Тифлис в феврале 1803 г. Официально он считался инспектором Кавказской линии, астраханским губернатором, управляющим гражданской частью и главноуправляющим Грузией. Цицианов принадлежал к старинной грузинской княжеской фамилии. Его дед - князь Паата Цицишвили (Павел Захарьевич Цицианов) - в 1725 г. переселился в Россию вместе с царем

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Британская политика - Турция, стр. 3.

⁸² Там же.

⁸³ Н. С. Киняпина, Внешняя политика России..., стр. 7.

⁸⁴ «История Азербайджана», т. I, стр. 381.

⁸⁵ Там же, стр. 382.

⁸⁶ См.: «Роузат-ус-сафа», стр. 149.

⁸⁷ Казахское султанство некогда было под управлением сына кахетинского царя Ираклия II - царевича Александра (см.: О. П. Маркова, Восстание в Кахетии 1812 г., стр. 97).

Картли, Вахтангом VI. Отец П. Д. Цицианова, Дмитрий Павлович, был [59-60] царедворцем и служил по гражданской части, мать была урожденной княжной Давидовой Елизаветой Михайловной. Двоюродная сестра генерала Мария Георгиевна была последней грузинской царицей. Выбор Александра I, павший на князя Цицианова, был не случайным. Еще в 1795 г. он по личному назначению Екатерины II принял участие в «персидском походе» В. Зубова. В 1796 - 1797 гг. Цицианов был комендантом крепости Баку. Занимая высшие командные должности в царской армии, Цицианов принял участие в жестоком подавлении восстания в Польше в 1794 г., за что получил от Екатерины II орден Георгия III степени, крупное поместье в Минской губернии и 1500 душ крепостных крестьян⁸⁸.

Разумеется, князь Цицианов прибыл и на Кавказ не для ограждения его народов от военно-феодалной экспансии иранских и турецких захватчиков, а для претворения в жизнь внешнеполитических планов русского царизма. Назначение Цицианова преследовало вполне определенные цели. Царское правительство, вверив ему всю военную и гражданскую власть в Закавказье, рассчитывало с его помощью «умиротворить» Кавказ и примирить грузинских феодалов с потерей политической самостоятельности. Цицианов отличался презрительным и жестоким отношением к народам Кавказа.

Свидетельством этого может служить его письмо одному из активных сторонников русской ориентации, Ахмед-хану Аварскому: «Кто имеет честь командовать, как я, непобедимым всероссийским войском, тот весь Дагестан считает за МУХ и желает иметь случай на деле то показать... Вам уже несколько известен мой образ мысли и постелю ли я люблю или поле боевое, где кровь льется реками и головы валяются, как яблоки»⁸⁹.

«В Азии, - восклицал Цицианов, - все убеждения и переговоры суть ничто, а сила - все»⁹⁰.

Многие дворянские и буржуазные дореволюционные историки - апологеты колонизаторской политики царизма характеризуют царского сатрапа такими словами: «За это время (с 1803 г.- Х. М. И.), - свидетельствует один из них, - путем блестящих экспедиций во все стороны он (Цицианов.- Х. М. И.) наводит страх на горские племена и покоряет одно ханство за другим»⁹¹.

В марте 1803 г. началось покорение Джаро-Балакенских джамаатов (обществ), земли которых имели важное стратегическое значение как плацдарм Ирана и Турции для борьбы против России и развития наступления в глубь Закавказья. Во время одной из карательных экспедиций Цицианов [60-61] жестоко обращался с населением Джаро-Балакенских джамаатов, состоявшим из азербайджанцев и лезгин. «Кто силу в руках имеет, - писал в воззвании к джарцам Цицианов 23 июня 1803 г., - тот с слабым не торгуется, а повелевает им»⁹². Джаро-Балакенские общества были присоединены в январе 1804 г.

В начале января 1804 г. русские войска силой оружия подчинили Гянджинское ханство. Взятие Гянджи было чрезвычайно важно в политическом и военном отношениях. Во-первых, крепость эта считалась ключом к Южному Азербайджану; во-вторых, после взятия Гянджи для русских войск создавалась возможность дальнейшего продвижения с целью подчинения других ханств Азербайджана.

Кроме этого покорение Гянджинского ханства обеспечило безопасность восточных границ Грузии и способствовало дальнейшему продвижению русских войск в сторону Каспийского моря для установления морских коммуникаций с Астраханью через Баку.

О важности взятия Гянджинской крепости свидетельствует документ того периода, в котором сказано: «Местное положение Гянджинской крепости повелевает всем Адржибежаном. Вот почему сие завоевание первой важности для России»⁹³.

О том, какое большое значение придавало царское правительство крепости Гянджа и всему ханству, наглядно доказывает учрежденная им «Нагрудная медаль за участие во взятии Гянджи 3 января 1804 г.»⁹⁴. В осаде и штурме крепости Гянджа приняли участие азербайджанские конные ополчения общей численностью в 700 человек⁹⁵.

По свидетельству русского источника, «всеми татарами и легкими войсками во время осады Гянджи» командовал генералмайор Портнягин⁹⁶. Для овладения Гянджой русские войска были

⁸⁸ «Конспект по истории покорения Кавказа...», стр. 10.

⁸⁹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. I, стр. 44.

⁹⁰ Н. Ф. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. IV, стр. 134 - 135.

⁹¹ Там же, стр. 11.

⁹² АКАК, т. II, док. 1392.

⁹³ «Славянин», 1827, № VII, стр. 117 - 118.

⁹⁴ Один экземпляр медали хранится в нумизматическом фонде Музея истории Азербайджана в Баку, инв. № 19840.

⁹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4278, ч. 2 (схема штурма Гянджи).

⁹⁶ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 1279, л. 29 об.

разделены на две наступающие колонны. В состав первой колонны вошли конные ополчения «татар казахских - 300 чел., шамшадильских - 200, борчалинских - 100, демурчасальских (демирчилярских - *Х. М. И.*)⁹⁷ - 100». В ходе наступления из казаков и азербайджанских воинов были выставлены Пикеты для охраны. В момент штурма Гянджи «легкая татарская конница составляла цепь в округе города для непропуска неприятеля на случай, буде бы где хотят прорваться»⁹⁸. Штурм Крепости со стороны Тифлисской дороги осуществлял отряд [61-62] «подполковника Симонича из батальона Кавказских гренадер, с двумя сотнями татар при двух орудиях»⁹⁹.

Перед крепостью завязались ожесточенные бои, в результате которых войска Джавад-хана потеряли 250 человек только убитыми, а 500 человек сдались в плен. В ходе боев на сторону русских войск перешло значительное количество воинов Джавад-хана, которые ежедневно бежали из крепости, «умалая тем гарнизон». В гянджинском сражении приняли непосредственное участие подполковник И. О. Симонич, капитан Котляревский, полковник Ахвердов, поручик граф М. С. Воронцов (будущий наместник Кавказа)¹⁰⁰ и др.

В 1805 г. в состав России вошли Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства. Присоединение их было осуществлено без вооруженного столкновения, мирным путем. «Владение, - доносил Цицианов царю после присоединения Карабахского ханства, - обратившееся в одну из российских провинций, приобретено не мечом и не военною рукою»¹⁰¹.

14 и 21 мая 1805 г. в лагере русских войск, на берегу речки Кюррак-чай (в 20 км от Гянджи), были подписаны соответственно трактаты о вступлении в подданство России Карабахского и Шекинского ханств. Кюррак-чайские трактаты подписали с русской стороны генерал Цицианов, со стороны ханств Ибрагим-Халиль-хан Карабахский и Селим-хан Шекинский. Трактат о вступлении Ширванского ханства и состав России был подписан Мустафа-ханом Ширванским и Цициановым 25 декабря 1805 г.

Подписание договоров о переходе в 1805 г. в подданство России Карабахского, Шекинского и Ширванского ханств Азербайджана имело большое политическое значение.

В следующем, 1806 г. в состав России вошли Дербентско-Кубинское, и Бакинское ханства, а в 1809 г. - Тальшское ханство.

Подчинив своему господству Ширванское ханство - одно из самых крупных и богатых ханств на Севере Азербайджана, русский царизм приобрел большие экономические, политические и стратегические преимущества в связи с центральным положением Ширванского ханства по отношению к Кубинскому и Бакинскому ханствам, быстрое присоединение которых к России было обусловлено именно этими преимуществами. Исключительно важное значение в торговом и стратегическом отношениях имело также и Бакинское ханство, являвшееся последним звеном на пути из Грузии к Каспийскому морю. По этой причине Бакинское ханство занимало довольно значительное место [62-63] в планах как иранского шаха, подстрекаемого английской и французской дипломатией, так и русского царизма. «Место Джеват, - писал царский дипломат Чарторыйский, - по физическому своему положению долженствует быть со временем важным пунктом для связания торговых сношений Персии с Астраханью, когда обеспечены будут таковые же сношения с лучшею по Каспийскому морю гаванью Бакиною и пристанью Сальян»¹⁰².

Политику царизма по отношению к Бакинскому ханству можно определить по рескрипту Александра I от 12 сентября 1801 г., адресованному главнокомандующему на Кавказе Кноррингу: «Содержа сношение, - говорится в нем, - с окрестными владельцами и народами, стараться приумножить число приверженных к России... стараться особливо через хана Бакинского, который владеет и устьем (Куры. - *Х. М. И.*) и лучшим портом на Каспийском море, достигнуть до способов доставлять к войскам нашим в Грузии тяжести из Астрахани водою, а не трудным путем через горы Кавказские»¹⁰³.

В этот период наблюдается активизация британской политики в Закавказье. Русский консул в Иране Скибиневский писал в Петербург из Баку, что английский посланник Малькольм обещал Фетх-Али-шаху прислать «триста человек мастеровых людей, не только в мануфактуре искусных,

⁹⁷ Название деревни в бывшей Казахской дистанции, ныне в Казахском районе Азерб. ССР.

⁹⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4278, ч. I.

⁹⁹ Г. Казбек, Военная история Грузинского гренадерского полка, стр. 34.

¹⁰⁰ См.: Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 36, он. 1, д. 1279, лл. 30 об. - 32

¹⁰¹ АКАК, т. II, стр. 703.

¹⁰² «Внешняя политика России XIX и начала XX веков», т. I, док. 144.

¹⁰³ АКАК, т. I, док. 548.

но и в построении морских судов и в приготовлении нужных для вооружения судов припасов»¹⁰⁴. Речь шла о Каспийском море и постройке военных кораблей.

Для покорения Бакинского ханства прибыли из Елизаветполя русские войска – 1050 человек пехоты, 332 человека конницы и 10 орудий. Конница состояла из азербайджанцев и казаков. Кроме того, на помощь русским прибыла азербайджанская конница из Карабага численностью в 1500 сабель¹⁰⁵.

Во главе этой конницы был старший сын Ибрагим-Халиль-хана - Мехти-Кули-ага¹⁰⁶.

В бакинской операции Цицианов проявил всю жестокость ревностного исполнителя повелений царя. В плане операции по занятию крепости Баку Цицианов писал: «Идти всей флотилии с войсками к Баке и вошед в славную и безопасную Бакинскую бухту блокировать город. Послав с судна офицера с предложением о сдаче города... на волю сильного (т. е. нашу), ожидать, какой прием сделан будет». Далее в плане Цицианова предусматривалась бомбардировка города с кораблей и превращение его «в пепел». Больше того, Цицианов приказал войскам [63-64] «по взятии города... поставить пушки по таким местам, с коих можно держать город в страхе»¹⁰⁷.

В начале февраля 1806 г. Цицианов во главе крупного отряда пехоты и конницы с артиллерией соединился в 2 км от Баку с десантным отрядом генерала Завалишина, расположился около урочища Нахыр-булах и приступил к переговорам с Гусейн-Кули-ханом Бакинским. Выехав 8 февраля почти без конвоя в сопровождении князя Элисбара Эристави (подполковник Нарвского драгунского полка) для свидания с ханом и спешившись у самых крепостных ворот, Цицианов был убит двоюродным братом Гусейн-Кули-хана - Ибрагим-беком, который «вошел в тайные переговоры с персиянами»¹⁰⁸ и обаялся убить Цицианова, чтобы раз навсегда поссорить бакинцев с русскими. «Гусейн-Кули-хан ничего об этом не знал»¹⁰⁹. В ту же ночь Ибрагим-бек бежал в Тебриз к Аббас-Мирзе, которому привез отрубленную голову Цицианова, за что был возведен в ханский титул и назначен начальником отряда иранских войск. Русские войска отошли от Баку.

В том, что убийство Цицианова у стен Бакинской крепости было совершено по указанию иранского двора, нет никакого сомнения. Исполнителями и соучастниками этого акта были и представители грузинского царского дома, бежавшие в Иран и ненавидевшие своего земляка, Цицианова. В частности, грузинский царевич Александр принимал деятельное участие «в убиении кн. Цицианова». За это убийство Фетх-Али-шах обещал царевичу Александру помощь для восстановления его прав на грузинский царский престол¹¹⁰.

Вопрос убийства Цицианова у стен Бакинской крепости до сего времени еще недостаточно точно и окончательно освещен в исторической литературе. Пока что не выявлены сколько-нибудь аргументированные данные об истинных виновниках убийства Цицианова, имя же его оставило в памяти народов Кавказа лишь воспоминания об ужасах его правления. Если верить дореволюционным историкам России, то большинство из них обвиняет в убийстве Цицианова Гусейн-Кули-хана Бакинского; часть же (В. Потто, А. Петров) считает, что он не причастен к убийству.

В советской историографии факт убийства Цицианова оценивается как следствие чрезмерной самоуверенности его. Советские историки дают совершенно ясную и определенную оценку Цицианову как одному из ярых монархистов, презрительно [64-65] относившихся к народам Кавказа, «всемогущему» сатрапу царя, По прибытии в Закавказье Цицианов «старался заверить грузинских князей и дворян в том, что они сохраняют все свои права в отношении эксплуатации подвластных им крепостных крестьян... В результате значительная часть грузинского дворянства стала на путь сотрудничества с царизмом». Касаясь убийства Цицианова, автор пишет: «Честолюбивый и падкий на низкую лесть Цицианов охотно разыгрывал роль всемогущего сатрапа, высокомерно и пренебрежительно обращаясь с раболепствующими перед ним местными феодалами. Именно так он вел себя и в переговорах с бакинским ханом, хотя последний держался с большим достоинством, чем некоторые другие вассалы иранского шаха»¹¹¹.

О давлении шаха на Гусейн-Кули-хана Бакинского и о значении, которое придавалось иранским правительством крепости Баку, свидетельствует следующее высказывание придворного

¹⁰⁴ Цит. по: А. Р. Иоаннисян, Присоединение Закавказья к России..., стр. 52.

¹⁰⁵ Мирза Адигезал - бек, Карабаг-наме, стр. 108.

¹⁰⁶ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. I, стр. 232.

¹⁰⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4262, л. 3 об.

¹⁰⁸ При дворе бакинского хана в этот период жили два иранских хана, присланные Фетх-Али-шахом формально для проведения воды из моря в крепостной ров, фактически же выполнявшие роль агентов шаха с задачей предотвращения сближения Гусейн-Кули-хана Бакинского с русскими.

¹⁰⁹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. I, стр. 232.

¹¹⁰ А. И. Петров, Война России с Турцией 1806 - 1812 гг., т. I, стр. 290-291.

¹¹¹ А. В. Фадеев, Россия и Кавказ первой трети XIX в., стр. 109, 125

шахского историографа - хрониста Абд ар-Раззак Думбули. «Узнав об этом (о планах захвата Баку русской армией. - *Х. М. И.*) Аббас-Мирза потребовал от них (от Шейхали-хана, Сурхай-хана и Гусейн-Кули-хана.- *Х. М. И.*) обороны Баку и направил туда доверенных людей с военным имуществом и боеприпасами»¹¹².

Процесс присоединения Азербайджана к России при наличии двух противоположных ориентации не обходился без вооруженного сопротивления проирански настроенной части азербайджанских феодалов и их приверженцев. В то же время в этом процессе активную роль играли широкие массы населения и другая часть азербайджанских феодалов, сторонников русской ориентации. Начальный этап этого процесса, длившийся вплоть до 1829 г., был усложнен русско-иранской войной, с событиями которой он был тесно связан.

Последовательная ориентация широких масс населения Азербайджана на Россию, в которой они видели надежную защитницу, в конечном итоге предрешила вопрос о присоединении к ней. Однако это происходило вопреки колебаниям ряда феодальных владетелей и высшего мусульманского духовенства. Ханы и духовенство, с одной стороны, испытывали страх перед шахским Ираном, с другой - боялись, что, присоединившись к России, лишатся своей власти и привилегий.

Характер присоединения азербайджанских ханств к России определялся в зависимости от соотношения внутренних сил и от степени угрозы со стороны шахского Ирана.

Следовательно, длительность и сложность процесса присоединения Азербайджана к России были обусловлены активным противодействием шахского Ирана, колонизаторской [65-66] политикой Англии и вооруженным сопротивлением части внутренних сил некоторых ханств. Естественно, борьба отдельных азербайджанских ханов, так же как грузинских царевичей и князей, утративших свою власть и владения, не ограничивалась лишь первоначальным сопротивлением наступавшей русской армии. Эта борьба периодически возобновлялась в зависимости от внешнеполитической обстановки и внутреннего положения в том или ином ханстве Так, Шейхали-хан Кубинский на протяжении шести лет трижды со значительными силами выступал против России. Вполне понятно, что внутри ханства он опирался на феодально-клерикальные круги, настроенные против России, а извне ему оказывал помощь шахский Иран как вооружением, боеприпасами и деньгами, так и одновременным вторжением на территорию ханства. Один из азербайджанских источников свидетельствует, что Шейх-Али-хан «пригласил к себе часть войска под предводительством сардара Пир-Гули-хана Каджара»¹¹³ для борьбы против России; Селим-хан Шекинский получил «значительную сумму от Аббас-Мирзы для военных приготовлений, а брат Мустафа-хана Ширванского - Гашим-бек... передан к Аббасу-Мирзе... который... снабдил его 4000 персидских конных войск и приказал разорять Елизаветпольский округ»¹¹⁴.

По сведениям, приводимым в хронике Каджаров «Китаб-и Маасир-и Султанийе» Абд ар-Раззак Думбули, «Шейхали-хан Дербентско-Кубинский, Сурхай-хан Лезгинский и Гусейн-Кули-хан Бакинский послали» в этот период «Аббасу-Мирзе заверительные письма, в которых клялись ему в верности»¹¹⁵.

Эти выступления не обходились без вмешательства англичан, финансировавших шаха. Такие проирански настроенные феодалы, как Шейхали-хан Кубинский, Джават-хан Гянджинский, Селим-хан Шекинский и другие, вопреки интересам и чаяниям азербайджанского народа оказывали упорное сопротивление русской армии и препятствовали присоединению своих владений к России. Против этих враждебно настроенных к России феодалов нередко выступало население, принимая активное участие в составе русских войск при ликвидации вооруженного сопротивления некоторой части азербайджанских «феодалов и мусульманского духовенства. Так, когда Джаро-Балакенские джамааты под влиянием агитации шахских эмиссаров выступили против присоединения к России, то в подавлении их сопротивления и в штурме крепости Белоканы приняли активное участие ополчения казахских азербайджанцев и грузин.

Об этом свидетельствует один из документов, в котором читаем: «Генерал Гуляков, переправясь через Алазань... двинулся [66-67] к оной (т. е, к крепости Белоканы.- *Х. М. И.*) с отрядом, увеличенным пятью тысячами добровольно присоединившихся к нему грузин и казахцев (азербайджанцев.- *Х. М. И.*), и 9 марта Белоканы взяты штурмом»¹¹⁶. Поход царского генерала Гулякова бесспорно носил карательный характер со всеми жестокостями, применяемыми при

¹¹² См.: Абдар-раззак Думбули, Маасир-и Султанийе.

¹¹³ А. Бакиханов, Гюлистан-Ирам, стр. 156.

¹¹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4263, л. 44

¹¹⁵ Абдар-Раззак Думбули, Маасир-и Султанийе.

¹¹⁶ «Кавказ», 19.I.1846

этом, но активное участие азербайджанских и грузинских добровольцев в этом походе и штурме сопротивлявшейся крепости Белоканы было продиктовано не поддержкой колонизаторских целей царизма, а заботой о безопасности своих земель и своего народа от угрозы вторжения иноземных захватчиков через Джаро-Балакенскую территорию, служившую плацдармом для нападения на Азербайджан и Грузию.

Другим, не менее убедительным свидетельством этому служит факт значительной вооруженной помощи азербайджанцев Казаха, Шамшадиля, Ворчалю и Демирчилчра малочисленному русскому отряду в ликвидации упорного сопротивления Джават-хана Гянджинского. Это выступление против последнего самих азербайджанцев и помощь их русским войскам признается даже западноевропейской буржуазной историографией XIX в. О. Ш. Вссерд причиной поражения Джават-хана Гянджинского считал именно вооруженную помощь русским войскам азербайджанцев из Шамшадиля под командованием Насиб-бека Шамшадильского. Вооруженную помощь шамшадильских азербайджанцев русской армии в изучаемый период подтверждает и Аббас-Кули-Ага Бакиханов¹¹⁷.

Когда ширванский владетель Мустафа-хан и бакинский Гусейн-Кули-хан оказали вооруженное сопротивление русской армии, то ей на помощь пришли ополчения азербайджанской конницы из Карабаха и Гянджи общей численностью в 1832 человека¹¹⁸. Ибрагим-Халиль-хан Карабахский выслал на помощь русской армии своего сына Мехти-Кули-ага с войском¹¹⁹.

Подробное описание положения Карабахского ханства и связей Ибрагим-Халиль-хана с Россией в этот период мы встречаем в работе того же О. Ш. Вссерда. Характеризуя стремление Ибрагим-Халиль-хана к сближению с Россией, он пишет, что последний «о своем желании быть независимым от Персии... уже раньше заявлял тем, что он дважды встречал власть Ага Магоммеда... оружием и охотнее спасался бегством к горным народам Дагестана, чем признавал власть каджарского хана»¹²⁰. Говоря о военной помощи Ибрагим-Халиль-хана [67-68] Карабахского России, Вссерд пишет, что совместно с российскими войсками «союзные местные кавалеристы» выступили против иранских войск и «должны были защищать мост» (Худаферинский. - *Х. М. И.*)... и «столицу Шушу»¹²¹.

Азербайджанцы приняли активное участие в борьбе за присоединение Дербентско-Кубинского ханства к России и изгнание ненавистного народу правителя Шейхали-хана. Он был сыном знаменитого Фатали-хана Кубинского, рожденным от наложницы. До смерти брата своего Ахмед-хана Шейхали-хан был сальянским наибом. Если отец его, Фатали-хан Кубинский, крупный государственный деятель своего времени (1758-1789), старался всячески укрепить Кубинское ханство в обстановке постоянной угрозы со стороны султанской Турции и шахского Ирана, то Шейхали-хан меньше всего беспокоился о судьбах ханства и народа, разоряя и грабя его, не занимаясь упорядочением внутреннего устройства и укреплением положения ханства по отношению к другим владениям.

Став ханом Дербентско-Кубинским (в 1791 г.), Шейхали-хан жил в Кубе, а в Дербент назначил наибом одного из своих приверженцев - Имам-Кули-бека¹²².

По отношению к России Шейхали-хан вел неустойчивую, двойственную политику, внешне изъявляя покорность. Еще в 1796 г. он оказал упорное сопротивление русским войскам. После штурма и взятия Дербента 10 мая 1796 г. русскими войсками Шейхали-хан был приведен к Зубову с саблей на шее в знак изъявления покорности. Однако впоследствии он нарушил присягу русскому государству и даже принял активное участие совместно с Нух-беком (сыном Сурхай-хана Казикумыкского) в разгроме русского отряда генерала Завалишина 15 августа 1805 г. под крепостью Баку¹²³.

Народ ханства в этот период выносил самые оскорбительные унижения и притеснения Шейхали-хана и его приверженцев. «Сладострастный и развратный Шейхали-хан хлопотал только об удовлетворении собственных прихотей и не заботился о благе подданных»¹²⁴. В течение нескольких лет ханство было разорено и экономика его пришла к упадку. Деспотизм Шейхали-зана не имел предела. Он «мог, никого не спрашиваясь и никому не давая отчета, казнить и

¹¹⁷ О. Wssehrd, Die Kampfe zwischen Pesien und Russland... . стр. 5: А. Бакиханов, Гюлистан-Ирам, стр. 153.

¹¹⁸ См.: АКАК, т. II, док. 1518.

¹¹⁹ Мирза Джамал Джеваншир Карабахский, История Карабага, стр. 84.

¹²⁰ О. Wssehrd, Die Kamfe zwischen Persien und Russland..., стр. 11.

¹²¹ Там же, стр. 12.

¹²² См.: Н. Ф. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. V, стр. 64; А. Бакиханов, Гюлистан-Ирам, стр. 140. 152

¹²³ См.: А. Бакиханов, Гюлистан-Ирам, стр. 153.

¹²⁴ Н. Ф. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. V, стр. 63.

миловать, гнать и жаловать всех и каждого без различия званий»¹²⁵. «Ни слезы добродетельных красавиц, ни бешенство мужей, ни просьбы матерей - ничто не смягчало сладострастного деспота»¹²⁶. Когда в июне 1806 г. к [68-69] Дербенту приближались русские войска, дербентские «жители были в восторге, что наступает минута освобождения»¹²⁷ от тирании хана. Все сторонники русской ориентации (большинство выступили против ненавистного правителя. Одновременно в урочище Куцу к русскому командованию были направлены 13 человек почетных депутатов с полномочиями объявить желание жителей Дербента о переходе в подданство России¹²⁸. Дербентцы, издавна стремившиеся к сближению с Россией, надеялись связать свою судьбу с ней. Свои симпатии к России они подтвердили кровью в последующий период на полях сражений.

О боевых качествах азербайджанцев - жителей Дербентско-Кубинского ханства - весьма положительно отзывались даже русские дореволюционные исследователи. В частности, один из них, С. Броневский, писал: «Дербентцы... умеют отражать... нападения, будучи от природы храбры и по осторожности всегда вооружены». Многочисленные дербентские ополчения приняли участие в боевых действиях на стороне русской армии. «Жители ханства Дербентского, - писал Броневский, - вместе в городскими... набрать могут... четыре тысячи вооруженных людей, большей частью конницы, которая почитается в Дагестане (и Азербайджане.- *Х. М. И.*) за лучшую»¹²⁹.

22 июня 1806 г. русские войска вошли в Дербент, население которого подняло восстание против своего правителя, бежавшие в горы, к Сурхай-хану Казикумыкскому. Бакиханов писал по этому поводу: «Дербентцы, собравшиеся к Али-Панах-беку¹³⁰..., выгнали из города Шейхали-хана, коего поведением они были весьма недовольны, послав депутатов навстречу генералу (Глазенапу. - *Х. М. И.*), просили его покровительства»¹³¹.

Этот факт упоминается французским буржуазным историком А. Раббе, который писал: «Жители Дербента прогнали своего тирана и принесли ключи города русскому генералу, который вступил в него среди самого живого проявления радости»¹³².

После присоединения Дербента русские войска направились к крепости Баку. Приближаясь к Баку, генерал С. А. Булгаков, сменивший Глазенапа, отправил жителям города прокламации, предлагая им добровольно присоединиться к России. 3 октября Гусейн-Кули-хан отправил навстречу Булгакову своего [69-70] чиновника Касим-бека¹³³ с девятью городскими знаменами, ключам: от крепости, хлебом-солью. У горы Беш-Бармак Касим-бека встретил Булгаков и обещал, что и хан и жители города не пострадают. Для подтверждения своих обещаний Булгаков отправил в крепость своего сына. Но жители города не поверили в обещания Булгакова и, боясь мести за гибель Цицианова, оставили город и бежали в горы. Молодому Булгакову удалось убедить часть населения в мирных намерениях русского отряда и вернуть его в город. Однако Гусейн-Кули-хан, боясь наказания, вместе с семьей и приближенными бежал в Кубу, а оттуда в Иран¹³⁴.

В Шекинском ханстве Селим-хан организовал заговор против правителя Шеки - своего брата Фетали-хана - и с помощью своих приверженцев в 1805 г занял ханский трон. После гибели своей сестры (жены Ибрагим-Халиль-хана Карабахского) Селим-хан уничтожил русский гарнизон крепости Шеки, но после подхода русского отряда «и первых стычек» с ним, «чувствуя свою слабость, бежал в Кызылбашскую сторону»¹³⁵ (в Иран. - *Х. М. И.*).

В этот период население Шекинского ханства организова, охрану границ собственными силами и еще выставило дополнительно для помощи русской армии иррегулярную конницу в тысячу сабель. В период русско-иранской войны 1804-1813 гг. шекинцы приняли активное участие в составе русских войск боевых действиях против иноземных захватчиков и враждебно настроенных к России азербайджанских феодалов. Причем по количеству шекинские пешие

¹²⁵ И. Березин, Путешествие по Востоку, ч. 2, стр. 45.

¹²⁶ «Известие о взятии Дербента».

¹²⁷ П. Зубов, Подвиги русских воинов, стр. 6.

¹²⁸ См.: Н. Ф. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе. т. V, стр. 64.

¹²⁹ С. Броневский, Новейшие географические..., ч. 2, стр. 340.

¹³⁰ Сын одного из азербайджанских феодалов Дербента после взятия русскими войсками Дербента был назначен правителем города и произведен в чин майора русской армии (см.: А. Бакиханов, Гюлистан-Ирам, стр. 156)

¹³¹ Там же

¹³² A. Rabbe, Histoire d'Alexandre I-er..., стр. 1 - 11.

¹³³ Одно из влиятельных в Бакинском ханстве лиц, способствовавших сдаче крепости Баку русским войскам без кровопролития (см.: «Утверждение русского владычества на Кавказе», т I, стр 258)

¹³⁴ Там же, стр 253

¹³⁵ Керим-ага Фатех, Краткая история Шекинских ханов стр 52 - 53

ополчения были наиболее значительными среди ополчений других провинций Азербайджана. Шекинская провинция в этот период могла выставить «от 10 до 12 тысяч вооруженных людей, в большинстве своем пеших однако почитаемых за храбрых воинов»¹³⁶.

Многие азербайджанские владетели, признав себя вассалами России, управляли автономно своими ханствами и султанствами до 20-х годов XIX в. Однако это не означало сохранения ханской или султанской власти. Ханства и султанства Азербайджана были ликвидированы: Гянджинское ханство - 1804 г., Бакинское - в 1806 г., Шекинское ханство, Казахское и Шамшадильское султанства - в 1819 г., Ширванское ханство - в 1820 г., Карабахское - в 1822 г., Талышское - в 1826 г. Нахичеванское - в 1840 г, Илисуйское султанство - в 1844 г. Но эта ликвидация была формальной, так как фактически эти [70-71] ханства были лишены самостоятельности сразу же после присоединения к России.

Некоторые ханства (Гянджинское, Бакинское) непосредственно после присоединения к России были преобразованы соответственно в Елизаветпольский уезд и Бакинскую провинцию. Это было обусловлено вооруженным сопротивлением гянджинского и бакинского ханов русской армии. Многие же другие ханства и султанства, присоединенные к России без кровопролития, мирным путем, на протяжении 12 - 18 лет (а Илисуйское султанство - 41 год) продолжали формально именоваться ханствами и султанствами¹³⁷.

Однако длительный процесс преодоления феодальной раздробленности, связанный с постепенным уничтожением остатков экономической обособленности бывших ханств, упразднением многочисленных таможенных барьеров между ними, введением единой денежной системы, установлением единого правопорядка, одинаково протекал на территории всех феодальных владений, присоединенных к России, независимо от сроков формального упразднения ханств и султанств.

Ханства и султанства как самостоятельные феодальные единицы были упразднены непосредственно после присоединения к России и превращены в составную часть Российской империи, российского экономического и политического организма. Этому способствовала ликвидация ханской власти во всех феодальных владениях, присоединенных к России, даже в тех, которые на протяжении 15 - 18 лет именовались ханствами.

Ввиду неблагоприятной обстановки царизм на первых порах создавал видимость политического сотрудничества с местными феодалами и даже сохранял за ними право на внутреннее правление. Но с течением времени царское правительство и в Азербайджане установило режим национального гнета и бесправия.

Вместе с тем именно ликвидация ханств и султанств как проявления политической и экономической раздробленности страны была важным непосредственным прогрессивным последствием присоединения Азербайджана к России.

В начале XIX в., после присоединения азербайджанских ханств к России, численность населения составила: в Бакинском ханстве - 9144 человека, в Дербентском (без Кубы) - до 10 тыс., в Кубинском - 76878, в Карабахском - 84 тыс, в Шекинском - 90 тыс., в Ширванском (в том числе и Сальяны) - 144 тыс¹³⁸.

Включив в состав России азербайджанские ханства и султанства, а также территорию Грузии и часть Восточной Армении, царизм приобрел стратегический плацдарм за Кавказским хребтом. [71-72]

Присоединение азербайджанских земель и остальной территории Закавказья вызвало бешеную злобу иранских феодалов. «Персия с ужасом смотрела,— писал Бакиханов, - на быстрые, успехи русских и, желая остановить их, отправила в Грузию Александра Мирзу (царевича Александра.- Х. М. И.), прибегнувшего к ее двору в надежде возвратить Грузию»¹³⁹. Иранские феодалы сосредоточили 70-тысячную армию на границах Закавказья. Русские же войска, выделенные для противодействия иранскому вторжению, были крайне малочисленны¹⁴⁰. В июне и июле 1803 г., когда Россия и Иран еще не находились в состоянии войны, в Константинополе появились иранские эмиссары с целью привлечь Порту к совместному выступлению против России, отнюдь не в оборонительных, а в агрессивных целях. Речь шла о том, чтобы изгнать русских из Грузии, добровольно. вошедшей в состав России¹⁴¹.

¹³⁶ С. Броневский, Новейшие географические... ч. 2, стр. 441

¹³⁷ См.: «Колониальная политика российского царизма», т I, стр 8

¹³⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, ч. I, лл. 46 - 46 об.

¹³⁹ А. Бакиханов, Гюлистан-Ирам, стр. 153

¹⁴⁰ См.: «Известия Штаба Кавказского военного округа», № 28, стр. 39. Русское командование могло выделить только 3572 человека пехоты и 1000 сабель конницы при 12 орудиях.

¹⁴¹ Л. Р. Иоаннисян Присоединение Закавказья к России... стр. 68.

Главная надежда Фетх-Али-шаха и его наследника, принца Аббас-Мирзы, возлагалась на Англию. Последняя, усилившись в результате колониального грабежа, играла видную роль на мировом рынке, что в свою очередь и заставило ее вести решительную борьбу против своих соперников - Франции и России - за преобладание на Ближнем и Среднем Востоке.

Особенной активностью в начале XIX в. в вопросе давления на Иран отличалась Ост-Индская компания, щедро осыпавшая, золотом иранский двор, разжигая в нем реваншистские устремления по отношению к России. Англия стремилась к подрыву влияния России в Закавказье, ибо она смотрела «всегда с недоверчивостью на всякую державу европейскую, связями политическими... усиливающуюся в Азии»¹⁴².

Стремясь превратить Иран «в орудие своей политики, Ост-Индская компания умышленно преувеличивала реальную возможность русского вторжения в Индию и запугивала шаха такой перспективой»¹⁴³. По всему Закавказью были разсланы фирманы шаха, извещавшие об его намерении двинуться на Гянджу и Грузию и требовавшие от ханов покорности и содействия. При Аббас-Мирзе находился сын Ираклия II - царевич Александр, бежавший в Иран и официально признанный шахом вали (наместником) Грузии. Александр, возглавлявший группу грузинских феодалов, сопротивлявшихся присоединению Грузии к России, со своей стороны рассылал письма грузинским князьям и азербайджанским ханам, предлагая им оказывать [72-73] содействие «несметной и непобедимой» иранской армии, идущей в Закавказье для того, чтобы изгнать оттуда русских¹⁴⁴.

Иранская феодальная верхушка во главе с Фетх-Али-шахом и его наследником, ярим противником России - Аббас-Мирзой, при прямом подстрекательстве английских и французских колонизаторов развязала в июне 1804 г. кровопролитную войну с Россией и народами Закавказья, длившуюся более девяти лет.

Следует подчеркнуть, что если русский царизм и шахский Иран вели несправедливую, захватническую войну между собой, то народы Кавказа, приняв вооруженное активное участие в этой войне, боролись за избавление своей территории от иноземных захватчиков и поработителей. Период русско-иранской войны 1804-1813 гг. для азербайджанского народа был поистине одним из самых решающих и переломных периодов в его исторических судьбах. Характерно, что этот период совпал с тяжелейшим временем в истории России: с наполеоновскими войнами, потрясшими равновесие всего Европейского континента, и с нашествием полумиллионной армии французского завоевателя.

По плану, составленному иранскими захватчиками, Аббас-Мирза должен был направить часть войск в Карабах, а сам с авангардом двинуться к Еревану. После этого с разных сторон на Грузию и Азербайджан должны были вклиниться войска во главе с самим Фетх-Али-шахом.

Таким образом, направлением главного удара иранской армии был избран Тифлис. Для осуществления этой задачи иранское командование планировало охватывающее наступление по двум операционным, сходящимся направлениям: 1) Ереван - Казах - Акстафа - Тифлис; 2) Шуша - Елизаветполь (Гянджа) - Тифлис. В столице Закавказья планировалось соединение главных сил иранской армии для дальнейшего расширения боевых действий в северо-восточном Закавказье.

В июне 1804 г. внезапным вторжением в пределы Азербайджана и Армении 70-тысячной иранской армии началась русско-иранская война 1804-1813 гг. Армия шаха была разделена на два корпуса, один из которых под командованием Аббас-Мирзы и свою очередь был разделен на два отряда. Большая часть Корпуса Аббас-Мирзы - 20 тыс. человек - наступала по направлению к Карабаху.

Первое сражение разыгралось в Армении, у стен Эчмиадзинского монастыря, 2 июля 1804 г. И в этом сражении первое боевое крещение получили азербайджанские и грузинские конные ополчения, разделившие ратные успехи с русскими войсками. Здесь зародилось боевое содружество русских, азербайджанских, грузинских и армянских воинов, превратившееся в славную боевую традицию этих братских народов, навеки связавших свои исторические судьбы. [73-74]

20-тысячный иранский корпус, состоявший в основном из конницы, разделившись на семь колонн, лавиной двинулся на 4-тысячный русский отряд, в составе которого действовали и азербайджанцы и грузины. Русские пехотинцы с помощью азербайджанской и грузинской конницы наголову разбили впятеро превосходящего противника¹⁴⁵.

¹⁴² ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, д. 400, л. 4

¹⁴³ «История дипломатии», т. I, стр. 607.

¹⁴⁴ См.: Л. Р. Иоаннисян, Присоединение Закавказья к России..., стр. 73 - 74.

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4282.

Таким образом, в освобождении исконно армянской территории от иноземных захватчиков впервые приняли участие азербайджанские и грузинские конные ополчения. Эчмиадзинское сражение, разыгравшееся в период ереванского похода русских войск, произошло 19-20 июня (2 - 3 июля) 1804 г. В советской историографии это сражение в некоторых случаях датировано тоже по старому стилю (О. П. Маркова, З. Т. Григорьян).

Численность русского отряда, разбившего корпус Аббас-Мирзы, достаточно не выяснена. Так, в работе полковника Генерального штаба царской армии А. И. Медведева русский отряд состоит из 6 тыс. человек при 12 орудиях. Во многих других дореволюционных работах численность русского отряда в этом сражении вовсе не приводится.

Разбитые полчища шахского наследника отступили и расположились в лагере на р. Гарничай, в 5-6 км от Еревана, близ деревни Камарлу¹⁴⁶. В ночном бою с 29 на 30 июля 1804 вновь проявилось ратное содружество русских, азербайджанцев и грузин. 14 с половиной часов на протяжении 18 км шла кровопролитная битва между малочисленным отрядом русско-азербайджанско-грузинских войск и значительной группой иранских войск. Во главе азербайджанских ополченцев был активный сторонник русской ориентации Джафар-Кули-хан Хойский (Шекинский)¹⁴⁷. Русские войска, грузинские и азербайджанские конные ополчения с честью вышли из этого критического положения и возвратились, потеряв 64 человека, но не оставив в руках неприятеля никакого трофея: даже тела убитых и те бы принесены в лагерь¹⁴⁸.

В дореволюционной историографии о Гарничайском сражении сказано бегло. У В. А. Потто и в дневнике И. О. Симонича есть упоминания об участии азербайджанцев в этом сражении Потто называет азербайджанцев персианами. Но фактически это было не персидское ополчение, а азербайджанское. Потто называет их персианами потому, что эти воины были жителями Южного Азербайджана, перешедшими на сторону России вместе со своим владельцем Джафар-Кули-ханом Хойским, впоследствии посаженным на ханский престол царским правительством [74-75] вместо бежавшего в Иран Селим-хана Шекинского. В советской историографии о Гарничайском сражении почти ничего не сказано за исключением упоминания в работе З. Т. Григорьяна¹⁴⁹.

В ходе летней кампании 1805 г., отразив новое наступление войск Аббас-Мирзы, части Отдельного Грузинского корпуса достигли значительных успехов. После присоединения Карабаха к России открылись ворота в Южный Азербайджан, в Баку и Сальяны, которые могли послужить удобным местом для связи с Астраханью и Каспийским морем¹⁵⁰. В дипломатической переписке российского министерства иностранных дел об этом сказано следующее: «Из сего нового приобретения... извлекаются следующие важнейшие коммерческие виды: 1. Открывается способность устроить сухопутные дороги для хождения караванов из Тифлиса через Елизаветполь в Шушу... в Джеват, где река Аракс, сливаясь с Курюю, соделывает сию последнюю судоходною»¹⁵¹.

Около середины июня 1805 г. иранские войска перешли Аракс через Худаферинский мост и ворвались в Карабах. 11 июня в районе предместья селения Джебраил¹⁵² столкнулись передовой десятитысячный отряд иранского корпуса под командованием Пир-Кули-хана Каджара и русский пехотный отряд с Карабахской конницей. Мирза-Джамал-Джеваншир Карабахский писал об этом следующее: «Было время паводка, сильно поднялись воды Аракса, и не было другой переправы, кроме моста. Но русская пехота и конница карабахская не успели добраться до места раньше, чем иранские войска, переправившиеся через Аракс, уже топтали карабахскую землю. Близ садов Джебраилли они наткнулись на русских солдат и карабагцев. Завязалась большая битва». Мухаммед-Хасан-ага (генерал царской армии) с группой русских егерей и «всадников Карабага выступил против кызылбашского войска с тем, чтобы не дать ему возможности вступить в карабагскую землю и уничтожить илатов, деревни и посеы вилайета»¹⁵³. Карабах опустошен иранскими отрядами. «Повсюду, где недавно были цветущие земли, теперь виднелись только развалины, остатки обширных шелковичных садов, да запущенные и брошенные поля»¹⁵⁴. [75-76]

¹⁴⁶ См.: А. И. Медведев, Персия, стр. 22.

¹⁴⁷ «Славянин», 1828, XXIII, стр. 385.

¹⁴⁸ См.: «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. I стр. 148 - 149.

¹⁴⁹ З. Т. Григорьян, Присоединение Восточной Армении к России..., стр. 74.

¹⁵⁰ П. И. Ковалевский, Завоевание Кавказа Россией, стр. 114

¹⁵¹ «Внешняя политика России XIX и начала XX вв.», т. I, док 144

¹⁵² Ныне районный центр г. Джебраил Азерб. ССР, недалеко от иранской границы. В изучаемое время эти места населяло воинственное джебраильское племя («джебраиллу»). Главой этого племени был Джафар-Кули-Ага, племянник Ибрагим-Халиль-хана Карабагского, претендент на ханский трон, впоследствии полковник русской армии.

¹⁵³ Мирза-Джамал Джеваншир Карабахский, История Карабага стр. 93.

¹⁵⁴ АКАК, т. II, док. 1714.

23 июля 1805 г. на Дзегамской равнине, близ Шамхора, в битве с малочисленным русским отрядом авангард иранской армии под командованием наследного принца Аббас-Мирзы потерпел жестокое поражение и откатился к Казаху¹⁵⁵. Здесь Аббас-Мирза рассчитывал поднять азербайджанцев и вновь ударить по русским войскам. Командование иранской армии придавало очень большое значение Казахскому султанству, так как через него проходил кратчайший путь в Грузию на Тифлис, а с другой стороны через Казах легко было попасть в Эривань. Кроме того, казахский район был населен азербайджанцами. Шахское правительство, надеясь на общность религии, рассчитывало создать из казахов ударную силу в тылу русских войск.

Поэтому еще в 1804 г. Аббас-Мирза обратился к казахским старшинам с прокламацией, в которой призывал казахских азербайджанцев к восстанию против русского правительства, войска которого якобы потерпели поражение под Эчмиадзинским монастырем и, «не будучи в состоянии удержаться против атаки, обратились вспять»¹⁵⁶. Шахский сановник Мирза Шефи в одном из писем казахским старшинам писал: «...вы должны неумолимо действовать к истреблению неверных, находящихся в вашей стороне... Высочайший шахский лагерь уже прибыл к Азербайджану, и каждый день полки его армии присоединяются к отряду наследного принца»¹⁵⁷. К восстанию казахов призывал не только шахский двор, но и беглый грузинский царевич Александр, который тоже обратился с воззванием к казахским агаларам, старшинам и всему народу - «простолюдинам», призывая их явиться к шахзаде (наследному принцу.- *Х. М. И.*), который находился на р. Акстафе и готовился к наступлению на Тифлис.

Казахцы, получив фирман Аббас-Мирзы, письма Мирзы Шефи и царевича Александра, сообщили немедленно об этом русскому командованию. «...Шах-заде в понедельник в Актепе прибыл, - писали они.- оттоль поедет на Тифлис и требует нас и Мехти Кули, в Эриване находящегося, на помощь свою». Не ограничившись только сообщением русскому командованию с действиях Аббас-Мирзы и его сторонников, казахцы послали подлинные фирманы и письма к главнокомандующему русскими войсками на Кавказе. Препровождая эти документы, они просили уведомить их о намерении русского командования по поводу ликвидации иранского вторжения. «...Ничего не требуем от вас, - писали они, - кроме того, чтобы вы о вашем обстоятельстве уведомили нас, дабы мы, узнав оное, могли поступать к лучшему»¹⁵⁸. [76-77]

Население Казахской дистанции, расположенное к России, стремилось к объединению своих сил с русскими войсками для отражения удара иранских захватчиков. Чтобы оттянуть сроки нападения иранских войск и выиграть время для подготовки к отпору, казахцы применили весьма разумный тактический ход, направив в лагерь неприятеля своего представителя для переговоров. По этому поводу казахские старшины писали русскому командованию: «Мы, будучи привержены к вам (к русским.- *Х. М. И.*), боясь угнетений и разорений их, отправили к шах-заде и Александру Али-Агу Овчи-оглу. дабы посредством его мы могли избегнуть описанных выше бедствий и переселиться в Санаин и там укрепиться, поелику означенный ага человек добрый и известный, он может их провесть. Просим... объявить обстоятельства ваши и написать к Несветаеву, дабы в потребном случае могли бы мы друг другу помогать»¹⁵⁹.

Характерно, что казахские азербайджанцы на все предложения и категорические требования шахского наследника отвечали только отказом. Когда бесчисленные обещания не помогли и казахцы решительно ответили отказом, иранские завоеватели решили воздействовать на них угрозами, написав в специальном письме, «что семейства» их «будут пленены... и весь скот забран»¹⁶⁰, если они не перейдут на сторону Ирана. Но угрозы не помогли. Выиграв время путем переговоров, азербайджанцы укрепились в Санаинском монастыре, в Ахпате и в других важных стратегических пунктах, отвергли все требования шахского наследника и приготовились к отражению нашествия многочисленной иранской армии.

В этот напряженный момент казахские азербайджанцы, желая заверить русское командование в своей верности, писали. «Уверяем вас, что мы останемся непоколебимы в верности российскому начальству»¹⁶¹. О своем отказе Аббас-Мирзе казахцы сообщали главнокомандующему. «Отвечали мы, что не пойдём (к Аббас-Мирзе. - *Х. М. И.*), и если он что может нам сделать, то пусть делает». Переселив «всех казахских жителей - татар и армян в крепкие места к Ахпату и Санаину (армянские монастыри. - *Х. М. И.*)», их предводители

¹⁵⁵ Ныне город и районный центр в западной части Азерб. ССР.

¹⁵⁶ АКАК, т. II, док. 1096.

¹⁵⁷ Там же, док. 1097.

¹⁵⁸ Там же, док. 1106.

¹⁵⁹ Там же, док. 1106.

¹⁶⁰ Там же, док. 1115.

¹⁶¹ Там же, док. 1107.

«поставили на все дороги караулы, которые принесли им известия, что персидские войска идут верхнею дорогою на Казах»¹⁶².

Когда вторглись шахские войска, местные жители нанесли им поражение, захватив при этом много трофеев. Сам Аббас-Мирза едва спасся. Иранский придворный историк Мирза-Фейзулла писал: «Жители Казаха оказали сопротивление в их движении к Эривану. Почти в каждом фарсахе (около 6 км), а [77-78] всех фарсахов до начала Эриванской равнины 18. казахцы устраивали засаду и дошли до такой дерзости, что в принца Аббас-Мирзу выстрелили из ружья»¹⁶³.

Этот факт в своей работе приводит и австрийский буржуазный историк О. Вссерд, широко пользовавшийся иранскими источниками. Описывая опустошительное нашествие иранских войск на Азербайджан и подчеркивая ненависть населения к иноземным захватчикам, Вссерд писал, что «персидский наследник чуть не поплатился жизнью» в Казахской дистанции. «Коронованный принц, - писал Вссерд, - после полного опустошения местности вернулся через Ахалцых в Азербайджан», где «при переходе через чащу в него стреляли, но пуля задела только его сапог, так что он избежал опасности»¹⁶⁴.

В донесении царскому главнокомандующему казахский владетель писал: «Собрав мы все войска, пошли против них (иранских войск. - *Х. М. И.*)... взяли как пехоту свою, так и конницу... разбив мы их партии, одержали над ними победу и убили многих со стороны их, отбив у них фальконеты, ружья, порох, пули, съестные припасы и прочие вещи, достали много лошадей, катеров (мулов. - *Х. М. И.*) и верблюдов»¹⁶⁵.

Преследуя разгромленного неприятеля, азербайджанские воины достигли границ Эриванского ханства, захватили в плен большое количество иранских солдат и офицеров и вернулись в Казах. 29 августа 1805 г. главнокомандующий русской армией писал в Петербург: «Казахские татары сего лета... показали сильный отпор персианам, в их... жилище пришедшим», и просил наградить наиболее отличившихся¹⁶⁶.

Так население одной из важнейших в стратегическом отношении провинций Азербайджана, стремясь избавиться от ига Каджаров и тяготев к России, вступило в ожесточенную борьбу с регулярной иранской армией. В связи с малочисленностью русских войск в Азербайджане и отдаленностью их от Казахской дистанции населению последней на сей раз пришлось отражать нашествие иранских войск без помощи русских отрядов. Немаловажное значение имеет и тот факт, что казахцы наряду с умением бить более сильного противника на поле брани проявили и свои дипломатические способности, добившись направления своего представителя в стан противника для переговоров с целью выиграть время, собрать силы, вооружиться и укрепиться в важных стратегических пунктах. К тому же победа, одержанная населением Казаха над иранскими захватчиками в Дилижанском ущелье летом 1805 г., избавила Грузию от нового вторжения иранских отрядов. Благодаря этой победе было предотвращено также столкновение иранской [78-79] армии с малочисленными русскими отрядами, оборонявшими границы Грузии с юга.

Впоследствии в ходе войны из жителей Казаха были сформированы еще 6 отрядов по 20-70 человек для охраны дорог и важных пунктов. Многие военачальники, командовавшие русскими войсками на Кавказе, часто отмечали доблесть казахцев. В составе русской армии сражались также азербайджанские конные отряды, сформированные из жителей Шеки, Карабаха, Шамшадилы и других провинций. В каждый отряд входило по 600-1000 воинов. Они оказывали большую помощь русской армии. За боевые заслуги многие азербайджанцы Казахской и Шамшадильской дистанций, азербайджанцы и армяне Карабаха были награждены российскими боевыми орденами и медалями¹⁶⁷.

Весной 1806 г. 20-тысячная иранская армия, обученная французскими военными специалистами и оснащенная европейским оружием, под командованием Аббас-Мирзы вновь вторглась в пределы Азербайджана и устремилась к сердцу Карабаха - крепости Шуше. Против иранских захватчиков с оружием в руках выступило азербайджанское и армянское население Карабаха. Азербайджанцы и армяне выставили вооруженные караулы по всей границе ханства. Одновременно Ибрагим-Халиль-хан направил на помощь малочисленным русским войскам азербайджанскую иррегулярную конницу численностью в тысячу сабель¹⁶⁸.

¹⁶² Там же, док. 1115.

¹⁶³ «История Азербайджана», т. II, стр. 8-9.

¹⁶⁴ O. W s s e r d, Die Kampfe zwischen Persien und Russland..., стр. 13

¹⁶⁵ АКАК, т. II, док. 1115.

¹⁶⁶ Там же, док. 1118.

¹⁶⁷ «История Азербайджана», т. II, стр. 9.

¹⁶⁸ См.: «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. 2, стр. 6.

В этот период части Отдельного Грузинского корпуса имели немногочисленную кавалерию, что снижало маневренность русского корпуса. Исходя из этого русское командование обратилось к Ибрагим-Халиль-хану с просьбой выделить еще до тысячи сабель конницы в помощь этому корпусу¹⁶⁹.

Ближайшей тактической задачей иранской армии было овладение Карабахом, и потому агенты шаха были направлены к Ибрагим-Халиль-хану, чтобы склонить его на сторону Ирана.

Русские войска, квартировавшие в Карабахе и составлявшие гарнизон крепости Шуши, насчитывали незначительное количество пехоты и орудий. Начальником русского гарнизона был Майор Лисаневич, учинивший жестокую расправу над Ибрагим-Халиль-ханом и его семьей¹⁷⁰. В дворянской буржуазной историографии встречается, хотя и редко, признание бессмысленности убийства Ибрагим-Халиль-хана и его семьи, а также жестокости майора Лисаневича. «Трудно объяснить причины, - пишет В. Потто, - заставившие старого 80-летнего Ибрагима сделать такой рискованный шаг (т. е. сдать Шушу иранцам. - [79-80] *Х. М. И.*)... Сторонники его говорят, что он вынужден был к этому суровым обращением Лисаневича»¹⁷¹. Маловероятно, чтобы Ибрагим-Халиль-хан, в течение 52 лет своего правления стойко отстаивавший независимость Карабаха от шахского Ирана и не раз оказывавший военную помощь русским войскам замыслил передать в руки иранских войск Шушу, геройски оборонявшуюся под его руководством во время нашествия Ага Мухаммед-шаха Каджара. О стремлении Ибрагим-Халиль-хана его сыновей, родственников и всего населения Карабахское ханства к сближению с Россией, о ненависти их к иранским захватчикам и активной вооруженной помощи русской армии свидетельствуют многочисленные документы и высказывания как русских военачальников и дореволюционных историков, так и азербайджанских историков-хронистов той эпохи.

Многие владетели Азербайджана сами изъявили желание перейти в подданство России, «в числе их был и карабахский хан Ибрагим, который лично явился к Цицианову для изъявления покорности». Ибрагим-Халиль-хан Карабахский «высочайшим указом принят в русское подданство с пожалованием чина генерал-лейтенанта». Ибрагим стойко выдерживал все угрозы шаха и непоколебимо был предан России. Не боясь последствий, после перехода в подданство России он «три раза отсылал с отказом послов, которых присылал Шах-Бабахан (Фетх-Али-шах. - *Х. М. И.*) с упреками за переход в подданство России и с увещаниями вернуться вновь под его руку». Когда «персы ворвались в Карабах, - пишет дореволюционный автор, - и начали там жечь и грабить селения... верный России Ибрагим-хан начал просить Цицианова об увеличении войск для защиты его народа от разорения и бедствий»¹⁷². Еще более убедительны мысли, высказанные в журнале «Отечественные записки»: «Во всем Азербайджане оставался один только Ибрагим-хан Шушинский, при всех усилиях персиан власти их не покорившийся; почему, разорив окрестности Шуши, неприятели оставили оные в надежде на лучший успех в будущем весеннем походе»¹⁷³.

Во избежание разорения и грабежа, которыми обычно сопровождалось нашествие иранских войск, Ибрагим-Халиль-хан «счел нужным наружно быть обходительным с кызылбашами (иранцами. - *Х. М. И.*), ставя обо всем этом в известности майора» (Лисаневича. - *Х. М. И.*). Последний уверял Ибрагим-Халиль-хана, что скоро должны прибыть русские войска, но они не прибывали, а неприятель приступил к осаде крепости Шуша. Разумеется, малочисленный русский гарнизон крепости и незначительное местное ополчение не в состоянии были отразить, нападение иранских полчищ. В этих условиях с целью спасения семьи и придворных Ибрагим-Халиль-хан переселил их в [80-81] безопасное место, недалеко от крепости. Этот поступок Лисаневич расценил как измену. Подозрения Лисаневича были усугублены клеветой противников хана из числа его же придворных.

Не разобравшись в истинной причине перехода хана с семьей в предместье Шуши, Лисаневич с отрядом вооруженных егерей ворвался ночью в жилище хана и уничтожил его вместе с семьей, в том числе и малолетних детей. Это убийство, которое даже представители русского военного командования в тот период рассматривали как бесцельное и жестокое, ярко характеризовало колонизаторские методы военных представителей царской России на Кавказе¹⁷⁴.

¹⁶⁹ ЦГВИА, ф. 482, «Кавказские войны», д. 200, л. 25 об. Копия письма к Ибрагим-хану Карабахскому от 9 ноября 1805

г.

¹⁷⁰ РФАН Азерб. ССР, инв. № Б-47/5224.

¹⁷¹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. I, стр. 000.

¹⁷² К. Г о л о х в а с т о в, На смерть обреченные.... стр. 28, 33.

¹⁷³ «Отечественные записки», 1828, № 93, стр. 106.

¹⁷⁴ РФАН Азерб. ССР, инв. № Б-47/5224. (Эта же причина убийства Ибрагим-Халиль-хана с семьей приводится и в «Истории Азербайджана», т. 2, стр. 12.)

Однако, характеризуя положительно только одного Ибрагим-Халиль-хана Карабахского, дореволюционный автор ошибается, ибо среди азербайджанских владетелей было немало и других активных сторонников русской ориентации, которые вместе со своим народом перешли на сторону России в годы русско-иранской войны 1804-1813 гг. и оказывали вооруженную помощь русской армии. К таким владетелям можно отнести Насиб-султана Шамшадильского, Мустафу-агу Казахского, Мир-Мустафу-хана Талышского, Джафар-Кули-хача [Пекинского (Хойского) и др.

В иранской историографии переход Ибрагим-Халиль-хана на сторону России и его помощь русской армии трактуется как «измена» Ирану. Подобной оценки придерживается и современный буржуазный иранский историк Насир Наджим, в одном из своих исследований посвятивший этому вопросу целую главу под заголовком «Измена правителя Шуши»¹⁷⁵.

Западноевропейская буржуазная историография при всей своей тенденциозности отмечает тяготение Ибрагим-Халиль-хана к России. Австрийский историк О. Вссерд пишет о нем: «При первом же известии от коронованного принца о намерении направить... свое оружие против Карабаха он призвал... русское подкрепление из Гянджи, чтобы вместе с местной конной милицией помешать шахским войскам пройти мост Хода-Аферин»¹⁷⁶. Когда Аббас-Мирза с крупными силами осадил Шушу, а русский отряд генерала Небольсина подошел к крепости Шах-Булах, «сын погибшего хана тут же вышел из крепости совместно с карабахскими всадниками... и, несмотря на то что всюду в окрестностях и на дорогах двигались кызылбашские войска, прибыл к генералу Небольсину, и, присоединившись к войскам Российского государства, разбил лагерь близ Аскеранской крепости». Внучатый же племянник Ибрагим-[81-82] хана, полковник Джафар-Кули-ага совместно с майором Лисаневичем и отрядом егерей остались в крепости для ее защиты. В разгроме 20-тысячной армии Аббас-Мирзы активное участие приняла карабахская конница под командованием полковника Джафар-Кули-аги, состоявшая из азербайджанцев. Эта конница особенно отличилась в сражении 20 июня 1806 г. на речке Мигри¹⁷⁷. После этого сражения конные азербайджанцы, преследуя иранскую кавалерию, достигли границ Нахичеванского ханства, где совместно с отрядом русской пехоты нанесли сокрушительный удар по сосредоточенным там иранским пехотным и конным частям¹⁷⁸. При отступлении неприятельские войска утонули в плен мирных жителей. Только из Ширвана были уведены в Иран 6 тыс. человек¹⁷⁹. Во всем Карабахском ханстве «хлеб персиянами был выжжен... жители в этот период терпели голод»¹⁸⁰.

В этом сражении активное участие приняли ополчения из азербайджанского племени джебраиллы, которые, по словам Бакиханова, «разбили персиян, положив многих из них на месте убитыми»¹⁸¹. Придворный шахский историограф - хронист Рзакули-хан Хидайат писал об этом сражении: «Джебраильское племя, направив к русскому генералу своего представителя пригласило русский отряд и Джафар-Кули-хана Карабахского. Близ окрестностей Кафана с двух часов дня до вечера происходила жестокая битва с врагом». Игнорируя боевые качества русского отряда и джебраильского ополчения, иранский историк оправдывает поражение своих войск тем, что «у них иссякли свинец и порох»¹⁸². В это же время перешел на сторону Ирана Мустафа-хан Ширванский, который во главе своих войск принял участие в Кафанском сражении против русского отряда и азербайджанского ополчения. «Мустафа-хан Ширванский, - писал Рзакули-хан Хидайат, - видя поражение иранских войск, спасся бегством, укрепился на Фитдаге (укрепленная резиденция Мустафы-хана), а затем с извинениями направил к Аббас-Мирзе своего двоюродного брата Мухаммед-Али-Хана»¹⁸³.

Русские войска и карабахские воины захватили у неприятеля богатые трофеи и много пленных. Население Карабаха угнанное в плен иранскими захватчиками, было возвращено на родину. Победа, одержанная русскими войсками и карабахской конницей «над наибус-салтане (наследником шаха. - Х. М. И.) а также операция, проведенная майором (Лисаневичем - [82-83] Х. М. И.) и полковником Джафар-Кули-агою, успокоили жителей Карабага... каждый обосновался на своем месте и стал жить в полном спокойствии»¹⁸⁴.

В состав русских войск входили вполне боеспособные регулярные пехотные (егерские, гренадерские и мушкетерские) части; но для преследования опрокинутого неприятеля,

¹⁷⁵ Н а с и р Н а д ж и м и, Иран дар мийан-и туфан...

¹⁷⁶ O. W s s e h r d, Die Kampfe zwischen Persien und Russland..., стр. 13.

¹⁷⁷ М и р з а - Д ж а м а л - Д ж е в а н ш и р К а р а б а х с к и й, История Карабага, стр. 97.

¹⁷⁸ См. П. И. К о в а л е в с к и й, История завоевания Кавказа Россией..., стр. 87.

¹⁷⁹ «История Азербайджана», т. 2, стр. 12.

¹⁸⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4263, л. 17.

¹⁸¹ А. Б а к и х а н о в, Гюлистан-Ирам, стр. 156.

¹⁸² Р з а к у л и - х а н Х и д а й а т, Раузат ас-сафа-йи Насири.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ М и р з а - Д ж а м а л - Д ж е в а н ш и р К а р а б а х с к и й, История Карабага, стр. 98.

предотвращения его контратак и ликвидации его пехоты необходима была маневренная сила, какой могла быть только легкая конница, отсутствовавшая в русском корпусе. Эту роль выполняла именно азербайджанская иррегулярная конница. Говоря о взаимодействии русской пехоты с азербайджанской конницей, главнокомандующий Кавказа писал: «Войскам в Карабаге расположенным, состоящим из победоносной российской пехоты, нужна славная карабахская конница, чтобы поражать опрокинутого неприятеля и не допускать его нигде свободно прорываться»¹⁸⁵.

После покорения Джаро-Балакенских джамаатов генерал Гудович провел некоторые мероприятия внутри азербайджанских и дагестанских ханств и поставил во главе управления ими местных феодалов. Эти мероприятия резко отличались от проводимой Цициановым русификаторской политики царизма на Кавказе. Ханства Дербентское и Кубинское Гудович отдал в руки шамхала Тарковского, осторожного и преданного России феодала. Правителем Шекинского ханства был назначен Джафар-Кули-хан Хойский. О Джафар-Кули-хане азербайджанский источник свидетельствует следующее: «В том же году (1806. - *Х. М. И.*) прибыл в Тифлис Джафар-Кули-хан Хойский, изменивший иранскому шаху. Русский император Нухинское ханство отдал ему»¹⁸⁶. В этот период наблюдалось переселение азербайджанцев и армян из Хойского ханства в Шекинское¹⁸⁷. Карабахским ханством стал управлять сын погибшего Ибрагим-хана - Мехти-Кули-хан.

Место Азербайджана в планах Англии и Франции. Усиление их влияния в Иране и Турции

Восточный кризис начала XIX в. включил в свою орбиту также Иран и Закавказье. Стремление наполеоновской Франции расширить свои колониальные владения на Ближнем и Среднем Востоке втянуло в водоворот экспансионистской политики [83-84] западных держав Иран, Турцию и феодальные государства Кавказа.

Занимая одно из главных мест в противоречиях России, Англии, Франции, Турции и Ирана, Кавказ и Закавказье не могли оставаться вне международных конфликтов, следствием которых явились нескончаемые кровопролитные войны в первой трети XIX в.

«Наполеон, - свидетельствует источник, - беспрестанно устремлял свой взор на Восток... во время развития его славы как императора между 1805 и 1809 гг. имели место сношения Наполеона с Персией»¹⁸⁸, причем, как признает турецкий историк, «Наполеон в ходе войны с русскими стремился натравить на Россию своих союзников: османского султана и иранского шаха»¹⁸⁹. Иранский вопрос, а следовательно и вопрос Закавказья в первой трети XIX в., стал одним из узловых вопросов в международных отношениях, усилив соперничество России, Англии и Франции в Азии.

В то же время Наполеон всячески старался восстановить против России Турцию и Иран, подстрекая их к совместному выступлению против нее. Современная буржуазная историография Турции признает эти факты. Турецкий историк Тахсин Унал пишет: «Наполеон стал врагом России и стал натравливать турок против русских и англичан»¹⁹⁰. Представитель Порты Фейзи Махмуд-Эфенди под давлением Наполеона был направлен султаном в Тегеран для переговоров с шахом о заключении военного союза с Ираном против России. Одновременно султан Турции Селим III послал к Наполеону «своего посла Халет-Эфенди, чтобы ему засвидетельствовать самое большое доверие и удивление, которыми проникнут султан к самому старому, самому верному и самому необходимому другу его империи»¹⁹¹.

Современный турецкий буржуазный историк пишет: «Поздравляя Наполеона по случаю победы под Аустерлицем в 1805 году, Селим III писал: „Нельзя не признавать императора, который победил двух императоров“ (русского и австрийского.- *Х. М. И.*). В 1805 г. он направил к Наполеону специально для поздравления в связи с победой под Аустерлицем своего посла Ахмед

¹⁸⁵ АКАК, т. IV, док. 845.

¹⁸⁶ Х а д ж и - С е и д А б д у л - Г а м и д, Родословная шекинских ханов и их потомков, стр. 62.

¹⁸⁷ В Шекинское ханство переселилась значительная часть азербайджанского и армянского населения Хойского ханства. Оно образовало целый ряд новых поселений на территории Шекинского ханства, в частности пригород Нухи - Ени-кенд (см.: «История Азербайджана», т. II, стр. 14).

¹⁸⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 787, л. 1.

¹⁸⁹ Y u s u f A k ç u r a, Osmanlı devletinin dagilma devri, стр. 122.

¹⁹⁰ U n a l T a h s i n, Turk siyasi tarihi, стр. 66.

¹⁹¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 787, л. 4.

Муhib-Эфенди. Позднее послание Селима III Наполеону было напечатано в парижских газетах»¹⁹². В то же время Наполеон вел двойную игру. Он обещал Александру I Молдавию и Валахию и подал мысль о разделе Турции, исключив, однако, Константинополь. Больше того, он «предложил Санкт-Петербургскому кабинету вести с Турцией войну общими [84-85] силами так, чтобы русские и французские войска действовали в одной совокупно»¹⁹³. Наполеон «мешал действиям России. Он запер для Англии весь континент. Этого было недостаточно: он распростер свои виды на Персию и с точностью определил роль, которую она должна была играть». Характерно, что Наполеон продолжал свою политику сближения с Ираном и Турцией даже после Тильзита. «Важность этого сближения заключалась в том, что Персия находилась между Россией и британскими владениями в Индии». Закавказье в этом случае опять составляло одно из важнейших звеньев в цепи политики Наполеона на Востоке. «Верный идее поразить Англию в ее колониях, он (Наполеон. - *Х. М. И.*) захотел привлечь Персию к плану, огромному, как и все, что он задумывал, и убедить шаха Фетх-Али завладеть вместе с ним Индией»¹⁹⁴.

В современной турецкой историографии появляются за последнее время критические нотки по адресу двуликой, подстрекательской политики Наполеона в изучаемое время. Так, Ниязи Акшит пишет: «Заклученный с русским царем Тильзитский мир предал дружбу с турками»¹⁹⁵. Унал Тахсин по этому поводу замечает: «Селим III протягивает Наполеону дружескую руку... Наполеон в 1807 г. заключает Тильзитский мир, а в 1808 г. - Эрфуртский договор, предавая своего друга, т. е. нас (турок. - *Х. М. И.*) России»¹⁹⁶. Чтобы склонить шаха на свою сторону и добиться преобладающего влияния Франции над Ираном, Наполеон писал ему в своем письме: «...Люди Востока мужественны и даровиты, но незнание некоторых искусств и небрежное отношение к дисциплине, которые увеличивают силу армий, являются для них большим недостатком в войне против Севера и Запада»¹⁹⁷. Турция, как и Иран, была лишь пешкой в большой игре, которую вел Наполеон, стремившийся к мировому господству. Но вопреки его усилиям влияние России в восточном вопросе заметно росло.

Чтобы нарушить мирные взаимоотношения между Россией и Турцией, в 1806 г. ко двору султана был направлен посол Себастиани. Наполеон искал также союза с шахом, который обеспечил бы Франции содействие персидской армии в случае войны ее с Россией¹⁹⁸.

Именно поэтому агенты французского правительства генералы Ромье и Жобер были отправлены в 1806 г. к Фетх-Али-шаху с предложением «дозволить французским войскам высадиться у берегов Персии, чтобы выгнать русских из Грузии» и Азербайджана¹⁹⁹. [85-86]

Подготавливая войну против России, Бонапарт вынуждал Иран и Турцию к вторжению в Россию с юга. С этой целью 17 января 1807 г. он писал Фетх-Али-шаху: «Я предложил тебе мою дружбу... и я знаю твое расположение ко мне, твои храбрые действия и твои успехи против России. Узнай также мои преимущества, и пусть они внушат тебе новое доверие... С твоей стороны атакуй энергично своего неприятеля, которого я со своей стороны обессилил. Возьми от него снова Грузию и все провинции, которые составляли твою империю, укрепив против него Каспийские ворота (Дербент. - *Х. М. И.*), которые охраняли тебя от него так долго. Судьба наложила повязку на глаза твоего врага... Он осмелился объявить войну Оттоманской Порте... Мы все трое соединимся и составим вечный союз». Письмо это было вручено Фетх-Али-шаху 24 мая 1807 г.

Угрозами и обманом французской дипломатии удалось толкнуть султана на войну с Россией. 18 августа 1806 г. генерал Себастиани высадился в Константинополе. С его приездом антирусская деятельность Франции приняла весьма откровенный характер. Результатом подстрекательств Наполеона явилось отстранение без ведома России господарей Молдавии и Валахии, придерживавшихся русской ориентации, и назначение вместо них правителей, угодных Наполеону. Это было прямое нарушение Ясского мирного договора 1791 г.

В то же время, невзирая на условия, принятые в Тильзите, Бонапарт подстрекал Иран к вторжению в Азербайджан и Грузию, имея в виду свое готовившееся нашествие на Россию. Спровоцировав войну Турции против России, Бонапарт стремился к возобновлению военных действий между Ираном и Россией. В феврале 1807 г. в Варшаву к Наполеону вместе с Жобером

¹⁹² U n a l T a h s i n, Turk siyasi tarihi, стр. 66, 67.

¹⁹³ «Русский инвалид», 22.VI.1826, стр. 597.

¹⁹⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 787, л. 4.

¹⁹⁵ N i y a z i A k ſ i t, Tarih, стр. 186.

¹⁹⁶ U n a l T a h s i n, Turk siyasi tarihi, стр. 67.

¹⁹⁷ «The Ottoman Empire and its Successors (1801-1927)», стр. 31.

¹⁹⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 787, л. 3.

¹⁹⁹ А. И. П е т р о в, Война России с Турцией 1806-1812 гг., т. I, стр. 292.

прибыл Мирза-Мохаммед-Риза-хан (правитель Казвинской провинции) с полномочиями шаха на переговоры о союзе с Францией. В результате переговоров 4 мая 1807 г. в Финкельнштейне (Польша) был подписан оборонительный и наступательный договор между Францией и Ираном, направленный против России. По этому договору шах должен был войти в соглашение с Афганистаном, чтобы поднять восстание в Индии. Наполеон должен был послать в Иран офицеров и признать за ними владение Грузией²⁰⁰ и Азербайджаном. В Иран с особыми инструкциями был направлен полномочный министр Франции при тегеранском дворе бригадный генерал Гардана, адъютант Наполеона. Вместе с ним 4 декабря 1807 г. в шахскую столицу прибыло посольство.

Наполеон, стремясь прибрать к рукам Иран, постоянно поощрял захватнические притязания шаха на Азербайджан и Грузию, которые он вопреки исторически обоснованной действительности относил к «исконно» иранским землям. [86-78] Впоследствии сын ген. Гардана, Альфред Гардана, писал об этом довольно открыто. «Если рассмотреть договор о союзе Франции и Персии... и указания, которые Наполеон дал ген. Гардану 30 мая 1807 г., то можно увидеть, что они сводятся к следующему: ...признание того, что Грузия (и Азербайджан. - *Х. М. И.*) законно принадлежит Персии. Обещание сделать все усилия, чтобы заставить Россию эвакуироваться с ее территории (т. е. из Азербайджана. - *Х. М. И.*) и из Грузии и чтобы добиться по договору вмешательства в дело в качестве третьего лица»²⁰¹.

Вместе с этим некоторые французские дипломаты признавали, что вопреки утверждениям шаха население Закавказья не стремилось вернуться под власть Каджаров. Гардана считал, что недовольство Ираном проявляли не только христианские народы Закавказья, но и мусульманское население, и не только трудящиеся массы, но и представители феодальной знати. Говоря о представителях «высших классов», тяготевших к России. Гардана упоминает Джафар-Кули-хана Хойского (Шекинского), получившего чин генерал-лейтенанта русской службы²⁰². Гардана в своих докладных записках писал, что значительная часть азербайджанских феодалов и даже азербайджанские трудящиеся массы стремились избавиться от иранского господства и тяготели к России²⁰³. В то же время в этих же документах мы встречаем совершенно противоположные заявления, свидетельствующие о непоследовательности автора. Ханства и другие владения Азербайджана, в основном вошедшие в состав России, он считает захваченными персидскими землями, а Иран - страной, подвергнувшейся нападению России. «Это не была... прежняя Персия, - пишет А. Гардана, - это не были ее могучие монархи... Ее финансы были разорены, ее внутренняя торговля пришла к нулю, ее внешняя торговля доведена до незначительности. Она (Персия. - *Х. М. И.*) больше не захватывала, она была захвачена сама»²⁰⁴.

Бесспорно, Иран в изучаемый период действительно не представлял собой могучего государства, а был отсталой феодальной страной с разоренными финансами и низким уровнем экономического развития. Однако усилиями французов и англичан, щедро осыпавших золотом иранский двор, реорганизовавших и обучивших в своих колониальных интересах иранскую армию по европейскому образцу и поставивших новые для того времени виды артиллерийского и пехотного оружия, Иран представлял довольно значительную силу, постоянно угрожавшую безопасности народов Закавказья. Было бы крайне ошибочным считать Иран захваченным Россией в период русско-иранской [87-88] войны 1804-1813 гг., как это утверждают французские буржуазные историки. Что же касается Азербайджана и Грузии, земли которых тракуются этими трубадурами французского колониализма как «территории Персии», насильно «захваченные Россией», то вряд ли следует говорить, что такой взгляд носит тенденциозный характер. Больше того, он свидетельствует о незнании французскими авторами географии и истории как Ирана, так и народов Закавказья.

Нет необходимости доказывать, что ни Азербайджан, ни Грузия, ни Армения никогда не были «исконно персидскими или турецкими землями», а лишь силой оружия неоднократно захватывались и поработались иранскими и турецкими феодалами. В середине XVIII в. в результате распада империи Надир-шаха господство Ирана над Азербайджаном и всем Закавказьем фактически было ликвидировано и зависимость феодалов Азербайджана от Ирана была лишь номинальной²⁰⁵.

²⁰⁰ См.: ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 787, л. 4.

²⁰¹ «Mission du general Gardan en Perse...», стр. 29.

²⁰² Там же, стр. 187-188, 309-311.

²⁰³ См.: А. Р. И о а н н и с я н, Присоединение Закавказья к России..., стр. 168.

²⁰⁴ «Mission du general Gardan en Perse...», стр. 30.

²⁰⁵ См.: А. Р. И о а н н и с я н, Присоединение Закавказья к России..., стр. XI.

Французская же историография вопреки исторической достоверности считает, что даже в 1807-1809 гг. Азербайджан, как и все Закавказье, принадлежал Персии и что «достаточно было нескольких тысяч русских, чтобы захватить ее территорию в короткий срок и угрожать сердцу империи Каджаров»²⁰⁶.

Аналогичная концепция доминирует и в современной иранской буржуазной историографии. Иранский ученый Насир Наджми в своем исследовании «Иран в буре, или Биография наследного принца Аббас-Мирзы и русско-иранские войны», являющемся одним из самых современных трудов иранской историографии, повторяет версию об агрессивной политике лишь царской России. Вопреки исторической правде современный иранский историк представляет Иран в начале XIX в. как миролюбивое государство, защищавшее свою честь и национальную независимость якобы от «русской агрессии»²⁰⁷. «Фетх-Али-шах по прибытии в Тавриз узнал от своего наследника Аббас-Мирзы о пограничных событиях и вторжении русских и только лишь после этого назначил сына главнокомандующим вооруженными силами Ирана, вменив ему и каймаку в обязанность сформировать и организовать войска в Азербайджане»²⁰⁸.

Если проанализировать события русско-иранской войны 1804-1813 гг., их объективные предпосылки и результаты, то не трудно будет убедиться в извращении французской дипломатией, французской и иранской буржуазной историографией действительного положения вещей и полном игнорировании ими той значительной роли, которую сыграли народы [88-89] Закавказья в победоносном для России исходе русско-иранской войны 1804-1813 гг.

Во-первых, русско-иранская война 1804-1813 гг. началась с внезапного нашествия многотысячной иранской армии на Азербайджан и Армению в июне 1804 г. Не русское командование и не русское правительство, а чрезвычайный посол шаха Якуб-бек от имени своего повелителя предъявил русскому главнокомандующему на Кавказе генералу Цицианову в мае 1804 г. ультиматум с требованием немедленного вывода русских войск из Азербайджана и Грузии, а тем временем, пока русский главнокомандующий принимал у себя в Тифлисе шахского посла, наследник иранского престола Аббас-Мирза во главе 30-тысячной армии переправился через Араке и вторгся в пределы Закавказья.

Во-вторых, для разгрома огромной иранской армии, внезапно напавшей на Азербайджан и другие области Закавказья, далеко не достаточно было «нескольких тысяч русских», как пишет А. Гардана, а требовались более значительные вооруженные силы.

Кстати, противоречивость современной иранской историографии проявляется и в освещении сил и средств обеих воюющих сторон. По сведениям Насира Наджми, «для противодействия русскому наступлению благодаря великим усилиям Аббаса-Мирзы была создана 100-тысячная армия»²⁰⁹. В то же время иранский историк соответственно преувеличивает и численность русских войск. Говоря о начальном этапе войны, он пишет, что отряд Цицианова, действовавший в районе Эривани (в июле 1804 г.), насчитывал 20 тыс. пехоты, 6 тыс. конницы и 30 орудий²¹⁰. Разумеется, подобной численностью войск ни та, ни другая сторона за все время войны 1804-1813 гг. не располагала. Иранская армия, действовавшая в Закавказье, на разных этапах войны более 70 тыс. солдат никогда не достигала; русские регулярные войска, действовавшие против Ирана, не превышали 12 тыс. бойцов. Что же касается отряда Цицианова, разбившего 20-тысячный корпус иранских войск под Эчмиадином в начале июля 1804 г., то он насчитывал только до 4 тыс. пехоты и конницы при 12 орудиях²¹¹.

И действительно, малочисленный русский корпус, части которого были раздроблены на небольшие группы, рассредоточенные по всей границе, без маневренной кавалерии, без достаточного продовольствия и фуража, без необходимого в горах транспорта, не в состоянии был бы одолеть значительные силы [89-90] иранских войск, наводнивших почти всю территорию Азербайджана. Следует отметить, что успех малочисленного Отдельного Грузинского корпуса русских войск во многом был обусловлен значительной материальной и вооруженной помощью азербайджанского и других народов Закавказья.

В-третьих, беспочвенные утверждения французских и иранских историков о принадлежности Азербайджана к Ирану даже в начале XIX в. не трудно разоблачить, если обратиться к достоверным фактам истории русско-иранской войны 1804-1813 гг. Как известно,

²⁰⁶ «Mission du general Gardan en Perse...», стр. 30.

²⁰⁷ Н а с и р Н а д ж м и, Иран дар мийан-и туфан..., стр. 57.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же, стр. 59.

²¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4282. См. также: А. В. Фадеев, Россия и Кавказ первой трети XIX в., стр. 118; А. Р. И о а н н и с я н, Присоединение Закавказья к России, стр. 75.

война эта велась не на территории Ирана, и столице его, Тегерану, никто не угрожал, а заключительным этапом войны был знаменитый штурм Ленкоранской крепости 1 января 1813 г. на территории Тальшского ханства Азербайджана и заключение Гюлистанского мира в карабахском селении Гюлистан 12 октября 1813 г.

В качестве инструкторов для обучения иранской армии по европейскому образцу в Тегеран прибыли представители всех родов войск (пехотинцы, артиллеристы, инженеры). Наполеон, посылая Гардана в Тегеран, требовал от него добиться такого положения, чтобы Иран смотрел «на Россию, как на самого лютого врага из-за того, что Россия захватила Азербайджан и Грузию»²¹². Он стремился к тому, чтобы Россия «не оставалась владелицей Грузии (и Азербайджана. - *Х. М. И.*), через которую она имела бы доступ к Турции»²¹³. Эти два исключительно важных обстоятельства являлись причиной повышенного интереса Наполеона к Ирану. О том, какое значение придавал Наполеон Ирану, убедительно доказывает тот факт, что на содержание Гардана в Тегеране им было определено 120 тыс. франков в год и сразу выдано при отъезде из Финкельнштейна 150 тыс. франков на путевые расходы.

По признанию самих французских дипломатов, наполеоновская «миссия имела целью развернуть диверсию в Персии против России... сделать ее сильнее, опаснее для русских»²¹⁴.

21 января 1808 г. Гардана заключил с великим визирем Ирана Мирзой-Шефи «конвенцию, по которой Франция продала Персии за 300 тыс. туманов 20 тыс. ружей и боевые припасы с доставкой морем в Бендер-Бушир». В Тавризе - резиденции наследника шахского престола Аббас-Мирзы - в январе 1808 г. французские офицеры и унтер-офицеры во главе с капитаном Вердые приступили к формированию иранской пехоты. В Исфагане французские артиллеристы, офицеры Фабвие и Ребуль, открыли пушечный завод, выпустивший к концу 1808 г. до 30 орудий. Те же французские артиллеристы занимались [90-91] организацией личного состава иранской артиллерии²¹⁵. По признанию Насира Наджми, этот «пушечный завод при помощи иностранных специалистов превратился в несравненный во всей Азии»²¹⁶.

Таким образом, при прямой помощи Франции и непосредственном участии ее офицеров и специалистов были созданы регулярная иранская пехота и артиллерия, оснащенные французским вооружением. Что касается кавалерии, то она оставалась в своем большинстве еще иррегулярной и придерживавшейся устаревших тактических требований. По определению Ф. Энгельса, «в Персии азиатскому варварству была привита европейская система военной организации»²¹⁷. Регулярная конница иранской армии была доведена до 5 тыс. человек и составляла шахскую конную гвардию гулямов. Создав многочисленную армию и придав ей более или менее регулярный характер, французская миссия стала усиленно подстрекать шаха к вторжению в Азербайджан и Грузию²¹⁸. Непосредственными результатами происков французской дипломатии явилось то, что «персы толкали на восстание население побережья Каспийского моря (Азербайджана и Дагестана. - *Х. М. И.*). Турки, основавшиеся в Потти, подстрекали дворянство провинции Кутаиси»²¹⁹ и других областей Грузии. В этот период грузинские феодалы, противники присоединения к России, представители грузинского царского дома, царевичи Александр, Давид и Леван были связаны с Францией и вели переписку с ее дипломатами и военными деятелями. Племянник царевича Александра, царевич Теймураз, занимая пост начальника артиллерии в армии Аббас-Мирзы, общался с французскими артиллеристами, обучавшими шахскую армию²²⁰.

Еще в мае 1806 г. русское командование в Закавказье получило известие о том, что крупные иранские пехотные и кавалерийские силы продвинулись к границам Азербайджана и заняли исходные позиции на правом берегу Аракса. Одновременно грузинский царевич Александр с 15-тысячным иранским войском планировал вторжение в Грузию в трех направлениях: Тифлиском, Караклиском (Кировакан. - *Х. М. И.*) и Елизаветпольском. Александр придавал важное значение нашествию на Карабах. 24 июня 1806 г. противник расположился лагерем в 45 км от Елизаветполя. [91-92]

²¹² См.: ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 787, л. 5.

²¹³ «Mission du general Gardan en Perse...», стр. 32.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ См.: ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 787, л. 6.

²¹⁶ Н а с и р Н а д ж м и, Иран дар мийан-и туфан..., стр. 37

²¹⁷ Ф. Энгельс, Персия и Китай, стр. 218.

²¹⁸ См.: ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 787, л. 7

²¹⁹ M. L e g r a n d, Les Russes ea Asie Mineure, стр. 6.

²²⁰ О. П. М а р к о в а, Восстание в Кахетии 1812 г., стр. 220-222.

Начало русско-турецкой войны 1806-1812 гг. и участие азербайджанцев в освобождении грузинских и армянских земель от власти Турции

Находясь в состоянии войны с Ираном и с наполеоновской Францией, Россия в период 1806-1812 гг. не раз отстаивала области Закавказья от нашествий турецких феодалов, не мирившихся с фактом присоединения Азербайджана и Грузии к России. 14 ноября 1806 г. Будберг писал Гудовичу, «мир с Баба-ханом (Фетх Али-шах. - *Х. М. И.*) весьма нужен в теперешних обстоятельствах, чтобы иметь развязанные руки на случай войны с Портою Оттоманскою»²²¹. Вступив в войну с Турцией, русское командование, опасаясь вторжения иранских войск, выдвинуло часть сил под командованием ген. Небольсина в качестве заслона на р. Тертер. Этот заслон состоял из неполного комплекта Троицкого пехотного и 17-го егерского полков и 400 казаков. В задачи его входило прикрытие Карабахского, Ширванского и Шекинского ханств, а также Елизаветпольского округа. Главная квартира этого отряда дислоцировалась в г. Барде (древняя столица Азербайджана. - *Х. М. И.*). Для усиления русских войск по рекам Араксу и Тертеру туда были направлены конные ополчения из жителей упомянутых ханств. Главные силы русского экспедиционного корпуса были двинуты в пределы Азиатской Турции.

В ходе русско-иранских переговоров ген. Гардана требовал, чтобы обсуждение вопросов о мирном договоре и присоединении Закавказья к России было перенесено в Париж, с чем царское правительство не соглашалось. Тем временем наблюдалось активное проникновение Англии в Иран и Турцию. А заключенный в июле 1807 г. Тильзитский мир между Францией и Россией привел к перевесу английского влияния в Иране, в результате чего представителю Британии Харфорду Джонсу в 1808 г. удалось добиться от шаха разрыва с Францией. Иранский историк Ахмед Тадж-бахш пишет, что «разрыв франко-иранских отношений и отъезд французских представителей из Ирана снова открыл путь для англичан в Иран»²²².

Шах был крайне оскорблен тем, что в Тильзитском договоре про Иран не говорилось ни слова. Обещания, данные ему Наполеоном, также оказались обманом, ибо, сделавшись союзником русского царя, Наполеон следовал новой политике, не думая уже об Иране²²³. Воспользовавшись сближением Франции и России, английское правительство усилило свою активность в Иране, предложив шаху помощь в его войне с Россией. [92-93] Представитель Англии Харфорд Джонс использовал огромные средства для подкупа шаха и его двора. В подарок шаху от английского короля Джонс привез огромный бриллиант²²⁴. Он сорил деньгами в Тегеране так же, как его предшественник, который покупал всех - «от шаха до погонщика верблюдов»²²⁵. Французский же агент ген. Гардана, зная о месте Ирана в Тильзитском договоре, «чувствовал себя в чрезвычайно фальшивом положении»²²⁶. В феврале 1809 г. он покинул Иран. Военные действия между Россией и Ираном, а также между Россией и Турцией продолжались.

Последним оплотом шахского Ирана в Закавказье были Эриванское и Нахичеванское ханства, одно из которых - Нахичеванское - к этому времени уже было присоединено к России. Русским войскам, направившимся из Карабаха в Нахичевань, пришлось выдержать удар 13-тысячного отряда Аббас-Мирзы, усиленного 12 орудиями и 69 фальконетоми²²⁷. Но благодаря исключительной храбрости русских солдат и азербайджанских ополченцев неприятель был разбит, а 1 ноября 1808 г. крепость Нахичевань при содействии сына нахичеванского хана, Ших-Али-бека, населения Нахичевани и азербайджанского ополчения была занята русскими войсками. Азербайджанские конные ополчения, составленные из жителей Карабаха, Шеки и Ширвана, проявили храбрость и «усердие», разделив все тяготы похода с русскими воинами. В письме от 22 ноября 1808 г., адресованном брату, Аббас-Мирза «с горечью жаловался на печальное состояние дел... говорил о большом дезертирстве, о жителях Нахичевани и Эривани, которые бросаются в руки русских»²²⁸.

²²¹ АКАК, т. III, док. 795.

²²² А х м е д Т а д ж б а х ш, Равабит-и Иран..., стр. 34-35.

²²³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 787, л. 9.

²²⁴ «Русский вестник». 1876, т. 86, стр. 241.

²²⁵ К. М а р к с, Хронологические выписки из истории Индии, стр. 105.

²²⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 787, л. 9.

²²⁷ Малокалиберные орудия, транспортировавшиеся на верблюдах и предназначенные для стрельбы через головы своих войск.

²²⁸ M. L e g r a n d, Les Russes en Asie Mineure, стр. 227.

Невзирая на тяжелое положение войск Отдельного Грузинского корпуса, действовавших против двух фронтов - иранского и турецкого - фактически на двух театрах войны в Закавказье, Главный штаб и лично Александр I требовали от главнокомандующего на Кавказе вторжения в пределы Турции для отвлечения значительной части турецких сил с Балканского театра войны. Но все начинания русских войск потерпели неудачу в начальном этапе войны, что было связано с неправильным, невыгодным для русских войск распределением их по фронту более чем в 350 км. Такое раздробление и без того малочисленных войск на столь широком фронте, отсутствие сильного, поддержанного с флангов авангарда и неправильное распределение и использование резервов принесли русским войскам большие и напрасные потери в людях. [93-94]

Неудачи русских войск в начальный период русско-турецкой войны 1806-1812 гг. воодушевили турецкое командование, которое перешло от оборонительной тактики к наступательной. Главнокомандующий турецкими войсками Юсуф-Зия-паша прислал русскому командованию ультимативное письмо, в котором потребовал сдачи всего личного состава русского корпуса и артиллерии с боеприпасами коменданту крепости Каре. Этому способствовала информация, получаемая султаном от Наполеона, который периодически сообщал о результатах военных действий против России в Польше, притом в этих сообщениях было больше лжи, нежели правды²²⁹. Сообщение турецкого главнокомандующего о мнимой «гибели русской армии и флота» в войне с Наполеоном, лишний раз убеждает нас в связях Франции и Турции в период русско-турецкой войны 1806-1812 гг., в частности в 1806-1807 гг.

Узнав о малочисленности русских войск в Закавказье, Юсуф-Зия-паша с 20-тысячной армией, усиленной частью сил Карского гарнизона, двинулся на Гумры²³⁰, где находились тылы русских войск. В планы турецкого командования входили захват Гумры, разгром главных сил русского корпуса в Закавказье и занятие Тифлиса. Но уже в первых боях турецкие войска стали терпеть поражение. Трижды турецкие войска атаковали русский гарнизон крепости Гумры, но безуспешно. С большими потерями турецкие части откатились назад.

Турецкое главнокомандование, видя неприступность русского гарнизона, вошло даже в переговоры с Аббас-Мирзой с целью склонить его на совместные действия для овладения Шурагельской провинцией. Тем временем главные силы русских под командованием Гудовича 8 июня 1807 г. подошли к Гумрам и заняли боевые позиции в нескольких километрах от крепости. Прибытие русских главных сил заставило турецкие войска Юсуф-Зия-паши удалиться за р. Арпачай на Дигнинскую дорогу. Замысел русского командования заключался в том, чтобы дать генеральное сражение турецкой армии в поле. Турецкое же командование, укрепившись в 5 км от крепости Гумры за р. Арпачай, ожидало подкреплений из Карса. Этот промах турецкого командования, выразившийся в трате драгоценного времени в ожидании подкреплений из Карса, и был использован русскими войсками, 18 июня атаковавшими втрое превосходящего противника.

На берегу Арпачая, недалеко от крепости Гумры, разыгралось кровопролитное сражение между русскими и турецкими войсками. Мирза Адигезал писал об Арпачайском сражении: «Оба войска встретились на р. Арпачай и расположились друг против друга. По истечении некоторого времени произошло сражение. К сумеркам османы были побеждены. Русские взяли [94-95] у османов большие трофеи и много пушек. Сардар (Гудович. - Х. М. И.) торжественно вернулся в Тифлис»²³¹.

В результате сражения 6-тысячный русский отряд наголову разбил 20-тысячный турецкий корпус под командованием сераскира эрзурумского Юсуф-Зия-паши²³². Два лагеря турецких войск с тылами, 10 орудий, 2 мортиры, много знамен и множество других трофеев были взяты русскими войсками. Турецкий корпус потерял более тысячи человек убитыми и множество ранеными. Потери русских войск составляли 85 убитых и раненых солдат и офицеров²³³, в числе которых был ген. Розен. Но воспользоваться результатом арпачайской победы русские войска не могли, так как в тылу и на фланге их стояли иранские войска, стремившиеся в случае неудачи русских войск, выступить совместно с турками против русской армии.

Предотвратив союз Ирана с Турцией, арпачайская победа русских войск имела важное значение для народов Закавказья, так как она избавила их от вторжения соединенных ирано-турецких полчищ на территорию Азербайджана, Грузии и Армении и от всех ужасов ирано-турецкого насилия.

²²⁹ См.: А. И. Петров, Война России с Турцией, 1806-1812 гг., т. 1.

²³⁰ Позднее г. Александрополь, ныне г. Ленинакан в Армянской ССР.

²³¹ Мирза Адигезал-бек, Карабаг-наме, стр. 109.

²³² ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 2889, лл. 27-33 об.

²³³ АКАК, т. II, док. 957.

В Арпачайском сражении в составе русских войск непосредственное участие приняла грузинская иррегулярная конница²³⁴, состоявшая из грузин, армян и азербайджанцев (жителей Казахской, Шамшадильской и Борчалинской дистанций). В составе грузинской конницы в арпачайском сражении отличились грузины Томаз, Петр и Георгий Орбелиани, Луарсаб Сумбатов, Джораев, Луарсаб Тарханов, армяне Георгий Абамеликов, Ростом Корганов, азербайджанцы Исабек из Демирчиляра, Масум, сын Сарванского агалара, Ага Аргупсинский и др. Азербайджанцы в числе грузинской конницы, «находясь в сражении, оказывали усердие и расторопность». За активные боевые действия и стойкость в Арпачайском сражении многие азербайджанцы были награждены «золотой медалью»²³⁵.

За это сражение, героями которого были храбрые русские солдаты, Гудович получил чин фельдмаршала, однако развить успех этого сражения в силу своей нерешительности он не осмелился. Просидев на р. Арпачае без всякой пользы, дождался известий о заключении Тильзитского мира и о начавшихся переговорах с Турцией и уехал в Тифлис.

Части 20-й дивизии, разбившие турецкий корпус на Арпачае, были сильно изнурены; материальная часть, артиллерия и обозы были крайне расстроены; некомплект в пехотных полках и кавалерии достиг больших размеров. На помощь русским войскам [95-96] в этот тяжелый для них момент прибыли азербайджанские, грузинские и армянские конные ополчения. Азербайджанская конница под командованием генерала русской службы грузина Орбелиани состояла из 700 человек. Эти иррегулярные азербайджанские, грузинские и армянские воинские формирования в боевом содружестве с русскими драгунами и казачьими частями показали высокие боевые качества на полях сражений и при осаде крепости Эривань.

Нашествия иранской армии на Азербайджан в 1807-1810 гг. Организация отпора врагу и участие в нем населения Азербайджана

Иранское правительство умышленно затягивало переговоры о перемирии, ожидая ответа от Наполеона на посланное Аббас-Мирзой в октябре 1807 г. письмо с просьбой заставить Россию отдать Грузию и Азербайджан Ирану. В этот период возобновились опустошительные набеги иранских войск на Азербайджан, Грузию и Армению. Набеги совершались из Эривани на Шурагельскую провинцию, откуда угонялись стада домашнего скота, разорялись селения местных жителей. Грабежам подвергалось и население Карабахского ханства, которое неоднократно разорялось иранскими феодалами на протяжении последнего десятилетия XVIII в. и в течение первых семи лет XIX в.

Население Азербайджана подвергалось наиболее разорительным набегам во время русско-иранской войны 1804-1813 гг. Набеги иранских полчищ на Азербайджан согласовывались во времени с набегами на Кахетию грузинских царевичей, в частности царевича Александра, а также дагестанских феодалов, настроенных протурецки и проирански. Такие согласованные действия противников России лишали русские войска возможности оказать эффективное противодействие им. Но тем не менее они не раз спасали от угона в рабство азербайджанцев, грузин и армян и возвращали им разграбленное иранскими отрядами имущество и скот.

В 1804-1806 гг., затем в 1809-1812 гг. Карабах снова подвергся страшному разорению. В одном из документов говорится: «О разорениях, потерпленных оставшимися здесь жителями, в подробности донести Вашему превосходительству невозможно, ибо, исключая 1807 и 1808, не проходило года, в котором бы не страдали они (карабахцы. - *Х. М. И.*) от персиян отгоном скота и разными грабежами, особливо же потерпели прошлого 1811 года, отчего по всей справедливости положить должно не менее 1000 семейств таких, которые не только никаких повинностей нести не в силах, но сами требуют прокормления, а из прочих половина тоже лишилась скота и, не в силах будучи [96-97] производить хлебопашество, требует времени для поправления себя»²³⁶.

Основной целью русского плана войны с Ираном было подчинение и присоединение Эриванского ханства. К выполнению этой главной задачи царское командование вернулось вторично в сентябре 1808 г. Вначале экспедиционный корпус в 6 тыс. человек при 12 орудиях

²³⁴ Так как казахские, шамшадильские и борчалинские азербайджанцы считались жителями грузинских дистанций, название «грузинская конница» не менялось и в тех случаях, когда в нее входили азербайджанцы.

²³⁵ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2889, лл. 24-25.

²³⁶ АКАК, т. V, док. 696.

выступил через Памбак в повторный эриванский поход²³⁷. Форсировав р. Зангу 30 сентября, русские войска подошли к Эриванской крепости. Гарнизон ее состоял из 2 тыс. чел. отборной регулярной иранской пехоты, обученной французскими инструкторами. Осада Эривани началась 7 октября, а к полудню 9 октября вся крепость была осаждена русским отрядом. В это время хан эриванский Гусейн-Кули, оставив в крепости своего брата Гасан-хана, с многочисленной конницей занял позицию у сел. Верды за р. Гарничай, с тем чтобы отвлечь русские силы от блокады Эриванской крепости. В боях за крепость Эривань особенно отличились грузинские, азербайджанские конные отряды под командованием ген. Орбелиани. В составе отряда Гудовича действовал армянский конный отряд численностью в 500 человек.

Русское командование решило отбросить за Араке сильную конную группировку иранских войск, препятствовавшую успеху штурма Эриванской крепости. Эта ответственная задача была возложена на сводный отряд под командованием подполковника Подлущкого, в который вошли 200 егерей 15-го егерского полка, 4 эскадрона Нарвского драгунского полка, азербайджанская конница численностью в 700 сабель под командованием генерал-майора Орбелианн и 200 линейных казаков. 17 октября на рассвете русский отряд, совместно с азербайджанской и грузинской конницей под общим командованием Подлущкого, «как снег на голову обрушился на лагерь Гусейн-Кули-хана», разгромил его и заставил в панике с большими потерями бежать за Араке, бросив лагерь, обоз и даже собственную канцелярию Гусейна. Воспользовавшись успехом отряда Подлущкого, русские войска продолжили осаду крепости Эривань. Разбитый Гусейн-Кули-хан с остатками своей конницы соединился с иранской кавалерией Фарадж-Уллах-хана, насчитывавшей 3500 сабель, и решил пробиться к Эривань на помощь осажденному гарнизону. Против объединенной иранской конницы стоял тот же отряд Подлущкого с азербайджанской и грузинской конницей. Усилив этот отряд одним батальоном Кавказского гренадерского полка, сотней егерей 9-го и 15-го егерского полков и полуэскадром казаков, начальство над ним было возложено на генерал-майора Портнягина с задачей разбить соединенные конные группировки Гусейн-Кули-хана Эриванского и Фарадж-[97-89] Уллах-хана, обеспечив тем самым свободу действий блокирующему отряду русских войск.

Узнав об усилении русского отряда на Гарничайе, Гусейн-Кули-хан вместе с конницей своей ушел за Араке. Иранское командование, видя затруднительность положения осажденного Эриванского гарнизона, направило в русский лагерь к фельдмаршалу Гудовичу французского агента Лежара (находившегося при Аббас-Мирзе) с просьбой склонить Гудовича к большей уступчивости²³⁸. Но миссия наполеоновского агента при наследнике иранского престола и его посредничество в русско-иранских отношениях в ходе кампании 1808 г. успеха Ирану не принесли.

Положение русского корпуса было не менее тяжелым, ибо наступили холода, в горах выпал снег, а гарнизон Эриванской крепости упорно защищался²³⁹. Следовало или оставить осаду и уйти на зимние квартиры или же штурмовать крепость. Гудович, будучи жестоким самодуром, не жалея солдатских жизней во имя своей личной славы, решил штурмовать Эриванскую крепость. Для окончательного штурма войска были разделены на 5 колонн, из коих одна составила общий резерв под командованием самого Гудовича. В составе штурмовавших колонн действовали ополчения, состоявшие из казахских и шамшадильских азербайджанцев и грузинских волонтеров. Всего в штурме Эриванской крепости участвовало 4645 человек²⁴⁰. После первого же приступа русские войска потеряли одну треть отряда и отошли на исходные позиции.

Одновременно с отрядом Гудовича по его указанию 1 декабря покинул Нахичевань и отряд Небольсина с азербайджанской конницей; 8 декабря этот отряд вступил в крепость Шушу. Потерпев неудачу в Эривани, Гудович с остатками разбитых войск вернулся в Грузию.

К этому времени Шейхали-хан, не примирившись с потерей своей власти и воспользовавшись отсутствием русских войск, занятых войнами против Ирана и Турции, решил поднять восстание среди населения Кубы против русских властей за восстановление феодальной власти в Дербентско-Кубинском ханстве. Однако, не найдя сочувствия в жителях Кубы и увидев невозможность склонить их на свою сторону, он бежал в Акушу лишь с незначительным числом «приверженных ему беков».

²³⁷ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4265. лл. 14-16.

²³⁸ АКАК, т. III, док. 453, 874.

²³⁹ Фетх-Али-шах для защиты Ереванской крепости направил отборных стрелков, семьи которых взял в качестве заложников с условием, если эти стрелки не будут упорно защищать крепость и сложат оружие, то жены их и дети будут обезглавлены (см. Д у б р о в и н, История войны и владычества русских на Кавказе, т. V, СПб., 1887, стр. 221-222).

²⁴⁰ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 4282, ч. I, АКАК, т. III, док. 453.

Непрерывно подстрекаемые Англией и Францией шахский Иран и султанская Турция зимой 1809 г. часто засылали своих [98-99] эмиссаров в Азербайджан и Дагестан для подготовки восстаний в тылу русских войск.

Шахское правительство в своих планах захвата северо-азербайджанских областей, вошедших в состав России, большие надежды возлагало на горцев Дагестана, для чего старалось «дагестанцев, живущих в горах, возбудить к тому, чтобы сии народы наносили вред и беспокойство Кубинской и Дербентской провинциям, прилегающим к Каспийскому морю»²⁴¹. Но тайная миссия иранских и турецких агентов, распространявших многочисленные шахские и султанские фирманы, призывавшие города и села Закавказья и Дагестана к «священной борьбе против России», не увенчалась успехом, как как не нашла сочувствия в этих народах.

Особую политику шахские эмиссары проводили в 1804-1813 гг. в Азербайджане, где они делали ставку на реакционные феодально-клерикальные элементы, которые должны были подогреть религиозные чувства азербайджанского народа, призванного якобы выступить в защиту знамени ислама.

В этот период «агенты... Персии наводнили мусульманские провинции Восточного Кавказа»²⁴², т. е. Азербайджан и Дагестан. Но население Азербайджана, не раз испытывшее на себе непосильный гнет и неисчислимы бедствия, чинимые иранскими феодалами, при всей жестокости колониальной политики царизма не только не поддавалось наущениям шахских агентов, но и с оружием в руках выступило на защиту своей страны совместно с малочисленными русскими войсками, так как большая часть русских войск находилась на Кавказской линии, а не в Закавказье²⁴³.

Новый главнокомандующий ген. Торماسов не придерживался политики, проводимой своим предшественником, а решил создать ударную группировку на главном направлении, приняв пока оборонительное положение. Временно военные действия с Ираном были прекращены. Однако Аббас-Мирза стал сосредоточивать крупные силы на границах Азербайджана и Грузии, объясняя это опасением и предосторожностью, «дабы войска российские по-прежнему не вошли в их границы, но что наступательных действий они, может быть, не осмелятся начать»²⁴⁴.

Очевидно, Аббас-Мирза, наученный своими европейскими вдохновителями, уже тогда использовал для оправдания своих захватнических нашествий на Азербайджан, Грузию и Армению так называемые «меры предосторожности», что в буржуазной западноевропейской и в иранской историографии нашло свое теоретическое преломление в термине «превентивная война». Превентивная война как средство для оправдания агрессивных [99-100] действий захватчиков привела в 1809 г. к новым военным столкновениям между Ираном и Россией.

По непосредственной указке Англии, любыми средствами препятствовавшей заключению мира с Россией, шахское правительство выработало широкую программу враждебных действий против нее - заключение наступательного союза с Турцией и совместное вторжение в Закавказье с двух сторон²⁴⁵.

Для усиления Ирана «Англия снова прибегла к своим двум предпочтительным способам: подкупу и золоту». Английское правительство в этот период предлагало шаху ежегодную субсидию в 200 тыс. ф. ст. на содержание 12 тыс. пехоты и 25 орудий²⁴⁶. Шах охотно согласился на это, вверив тем самым судьбы Ирана английскому правительству.

Фетх-Али-шах должен был вторгнуться в Азербайджан, а его сын, принц Мамед-Али-Мирза, с другой частью войск должен был напасть на Карабахское и Ширванское ханства. А Аббас-Мирза во главе 10 тыс. сарбазов, обученных французскими инструкторами, и регулярной кавалерии готовился к нашествию на Закавказье со стороны Эривани.

К тому же к вторжению в Закавказье готовилось турецкое командование, сосредоточившее у крепостей Баязид и Эрзурум до 10 тыс. пехоты и конницы. Российские войска были расположены на р. Тертере, на подступах к Карабаху, авангард их был выдвинут к Амамлам, в Памбакской области; другой отряд в составе двух егерских батальонов занял урочище Чардахлы для охраны Елизаветпольского округа и Шамшадильской дистанции. Главные же силы под командованием Тормасова расположились у Соганлуга. В состав русских войск, занявших оборону накануне вторжения ирано-турецких войск, входило азербайджанское конное ополчение, состоявшее из жителей Казахской провинции. В задачи азербайджанской конницы входило также наблюдение за

²⁴¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6192, л. 12.

²⁴² АКАК, т. IV, док. 1062.

²⁴³ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 3.

²⁴⁴ АКАК, т. IV, док. 264.

²⁴⁵ АКАК, т. IV, док. 1062.

²⁴⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 787, л. 13.

Дилижанским ущельем, чтобы не допустить прорыва иранских войск. Для защиты Шекинского, Ширванского и Карабахского ханств русское командование выделило пехотные подразделения, которые заняли наиболее важные в стратегическом отношении пункты: Елизаветполь, Нуху, Шемаху, Шушу и Дзетам. Но эти малочисленные пехотные подразделения не в состоянии были обеспечить отражение иранских полчищ, и потому русский главнокомандующий оборону вышеназванных ханств возложил на их ханов, которые должны были отразить нападение иранских войск местными национальными ополчениями.

По требованию русского главнокомандующего шекинский, ширванский и карабахский ханы кроме сил, предназначенных для защиты своих ханств, для содействия русским войскам [100-101] выставили по 1000 человек конницы каждый²⁴⁷. Часть азербайджанской конницы, выставленной ширванским, шекинским и карабахским ханами, была по решению русского командования включена в отряд ген. Небольсина. В середине августа основные силы иранских войск под командованием Аббас-Мирзы, форсировав Араке, минуя оз. Гокча, подошли к урочищу Ах-Булах, близ Елизаветполя²⁴⁸. Передовые отряды сарбазов завязали перестрелку с русским гарнизоном. Но попытка Аббас-Мирзы овладеть Елизаветполем не удалась; он на этот раз отошел к Эривани. Одновременно с вторжением Аббас-Мирзы в Елизаветпольский округ другой иранский отряд, состоявший из крупных сил конницы, прорвался через Карский пашалык в Грузию. «Неприятель, - свидетельствует источник, - состоявший из конницы, ворвался из турецких пределов в наши границы к урочищу Агзыбеюк и разорил восемь деревень борчалинских татаров при самом возвращении их с кочевья из гор... при сем неприятельском нападении борчалинскими татарами убито персиян более ста человек и семь человек взято в плен, а партия казахских татаров, достигши персиян, отбила у них отогнанный у борчалинцев скот»²⁴⁹. Потерпев неудачу и в этой компании, иранское правительство вновь заговорило о мире, послав два письма Торماسову: одно от великого визиря шаха Мирзы-Безорга, другое от Аббас-Мирзы. Однако это не мешало иранской армии удерживать захваченные территории Азербайджана и Армении, разбойничая в мирных азербайджанских и армянских селениях²⁵⁰.

Характерным в тактике иранской армии в период летне-осенней кампании 1809 г. явилось уклонение ее от сражений с русскими войсками в открытом поле и в горах. В то же время нашествиям многочисленной иранской конницы подвергались беззащитные мирные села азербайджанцев, сотнями и тысячами угонявшихся в рабство за пределы Азербайджана. Грабежом азербайджанских селений и уводом в плен мирных жителей занимались также вооруженные отряды ахалцыхского паши, получившего летом 1809 г. от Аббас-Мирзы 100 тыс. руб. для раздачи собранным войскам²⁵¹. Главные надежды Аббас-Мирза возлагал на проирански настроенных азербайджанских феодалов, беков, агаларов, духовенство и сельскую зажиточную верхушку, которые, по планам его, должны были увлечь за собой народ «во имя защиты знамени ислама».

Изгнанный из Шекинского ханства Селим-хан, найдя приют в Персии, писал в 1808 г. Джафар-Кули-хану: «В ты ту вашем находится Дагестан, где в настоящее время имеются достаточно прочные места - почему бы Вам не воспользоваться случаем [101-102] оказать мне услугу и тем доказать свое мужество. Тогда я поспешу к Вам и дела легким образом окончатся. Одной рукой двух арбузов не подыметь»²⁵², - намек на то, что служить и русским и шекинским интересам нельзя. Не меньшую надежду Аббас-Мирза возлагал на грузинских князей и знать, на которых он воздействовал через царевича Александра. «Я имею с собою силу, - писал царевич Александр грузинским князьям, - и казну трех сильных и великих держав - всего Ирана, османов и англичан - для вашего освобождения из рук чужих»²⁵³.

По словам князей Прозоровского и Багратиона, все старания Аббас-Мирзы и его многочисленной, содержавшейся англичанами агентуры в Закавказье не давали желаемого для него результата, за редким исключением, когда отдельные, лишённые своих владений феодалы Азербайджана и Грузии поддавались обещаниям шахских и султанских фирманов. Турецкие феодалы паши ахалцыхский, эрзерумский и карсский, невзирая на перемирие с Россией, сосредоточивали свои войска около границ Грузии с намерением вторгнуться в ее пределы. В Шекинском ханстве в этот период недовольство Россией проявляли отдельные беки, близкие к бывшему правителю - Селим-хану. На этих-то беков и делал ставку Селим-хан, обосновавшийся в

²⁴⁷ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 5-6.

²⁴⁸ А. И. М е д е в, Персия...; АКАК, т. IV, док. 1075.

²⁴⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4267, л. 2.

²⁵⁰ Там же, л. 4.

²⁵¹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 13.

²⁵² «Война России с Турцией 1806-1812 гг.» т. II, стр. 495-496.

²⁵³ АКАК, т. IV, док. 191.

Тегеране. Одному из этих беков Селим-хан писал: «По милости аллаха в настоящем (1808 г.) гадость заблужденных смоеся с лица земли Ирана чистейшей водой острых мечей, и персидская победоносная армия с одной стороны и громоносное войско турецкое с другой двинутся туда (в Шеки), и из трупов неприятельских соорудятся пирамиды, и в одно мгновение жилы тех нечистых русских будут вытянуты из их тел». Эти письма были разосланы к бекам и «нашли некоторых, хотя и немногочисленных сторонников, польстившихся на обещания Селима». Селим-хану удалось собрать до 500 человек из беков и их приверженцев - противников России, которые подступили к Нухе, но были разбиты русскими войсками.

Джафар-Кули-хан был ненавистен враждебным России феодалам Азербайджана и Дагестана. В частности, его противником был дагестанский владетель Сурхай-хан Казикумыкский, который обратился к нему «с предложением отложиться от русского правительства, суля за то всевозможные обещания». Но Сурхай-хан получил от Джафар-Кули-хана «решительный отказ». Однако действия Сурхая не ограничились этим. Подстрекаемый шахом, поддавшись проiscaм его агентуры в Азербайджане и Дагестане, «Сурхай-хан продолжал действовать враждебно России, стараясь теперь увлечь за собой ханов Ширванского и Карабагского». Намереваясь выступить против Джафар-Кули-хана Шекинского, Сурхай-хан вступил в союз с Соломоном, царем имеретинским, противником России. Соломон, [102-103] собрав войска, готовился выступить в поход против Шекинского ханства. Для помощи Джафар-Кули-хану царское командование направило в Шеки отряд в 600 человек при 2 орудиях²⁵⁴.

Убедившись в бесполезности дальнейшей борьбы с русскими войсками и ополчением шекинцев, Сурхай-хан изъявил готовность покориться русскому правительству.

Расчеты Аббас-Мирзы на восстание азербайджанцев против России провалились. Именно в этот период (1809-1811 гг.) наблюдается активное участие азербайджанцев в русско-иранской войне 1804-1813 гг. В силу того что особенно сильные удары неприятельских войск были нанесены по Казахской, Шамшадильской дистанциям, Елизаветпольскому округу и по Карабахскому ханству, население этих владений приняло наиболее активное участие в боевых действиях.

Документы царского командования директивного характера, адресованные азербайджанским феодальным владетелям, а также всевозможные рапорты, донесения и письма последних к главнокомандующему на Кавказе и другим представителям царского командования, несмотря на свою тенденциозность, свидетельствуют о значительной роли азербайджанцев в войне. Для примера остановимся на переписке главнокомандующего армией на Кавказе ген. Торماسова. «Долг донести, - писал он, - что общество казахских татар, населяющих важнейшую в самой Грузии провинцию, отличило себя усердием и верностью во время военных действий с персиянами... Способность казахцев увлекать своих единоверцев... твердость их в верности при небывалом числе напавших недавно персидских войск, так что персидское правительство не посмело послать им своих фирманов, зная, что они выдали лазутчиков». Особенно Тормасов отмечал «храброе и усердное действие отборной их (казахской. - *Х. М. И.*) конницы в 500 человек». В этом же документе отражен ряд ценных качеств азербайджанцев: «враждебность их к персам, бескорыстность, выразившаяся в возвращении хозяевам отбитых у персов 2 тыс. рогатого скота и более 5 тыс. овец, заграбленных ими у борчалинских татар». За активные боевые действия, храбрость и усердие, проявленные в боях против иранских войск, Казахская дистанция была награждена русским правительством «высочайшей грамотой», казахские агалары и старшины - представлены к наградам и присвоению офицерских чинов, «весь казахский народ» был поощрен освобождением от половины «хлебной махты (подати. - *Х. М. И.*) или зачетом на будущую половину 1810 года».

В извещении ген. Тормасова «старшинам, духовенству и всему казахскому народу» говорится: «Пожалование высочайшей грамоты, примерной и первой в краю, каковой ни один [103-104] народ не был еще осчастливлен, уверен, казахскими старшинами и народом будет принято с истинным чувством верноподданнической благодарности». В этот период казахским азербайджанцам царским правительством было разрешено предпринимать походы против Эриванского ханства с целью предотвращения грабительских нашествий иранских войск на пограничные азербайджанские провинции.

В одном из таких походов в начале июня 1810 г. был наголову разбит иранский отряд во главе с братом Эриванского хана, у которого был отбит отогнанный скот, принадлежавший жителям Казахской дистанции. В этом походе наиболее отличились «100 человек казахской конницы» под командованием агалара из сел. Кесаман и отряд, состоявший «из казахских

²⁵⁴ «Война России с Турцией 1806-1812 гг.», т. II, стр. 496-498.

мужиков и пастухов». Во всех походах и сражениях в описываемый период азербайджанское крестьянство принимало самое активное участие. Это вполне понятно, если учесть, что более всего от нашествий неприятеля страдало именно сельское население, составлявшее большинство всего населения ханства, дистанций и других провинций Азербайджана. «Вооруженные мужики» составляли в этот период и большинство ополчений. Для более надежной охраны границ и для нанесения ответного удара по вторгшимся в пределы Азербайджана, Грузии и Армении иранским войскам царское командование усилило «караулы и разъезды», состоявшие из «лучших наездников», жителей Казахской дистанции, численностью 1285 человек конницы. В задачи этих отрядов входили «не только охрана семейств и имущества, но и поражение неприятеля в его границах». По поводу расположения азербайджанских ополчений казахский моурав подполковник Джораев в своем рапорте ген. Тормасову писал: «Казахский народ возвратился в низ гор, где и приостановлен в крепких местах, как-то: Ахсипирах, Джогаз и Олтакан»

Азербайджанские ополчения были выделены и для обороны наиболее важных коммуникаций. В частности, Дилижанскую дорогу оборонял азербайджанский отряд численностью 160 ополченцев, Олтаканскую - 60, Гуанскую - 20, Кошкательскую - 60, Казманскую - 60, Шамшадильскую - 25, Акстафинскую - 500 ополченцев²⁵⁵. Казахские ополчения были конные и пешие. Таким образом, в ходе боевых действий против общего врага и в борьбе с внутренними противниками присоединения к России крепло боевое содружество русских войск с населением и ополченскими войсками Азербайджана.

Русско-иранские мирные переговоры

Переговоры между русским командованием и иранским уполномоченным состоялись в крепости Аскерани и длились 18 дней. С русской стороны на переговоры прибыл ген. Тормасов, [104-105] с иранской - Мирза-Безорг. Во время переговоров основным спорным вопросом был вопрос присоединения Талышского ханства, на которое претендовали как иранское правительство, так и царская Россия.

Мир-Мустафа-хан хотел получить подданство России, ибо «беспрерывная торговля» доставляла «его народу благосостояние и свободу». Талышский народ и владетель ханства настолько были расположены к России, что военный министр России Барклай-де-Толли в секретном предписании главнокомандующему на Кавказе ген. Тормасову писал: «Можно наверно полагать, что зловерное влияние посторонних держав не в силах будет отклонить хана (Мир-Мустафу. - *Х. М. И.*) от собственных своих выгод и общей пользы его народа»²⁵⁶. После перехода Талышского ханства в подданство России иранские феодалы, провоцируемые английскими агентами и озлобленные действиями талышского хана, стали готовиться к вторжению в его пределы. Английский посол при тегеранском дворе стал открыто требовать от талышского хана разрыва всяких связей с Россией. В Талышское ханство при прямом подстрекательстве английских агентов были направлены иранские лазутчики, в числе которых находился переодетый английский шпион, снявший план Ленкоранской крепости²⁵⁷.

К этому времени относятся действия «английского министра в Персии Харфорда Джонса, действующего во вред России и взявшегося быть посредником между персидским правительством и Мир-Мустафа-ханом Талышским»²⁵⁸.

Осенью 1809 г. иранская армия вторглась в Талышское ханство. Поводом к вторжению в Талыш шахский двор официально объявил отказ Мир-Мустафы-хана выдать свою дочь за старшего сына Фетх-Али-шаха - Мухаммед-Али-Мирзу. Такого же мнения придерживалась как дворянско-буржуазная историография России²⁵⁹, так и азербайджанская историография второй половины XIX в.

Азербайджанский хронист Мирза Ахмед-Мирза Худаверды оглы в своей летописи «Ахбарнаме» приводит ответ Мир-Мустафы-хана Фетх-Али-шаху на его требование выдать малолетнюю дочь за сына. «Хотя Вас и называют падишахом, - писал Мир-Мустафа-хан, - но я себя не считаю ниже Вас!» Собрав всех старшин, Мир-Мустафа-хан заявил им, что «никогда не примет

²⁵⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 2, д. 14, лл. 317-319.

²⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4270, л. 1. Секретное предписание военного министра Барклая-де-Толли генералу Тормасову от 12 апреля 1811 г. за № 82.

²⁵⁷ См.: «История Азербайджана», т. 2, стр. 16.

²⁵⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 2, д. 14, л. 408.

²⁵⁹ См.: «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II: Н. Ф. Д у б р о в и н, История войны и владычества русских на Кавказе, т. V.

предложение шаха». «Я перейду на сторону русских, но не подчинюсь Каджарам»²⁶⁰, - заявил Мир-Мустафа-хан. [105-106]

Истинная же причина нашествия иранских войск на Талышское ханство была иной. Перейдя в подданство России, талышский хан предоставил возможность русскому командованию маневрировать флотом на Каспийском море, вблизи иранских берегов. Кроме того, сама территория ханства, огражденная горным хребтом, служила удобным оборонительным рубежом; наконец, шах опасался дальнейшего продвижения русских войск в глубь Южного Азербайджана, для чего весьма выгодным плацдармом являлась территория Талышского ханства, занимавшего удобное географическое положение.

Накануне вторжения иранских полчищ Мир-Мустафа-хан обратился за помощью к ген. Торماسову. Из Баку на помощь талышцам была отправлена русская эскадра, состоявшая из одного бомбардирского корабля и двух малых судов под начальством капитана Челеева. В ожидании вторжения иранских полчищ жители Талышского ханства были охвачены паническим страхом. «Город (Ленкорань. - *Х. М. И.*) почти опустел, а оставшееся население вместе с ханом были похожи на преступников, ожидавших смертной казни»²⁶¹. В связи с ожидавшимся нашествием армии Аббас-Мирзы три тысячи семейств Талышского ханства вынуждены были бежать и приютиться на небольшом полуострове под защитой артиллерии русской эскадры²⁶². Мир-Мустафа-хан просил русское командование прислать ему на помощь тысячу пехотинцев; но в этот момент, кроме эскадры, прибывшей в Ленкорань, другой помощи не могло быть оказано из-за малочисленности русских войск на Кавказе. Поддержку талышцам оказал Мустафа-хан Ширванский, который послал «некоторое число пешего войска... на помощь в Камыш-Аван»²⁶³.

Тем временем положение населения продолжало осложняться. «Можно даже при первом взгляде, - писал Челеев Торماسову из Ленкорани 1 сентября 1809 г., - не исследуя причины пасмурности, читать на лице их какое-то прискорбие. Сам хан, говоря со мною, казался смущен в спокойствии, да совершенно (как я сам видел) всякое жесткое сердце тронуться должно состраданием к человечеству, увидя 3000 семей, перешедших из дальних границ Талыша, оставя недвижимую собственность и всю область Ленкорань, включая даже и семейство хана, на полуострове расстоянием 7 верст».

В начале сентября 1809 г. иранская конница численностью 11 тыс. сабель под командованием Фараджуллах-хана вступила в пределы Талышского ханства и уже 16 сентября подступила к крепости Ленкорань. В течение нескольких часов иранские [106-107] отряды овладели Ленкоранью «и превратили город в пепел»²⁶⁴. Незначительные силы Мир-Мустафы-хана были разбиты 16 сентября 1809 г., и иранские грабительские полчища, «разделясь на разные колонны, полетели в Ленкорань, оставив часть войска занять хана, и в мгновение ока зажгли со всех сторон оную, меньше нежели в 4 часа превращена она в совершенный пепел»²⁶⁵. В результате разгрома талышских войск и уничтожения Ленкорани три тысячи семейств были отрезаны от материка и продолжали оставаться на бесплодном полуострове. Мир-Мустафа-хан с жалкими остатками своих войск и с семейством своим «принужден был скрыться также на полуострове»²⁶⁶.

Несмотря на то что полуостров, на котором находился Мир-Мустафа-хан с ничтожными остатками разбитых войск и с населением, «был местом весьма крепким и защищенным самою природою»²⁶⁷, талышцы не могли удержаться на нем из-за отсутствия запасов продовольствия и были обречены на голодную смерть. Капитан Челеев высадил на полуостров 30 матросов для помощи талышцам, которые построили батареи и усилили их двумя орудиями. Для поддержки талышцев русские корабли, стоявшие на рейде, были расставлены так, что корабельная артиллерия могла обстреливать всю местность, лежавшую перед полуостровом, и не допустить неприятеля к нему. Кроме того, для охраны хана и его семейства русским командованием была направлена на судах из Баку к берегам Талышского ханства одна рота Севастопольского пехотного полка, которой было запрещено удаляться далеко от берегов ханства²⁶⁸. Но отсутствие продовольствия, наступившие холода и болезни среди населения, не позволяли ему долго

²⁶⁰ НАИИ АН Азерб. ССР, шифр 1614, стр. 42, 43.

²⁶¹ Н. Ф. Д у б р о в и н, История войны и владычества русских на Кавказе, т. V, стр. 240-243.

²⁶² А. С. С у м б а т з а д е, О разорительном характере иранских нашествий на Азербайджан..., стр. 80.

²⁶³ А. Б а к и х а н о в, Гюлистан-Ирам, стр. 158.

²⁶⁴ Н. Ф. Д у б р о в и н, История войны и владычества русских на Кавказе, т. V, стр. 243-244.

²⁶⁵ АКАК, т. IV, док. 880.

²⁶⁶ Н. Ф. Д у б р о в и н, История войны и владычества русских на Кавказе, т. V, стр. 244.

²⁶⁷ АКАК, т. IV, док. 880.

²⁶⁸ Н. Ф. Д у б р о в и н, История войны и владычества русских на Кавказе, т. V, стр. 244.

держаться на крохотном бесплодном полуострове. О несчастье мирных талышских жителей писал Челеев в донесении Тормасову 15 октября 1809 г.: «Увядает Талышское ханство, увядает очень приметно; хан уже потерял прежнюю бодрость духа, приверженные же воины его, которые оставались делить с ним несчастную участь и испить вместе чашу горести, не прежние бодрые талышцы, но унылые узники»²⁶⁹.

Отряды иранской армии подвергли жестоким преследованиям мирных талышских жителей, не успевших переселиться на полуостров под защиту русской эскадры. На всей территории ханства иранские войска распоряжались как у себя дома. [107-108] Жители бежали из своих жилищ и скитались в нищете, испытывая голод и холод. Надеясь на безвыходное положение, в котором очутились талышцы, Фараджулла-хан решил воспользоваться этим и склонить Мир-Мустафу-хана на сторону Ирана. С этой целью он 17 октября 1809 г. направил к нему своего уполномоченного «с требованием, чтобы хан Талышский пожертвовал преданностью России в пользу Персии и отдал бы сына в аманаты, в залог своей верности повелителю Ирана»²⁷⁰. Будучи более девяти лет под покровительством России, народ талышский и хан предпочли оставаться в том же положении и отказались от перехода под иго Ирана. Этот убедительный факт подтверждает исключительное тяготение талышских азербайджанцев к России еще в тот период.

Оказавшись в гибельном положении, на бесплодном полуострове, три тысячи семейств стойко выдержали все ужасы своего положения, но не перешли под власть иранских феодалов, ища покровительства только России.

Тем временем переговоры о перемирии в Аскерани между Тормасовым и Мирза-Безоргом продолжались. Тормасов знал, что если он заключит перемирие без ограждения неприкосновенности Талышского ханства, то Фетх-Али-шах обрушится на него и силой оружия подчинит себе. Исходя из этих соображений, русский главнокомандующий потребовал от иранского представителя признания независимости Талышского ханства. Шахское правительство отказалось от этих условий перемирия, касавшихся Талышского ханства, что было следствием происков английского посольства в Тегеране. «Причина неуспеха, - писал Тормасов, - в перемирии с Персией, в щедро рассыпанном Англией золоте, в снабжении ею Персии оружием, наемными чиновниками и даже войсками»²⁷¹.

К тому же, в деле срыва переговоров в Аскерани довольно эффективную роль сыграла Турция, опасавшаяся усиления России за счет войск, освободившихся от войны с Ираном. Именно к этому времени относится «присылка сераскиром из Эрзерума к сардарю (Гусейн-Кули-хану. - Х. М. И.) в Эривань на 96 верблюдах пороху и свинца»²⁷². Для срыва переговоров султан отправил в Тегеран своего уполномоченного с ценными подарками, а Аббас-Мирзе предложил в полное распоряжение 12 тыс. отборных регулярных турецких войск²⁷³.

Таким образом, усилиями английской дипломатии и при прямой поддержке турецкого султана мирные переговоры в Аскеране были сорваны и военные действия с обеих сторон стали неминуемыми. [108-109]

Антирусская ориентация некоторых азербайджанских феодалов. Вооруженные восстания населения против русского царизма

Русские войска в Закавказье оказались в весьма тяжелом положении. Надвигалась угроза двустороннего удара Ирана и Турции. Русские войска на границах Азербайджана были разделены на две оборонявшиеся группы. В первую группу - ген. Небольсина - входили шесть батальонов пехоты, один казачий полк, азербайджанская конница, состоявшая из шекинского, ширванского и карабахского конных ополчений. Эта группа заняла оборону: Елизаветполь, Тертер, Чардахлы, Шуша. Таким образом, охрана Елизаветпольского округа и Карабахского ханства от вторжения иранских войск была возложена как на русские войска, так и на азербайджанские ополчения. Вторая группа войск, занявшая оборону в Памбакской и Шурагельской областях, у крепостей

²⁶⁹ АКАК, т. IV, док. 884.

²⁷⁰ Н. Ф. Д у б р о в и н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. V, стр. 246.

²⁷¹ ЦГИА Груз ССР, ф. 416, оп. 2, д. 14, л. 408

²⁷² Там же, л. 332.

²⁷³ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 162.

Гумры и Амамлы, состояла из четырех батальонов пехоты, двух эскадронов драгун, двух казачьих полков и конных ополчений из казахских азербайджанцев и жителей Памбакской области²⁷⁴.

Общий резерв войск действовавшего корпуса был сосредоточен неподалеку от Соганлуга (близ Тифлиса) и состоял из восьми батальонов пехоты, шести эскадронов драгун, трех казачьих полков и грузинского ополчения при десяти орудиях²⁷⁵. Наиболее опасным направлением являлось Карабахское, так как именно оно было избрано как основное иранским командованием, и Аббас-Мирза с огромной армией уже подступил к границам Карабаха, к Нахичевани. Кроме того, положение войск, оборонявших Карабах, ухудшала значительная отдаленность их от общего резерва. Для усиления этих войск русское командование привлекло азербайджанские ополчения из жителей Карабахского, Шекинского, Ширванского ханств и Казахской дистанции. Главнокомандующий на Кавказе предложил ханам собственными силами охранять спокойствие в своих владениях и просил их выставить некоторое дополнительное количество конницы для содействия русским войскам. В этот период наблюдается заметный отход от русской ориентации ряда азербайджанских ханов Восточного Закавказья, в частности ханов карабахского и ширванского. Как карабахский владетель Мехти-Кули-хан, так и ширванский Мустафа-хан поддерживали тесную связь с тегеранским двором и даже ожидали удобного случая для открытого перехода на сторону Ирана²⁷⁶.

Это обстоятельство объясняется не столько действительным тяготением некоторых азербайджанских феодалов к Ирану, [109-110] сколько жестоким и унижительным обращением с ними бывшего царского главнокомандующего ген. Цицианова и его сподвижников, суровые колонизаторские методы управления которых были еще свежи в памяти этих ханов. Бесспорно, Мехти-Кули-хан не мог забыть жестокой расправы майора Лисаневича над отцом своим, Ибрагим-Халиль-ханом, и членами его семьи. Взаимная же вражда текинского хана с ханами карабахским и ширванским являлась существенной помехой для последних в деле оказания помощи русским войскам.

В Азербайджане часть населения и ханств оставались верными России и оказывали значительную помощь Отдельному Грузинскому корпусу (Джафар-Кули-хан Шекинский, казахское, шамшадильское и борчалинское ополчения). Другая часть заняла враждебную России позицию.

Для усиления отряда ген. Небольсина текинский хан выслал конный отряд численностью 300 сабель. Для охраны же границы Азербайджана с Ираном по Араксу он направил к Худаферинской переправе конное ополчение из 500 человек. Кроме этих сил шекинский хан по просьбе русского главнокомандующего создал резерв войск численностью в 2 тыс. человек для «обращения их туда, где будет в оных настоять надобность»²⁷⁷.

Итак, в боевых действиях русско-иранской войны, развернувшихся в 1810 г., приняли участие азербайджанские конные и пешие ополчения, состоявшие из жителей Шекинского, Ширванского и Карабахского ханств, Казахской, Шамшадильской и Борчалинской дистанций, наиболее значительным из коих были шекинские конные и пешие отряды. Приведенные сведения свидетельствуют о стремлении значительной части населения Азербайджана вооруженным участием помочь русской армии в ее борьбе против Ирана. Но злоупотребления царских чиновников и гнет местных феодалов не раз толкали трудящиеся массы Азербайджана на выступления против царских властей. Выражая протест против тяжелого экономического положения, гнета и бесправия, население некоторых провинций покидало насиженные места, уходило целыми семьями в горы в поисках убежища и избавления от царских комендантов, окружных начальников и других царских чиновников, а также от своих феодалов. Одним из крупных выступлений населения в период 1810-1811 гг. был бунт айрумского племени, обитавшего в Елизаветпольском округе (бывшем Гянджинском ханстве) в июле 1810 г. - феврале 1811 г. Айрумцы в основном населяли горные районы Елизаветпольского округа, граничащие с Эриванским ханством, Казахским и Шамшадильским султанствами.

Основной отраслью хозяйства айрумцев было скотоводство, в котором к этому времени преобладала кочевая форма.

В силу того что в рассматриваемый период царские «оккупационные власти заботились главным образом о стратегическом [110-111] обеспечении тыла персидского фронта... снабжении армии и взимании дани» с населения взимались чрезмерно большие повинности. Система

²⁷⁴ Там же, стр. 166.

²⁷⁵ А. И. Медведев, Персия.

²⁷⁶ См.: АКАК, т. IV, док. 768, 821, 829.

²⁷⁷ См.: АКАК. т. IV, док. 740

комендантского управления, которому царским командованием на Кавказе предписывалось управлять «по прежним (т. е. ханским) обычаям», почти ничем не отличалась от системы ханского управления. Местные феодалы продолжали грабить крестьянство и кочевников с удвоенной интенсивностью, ибо «отстранение от власти ханских династий»²⁷⁸ еще не означало ликвидации эксплуатации и гнета ханов, беков и агаларов. В изучаемое время в Елизаветпольском округе²⁷⁹, так же как и во всех ханствах Азербайджана, в которых ханская династия была устранена от власти, «происходил процесс ограбления прежних землевладельцев, и в связи с ним создавались кадры новых» местных эксплуататоров - феодалов (магальные наибы, диванные беки, есаулы и т. д.), опиравшихся на царские колониальные власти и поддерживавших их²⁸⁰.

Освобождая беков и духовенство от всех видов податей, царизм ввел в завоеванных областях Азербайджана еще в 1806 г. денежную подать (так называемую «червонцы») и целую систему государственных податей и повинностей, легших тяжелым бременем на трудящиеся массы, в основном на крестьянство.

Не желая мириться с двойным гнетом, айрумцы убили своего феодала Мешади-Хаджи и в составе 1400 семейств покинули Елизаветпольский округ и направились к урочищу Даралагез, в горах, на границах Нахичеванского, Эриванского и Карабахского ханств.

Выступлением айрумцев воспользовались правящие круги шахского Ирана, направившие к айрумцам сына бывшего гянджинского владетеля Джават-хана - Угурлу-хана, бежавшего в Иран после покорения Гянджи русскими войсками. Угурлу-хан, прибыв во главе тысячного иранского отряда в местопребывание айрумцев - Айдиамин-баши-Селим-Караван-Сарай, переселил около 1000 семейств в Эриванское ханство²⁸¹. Разумеется, Угурлу-хан добился согласия айрумцев переселиться в Иран после соответствующей агитации мусульманского духовенства и старшин айрумского племени. Перейдя под власть иранских феодалов, айрумцы вскоре убедились в разнице между господством России и жестокой тиранией Эриванского хана. Среди них возникло стремление возвратиться в пределы России, но страх «не быть прощенными» царским правительством останавливал их от этого. Айрумские старшины Аллахверди, Додак-Мухаммед и другие, связавшись с представителями царского [111-112] командования, в частности с ген. Небольсиным, с моуравом Шамшадильской дистанции капитаном Ладинским и местным феодалом Насиб-султаном Шамшадильским, от имени айрумцев изъявили желание возвратиться в пределы России. Они «ввиду нахождения у них Угурлу-аги Джавад-ханского сына с персиянами, не решаясь изъяснить свое согласие на бумаге, устно поручили объявить Ладинскому, что они... согласны возвратиться и просят прислать войско для прикрытия их от персиян»²⁸². Разумеется, не в интересах царского правительства было переселение на сторону врага в разгар русско-иранской войны целого племени азербайджанцев, составляющего более 1400 семейств. Это наносило ущерб как экономическим интересам царизма в Закавказье, так и политическому престижу его в глазах всего населения Закавказья.

Исходя из этих соображений, царское правительство приняло все меры для возвращения перешедших в Эриванское ханство айрумцев, вплоть до согласия поселить их после возвращения на новой территории (в Шамшадильском султанстве) и предоставления им права выбора главы племени по своему усмотрению. Капитан Ладинский направил к айрумцам своих представителей из числа шамшадильских азербайджанцев для передачи условий, на которых царское командование согласно на возвращение их в пределы Азербайджана.

Первыми вернулись 70 семейств айрумцев во главе со старшиной Додак-Мухаммедом, который просил Ладинского «поспешить прибытием» и «постараться о возвращении всех своих товарищей». Для помощи айрумцам был направлен отряд, состоявший из 400 человек пехоты, 2 орудий и азербайджанских ополчений (шамшадильская и шекинская конницы) под командованием Касим-бека, сына Насиб-султана Шамшадильского - Маасум-бека - и других.

Шахское правительство не осталось безразличным к мероприятиям русского командования. Для «чапаула» (грабительского налета - *Х. М. И.*) на казахов, шамшадильцев, борчалинцев и подгорной слободы г. Елизаветполя, Килиса-кенд, был снаряжен десятитысячный отряд под командованием Али-шах-Мирзы. Азербайджанцы названных провинций срубили по всем дорогам лес, устроили завалы против конницы неприятеля, усилили караулы в вероятных пунктах нападения врага. Намерение неприятеля было сорвано, айрумцы возвратились в пределы

²⁷⁸ «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60 гг. XIX в.», ч. I, стр. 8, 9.

²⁷⁹ Бывшее Гянджинское ханство было переименовано в Елизаветпольский округ и присоединено в административном отношении к Грузии.

²⁸⁰ «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60 гг. XIX в.», ч. I, стр. 11.

²⁸¹ ЦГИА Груз ССР, ф. 416, оп. 2, д. 14, лл. 324-325.

²⁸² Там же, л. 325.

Азербайджана и поселились в Шамшадильской дистанции. При переселении их между войсками эриванского хана и шамшадильской конницей имели место сражения, в которых шамшадильцы нанесли противнику значительный урон. Царское правительство объявило благодарность Насиб-султану и всем шамшадильским агаларам за подкрепление айрумцев. Сын Насиб-султана - Маасум-бек получил офицерский чин, а айрумский [112-113] старшина Аллахверди был награжден серебряной медалью²⁸³.

Несомненно, уступки царского правительства по отношению к выступившим против него айрумцам, как и по отношению все-то населения Закавказья, носили временный характер и диктовались условиями войны.

Активизация действий иранской армии. Наступление на Карабах. Выступление Мехти-Кули-хана против царских властей

В начале июня 1810 г. иранские войска, разделившись на три колонны, двинулись к Карабаху, Елизаветполю и к Памбакской области. План вторжения иранской армии на Азербайджан был следующий. 30-тысячная армия под командованием Аббас-Мирзы должна была вторгнуться в Карабах со стороны Нахичевани. В задачи Аббас-Мирзы входило овладение Карабахским ханством, подготовка к выступлению против России ханов ширванского, шекинского и карабахского, наступление совместно с их войсками и овладение Грузией. Одновременно с наступлением армии Аббас-Мирзы другая часть иранской армии, численностью в 15 тыс. человек под командованием старшего сына Фетх-Али-шаха, Мухаммед-Али-Мирзы, должна была совместно с войсками эриванского хана выбить русские части из Памбакской и Шурагельской областей, соединившись в дальнейшем с турецкими войсками ахалцыхского и карсского пашей и поддержав восставшего против России имеретинского царя Соломона, вклиниться в пределы Карталинии с Ахалцыхского направления. Не ограничившись этими планами, иранское правительство намеревалось разжечь пламя священной войны (газават) против России в ее тылу, в азербайджанских ханствах и других владениях. Для осуществления этой задачи во все ханства Закавказья и Дагестана были направлены многочисленные эмиссары с воззваниями иранского шаха²⁸⁴.

Еще 15 мая двухтысячный иранский отряд, переправившись через Араке, занял селения Мигри и Гюней, а жителей насильно угнал в пределы Ирана.

Русское командование исключительное значение придавало сел. Мигри, являвшемуся узлом важных коммуникаций Азербайджана.

Для возвращения сел. Мигри туда было направлено 419 русских пехотинцев, 20 казаков и 50 конных азербайджанцев из Карабаха под командованием полковника Котляревского²⁸⁵. [113-114]

Гарнизон Мигри, раскинувшийся по обеим берегам речки того же названия, состоял из 1500 человек регулярных иранских войск с артиллерией, расставленной на правом крутом берегу. Подступы к селению были сильно укреплены засеками, оборонявшимися двумя сотнями иранских сарбазов²⁸⁶. 17 июня 1810г. Мигри штурмом было взято русскими войсками и азербайджанским отрядом «на глазах подходившего подкрепления Аббас-Мирзы численностью в 10000 чел.»²⁸⁷. В штурме Мигри русские солдаты и азербайджанские ополченцы проявили мужество и отвагу. Командир отряда Котляревский с малочисленным отрядом сумел победить впятеро превосходящего противника, занявшего сильно укрепленную позицию. Взятие Мигри имело важное значение, так как сообщение Тебриза с Нахичеванью попало под контроль русских войск. О том, какое значение иранское правительство придавало Мигри, говорит поступок Аббас-Мирзы, приказавшего отрубить головы всем сарбазам, оборонявшим Мигри и оставшимся в живых²⁸⁸. Вслед за овладением Мигри тот же отряд полковника Котляревского в ночь па 5 июля наголову разбил восьмитысячный отряд иранских войск под командой тебризского феодала Ахмет-хана. В

²⁸³ Там же, лл. 324-326.

²⁸⁴ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 171.

²⁸⁵ П. О. Б о б р о в с к и й, История 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка за 250 лет, ч. 3, стр. 263; см. также: АКАК, т. IV, док. 829, 830.

²⁸⁶ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 177-178.

²⁸⁷ «Известия штаба Кавказского военного округа», 1910, № 28, стр. 40

²⁸⁸ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 183

числе разбитых воисх было 1500 человек отборной регулярной пехоты, обученной и оснащенной англичанами. Этот иранский отряд получил задание Аббас-Мирзы любой ценой вернуть Мигри, но, не достигнув цели из-за упорства русского гарнизона, расположился на ночлег на берегу Аракса, где и был застигнут врасплох отрядом Котляревского. В этом неравном бою с исключительной храбростью бились бок о бок русские егеря, действовавшие штыком, казаки и азербайджанские всадники, рубившие саблями. По словам очевидца битвы на Араксе 6 июля 1810 г., неприятель был настолько многочисленным, что «едва доставало рук... чтобы исполнить это суровое, но необходимое приказание»²⁸⁹, т. е. уничтожить противника.

Успехи в Мигри и на Араксе изменили военную обстановку в Карабахе и во всем Восточном Закавказье. С этого момента направлением главного удара иранское командование выбрало Памбак и Шурагель с исходным рубежом в Эривани. В то же время Аббас-Мирза приступил к укреплению подступов к Тебризу и Нахичевани, опасаясь наступления русских войск. При всем этом грабежи и разорения пограничных азербайджанских областей продолжались, для чего Аббас-Мирза выделил особые конные отряды. От налетов иранских отрядов, разорявших селения и угонявших у жителей скот, больше всего страдало в этот период население Карабахского ханства²⁹⁰. Объяснялось это [114-115] тем, что из-за малочисленности русских войск в Закавказье границы Карабаха с Ираном не были прикрыты сильными заслонами, сам же Мехти-Кули-хан Карабахский продолжал враждебно относиться к царским властям и почти не оказывал им помощи. Враждебное отношение Мехти-Кули-хана Карабахского к русскому командованию и ориентация его на Иран в середине 1810 г. пагубно отражались на населении Карабаха. В этот период хан не только не оказывал вооруженной помощи русским войскам, но и не организовал даже защиту своих владений от нашествий иранских войск.

В своем письме Мехти-Кули-хану Торماسов писал: «Вопрошаю же Вас, кто страдает от такой беспечности. Народ, высочайше управлению Вашему вверенный и который в Вас должен был бы находить наибдительнейшего попечителя о их благе... некогда примерно-храбрый карабахский народ, коего чтит сама Персия, а соседи трепетали [находился] в столь ослабевшем положении, что 30 или 40 хищников, ворвавшихся вовнутрь самого Карабаха, безнаказанно возвращались назад с грабежом, убивая карабахцев и увлекая в плен жертвы» бездеятельности Мехти-Кули-хана. «Больно, очень больно видеть, что Карабах, славившийся мужеством и храбростью всеобщую, теперь заснул»²⁹¹. Но обращения Тормасова не изменили положения, хан своей бездеятельностью открыл весь Карабах для иранских отрядов, огнем и мечом пронесившихся по мирным азербайджанским и армянским селам. Против шахских войск выступали вооруженные жители Карабаха, которым часто помогали русские посты, выставленные по дорогам Карабаха. Исключительный героизм и отвагу проявили русские солдаты и азербайджанские воины при защите мирных жителей Карабаха от набегов иранских войск.

В результате летне-осенних нашествий иранской армии в 1810 г. на Карабах в Иран было угнано до 30 тыс. голов крупного и мелкого рогатого скота²⁹².

Набеги продолжались до конца 1810 - начала 1811 г. Таким образом, в результате переориентации на Иран Мехти-Кули-хана, а также из-за малочисленности русских войск, выделенных для охраны границ ханства, незащищенное азербайджанское и армянское население его подверглось разорению иранской армией.

Принц Бахман-Мирза Каджар, перешедший на сторону России в 1848 г., в своем сочинении «Книга благодарения царю царей» с горечью описывает бедствия, постигшие азербайджанский народ в этот период. Сравнивая отношение русской армии к населению Азербайджана с насилиями, чинимыми иранскими отрядами, Бахман-Мирза писал: «Во время походов и в период военных действий русские войска не причиняли вреда посевам, [115-116] садам и другим угольям населения, без разрешения не входили в жилища, в ходе войны не бесчинствовали по отношению к местному населению»²⁹³.

Пока иранские отряды разоряли Карабах, на другом фланге русско-иранского фронта происходили следующие события. Потерпев поражение в Мигри и на Араксе, Аббас-Мирза стал активно готовиться к новому вторжению в пределы Закавказья через Памбак и Шурагель, со стороны Эриванского ханства. Он намеревался нанести русским войскам комбинированный удар: силою своих войск ударить из Эривани, в то время как войска имеретинского царя Соломона

²⁸⁹ Там же, стр. 185.

²⁹⁰ Там же, стр. 187.

²⁹¹ АКАК, т. IV, док. 845.

²⁹² Там же, док. 1134.

²⁹³ Ба х м а н - М и р з а К а д ж а р, Шюкюр-наме-и шаханшахи (рук.) Республиканский рукописный фонд АН Азерб. ССР, шифр № 2239, .М. - 263.

должны были вторгнуться в Карталинию из Имеретии, а грузинский царевич Александр должен был поднять восстание в тылу русской армии, т. е. в Азербайджане, Грузии и Дагестане. Не ограничившись этим, Аббас-Мирза решил привлечь для вторжения в Закавказье султана Турции. Для этого он отправил своего уполномоченного к сераскиру эрзурумскому с просьбой ускорить вторжение в Грузию со стороны Ахалцыха для овладения Тифлисом²⁹⁴. Но сераскир не торопился и выжидал открытых действий Аббас-Мирзы. Последний в свою очередь дожидался вторжения турецких войск в Грузию, которое должно было отвлечь русскую армию. Одновременно Аббас-Мирза разослал воззвания к грузинскому и азербайджанскому народам, в которых призывал их «прикрепить подол старания к поясу... решиться на помощь высоксановным принцу Александру-Мирзе и имеретинскому царю Сулейман-хану (Соломону. - Х. М. И.) в ожидании прибытия победоносной армии Ирана».²⁹⁵ Тем временем сосредоточение иранских войск на границах Азербайджана и Грузии продолжалось. К границам Памбака и Шурагеля были подтянуты две колонны иранских войск: первая - численностью в 8 тыс. конницы под командованием Гусейн-Кули-хана Эриванского, вторая - в 10 тыс. под командованием сына Фетх-Али-шаха, Али-Шах-Мирзы²⁹⁶.

В то же время восьмитысячный отряд под командованием Ибрагим-хана Наджарского был выделен для нападения на ханства Шекинское и Ширванское. Одновременно в Шекинское ханство двинулся Фетх-Али-шах с главными силами, чтобы овладеть крепостью Шеки, вторгнуться в Грузию с восточной стороны и захватить Тифлис ирано-турецкими соединенными силами, наступление которых планировалось со стороны Ахалцыха²⁹⁷. Силы русского корпуса, выставленные против двух иранских колонн, не превышали 4 тыс. человек при 18 орудиях. В начале августа 1810 г. Гусейн-Кули-хан Эриванский с конницей в 8 тыс. [116-117] сабель, пройдя через территорию Карсского и Баязидского пашалыков, устремился к Шурагельской области. Против Гусейн-Кули-хана выступил главнокомандующий ген. Тормасов с пехотой и казаками. Для прикрытия же Шурагеля между Артиком и Гумрами занял оборону русский отряд в составе 400 пехотинцев, 140 драгун, 100 казаков, азербайджанской конницы, состоявшей из жителей Казахской дистанции, и 4 орудий²⁹⁸. Гусейн-Кули-хан Эриванский в середине августа подступил к Ахалкалакам, где должен был соединиться с турецкими войсками ахалцыхского паши. Но ни ахалцыхский и карсский паши, ни сераскир эрзурумский обещанной помощи иранским войскам не оказали, опасаясь наступления царских войск, за исключением незначительного числа солдат, присланных Шериф-пашой.

Таким образом, в лагере противников России не было единодушия, и планы Аббас-Мирзы не были претворены в жизнь. Этим воспользовался русский главнокомандующий и, сформировав летучий отряд в составе 2 батальонов егерей, 200 казаков, азербайджанского конного отряда численностью в 150 сабель, при 5 орудиях под командованием генерал-квартирмейстера Паулуччи, двинул его против Гусейн-Кули-хана Эриванского к Ахалкалакам с задачей в десятидневный срок разбить его войска и вернуться назад. Ранним утром 16 сентября 1810 г. в результате штурма иранского лагеря на подступах к Ахалкалакам восьмитысячный иранский отряд был разгромлен наголову. В Ахалкалакском сражении ратные подвиги с русскими войсками разделили и азербайджанские воины из конного ополчения, вошедшего в штурмующие колонны русских войск. Ахалкалакское поражение иранских войск привело к полному разрыву между Ираном и Турцией. Разбитый Гусейн-Кули-хан Эриванский уже не помышлял о нападении на русские войска, а горел желанием отомстить карсскому Шериф-паше, которого иранский двор считал виновником разгрома под Ахалкалаками. Гусейн-Кули-хан «умолял Аббас-Мирзу прислать ему свежих войск для отмщения Шериф-паше»²⁹⁹. Таким образом, союз Ирана с Карским и Ахалцыхским владетелями не только не принес победы войскам над Россией, но даже сделал Иран и Турцию противниками.

²⁹⁴ АКДК, т. IV, док. 1143-1145

²⁹⁵ «Война России с Турцией 1806-1812 гг.» т. III.

²⁹⁶ АКАК, т. IV, док. 1109, 1111.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ АКАК, т. IV, док. 1112

²⁹⁹ Там же, док. 1112, 1128, 1168

Азербайджанские дистанции и их роль в обороне Закавказья от Ирана

Когда Аббас-Мирза узнал о поражении восьмитысячного отряда Гусейн-Кули-хана Эриванского под Ахалкалаками, то в порыве мщения приказал брату своему Али-Мирзе вторгнуться в Шамшадильскую дистанцию для грабежа азербайджанского [117-118] населения, одновременно преследуя цель отвлечь внимание русского командования от Карсского пашалыка, через который отступали к Эривани разбитые остатки войск Гусейн-Кули-хана. Аббас-Мирза рассчитывал на успех вторжения в Шамшадильскую дистанцию, в которой не было русских войск. Но он просчитался. Шамшадильской дистанции, населенной азербайджанцами, как русское командование, так и иранское придавали большое значение в силу того, что она была выгодна в стратегическом отношении, прикрывая Елизаветпольский округ со стороны оз. Севан, мимо которого через Дилижанское ущелье шла единственная дорога от Эривани.

Власть местных феодалов (султанов) Казахской и Шамшадильской дистанций после присоединения Картли-Кахетинского царства в 1801 г. к России была формально сохранена, но фактически начальником области все же являлся представитель русского командования, должность которого продолжала называться «моурав», как и при грузинских царях. Султаны и агалары Шамшадильской дистанции³⁰⁰ в новых условиях не владели уже землей и крестьянами, а были превращены в управляющих, «которые получают свою власть от царя и отвечают перед царем за неисполнение своих обязанностей»³⁰¹. Так, в Шамшадильской дистанции формально народом правил местный феодал Насиб-султан Шамшадильский, который во время войны возглавлял местное конное ополчение и принимал активное участие во многих сражениях в составе войск Отдельного Грузинского корпуса, фактически же правителем дистанции был представитель военной администрации капитан Ладинский.

Русский царизм, не изменяя ничего во внутренней жизни азербайджанских дистанций, постепенно создавал органическую связь с государственным целым. «Татарские дистанции, - говорится в источнике, - приняли к этому времени (в 1810 г. - *Х. М. И.*) окончательный характер как бы казачьих поселений, обязанных сохранять границы Грузии (и Азербайджана. - *Х. М. И.*) от вторжения „неприятеля“ и выставлять во всех экспедициях на помощь русским регулярным войскам несколько... тысяч иррегулярной конницы»³⁰².

К так называемым татарским дистанциям, или областям, относились земли, расположенные на юго-восточных границах Грузии и Азербайджана и населенные в основном азербайджанцами. Будучи храбрым и воинственным народом, казахи-шамшадильцы и борчалинцы обратили сразу же на себя внимание русского командования. Следствием этого явилось почти поголовное вооружение мужского населения этих дистанций и охрана ими границ Грузии и Азербайджана с Ираном. Из жителей Казаха, Шамшадилы и Борчалы в этот период были сформированы [118-119] пограничные «земские караулы» и конные ополчения численностью около 6 тыс. человек³⁰³. Военно-политические мероприятия русского командования в азербайджанских дистанциях по созданию так называемых татарских поселений на границах с Ираном были аналогичны тем мероприятиям, которые впоследствии провел царизм на Северном Кавказе, создавая казачьи поселения для охраны так называемых кордонных линий против горского населения Северного Кавказа. Но если на Северном Кавказе целью создания этих казачьих поселений были захватнические, колониальные устремления русского царизма по отношению к горцам Северного Кавказа, методически оттеснявшимся в глубь гор и истреблявшимся царскими войсками, то создание азербайджанских пограничных дистанций в Казахском, Шамшадильском и Борчалинском султанствах в ходе русско-иранской войны 1804-1813 гг. диктовалось необходимостью обороны внешних границ Закавказья от внезапного вторжения иноземных захватчиков, что объективно отвечало интересам азербайджанского, грузинского и армянского народов.

«Выставление караулов, - писал ген. Паулуччи Насиб-султану Шамшадильскому, - есть дело, необходимое для собственной безопасности шамшадильского народа от нечаянного нападения хищников». Для ополченцев азербайджанских дистанций русским командованием было разработано специальное «Наставление» на русском, азербайджанском и грузинском языках,

³⁰⁰ Это относилось также к Казахской и Борчалинской дистанциям.

³⁰¹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. XII, стр. 85-86

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же

которое служило своего рода уставом караульной и полевых служб иррегулярных азербайджанских войск. Вот некоторые параграфы этого «Наставления». «§ 9. Караулы из жителей наряжать при агаларах поочередно, и караульный агалар, под опасением строго по законам взыскания, не смеет самовольно оставлять свой пост без приказа моурава; § 10. Сверх расставленных по дорогам в нужных местах караулов, моурав наряжать должен на каждый воинский... пост по дистанции своей 12 чел. конно-вооруженных, как для совместного охранения поста, так и для оказания пособия казакам в возке почт, проезжих и наряжаемых по разным для службы... поручениям»³⁰⁴.

Как видно из «Наставления», ополчения азербайджанских дистанций по характеру боевой и караульной служб были очень близки к регулярным русским частям.

Отпор иранским полчищам, вторгнувшимся в пределы Шамшадильской дистанции, оказало исключительно население, ополчения которого заняли посты в Дзегамском ущелье после ухода из него русских пехотных рот. Храбрость шамшадильских азербайджанцев и их тяготение к России не раз были доказаны на поле брани в многочисленных схватках с иранскими войсками. Об этом в одном из источников читаем: «Шамшадильские татары, храбрые по натуре и притом сохранившие непоколебимую [119-120] нам (русским. - *Х. М. И.*) верность и усердие, представляли прекрасную конницу, не раз вместе с русскими бившую персиян»³⁰⁵.

Шахский сын Али-Мирза во главе многочисленной конницы должен был прорваться из Елизаветполя через Шамшадиль в Казах. В Шамшадиле об этом стало известно 5 сентября 1810г. Для отражения нашествия иранского принца русским командованием было вооружено все население Шамшадильской дистанции, которое заняло все важные пункты на дорогах, в ущельях и речных долинах. Главная эриванская дорога была преграждена засеками. Шеститысячный отряд иранской конницы 10 сентября ворвался в Шамшадильскую дистанцию. Вооруженные ополчения из азербайджанцев выступили на защиту своей родины от вторгнувшегося неприятеля. В рапорте военному министру от 21 января 1811 г. главнокомандующий на Кавказе писал: «...татары не только оставались в непоколебимой верности нам, но, встретив 12 сентября (1810 г. - *Х. М. И.*) неприятеля у Дзегамы, стойко защищались в течение двух суток, отражая нападения многочисленного противника»³⁰⁶. В Дзегамском ущелье шамшадильская конница нанесла иранскому отряду сокрушительный удар. Разбитый неприятель бежал от Дзегамы по направлению к Чардахлинской дороге, где его настиг русский отряд Небольсина. «Взятые с двух сторон, персияне 14 сентября были разбиты и обращены в бегство, причем шамшадильская конница... бросилась преследовать неприятеля и одна гнала его на протяжении 18-ти верст»³⁰⁷. В самой узкой части Ясаманского ущелья шамшадильцы устроили засаду, в которую попали отступавшие «персияне» и «потерпели здесь окончательное поражение»³⁰⁸. Узкий проход в ущелье был загроможден 400 неприятельскими трупами, «весь обоз и множество лошадей достались победителям»³⁰⁹. За эту победу многие воины - шамшадильские азербайджанцы - получили высокие награды российского правительства. В числе награжденных азербайджанских воинов были Маси-бек, Сеид-бек, Али-Кули-бек, Мустафа-ага и многие другие. Штабс-капитан Ладинский был произведен в майоры и награжден орденом св. Анны 2-го класса, а Насиб-султан Шамшадильский получил чин капитана³¹⁰.

Вторжение в Шамшадиль шеститысячной иранской конницы под командованием принца Али-шах-Мирзы было последним актом военной кампании 1810 г., последней попыткой Ирана захватить хотя бы часть территории Азербайджана с целью [120-121] превращения ее в плацдарм для нападения на другие области Азербайджана и на Грузию в следующем году войны. В то же время поражение иранских войск венчало собой крупную победу азербайджанских воинов, одержанную ими самостоятельно, когда русские войска были заняты борьбой на других участках русско- иранского фронта. Уже одно то, что азербайджанцы при полном отсутствии русских войск на территории Шамшадильской дистанции не только не перешли в подданство Ирана, не только не согнулись под плетью его феодалов, но выступили с оружием в руках против вторгшегося неприятеля и отстаивали свою родину от иноземных завоевателей, говорит о том, что еще в самом начале XIX в. они стремились к сближению с Россией.

³⁰⁴ АКАК, т. V, док. 282.

³⁰⁵ П. И. К о в а л е в с к и й, Завоевание Кавказа Россией, стр. 162.

³⁰⁶ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 205

³⁰⁷ Н. Ф. Д у б р о в и н, История войны и владычества русских на Кавказе, т. IV, стр. 359.

³⁰⁸ П. И. К о в а л е в с к и й, Завоевание Кавказа Россией, стр. 163.

³⁰⁹ Н. Ф. Д у б р о в и н, История войны и владычества русских на Кавказе, т. V, стр. 359.

³¹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258-В, л. 348.

Подготовка Ирана к новому наступлению. Помощь бежавших азербайджанских феодалов

Потерпев неудачи в Закавказье в 1810 г., Иран стал усиленно готовиться к новому вторжению в пределы Азербайджана и Грузии. В 1810-1811 гг. значительную финансовую и военную помощь ему опять-таки оказала Англия. В 1810 г. в Иран прибыл английский агент Малькольм, в свите которого были артиллерийский офицер, лейтенант мадрасской армии Линдсей, пехотные офицеры - майор бомбейской армии Кристи, Поттингер и Монтейс³¹¹. «Новый английский посол Оузли в 1811 г. доставил шаху субсидию за три года в сумме 600 тыс. туманов и вооружение. С ним прибыла новая группа военных инструкторов»³¹². Вновь по городам и аулам Азербайджана и Дагестана разбрелись многочисленные эмиссары, распространяя шахские воззвания к азербайджанскому и дагестанскому народам. Эти тайные агенты иранского двора нередко вербовались из среды бежавших в Иран азербайджанских, дагестанских и грузинских феодалов, представителей духовенства и их приверженцев. В частности, одним из них был беглый грузинский царевич Леван, которому тегеранский двор «оказал высокое доверие», поручив ему поднять горцев Главного Кавказского хребта. По указанию шаха царевич Леван должен был собрать шеститысячное ополчение из горских народов. В этот период планы шаха сводились к следующему: царевич Александр должен был вторгнуться в Карталинию с иранским войском, сардар Эриванский Мухаммед-Хусейн-хан войти в пределы Грузии через Цалку, а Шериф-паша Карсский - через Ацкур наступать на Тифлис. Царевич Леван должен был обо всем этом известить всех тавадов и жителей Грузии.

В это время начинает свою враждебную по отношению к России деятельность сын гянджинского Джават-хана Угурлу-хан. С пятитысячным отрядом Угурлу-[121-122] хан пробирается в августе 1809 г. к предместьям Елизаветполя и разбивает лагерь при урочище Хач-Булах. Состоявший в этот период на русской службе шамхорский азербайджанец Мамед-ага был направлен в разведку в лагерь иранских войск, в Хач-Булах, откуда доставил русскому командованию следующие сведения: «...персиян там от 4 до 5 тысяч, под начальством Пир-Кули-хана, Эмир-Кули-хана и Джевадханского сына Угурлу-аги, а за ними в 35 верстах на Ахогланской дороге находится Аббас-Мирза с 20 000 войском»³¹³. Этот отряд неприятеля готовился захватить Гянджу. Реставраторские тенденции Угурлу-хана совпадали с захватническими притязаниями Каджаров. В тылу русских войск они опирались на враждебно настроенных против России представителей феодальной знати и духовенства. Когда Угурлу-хан в августе 1809 г. с иранским отрядом приблизился к Гяндже, глава мусульманского духовенства Елизаветпольского округа мулла Ахунд собрал вокруг себя группу беков и других представителей знати и в ночь на 14 августа перешел в лагерь неприятеля. В рапорте главнокомандующему о результатах разведки неприятельского лагеря подполковник Якимов передавал и «сообщение виденных у Угурлу-аги с поздравлением почетных татар с присутствием в среде их и первенствующего мухаммеданского елисаветпольского муллы Ахунда»³¹⁴.

Аналогичная картина наблюдалась и в других ханствах Азербайджана. Ширванский хан Мустафа хотя признал власть России, но поддерживал постоянную связь с правящими кругами Ирана и не раз оказывал войскам Аббас-Мирзы помощь при вторжении их в пределы Закавказья. В течение 1809-1810 гг. связь между шахом и Мустафа-ханом Ширванским осуществлял представитель мусульманского духовенства из Ширвана Абдур-рахман-эфенди, который совершал поездки в Иран и обратно под видом торговли оружием. В этом нас убеждает рапорт подполковника Тихановского главнокомандующему, в котором читаем: «...бывший в Мекке и у Бабаханова сына ширванский мулла Абдуррахман-эфенди имел от Аббас-Мирзы поручение сказать Мустафа-хану, что если он изменит русским, то Аббас-Мирза даст ему 200 000 рублей и отдаст за него свою сестру». Мулла Абдуррахман «был послан к Баба-хану Мустафа-ханом под видом купца с ружьями... кинжалами и другими товарами, которые у него все куплены Мустафа-ханом». Последний в этот период предоставлял тайное убежище и Селим-хану Шекинскому и даже содействовал ему в нападении на Агдашский магал Шекинского ханства. В письме к Мустафа-хану Ширванскому ген. Тормасов писал по этому поводу, что «изменник Селим делает

³¹¹ [P. S y k e s], Persia..., стр. 133.

³¹² «История Азербайджана», т. 2, стр. 17.

³¹³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, д. 14, лл. 328, 331.

³¹⁴ Там же, л. 328.

набеги на Шекинское владение через разных находящихся [122-123] при нем бродяг, которым содействуют и подвластные Мустафа-хана»³¹⁵.

Из всех выступлений азербайджанских феодалов - противников русской ориентации - в период русско-иранской войны 1804-1813 гг. самым крупным и длительным является выступление Шейхали-хана, вылившееся в Кубинское восстание 1810г. События в Кубинской провинции в период русско-иранской войны, в частности в 1809-1810 гг., не нашли должного освещения в дореволюционной историографии России. Больше всех внимание этому вопросу уделяли военные историки, которые, описывая военные действия на Кавказе и историю полков, частично касались и событий в Кубинском ханстве в 1809-1810гг. Но они освещали события односторонне, не давая классового анализа этих выступлений. Ими не прослеживалась связь выступления Шейхали-хана с планами ослабления России в угоду интересам ее соперников на международной арене, главным образом Англии.

Волнение населения Кубинской провинции осенью 1810 г. рассматривалось ими только как исторический эпизод, вызванный подстрекательствами и враждебными действиями Мустафа-хана Ширванского, а также агитацией приверженцев Шейхали-хана.

Таким образом, предметом внимания дореволюционных военных историков служила лишь внешняя сторона событий. Вполне понятно, что эти историки, оправдывая национальную и социальную политику самодержавия, недооценивали роль кавказских ополчений в борьбе против отрядов Шейхали-хана. Между тем роль населения Дербентско-Кубинского ханства как в деле присоединения его к России, так и в последующей борьбе против восстановления власти Шейхали-хана очень велика. Не менее значительна роль немногочисленных русских войск, ополчений из шекинских и ширванских азербайджанцев, насчитывавших 1100 человек, в победе над крупными силами Шейхали-хана.

Разбитый русскими войсками в начале 1809 г. Шейхали-хан Кубинский, бежавший в Табасарань и обосновавшийся под Дербентом, не прекращал свои грабительские набеги на жителей Кубинской провинции и на сторожевые посты русских войск. Шахские эмиссары с воззваниями о призыве к «газавату» добрались до Шейхали-хана и вдохновляли его от имени Фетх-Али-шаха на борьбу с русским правительством. Больше того, тегеранский двор послал Шейхали-хану через Каспийское море много ценных товаров, золота и денег для усиления своих отрядов воинами из дагестанских племен³¹⁶.

В этот период вновь в поддержку Шейхали-хана выступают и другие владельцы Дагестана (Сурхай-хан Казикумыкский, табасаранские беки). [123-124]

После ряда сражений Шейхали-хан со своими войсками окружил Кубу и совершенно отрезал ее от остальных частей провинции. В это время русскими войсками в Баку, Кубе и Дербенте командовал ген. Репин, нерешительный военачальник. Для действий против отрядов Шейхали-хана из Баку были направлены рота Севастопольского полка и ополчения, состоявшего из азербайджанцев, жителей Баку, так называемой бакинской милиции³¹⁷.

Отряд этот с боями продвигался к Кубе и 13 августа 1810 г. достиг р. Гилгин (видимо, Гильгиль-чай. - *Х. М. И.*), где встретился с трехтысячным отрядом Шейхали-хана. Вступив в бой, русские пехотинцы и бакинские ополченцы имели даже успех, по нерешительность и малодушие командира отряда Левицкого расстроили ряды отряда и вынудили его отступить. Увидя до двух тысяч конницы и около тысячи пехоты мятежников, Левицкий не отважился броситься вперед и атаковать противника, не имевшего даже артиллерии. Он растерялся и отступил к Баку. Это отступление было раздуть Шейхали-ханом и его приверженцами до невероятных размеров. Они усиленно разглашали этот частный успех, выдавая его чуть ли не за общее поражение русских войск. Своими неудачными походами против Шейхали-хана ген. Репин ослабил веру населения Кубинской провинции в способность русского правительства защитить его от разорений и притеснений ненавистного ему Шейхали-хана.

Между тем коварную роль по отношению к русскому правительству сыграл Мустафа-хан Ширванский, распространивший среди населения Кубинской провинции через своего агента весть о возвращении Кубинского ханства Шейхали-хану, «что одних привело в страх, а другим вскружило головы»³¹⁸. Мустафа-хан Ширванский послал в Кубинское ханство Мамед-Хусейн-Юзбаши, который и агитировал население в пользу Шейхали-хана³¹⁹.

³¹⁵ Там же, лл. 350-351.

³¹⁶ АКАК, т. IV, док. 986, 987.

³¹⁷ Там же, док. 1014.

³¹⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 2, д. 14, л. 356.

³¹⁹ Там же.

Царское командование длительное время не предпринимало решительных действий для ликвидации все усиливавшегося восстания под руководством Шейхали-хана. Скрепившись в табасаранской деревне Эрси, хан производил набеги на Кубинскую провинцию, бесчинствовал и издевался над мирными жителями³²⁰. А царское командование не предпринимало никаких мер для защиты населения Кубинской провинции.

Ген. Репин, располагая достаточными силами, не отважился на решительные действия, а пытался с помощью разных лиц поймать или убить самого Шейхали-хана, обещая за это денежное «вознаграждение» в 500, 700 и даже 1500 червонцев³²¹. Эта мера не могла пресечь враждебные действия выступивших [124-125] против России некоторых азербайджанских и дагестанских феодалов и избавить население Кубинской провинции от бесчинств Шейхали-хана. Уничтожение одного Шейхали-хана еще не означало ликвидации восстания, ибо во главе многочисленных конных и пеших войск восставших стояли и другие феодалы, стремившиеся к восстановлению своей власти. Проигрыш времени, допускаясь ген. Репиным, поддерживаемым главнокомандующим ген. Тормасовым, был на руку Шейхали-хану и его приверженцам и крайне отрицательно влиял на положение русских властей в Кубинской провинции, Ее население, не видя поддержки русских войск, постепенно склонялось на сторону восставших. В свою очередь этим пользовались многочисленные эмиссары иранского шаха, снабженные английским золотом, и вели тайную и явную агитацию среди населения Кубинской провинции против России.

Как всегда в таких обстоятельствах, выступило мусульманское духовенство с проповедью «священной войны» за мусульманскую веру. Все эти причины привели к тому, что выступление вылилось в крестьянское восстание в Кубинской провинции, во главе которого встали враждебные России азербайджанские феодалы и реакционное духовенство. Продолжая бездействовать, царское командование решило «действительно признать Шейхали-хана кубинским ханом, отдать ему во владение Кубу с принадлежащими ей окрестными селениями и трактатом ввести его в подданство России»³²².

Для укрепления своей власти царизм шел на все меры, вплоть до восстановления (временно) господства ненавистных народу, изгнанных или беглых феодалов, при этом жертвуя судьбами широких масс крестьянства, которые опять попадали в рабство вновь назначенного царизмом феодала. Так царизм поступил с Шекинским ханством и Дербентом, так собирался поступить и с Кубинским ханством.

Разумеется, подобное решение царского командования стало известно населению Кубинской провинции. Оно вызвало отрицательную реакцию населения г. Кубы и всей провинции. Весть о возвращении Шейхали-хану Кубинского ханства всполошила население, ненавидевшее своего повелителя, оставившего в памяти народа тяжелый след. В то же время приверженцы бывшего хана в самой Кубе, не без помощи Мустафы-хана Ширванского, агитировали население поддержать его, а «несколько важных беков бежали к Ших-Али»³²³.

В такой напряженной обстановке были необходимы решительные действия русского командования. Но их не последовало. В самый разгар Кубинского восстания происходили волнения и в Имеретин, царю которой Турция оказывала вооруженную помощь. В то же время Гусейн-Кули-хан Эриванский [125-126] подтянул свою восьмитысячную конницу к Ахалкалакам, Аббас-Мирза с крупными силами вторгся в пределы Памбака, а брат его, принц Али-шах-Мирза, - в Амамлы. Таким образом, основные силы русских войск в Закавказье были заняты военными операциями против Ирана, Турции, и потому направить в Кубу значительную помощь не представлялось возможным.

Тем временем положение русского гарнизона становилось критическим, ибо наряду с окружавшими Кубу отрядами Шейхали-хана в самой Кубе и в других пунктах провинции волнения крестьян и прочего населения приняли широкий размах.

В вопросе выбора тактики войск против сил Шейхали-хана царским командованием в Кубе была допущена большая ошибка, следствием которой и были дальнейшие осложнения в борьбе с обложившими Кубу отрядами Шейхали-хана. Два пехотных, вполне укомплектованных батальона, запершись в Кубинской крепости, обрекли сами себя на бездействие. По сути дела, если бы царское командование оставило незначительный гарнизон в самой Кубе, примерно до двух пехотных рот, а остальные войска обратило бы против Шейхали-хана, то, несомненно, обстановка изменилась бы в пользу русских войск. Хотя Тормасов и обвинял Репина в таком ошибочном

³²⁰ АКАК, т. IV, док. 986.

³²¹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 209.

³²² Там же.

³²³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 2, д. 14, л. 356.

выборе действий, но сам был не менее виновен в этом, так как с самого начала он противился активной тактике.

Для оказания помощи Кубе были направлены одна рота и одно орудие из состава Елизаветпольского гарнизона и шекинская (азербайджанская) конница численностью в 1000 сабель, под командованием Джегангир-хана шагагского³²⁴. Из Карабаха в Кубу дополнительно были направлены две пехотные роты. По пути движения к этому отряду присоединилась еще одна пехотная рота из гарнизона крепости Баку, а в Ширване - ширванская (азербайджанская) конница. Общее командование всеми войсками в Кубинской операции возлагалось на подполковника Тихановского. Не довольствуясь действиями последнего, главнокомандующий назначил для подавления Кубинского восстания Лисаневича.

Выбор царского командования не случайно выпал на долю Лисаневича, известного среди азербайджанского и дагестанского народов своими жесточайшими карательными походами по селам и аулам, в результате которых от пуль и сабель царских колонизаторов вместе с восставшими феодалами и их наемными отрядами гибли сотни и тысячи невинных крестьян.

1 октября 1810 г. полковник Лисаневич с отрядом из 30 егерей, 100 казаков, одной пехотной роты и 100 сабель ширванской конницы прибыл в русский лагерь, к каравансараю Догумли на дороге Шемаха - Куба. 4 октября русские войска в составе 800 штыков пехоты, 1000 сабель шекинской конницы, 100 сабель ширванской конницы и 200 казаков при двух орудиях нанесли [126-125] первое поражение отрядам Шейхали-хана у деревни Эрпели Кубинской провинции³²⁵.

Освободив Кубу, русский отряд преследовал разбитого Шей-хали-хана до табасаранских владений, где в деревне Эрси (западнее Дербента) Шейхали-хан с остатками своих приверженцев нашел последнее убежище.

25 октября 1810 г. в своем последнем укреплении Шейхали-хан был окончательно разбит и бежал в глубь Дагестана. В разгроме отрядов Шейхали-хана особенно отличились русские мушкетеры Троицкого пехотного полка, егеря, азербайджанская конница, составленная из шекинцев, и дербентское ополчение. Преследуя разбитые отряды Шейхали-хана, Лисаневич прошел «с огнем и мечом» по мирным селениям Кубинской провинции. В донесении военному министру ген. Торماسов, похвально отзываясь о Лисаневиче, писал, что он, «примерно наказав бунтовщиков и взяв от населения аманатов (заложников. - Х. М. И.)... возвратился в Кубу, где вся сия провинция преклонила свою повинную голову»³²⁶.

Восстание, поднятое одним из ненавистных азербайджанскому народу бывших феодалов, каким являлся Шейхали-хан, было реакционным. Оно было направлено на восстановление феодальной раздробленности и жестокой ханской тирании в Кубинской провинции. Движущей силой этого восстания был не народ, а проирански настроенные феодально-клерикальные элементы. Население же Кубинской провинции, привыкшее к «управлению российскими чиновниками» и находившее «в последнем более себя обеспеченным во всех частях»³²⁷, не помышляло даже о восстановлении ханской власти вообще и правления Шейхали-хана в особенности. В то же время по вине русского командования, не организовавшего своевременного активного противодействия отрядам Шейхали-хана, народ Кубинской провинции был оставлен без поддержки, что вызвало его недовольство царским командованием. Воспользовавшись этим, Шейхали-хан склонил большую часть населения Кубинской провинции на свою сторону, что дало ему возможность достигнуть временных успехов. Нет сомнения, что зачинщиками перехода населения на сторону Шейхали-хана были феодально-клерикальные круги Кубинской провинции.

Не добившись успеха в открытой борьбе с Россией, не находя сочувствия и поддержки среди народов Закавказья, иранские феодалы при прямом подстрекательстве и с финансовой помощью Англии разжигали реваншистские устремления отдельных азербайджанских ханов, лишившихся своих владений и власти в результате присоединения Азербайджана к России. [127-128]

Выступление Шейхали-хана, вылившееся впоследствии в крестьянское восстание, было составной частью русско-иранской войны 1804-1813 гг. Но авантюры шахского Ирана, активно поддерживаемого Англией и Турцией, были обречены на провал.

³²⁴ АКАК, т. IV, док. 1015, 1020.

³²⁵ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 221-222.

³²⁶ Там же, стр. 222-223.

³²⁷ АКАК, т. IV, док. 1026, 1027.

**Активизация действий русских войск.
Вооруженная помощь азербайджанцев
в освобождении грузинских и армянских земель
от иноземных захватчиков**

Пользуясь некоторым затишьем в борьбе с Ираном, русское командование в Закавказье получило возможность активизировать свои действия против Турции. Наибольшую опасность для спокойствия Грузии представлял Ахалцыхский пашалык, расположенный на стыке границ Турции, Ирана и Грузии и имевший важные стратегические преимущества по сравнению с другими пограничными турецкими владениями. Сама крепость Ахалцых была окружена сильно пересеченной высокогорной местностью, покрытой дремучими лесами. «Ахалцыхский пашалык» являлся «турецким аванпостом»³²⁸ и гнездом для всех изменников грузинского народа, бежавших из вошедшей в состав России части Грузии (царевичи Александр и Леван, имеретинский царь Соломон). Кроме этого Ахалцыхский пашалык служил резервом иранской армии, и каждый раз при открытии военных кампаний иранское командование просило ахалцыхского пашу ударить по русским войскам с тыла и прорвать их коммуникации.

Но, как сказано выше, в кампании 1810 г. между карским Шериф-пашой и эриванским Гуссейн-Кули-ханом произошел разлад из-за разгрома последнего под Ахалкалаками. Сразу после разгрома Гусейн-Кули-хана и после подавления Кубинского восстания царское командование решило выступить против Ахалцыха. В этот период в борьбе грузинского народа против османских завоевателей активное участие приняли азербайджанские ополчения, состоявшие из трех тысяч конных казахских и шамшадильских азербайджанских добровольцев³²⁹. Для овладения Ахалцыхом русские войска были разделены на три отряда, которые должны были действовать в трех самостоятельных, но ведущих к Ахалцыху направлениях. В составе второго отряда вместе с батальонами Саратовского и Тифлисского мушкетерских полков и 15-го егерского полка наступали добровольческие конные и пешие азербайджанские и грузинские ополчения, состоявшие из жителей Казаха и Шамшадилы³³⁰. [128-129]

11 ноября 1810 г. второй отряд подошел к переправе через Куру, против крепости Ахалцых. Здесь путь ему был прегражден турецкой конницей. Начальник отряда ген. Портнягин выслал против неприятеля казахских и шамшадильских азербайджанцев, которые смело атаковали турок, опрокинули их и гнали до самых стен крепости. При этом неприятель потерял 60 человек убитыми, 26 человек пленными и одно знамя, отбитое казахцем. Потери азербайджанцев состояли из четырех убитых и 13 раненых³³¹.

В сражениях за Ахалцых отличились многие азербайджанцы и грузины, которые были награждены «золотыми медалями с надписью за храбрость» и «саблями с надписью за храбрость и усердие»³³².

16 ноября начался штурм Ахалцыха. 19 ноября русские подразделения взяли господствующую над городом высоту Каяпаша. В штурме крепости приняли участие азербайджанские и грузинские ополчения, которые действовали в составе третьей бригады под командованием ген. Орбелиани³³³. Падение Ахалцыха было очевидно, но обстоятельства, сложившиеся к 21 ноября, помешали русским войскам овладеть крепостью. Среди азербайджанских конников и грузинских ополченцев начались болезни, появилась чума, занесенная из Ахалцыха.

По решению главнокомандующего для предотвращения распространения чумы на другие войска азербайджанские и грузинские ополчения были отправлены в тыл, а в конце ноября 1810г. были отведены и русские войска.

После неудачи России под Ахалцыхом Иран и Турция стали деятельно готовиться к новому вторжению в Закавказье. Шахское правительство при прямой поддержке турецкого султана активно готовилось к новому вторжению в Азербайджан и Грузию. Сераскир эрзерумский сосредоточивал огромный корпус у границ Грузии. Фетх-Али-шах усиливал свои войска, получив от Англии 20 тыс. ружей нового образца и другое вооружение³³⁴.

³²⁸ П. И. К о в а л е в с к и й, Завоевание Кавказа Россией, стр. 176

³²⁹ См.: АКАК, т. V, док. 251.

³³⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3079, ч. I.

³³¹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 254.

³³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2889, лл. 85 и об., 91 об. - 93

³³³ Там же, д. 3079, ч. I.

³³⁴ П. И. К о в а л е в с к и й, Завоевание Кавказа Россией.

Многочисленные эмиссары шаха и султана проникали через горы в Азербайджан, Грузию и Дагестан и призывали народы Закавказья и Дагестана к священной войне против «неверных». Опять, как и в прежние годы, шах и султан делали основную ставку на народы Закавказья магометанского вероисповедания и особенно на азербайджанский и дагестанский народы.

Несмотря на разрыв ирано-турецких отношений после ахалцыхского разгрома 5 сентября 1810 г., в начале 1811 г., когда Иран стал интенсивно готовиться к новому вторжению в Азербайджан и Грузию, турецкий султан вновь решил объединить усилия с шахом, так как цель у них была одна - вернуть [129-130] вошедшие в состав России территории Азербайджана и Грузии и оттеснить Россию за Кавказский хребет.

В январе 1811 г. турецкий султан направил к Аббас-Мирзе своего агента Шахсувар-бека. Но Шахсувар-бек был пойман на переправе через Куру Джафар-Кули-ханом Шекинским и доставлен ген. Торماسову в феврале 1811 г. Агент турецкого султана был снабжен «32-мя возмутительными фирмами к дагестанским народам и обществам. За исполнение султанской воли ему обещаны были награды в здешнем мире и в будущем». Не ограничившись этим, султан послал в Тегеран «посольство с богатейшими подарками и повелением укрепить союз для совокупных действий против России»³³⁵.

Английские колонизаторы разжигали реваншистские настроения в Турции и Иране. Английское правительство вместо бывшего политического агента аккредитовало при шахе полномочного министра Англии в Иране. Для формирования новой регулярной пехоты, обучения иранских войск и строительства крепостей в Тегеран прибыло много английских инструкторов. Кроме этого в «Персию прибыло через Бендер-Бушир 3000 английского войска, с сотнею медных пушек, 2000 ружей и 120000 денег, а также разного рода мастеров для литья пушек и построения судов в Астрабаде, Мазандаране, Гиляне и Ленгеруде»³³⁶. С их помощью иранская армия деятельно готовилась к предстоящему вторжению в Азербайджан. Для усиления огневой мощи армии артиллерия была увеличена, были сформированы новые полки регулярной пехоты - сарбазов. Но все меры, принятые ирано-турецкими феодалами и их западноевропейскими вдохновителями, не увенчались успехом. Надежды шаха и султана на поддержку мусульманских народов Закавказья и Дагестана не оправдались. Несмотря на большие усилия и баснословные затраты, Ирану и Турции не удалось сколотить враждебную России армию из азербайджанцев и других мусульманских народов Закавказья в тылу Отдельного Грузинского корпуса. Население Азербайджана, как и население других областей Закавказья, с оружием в руках выступило против иранских завоевателей, действуя в составе русских войск или самостоятельно.

Наряду с подготовкой к организованному вторжению отдельные отряды иранской армии разоряли азербайджанские села, наносили огромный экономический ущерб пограничным районам Азербайджана. Особенно опустошительный набег иранские отряды совершили на Карабах в 1811 г. Они угнали в рабство сотни и тысячи азербайджанцев, преимущественно крестьян, чем нанесли огромный ущерб сельскому хозяйству Азербайджана. В 1811 г. Аббас-Мирза «при отступлении переселил племя [130-131] Джебраиллу и увел его в Иран»³³⁷. Характерно, что все эти разорительные набеги иранских отрядов производились в основном после того, как иранские войска терпели поражение от русской армии. Причем нашествиям подвергались те села или провинции, где русские гарнизоны были малочисленны или вовсе отсутствовали. Часто население азербайджанских сел, аулов, кочевий, провинций выступало с оружием в руках на защиту своего отечества и одерживало победу над регулярными иранскими войсками. Несомненно в отдельных областях Азербайджана иранские феодалы находили доброжелателей из числа феодально-клерикальной верхушки, ненавидевшей Россию. Но действия их по призыву населения к священной войне против «врагов ислама», т. е. русских войск, не приносили желаемых ими результатов.

Весной 1811 г. военно-политическая обстановка как на западных границах России, так и в Закавказье не благоприятствовала успеху русских войск. Притязания правящих кругов шахского Ирана простирались вплоть до Кабарды. Иранские власти при непосредственном участии английских военных инженеров стали укреплять пограничные крепости. Ленкорань была восстановлена и усилена сооружениями. В этой обстановке командование Отдельного грузинского корпуса, сформировав отдельный отряд в составе «1000 казахских татар с моуравами» и двух батальонов пехоты, направило его в глубокий рейд, в Карсский пашалык, для прекращения набегов турецких войск на Памбакскую и Шурагельскую провинции. Переправившись через

³³⁵ А. М. Михайловский-Данилевский, Описание турецкой войны..., стр. 242-243

³³⁶ ЦГИ4 Груз. ССР, ф. 416, оп. 2, д. 14, л. 404.

³³⁷ АКАК, т. IV, док. 177

разлившуюся реку Арпачай, отряд приблизился к трехтысячному лагерю неприятеля. Храбрая атака казахской конницы решила исход сражения на р. Арпачай 16-17 июня 1811 г. Ген. Торماسов относил успех сражения «к храбрости казахских татар, так как пехота не успела принять участия». Оценивая боевые действия азербайджанцев, Тормасов писал военному министру: «Рекомендация им (азербайджанцам. - *Х. М. И.*) как привязанным к русскому правительству, мужественным и полезным ревностным содействием русским войскам народам»³³⁸.

В это тревожное время царское командование придавало большое значение азербайджанским пограничным ополчениям. «Необходимость в туземных (азербайджанских. - *Х. М. И.*) постах» признавалась и Тормасовым, который в письме к обществу елизаветпольских азербайджанцев и армян писал, что «без них (т. е. без туземных постов. - *Х. М. И.*) нельзя отразить неприятеля, а без конных разъездов нельзя быть предуведомленным о движении неприятеля»³³⁹.

[131-130]

Озабоченная успехами русских войск в Закавказье и опасаясь потерять выгодный рынок в Иране, Англия в течение 1811 г. дополнительно «выслала сюда 12 орудий, 12 тысяч зарядов, 12 тысяч ружей, сукно на обмундирование персидской армии и, кроме того, назначила в пособие 3 миллиона рублей»³⁴⁰.

Ирано-турецкие войска концентрировались на важных направлениях по всей границе с Закавказьем, от Черного до Каспийского морей. К августу 1811 г. силы союзников были наготове для вторжения в Азербайджан и Грузию. Но в этот напряженный для народов Закавказья момент произошло событие, послужившее причиной распада ирано-турецкого союза.

22 июня 1811 г. на Балканском театре войны, под крепостью Рушук (недалеко от Бухареста), главные силы турецкой армии были наголову разбиты и отброшены к исходным позициям. 60-тысячная турецкая армия при 78 орудиях под командованием наиболее опытного военачальника Ахмет-бея потерпела жестокое поражение от 15-тысячного русского корпуса. Разгромом турецкой армии руководил вновь назначенный главнокомандующий русскими войсками на Дунае М. И. Кутузов. Весть о полном разгроме главных сил турецкой армии под Рушуком дошла до турецкого командования на Кавказском театре войны в конце августа 1811 г. Именно этот рушукский разгром турецкой армии, а не тяжелое ранение Эмин-паши, как это трактуется в дворянской историографии³⁴¹, заставило сераскира Эрзерумского и других союзных с Ираном турецких владетелей отказаться от совместных действий с ним против русских войск. С другой стороны, немаловажную роль в расстройстве ирано-турецкого союза сыграл тот факт, что иранские войска почти на всех участках русско-иранского фронта терпели поражения от контрударов русских войск.

К концу сентября 1811 г. главнокомандующим русской армией в Закавказье был назначен Паулуччи, прибывший к войскам в тот момент, когда турецкие полчища Эрзурумского и Трапезундского владетелей покинули своих иранских союзников. Для окончательного вытеснения турецких войск из пределов Закавказья Паулуччи решил овладеть крепостью Ахалкалаки, являвшейся опорным пунктом турецкой армии на коммуникациях, ведущих в глубь Анатолии, и ключом для овладения Ахалцыхским пашалыком. К этому времени относится наиболее активное участие азербайджанских ополчений в составе русских войск в боях против турецких захватчиков. В Казахской, Шамшадильской, Борчалинской дистанциях и в г. Дербенте осенью 1811 г. были сформированы конные ополчения из азербайджанцев. Каждая дистанция выставила по тысяче всадников, а жители г. Дербента выставили большой конный отряд. Ополчения [132-133] Казаха, Шамшадиля и Борчало в районе Ахалцыха - Ахалкалаки были объединены и составили трехтысячную иррегулярную азербайджанскую конницу, вошедшую в Отдельный Грузинский корпус и принявшую активное участие в осенне-зимних боях 1811 г. против турецкой армии³⁴².

Приняв активное участие в русско-турецкой войне 1806-1812 гг., азербайджанские вооруженные ополчения оказали существенную поддержку грузинскому народу в освобождении его земель от турецких захватчиков.

В ночь на 20 декабря 1811 г. отряд Котляревского в составе 2 батальонов гренадер, 1 батальона егерей, 100 казаков и 250 конных азербайджанцев из Казахской дистанции приступом взял крепость Ахалкалаки, невзирая на отчаянное сопротивление ее гарнизона. Благодаря исключительной выносливости, отваге и мужеству русских солдат и азербайджанских воинов,

³³⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 2, д. 14, л. 321

³³⁹ Там же, л. 330.

³⁴⁰ «Боевые подвиги Кавказской армии», стр. 56.

³⁴¹ А. М. Михайловский-Данилевский, Описание турецкой войны...; А. И. Петров, Война России с Турцией, т. III, и др.

³⁴² См.: АКАК, т. V, док. 251.

руководимых военачальником суворовской школы, одним из опытнейших кавказских офицеров, полковником Котляревским, ночной штурм сильно укрепленной Ахалкалакской крепости увенчался успехом. Заслуживает внимания построение боевых порядков этого отряда. Для дезориентации противника Котляревский выделил две команды по 30 человек в каждой для «фальшивого штурма» крепостных стен. Пехоту он разделил на три штурмующие колонны по 230 человек в каждой (правую, среднюю и левую), возглавив правую лично³⁴³.

Следует отметить, что ахалкалакская победа русских пехотинцев и азербайджанских кавалеристов в декабре 1811 г. является редким примером в истории военного искусства, свидетельствующим об успешном штурме одной лишь пехоты и конницы «без поддержки своей артиллерии... достаточно сильной для того времени» крепости, «огороженной каменными стенами и располагающей 20 пушками»³⁴⁴. Воспользовавшись отвлечением сил русской армии и кавказских ополчений на русско-турецкую границу, иранские отряды усилили набеги на Азербайджан.

Население Азербайджана, учитывая малочисленность русских войск, выставило конные и пешие отряды на границах с Ираном «в нужных местах с тем, чтобы тотчас... с извещательных караулов дано будет... знать о появившейся хищнической партии или о сделанном где-либо воровстве»³⁴⁵. По получении сведений о появлении иранских отрядов население азербайджанских сел и деревень, составив конные ополчения, «спешило немедленно против хищников и преследовало их, стараясь непременно поразить и возвратить назад похищенное». Внезапные нападения иранских отрядов на мирные азербайджанские [133-134] села приучили крестьян к быстрым и решительным действиям против врага. Для отпора иранским сарбазам и многочисленной вражеской коннице в каждой деревне «выделялось по несколько мужиков, которые были всегда в готовности для сего случая, имея при себе оружие и лошадей с тем, чтобы при первом востребовании дежурного... они в ту же минуту за ним следовали и могли бы вступить в бой»³⁴⁶.

Прежде всего опустошительным набегам, как всегда, подвергался Карабах. Аббас-Мирза решил во что бы то ни стало вернуть крепость Мигри. «Персияне направляют все свои стремления, - писал Паулуччи военному министру, - на овладение укреплением нашим Мигри, лежащим на самом берегу Аракса, и на разорение Карабахского ханства»³⁴⁷. Дважды предприняв попытки атаковать Мигри, противник был наголову разбит русскими войсками, «коим также и жители Карабаха содействовали»³⁴⁸.

Для охраны крепости Мигри, имевшей важное стратегическое значение, русское командование направило 4 пехотных батальона и 200 человек азербайджанской конницы в глубокий рейд в Эриванское ханство. В задачи этого отряда входило: неожиданное вступление «в Эриванскую провинцию и, нимало не занимаясь крепостью (Эриванью. - Х. М. И.), проходить пространство его владения... стараясь выманить из крепости регулярные персидские войска и атаковав их, разбить и рассеять». Операция эта была выполнена успешно. Из гарнизона крепости Эривань для разгрома русской пехоты и азербайджанского конного ополчения иранское командование выслало сильный отряд «сарбазов» и «гулямов». Дружным ударом русские пехотинцы вместе с азербайджанскими всадниками, обрушившись на неприятеля, смяли и, ударив в штыки и сабли, перебили большую часть его, а сами возвратились «благополучно в свои границы почти без всякого урона, кроме малого числа убитых и раненых из татарской конницы»³⁴⁹.

В районе Мигри, а также под Зангезуром азербайджанские конные ополчения успешно действовали с русскими егерями 17-го егерского полка. Совместно с русскими солдатами азербайджанские ополченцы защищали села Зангезурского магала от нашествий иранских захватчиков³⁵⁰, оказывая тем самым активную вооруженную помощь армянскому народу.

Совершив глубокий рейд в тыл противника и разбив наголову сильный отряд иранских войск, предпринявших вылазку из Эриванской крепости, русские пехотные подразделения и [134-135] конное азербайджанское ополчение ликвидировали угрозу захвата неприятелем крепости Мигри. Потерпев неудачи под Мигри, Аббас-Мирза разбил лагерь на Мугани, где выжидал

³⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3092.

³⁴⁴ А. В. Ф а д е е в, Россия и Кавказ первой трети XIX в., стр. 161.

³⁴⁵ АКАК, т. V, док. 148.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Там же, док. 172.

³⁴⁸ Там же, док. 244.

³⁴⁹ Там же, док. 172.

³⁵⁰ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, лл. 374-375; д. 4259, т. II, лл. 100-102, 183-185.

результатов деятельности своих агентов, отправленных для подготовки восстания в Дагестан, перехода на свою сторону Мустафы-хана Ширванского и наследника Карабахского ханства, владельца племени джебраиллу, - Джафар-Кули-Аги³⁵¹.

В конце января 1812 г. Аббас-Мирза с 18-тысячной армией, обученной и оснащенной англичанами, с 11 орудиями и 10 фальконетами, вторгся в Карабах. В рядах иранской армии действовали английские офицеры-артиллеристы, майоры д'Арси, Стоун и капитан Линдсей, командовавшие артиллерией, а пехотные английские офицеры полковник Монтейс и майор Кристи - пехотными полками и батальонами. Первый удар неприятельских войск выдержал малочисленный русский отряд, оборонявший зимовье Султан-Буд. В составе этого отряда против иранских войск действовал Мехти-Кули-хан Карабахский с небольшим отрядом азербайджанцев.

Временные успехи иранских войск вызвали колебания в выборе подданства у феодально-помещичьих кругов Карабаха. Джафар-Кули-ага, бежавший ранее в Иран, двигался в обозе Аббас-Мирзы, надеясь получить ханство Карабахское, обещанное ему Аббас-Мирзой. Этот период совпал со вспыхнувшим в феврале 1812 г. крупным восстанием в Кахетии, явившимся следствием жестокой военно-феодальной политики царизма и произволом его военной и гражданской администрации. Вспыхнув в сел. Ахмета Телавского уезда Кахетии в конце января 1812 г., это выступление из локального крестьянского волнения переросло к концу февраля в самое крупное антиколониальное восстание на Кавказе.

Событиями восстания - в своих интересах, разумеется, - воспользовались как местные феодалы, так и правящие круги Ирана и Турции. Царевич Александр и Аббас-Мирза установили связь с грузинской феодальной знатью, недовольной Россией. Аббас-Мирза направил восставшим воззвание, в котором обещал свою помощь³⁵². Хотя восставшие не преследовали цели отторжения от России, царские власти в Закавказье направили войска для подавления восстания. Воспользовавшись создавшейся ситуацией, иранские отряды ринулись в пределы Азербайджана. Они безнаказанно топтали Карабахскую землю, грабя население и уводя его в плен. Из Карабаха в марте 1812г. при отступлении было переселено в Иран племя джебраиллу³⁵³.

В одном из рапортов главнокомандующему начальник Карабахского отряда русских войск Котляревский писал: «В Карабаге при вступлении в подданство России в 1805 г., по моим [135-136] расспросам, считалось до 10000 семейств, а по ведомости, сделанной в 1808 г., - 7474. Из сего числа увлеченных неприятелем за границу: в 1806г. - 367, в 1809г. - 323, в 1810г. - 276, в 1811 г. - 274, в 1812 г. - 977». Кроме этого в лесах и горах скрывалось от неприятеля 2628 семейств азербайджанцев и армян³⁵⁴.

Следует отметить, что конец этим разорениям и уводу в плен многих тысяч мирных жителей был положен стремительным наступлением русских войск под командованием Котляревского в середине марта 1812 г.

На другом фланге русских войск, на северной окраине Азербайджана, в конце 1811 г. опять выступил Шейхали-хан. Целью его выступления было стремление возратить утерянное Дербентско-Кубинское ханство с помощью Ирана и дагестанских феодалов. На сей раз исходным рубежом действий Шейхали-хана был Казикумух, владетель которого Сурхай-хан, будучи давним противником России, дал убежище Шейхали-хану. Несомненно, его действия в этот период, как и раньше, были согласованы с шахским правительством и финансированы шахом. Нельзя не отметить очень важной роли Азербайджана и, в частности, так называемых Каспийских ворот (Дербент) в планах английских колонизаторов. Стремясь восстановить власть Шейхали-хана, по прямому указанию и с непосредственной помощью англичан шах решил прибрать к рукам путь через Каспий, что было в прямых интересах Англии.

Пользуясь бездеятельностью генералов Гурьева и Репина, сваливавших друг на друга обязанности по противодействию Шейхали-хану, последний «с помощью Абу-Бекра, казия акушинского, и денег, посылаемых ему из Персии, успел вторично собрать акушинцев и с 8000 ополчения из Акуши, Мехдули, Табасарана и Казикумыка, соединившись с Нух-беком, сыном Сурхай-хана... пошел на Кубу»³⁵⁵. В одном из источников об этом сказано, что эмиссаром шаха Рустам-беком было привезено «от шах-заде (Аббас-Мирзы. - *Х. М. И.*) к Ших-Али 4000 червонцев и известие о прибытии шах-заде на Муганскую степь». Отряды Шейхали хана состояли, как и прежде, за исключением его приверженцев - феодалов и их слуг, не из добровольцев, а из населения, насильно согнанного для участия в борьбе против русской армии. Об этом

³⁵¹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 301.

³⁵² АКАК, т. V, док. 105.

³⁵³ Там же, док. 177.

³⁵⁴ Там же, док. 696.

³⁵⁵ А. Б а к и х а н о в, Гюлистан-Ирам, стр. 159.

свидетельствует тот факт, что феодалы засылали по «деревням ясаулов (сотников. - *Х. М. И.*), чтобы из каждых двух домов, под страхом разорения, один человек готовился идти с Ших-Али»³⁵⁶.

6 ноября 1811 г. в кровопролитном сражении у местечка Зейхур, на р. Самур, русский отряд под командованием Гурьева потерпел жестокое поражение. В Зейхурском сражении в составе [136-137] русских войск участвовала азербайджанская конница из жителей г. Дербента. Русский отряд состоял из 1384 человек, а отряды Шейхали-хана насчитывали 8 тыс. человек, в основном конницы. Русские солдаты и азербайджанские ополченцы храбро бились против неприятеля, но по вине ген. Гурьева отряд потерпел поражение и потерял более 300 человек убитыми и ранеными, а 50 человек попало в плен³⁵⁷. Одержав победу, Шейхали-хан подошел к г. Кубе и занял сильную позицию в деревне Рустов. Для разгрома его войск из Ширвана в Кубинское ханство 16 ноября прибыл русский отряд под командованием Хатунцева. 21 ноября 1811 г. под деревней Рустов семитысячный отряд Шейхали-хана был наголову разбит русскими и азербайджанскими войсками и отброшен в горы³⁵⁸. Кубинское ханство и на этот раз было избавлено от восстановления власти Шейхали-хана. Таким образом, планы иранского шаха и его английских покровителей потерпели крах. В самый разгар боев на русско-иранском фронте война с Турцией не прекращалась. На обоих театрах русско-турецкой войны военные действия продолжались. В течение 1811 г. русская армия под командованием Кутузова нанесла ряд жестоких поражений турецкой армии на Балканском театре войны. Несмотря на большое численное превосходство противника, русский полководец не проявил ни малейшего колебания при осуществлении решительного плана разгрома армии верховного визиря. Чтобы достичь полного окружения противника, Кутузов сосредоточил на Дунае по обеим сторонам расположения неприятеля значительные силы. Весть о разгроме турок под Рушуком и об окружении армии верховного визиря на Дунае облетела весь мир. Наполеон, стремившийся заставить Турцию продлить военные действия, чтобы навязать России войну на два фронта, кричал в негодовании: «...у них (у турок. - *Х. М. И.*) дарование быть битыми. Кто мог ожидать и предвидеть такие глупости»³⁵⁹.

Не примирившись с потерей Ахалкалакской крепости, турецкое командование в феврале 1812 г. бросило на ее гарнизон пятитысячную группировку пехоты и кавалерии. Но после пятичасового боя турки с большим уроном откатились назад. Это был один из последних эпизодов русско-турецкой войны 1806-1812 гг.

Успехи русских войск под Рушуком и Калафатом на Дунае и взятие крепости Ахалкалаки на Кавказском театре войны заставили турецкое правительство заключить мир, который был подписан 16 мая 1812 г. в Бухаресте, за два месяца до начала Отечественной войны русского народа против французских завоевателей. В результате Бухарестского мира Россия получила [137-138] береговую полосу Черного моря от устья р. Бзыби до устья р. Риони общим протяжением до 200 км. Этим надежно обеспечивалась безопасность Западной Грузии и Крыма.

С другой стороны, подписание Бухарестского трактата 6 мая 1812 г. ускорило завершение русско-иранской войны 1804-1813 гг.

Значимость Кавказского театра русско-турецкой войны 1806-1812 гг. и успехов, достигнутых здесь русской армией, подтверждается бухарестскими мирными переговорами, во время которых «вопрос о кавказских границах играл весьма крупную роль»³⁶⁰.

Необходимо отметить, что успешные действия русских войск против многочисленной турецкой армии на Кавказском театре в немалой степени зависели и от благожелательного отношения большинства населения Грузии, Азербайджана и Восточной Армении к русским войскам. Это выражалось не только в моральной и материальной поддержке, но и в участии в составе русских войск ополчений из азербайджанцев, грузин и армян в войне против Турции.

Не трудно понять, что окончание войны с Турцией и подписание Бухарестского мирного трактата лишило Наполеона накануне его вторжения в Россию такого активного союзника, каким была для него султанская Турция.

Это был чувствительный удар по политике Наполеона на Среднем Востоке. Он настолько был взбешен вестью о подписании Бухарестского мира, что даже оскорбил константинопольский двор. Мечтая о мировом господстве, Наполеон готовился к покорению России и всех ее народов, в том числе и народов Закавказья, которых он обещал отдать в ирано-турецкое рабство. Это была прямая угроза коренным национальным интересам не только русского народа, но и

³⁵⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, от. 2, д. 16, л. 88.

³⁵⁷ АКАК, т. IV, док. 234, 984.

³⁵⁸ Там же, т. V, док. 231.

³⁵⁹ А. А. С т р о к о в, История военного искусства, стр. 161.

³⁶⁰ А. В. Ф а д е е в, Россия и Кавказ первой трети XIX в., стр. 162.

азербайджанского, грузинского и армянского народов, связавших с ним свои исторические судьбы.

После подписания мира с Турцией следующей важной задачей русского правительства было окончание войны с Ираном.

Военные действия 1812 г.

Иран под впечатлением поражения турецкой армии на Дунае в 1811 г. и подписания Бухарестского мира в 1812 г. склонен был к миру с Россией, и обе стороны были готовы к переговорам. Но, как всегда, коварная роль английской дипломатии и ее прямой нажим на шаха и на сей раз явились препятствием, о которое разбились мирные начинания обеих сторон. [138-139]

Несмотря на то, что Англия в этот период была заинтересована в союзе с Россией против Наполеона, она всячески старалась помешать распространению влияния России в районе Черного и Каспийского морей, ибо сама пыталась включить Азербайджан, Грузию и Армению в сферу своего влияния, предпочитая видеть их под властью шаха и султана, чем России.

В результате прямого нажима английского правительства на шаха, ободренного тяжелым положением России, втянутой в Отечественную войну с французскими завоевателями, мирные переговоры были сорваны и Аббас-Мирза стал концентрировать огромную армию на границах Закавказья. Английские агенты при шахском дворе и в резиденции наследника престола в Тебризе, провоцируя Иран на продолжение войны с Россией, одним из главных, выгодных для Ирана условий выдвигали якобы недовольство Россией мусульманских народов Закавказья, в частности азербайджанцев. Но развернувшиеся в дальнейшем события в Закавказье опровергли провокационные прогнозы английской дипломатии. Азербайджанский народ, как и все народы Закавказья, издавна питавший ненависть к иранским поработителям, поддержал русские войска. В самый разгар дипломатических переговоров, когда уполномоченный Ирана Хаджи-Абуль-Хасан и племянник британского посла в Тегеране сэр Роберт Гордон находились в Тифлисе и вели переговоры с главнокомандующим на Кавказе ген. Ртищевым. Фетх-Али-шах во главе огромной армии прибыл в Султанию; Аббас-Мирза с войском выступил из Тебриза, а четырехтысячная иранская конница вторглась в пределы Азербайджана.

В конце июня 1812 г. иранские отряды ворвались в Елизаветпольский округ, «разорив селения, забрали большое количество скота и у местных жителей, и у кочевников - айрумцев». В защиту жителей Елизаветпольского округа и айрумцев выступили конные отряды шамшадильских и дзегамских азербайджанцев под командованием капитана Насиб-султана Шамшадильского и Али-бека Дзегамского. В поздравительном письме по этому поводу новый главнокомандующий, ген. Ртищев, прибывший на Кавказ весной 1812 г., писал: «Получив донесение... о храбром подвиге Шамшадильской конницы, которая, настигнув неприятельскую партию персиян, ворвавшихся в Елизаветпольскую округу и отогнавших скот у айрумцев, разбила совершенно, возвратила назад весь скот и, положив на месте... неприятелей, приобрела немаловажную добычу... в оружии, лошадях, и при чем я с полным удовольствием спешу изъявить вам мою признательность за таковую деятельность, усердие и ревность к службе... Шамшадильского народа». Аналогичное поздравительное письмо Ртищев направил к дзегамскому владельцу Али-беку. За разгром иранских войск, ворвавшихся в Елизаветпольский округ, многие воины Шамшадильской и дзегамской конницы были награждены деньгами, а капитан Насиб-[139-140] султан Шамшадильский и Али-бек Дзегамский – золотыми часами³⁶¹.

12 июля 1812 г. иранская конница была наголову разбита и отброшена за Аракс малочисленным русским отрядом с помощью добровольцев Карабаха. Подступы к Карабаху обороняла русская пехота, не более 1500 штыков, малочисленная конница, состоявшая из нескольких эскадронов казаков и ополчения из азербайджанцев и армян Карабаха. Отряд этот располагал несколькими трехфунтовыми орудиями³⁶².

Командование этими войсками было возложено на Котляревского. В этот период азербайджанцы вновь оказали активную вооруженную помощь русским войскам и еще раз продемонстрировали свое ратное мастерство и стремление к сближению с Россией. О боевых действиях азербайджанцев в мае - июле 1812 г. свидетельствуют многочисленные документы, письма, донесения и рапорты русских военачальников. В одном из них говорится, что «...14 числа (мая. - Х. М. И.) живущий в Зангезурском округе... карабагский старшина, поручик Касим-бек,

³⁶¹ АКАК, т. V, док. 638, стр. 451.

³⁶² Там же, док. 806.

будучи предуведомлен через посланного им за границу лазутчика о намерении персиян сделать нападение... немедленно собрал достаточное число вооруженной пехоты и конницы из жителей деревень и отправил их при усердном по службе старшине Хусейн-беке для занятия всех тех дорог, через кои должны проходить персияне». Иранские отряды ворвались в Зангезур, ограбили села и направились с богатой добычей и скотом назад. Однако им не удалось уйти безнаказанно. Во главе азербайджанской конницы и пехоты, сформированной из жителей Зангезурского магала, «упомянутый Хусейн-бек, преследуя неприятельские партии, настиг оные у самой границы... обратил их в бегство, отбив весь угнанный было имя скот в немалом количестве, после чего решительный Хусейн-бек, дождавшись ночи, предпринял сделать удар в заграничное Нахчеванское владение».

Несколько позже, 13 июня, при вторжении двухтысячной иранской конницы азербайджанцы и армяне Карабаха под командованием старшины села Хинзырек, капитана Агалар-бека, совместно с ротой 17-го егерского полка вступили в ожесточенный бой с неприятелем, который атаковал малочисленный отряд русских, азербайджанцев и армян. В самый критический момент боя, когда неприятельская конница наседала на русскую пехоту и азербайджанско-армянское ополчение, к ним на помощь подошел горюнзурский старшина, «поручик Касим-бек с конницею, собранною им из своих подвластных». В результате взаимодействия русской пехоты, конных и пеших ополчений азербайджанцев и армян под командованием старшин Хусейн-бека, Агалар-[140-141] бека и Касим-бека иранские захватчики «принуждены были оставить место сражения и обратились в бегство, будучи преследуемы более 10 верст до р. Баргушета, где во время переправы... обывательская (азербайджанская. - *Х. М. И.*) конница... с великим успехом действовала во вред переправлявшимся неприятельским войскам».

Ген. Ртищев писал в Петербург о боевых действиях азербайджанцев следующее: «Неприятель, вместо успеха в своих замыслах, сам понес весьма значительный урон убитыми, ранеными и потонувшими при переправе через р. Баргушет, быв сопровожден пулями... К сожалению, убит находившийся в сем действии Карабагский старшина Хусейн-бек, да из обывателей убито 3 и ранено 3 чел.»³⁶³. Потерпев поражение в Карабахе, иранское командование по указке английских военных специалистов решило изменить свой первоначальный план вторжения в Азербайджан через Карабахские горы и составило другой план. По новому плану предусматривалось обеспечение плацдарма на территории Талышского ханства, овладение которым входило в задачи наступавших войск: форсирование р. Куры у Сальян; дальнейшее наступление на Ширванское и Шекинское ханства, покорение их и вторжение всей армией в Грузию, считая направлением главного удара Тифлис³⁶⁴.

По сути дела этот план вторжения в Азербайджан и Грузию, а также порабощения азербайджанского и грузинского народов был составлен офицерами штаба английской армии, находившимися непосредственно в рядах иранской армии. В частности, английский офицер Кристи, выполнявший роль начальника штаба войск Аббас-Мирзы, посоветовал последнему наступать с авангардом прямо на Шекинское ханство, имея в виду соединение с отрядами Шейхали-хана Кубинского и Сурхай-хана Казикумыкского, действовавшими на границе Азербайджана и Дагестана, в тылу действующей русской армии.

Составив план нашествия иранских полчищ на Азербайджан и Грузию, английские колонизаторы совершенно игнорировали национальные интересы и чаяния азербайджанского и грузинского народов. Они готовы были принести их в жертву завоевателям, если только последние будут послушно следовать политике английской буржуазии.

Как уже указывалось, вмешательство Англии в русско-иранские отношения не ограничивалось одними лишь дипломатическими интригами и составлением планов военных действий: помимо ежегодной двухмиллионной финансовой субсидии Англия снабжала иранскую армию ружьями, орудиями, снарядами, патронами, обмундированием и снаряжением. Больше того, английские пехотные офицеры руководили боевыми [141-142] действиями иранских частей, а артиллерийские офицеры командовали артиллерией иранской армии и, находясь в рядах иранских войск, руководили обстрелом и разрушениями крепостей и городов Азербайджана и Грузии и истреблением мирных азербайджанцев и грузин.

Во исполнение плана английской военщины в первых числах августа 1812 г. 20-тысячная иранская армия, усиленная артиллерией, вклинилась в пределы Талышского ханства, блокировала Ленкорань и 9 августа, пользуясь беззащитностью ее, овладела крепостью³⁶⁵. В это время

³⁶³ Там же, док. 700.

³⁶⁴ Там же, док. 814.

³⁶⁵ Там же

четырёхсотенный русский отряд при одном орудии оборонял укрепленную косу Гюмушеван, а на море, близ берега, стояло несколько русских судов, артиллерия которых была предназначена для поддержки огнем русского отряда. Гюмушеванская коса была опоясана каменной стеной, за которой укрывался русский отряд.

После взятия Ленкорани иранская пехота, предводительствуемая английскими офицерами, безуспешно атаковала дважды Гюмушеванскую косу. Больше тысячи семейств азербайджанцев Тальшского ханства укрывалось в Гюмушеване под защитой русского гарнизона. Не достигнув успеха путем фронтальной атаки Гюмушеванского укрепления, иранские войска во главе с английским офицером Гаррисом в начале сентября обложили малочисленный русский гарнизон и тальшцев с суши, обойдя Гюмушеванскую косу с тыла.

Между тем положение осажденных русских и азербайджанцев становилось совершенно невыносимым. Наступили осенние бури, продовольственные запасы приходили к концу. Тем временем грабительские отряды иранской конницы бесчинствовали на всей территории Тальшского ханства, объявленного Аббас-Мирзой иранской территорией. В то же время малочисленный русский гарнизон вместе с азербайджанцами служил заслоном против проникновения иранских полчищ в Сальяны, с овладением которых открывалась возможность дальнейшего наступления на Ширван, Шеки и далее в Грузию.

Россия переживала в этот период наиболее драматический момент своей истории. К середине августа 1812 г. огромная территория ее оказалась занятой французскими захватчиками. Ведя войну в России, Наполеон не забывал о привлечении Ирана на сторону Франции. С этой целью осенью 1812 г. в Тегеран прибыл агент французского правительства, главной задачей которого было путем интриг и подстрекательств добиться разрыва Ирана с Англией и заключения союза с Францией³⁶⁶. Это свидетельствует о том значении, которое придавал император Франции Ирану и Закавказью.

Но характерно, что как английские, так и французские колонизаторы обещали шаху за его войну с Россией платить [142-143] одну и ту же цену - отдать под власть Ирана вошедшие в состав России территории Азербайджана, Грузии и Армении. Исконные азербайджанские, грузинские и армянские земли были для Наполеона всего лишь разменной монетой. В свою очередь Фетх-Али-шах и особенно наследник его Аббас-Мирза, вдохновленные отходом русских армий и вступлением французов в Москву, стали открыто требовать возвращения Ирану Азербайджана и других областей Закавказья, вошедших в состав России с 1801 по 1812 г.

В октябре 1812 г. 30-тысячная иранская армия под командованием Аббас-Мирзы сосредоточилась на Араксе, у Асландуза. Избрав исходным рубежом Асландуз, Аббас-Мирза по совету английских офицеров решил ударить по отряду Котляревского, овладеть Карабахом, Елизаветпольским округом и двинуться в глубь Грузии. Он надеялся осуществить комбинированный удар по русским войскам, оборонявшим границы Закавказья. Для выполнения своего намерения Аббас-Мирза приказал хану Эриванскому произвести нападение на русские пограничные посты в Памбаке и Шурагели, а в Шекинское ханство, минуя Карабах, был направлен четырехтысячный отряд под командованием Пир-Кули-хана, которому было приказано поднять азербайджанцев против России, восстановить правление беглого Селим-хана, затем соединиться с войсками грузинского царевича Александра в Кахетии и совместно ударить на Тифлис.

Но планам Аббас-Мирзы не суждено было осуществиться. Первый отпор был дан отряду иранских войск на р. Араксе, недалеко от местечка Ах-Оглан. В середине октября 1812 г. войска Гусейн-Кули-хана, разделившись на три отряда, вторглись в пределы Памбака и Шурагели (Ширакская область). Одновременно завязались кровопролитные сражения под Бекантом, Амамлами (село в нынешнем Спитакском районе Арм. ССР) и в знаменитом Дилижанском ущелье, оборонявшемся незначительным русским отрядом и азербайджанским конным ополчением. Храбрые русские солдаты с помощью местного азербайджанского и армянского населения одержали победу над войсками Эриванского хана, которые были «побиты и с большим уроном прогнаны» из пределов Памбака и Шурагели. В то же время отряд Пир-Кули-хана форсировал Куру у впадения в нее Тертера, близ деревни Пиразы, и вторгся в Шекинское ханство³⁶⁷. Азербайджанцы не поддержали призыва Пир-Кули-хана о восстании против России и выступили с оружием против иранских завоевателей. Во время вторжения иранских войск в Шекинское ханство там отсутствовал русский гарнизон и потому против неприятеля выступили местные ополчения. Заняв все важные пункты на пути наступления войск Пир-Кули-хана и

³⁶⁶ Там же, док. 709, 710.

³⁶⁷ Там же, док. 827, 831, 832, 834.

укрепившись в крепости Шеки, ополчение шекинцев и население [143-144] ханства, упорно обороняясь, стойко удержало свои позиции «до-того времени, пока особый отряд (русских войск. - *Х. М. И.*) под командованием артиллерии генерал-майора... Клодта фон Юргенсбурга... подоспел в Шекинское ханство и соединенно с конницей Джафар-Кули-хана... выгнал оные из Шекинского владения»³⁶⁸.

Направив Пир-Кули-хана для покорения Шекинского Ханства, Аббас-Мирза вменил ему в обязанность свержение власти Джафар-Кули-хана как ставленника России и восстановление правления Селим-хана, находившегося в походе при Пир-Кули-хане. Расчеты Аббас-Мирзы и его английских хозяев на помощь азербайджанского населения Шекинского ханства и на восстановление власти беглого Селим-хана провалились. Не достигнув намеченной цели, Пир-Кули-хан произвел «страшные грабежи и разорения» в Шекинском ханстве.

Население Шекинского ханства питало ненависть не только к иранским феодалам, но и к местным ханам, а в России, несмотря на колониальный режим, оно видело избавительницу от непрерывных войн и грабежей. Свидетельством ненависти к ханской власти и стремления к сближению с Россией служит один из сохранившихся документов, в котором говорится, что представители «простого народа... приступили... к русскому генералу с разными... просьбами, заключающими в себе жалобы на Джафар-Кули-хана... и желание, чтобы народ шекинский состоял под непосредственной зависимостью от российского правительства, а власть ханская была бы вовсе уничтожена»³⁶⁹.

Так, население Шеки, приняв активное участие в изгнании иранских захватчиков, надеялось, что с водворением власти России оно будет избавлено и от ненавистной ханской власти. Не дождавшись этого, народ Шекинского ханства восстал, окружил ханский дворец и стал «требовать, чтобы ханский Диван был закрыт и чтобы никто не признавал власти... хана»³⁷⁰. Но разумеется, царское командование не поддержало населения, а выступило в защиту феодальной верхушки Шекинского ханства, интересы которой были ближе интересам царизма. Природа русского царизма и местных эксплуататоров была одинакова. И царизм и местные ханы были противниками народа, его эксплуататорами и поработителями.

Когда представители населения Шеки, явившись к русскому командованию в Нухе, «объявили требование черни, состоявшее в нежелании их иметь над собою ханом полковника Измаил-пашу (сын Джафар-Кули-хана. - *Х. М. И.*), то капитан Дани-беков тотчас арестовал их в крепости, как противников высочайшей воли... и бунтовщиков»³⁷¹. [144-145]

Царское командование в угоду интересам господствующих классов Азербайджана шло даже и на применение оружия против народа, который самоотверженно сражался совместно с русскими солдатами против иранских завоевателей. В донесении императору главнокомандующий Ртищев писал: «К толпам... народа послал своего переводчика с двумя казаками для увещания, чтобы они разошлись по своим жилищам и были бы спокойны, ежели не желают, чтобы... показал им силу оружия Вашего императорского величества»³⁷². Когда же представители населения (среди которых было и духовенство, и старшины) численностью «до 250 человек пробрались... через Кахетию к Тифлису для принесения... просьбы... от всего шекинского народа» лично главнокомандующему русскими войсками на Кавказе генералу Ртищеву, то последний, услышав их «жалобы на притеснения, кои они терпели от... хана, и изъявленное ими общее... нежелание всего шекинского народа иметь над собой ханом полковника Измаил-пашу яко врага народу», приказал посадить их под караул «как явных... нарушителей общественного спокойствия и предал краткому военному суду»³⁷³.

Асландузская победа русских войск

Действиями Пир-Кули-хана в Шекинском ханстве решил воспользоваться Аббас-Мирза, который задумал ворваться в Шекинское ханство с главными силами, соединившись с войсками Пир-Кули-хана, покорить другие азербайджанские земли и вторгнуться в Грузию. В октябре 1812 г. шах сосредоточит крупные силы пехоты и кавалерии у известного Асландузского брода на р.

³⁶⁸ Там же, док. 661, 834

³⁶⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4273, л. 9

³⁷⁰ Там же, л. 3.

³⁷¹ Там же, л. 9.

³⁷² Там же, л. 4

³⁷³ Там же, лл. 5-6

Араксе. Замысел неприятеля своевременно был разгадан начальником русского отряда в Карабахе Котляревским.

Необходимо было предотвратить вторжение огромной армии Аббас-Мирзы в Азербайджан, но сил было недостаточно. Аббас-Мирза и его английские советники готовили решительный удар по Закавказью. Ген. Котляревский, выполнявший частную задачу по охране границ Карабахского ханства, располагая небольшим отрядом, хорошо понимал, что единственным средством предотвращения иранского вторжения в Азербайджан является переход в решительное контрнаступление с целью полного разгрома армии наследника иранского престола. Следовало совершить ночной 70-километровый марш через горы с целью обхода неприятеля и внезапного удара в тыл³⁷⁴. [145-146]

Для успеха этой операции требовалось найти укрытые в наикратчайшие пути подходов к лагерю неприятеля. Житель Карабахской провинции, не раз ходивший в разведку по заданию русского командования, азербайджанец Мурад-хан, добровольно изъявивший желание выполнить роль проводника для русских войск, с успехом справился с этой трудной задачей. Один из дореволюционных военных историков писал: «...выбрав себе в проводники преданного ему Мурат-хана, знавшего хорошо местность, Котляревский распорядился о наступлении»³⁷⁵.

Другой дореволюционный русский историк, Соллогуб, писал о Мурад-хане: «...Карабагский уроженец Мурат-хан... вызвался указать дорогу и брод через Араке. Котляревский ему доверился и вскоре раздался по лагерю барабанный бой, означавший... поход»³⁷⁶.

Мурад-хан, отлично знавший местность, в течение суток с 30 на 31 октября форсированным маршем по знакомым только местным жителям горным тропам успешно провел русский отряд в тыл лагеря противника и принял непосредственное участие в Асландузском сражении. Он участвовал в атаке командного пункта неприятеля, где стоял шатер Аббас-Мирзы. Роль Мурад-хана в победе русских войск под Асландузом была столь значительна, что его имя «до сих пор проклинаят в мечетях»³⁷⁷ в Иране.

Атака произошла так неожиданно, что наследник иранского престола, наблюдавший с холма за учением своей пехоты, принял приближавшегося к его лагерю Котляревского с войском за одного из подчиненных ему ханов (Садых-хана или Джафар-Кули-хана), возвращавшихся с карабахской границы, куда они были направлены на рекогносцировку. Только английский офицер, стоявший рядом с Аббас-Мирзой, через подзорную трубу узнал в приближавшемся «хане» ген. Котляревского, что крайне смутило Аббас-Мирзу. Наличие в рядах армии Аббас-Мирзы английских офицеров и сильной английской артиллерии не помогло ему отразить молниеносный удар русских солдат. Иранская конница, занявшая господствующую над лагерем высоту, была сбита с нее, место же ее заняли русские орудия, открывшие сильный огонь по расстроенным рядам сарбазов. Иранские войска «смешались, были опрокинуты и бежали за р. Даргаурт»³⁷⁸.

Напрасно Аббас-Мирза со своими английскими советниками старался воодушевить своих растерявшихся солдат. Удар русских егерей и гренадеров в штыки был настолько сокрушительным, [146-147] что даже иранские историографы не могли умолчать об этом позорном для иранской армии факте. Один из иранских историков писал: «...воины ислама после трехчасовой кровавой схватки почли за лучшее отступить для отдохновения на другую позицию»³⁷⁹.

Разгромленные полчища Аббас-Мирзы «со своими англичанами... позорно бежали, сотнями погибая от русских штыков». В руках победителей остался весь иранский пышный лагерь с 35 фальконетами, орудиями и множеством снарядов³⁸⁰. Собрав остатки разбитых войск и заняв Асландузское укрепление, Аббас-Мирза решил на следующий день взять реванш. Но и на этот раз Котляревский его опередил, атаковав Асландузское укрепление в ночь на 1 ноября.

Полный разгром армии Аббас-Мирзы был очевиден. Трофеями русского отряда были: «знамена, 11 английских орудий с надписью³⁸¹ «От короля над королями шаху над шахами в дар, 36 фальконетов». Потери в живой силе исчислялись в 1200 человек убитыми и ранеными. В числе убитых был и английский офицер Кристи, руководивший боевыми действиями пехоты Аббас-

³⁷⁴ В. Е. Романовский, Кавказ и Кавказская война; «Очерки покорения Кавказа», стр. 106; Г. Казбек, Военная история Грузинского гренадерского полка..., стр. 71

³⁷⁵ Шабанов, История 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка, стр. 116.

³⁷⁶ Г. Б. Соллогуб. Биография генерала Котляревского, стр. 112.

³⁷⁷ Шабанов, История 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка, стр. 116

³⁷⁸ «Кавказ и Кавказская война», стр. 108.

³⁷⁹ «Роузет ус-Сафа» («Очаровательный сад»).

³⁸⁰ П. И. Ковалевский, Завоевание Кавказа Россией, стр. 181; «Очерки покорения Кавказа», стр. 21-22.

³⁸¹ АКАК, т. V, док. 847.

Мирзы. Пленено было 357 человек, в числе которых было 16 военачальников. Отряд Котляревского потерял 3 офицеров и 124 солдата убитыми и ранеными. Сам Аббас-Мирза едва спасся бегством, ускакав от казаков с 20 всадниками, бросив на произвол судьбы своих разбитых сарбазов³⁸².

Тщетно пытались иранские историки приписать причины асландузского разгрома лучшей части иранской армии исключительно стечению случайностей, «превратностям судьбы».

Нет сомнения, что причинами асландузского поражения армии Аббас-Мирзы были более серьезные факторы. Беспредельная храбрость, выносливость и героизм русского солдата, военные дарования полководца суворовской школы Котляревского, секретность всех подготовительных мероприятий и наступления, наличие в тылу наступавшего русского отряда дружески расположенного к России азербайджанского населения и, наконец, его моральная и материальная поддержка русским войскам явились главными причинами асландузской победы русских войск.

За асландузский подвиг Котляревский получил чин генерал-лейтенанта и орден Георгия 3-й степени. Но самой высокой наградой для себя Котляревский считал «неподдельный бурный восторг, с которым на другой день после ночного побоища встречали войска своего любимого „полководца“ на поле, усеянном неприятельскими трупами»³⁸³. [147-148]

Асландузская катастрофа иранской армии сыграла исключительно важную роль в судьбах азербайджанского и грузинского народов, ибо она отвела от них страшный удар, готовившийся англо-иранской военщиной. Разбитый Аббас-Мирза в сопровождении 20 всадников убежал с поля брани в Тебриз, а Пир-Кули-хан с многочисленной конницей, грабившей и разорявшей Шекинское ханство, узнав о разгроме иранской армии под Асландузом, спешно покидал пределы Азербайджана. На переправы через Куру на участке Пиразы - Зардоб для перекрытия путей отступления Котляревский направил летучий конный отряд из 400 человек. Одновременно на преследование отступавшей иранской конницы были направлены азербайджанские добровольные конные ополчения из жителей Шекинского ханства и Илисуйской провинции. Во время бегства отряда Пир-Кули-хан оставил «преследовавшей его шекинской и елисуйской коннице весь свой багаж и карадагского султана Аллахра, попавшего в плен к шекинцам вместе с пятью другими персидскими чиновниками»³⁸⁴. Одновременно спешно отступали все остальные иранские отряды, высланные Аббас-Мирзой в Азербайджан для разорения страны. Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства обрели вновь спокойствие. Свыше 800 семейств карабахцев, взятых в плен иранцами, возвратились обратно на свои пепелища.

Для обеспечения безопасности коммуникаций, связывавших Тифлис и Баку, Ртищев направил Котляревского в Талышское ханство с задачей овладеть Ленкоранской крепостью.

Вступив в пределы Талышского ханства, отряд Котляревского освободил около трех тысяч семейств азербайджанцев и армян Карабаха, уведенных в плен иранскими сарбазами.

С тех пор как в Талышское ханство вступил отряд Котляревского, население его, ободренное присутствием русских, охотно взялось за оружие, «истребляя в горах и лесах бегущих персиян»³⁸⁵. 1 января 1813 г. Ленкорань пала. «Перед штурмом крепости, - писал азербайджанский хронист Мирза-Ахмед Худаверды оглы, - русский майор обратился к Мир-Мустафе-хану с просьбой изготовить шесть-семь деревянных лестниц для штурма крепости и уничтожения каджарских войск. Талышцы... срочно изготовили в лесу лестницы и передали русскому майору». Благодаря лестницам русские войска смогли подняться на крепостные стены и ворваться в крепость. Овладение Ленкоранской крепостью имело исключительно важное значение, так как отняло у Ирана важный опорный пункт на Каспийском море и лишило его всего Талышского ханства, «Иран более не осмеливался ввязываться в борьбу с Мир-Мустафа-ханом»³⁸⁶. [148-149]

Англия вела в Иране двойную игру. Став союзником России против наполеоновской империи, она сохраняла в силе и договор с Ираном об оказании ему поддержки против России.

Подготовка царским командованием наступления на Тебриз заставила шаха возобновить переговоры с Россией. На этом настаивали и английские дипломаты. Они заставили шаха отстранить Мирзу Безорга, желавшего продолжения войны, и добились участия в переговорах английского посла Оузли в качестве полномочного представителя Ирана. В карабахском селении Гюлистан на р. Зейве 24 (12) октября 1813 г. был подписан мирный договор.

³⁸² Очерки покорения Кавказа», стр. 22; АКАК, т. V, док. 846, 847.

³⁸³ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 460.

³⁸⁴ Там же, стр. 471.

³⁸⁵ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 481.

³⁸⁶ НАИИ АН Азерб. ССР, шифр. 1614, стр. 52-53, 55.

По Гюлистанскому миру Иран отказался от своих притязаний на Гянджинское, Карабахское, Шекинское, Ширванское Кубинское, Бакинское и Талышское ханства Северного Азербайджана. Кроме того, шах отказывался от притязаний на Восточную Грузию и Дагестан³⁸⁷.

Тем самым подтверждалось присоединение к России всего Кавказского побережья Каспийского моря от устья Терека до Астары и почти всего Северного Азербайджана до р. Аракса и Зангезурского хребта. По договору Россия получила исключительное право иметь военный флот на Каспийском море и различные торговые льготы.

Под властью Ирана оставались Эриванское и Нахичеванское ханства. Таким образом, Гюлистанским мирным договором был завершён первый этап присоединения Азербайджана к России. Несмотря на претензии шахских уполномоченных на ханства Азербайджана, как и на весь Восточный Кавказ, эти территории как исконные земли кавказских народов, упорно сопротивлявшихся веками иранской военно-феодальной экспансии, были освобождены от владычества Ирана.

Русско-иранская война 1804-1813 гг. и русско-турецкая война 1806-1812 гг. превратили Азербайджан, Грузию и Армению в сплошной театр военных действий, не прекращавшихся в течение девяти лет.

Благодаря храбрости и мужеству русских солдат, многочисленные иранские и турецкие полчища были разгромлены и отброшены за пределы Закавказья.

Нет сомнения, что военные успехи русской армии в русско-иранской и русско-турецкой войнах начала XIX в. были достигнуты не без активной помощи и участия в них азербайджанских, грузинских и армянских воинских формирований. Население всего Закавказья сразу после присоединения Грузии к России (1801 г.) воочию убедилось в том, что только с помощью России, с помощью русской армии оно может отразить опустошительные [149-150] нашествия ирано-турецких феодалов и избавиться от грабежа, поругания и насильственной ассимиляции.

В русско-иранской войне 1804-1813 гг. в составе русской армии самостоятельно приняли участие около 10 тыс. конных и около 12 тыс. пеших ополченцев-азербайджанцев³⁸⁸, не считая населения сел и городов, ведших партизанскую борьбу против неприятеля. В русско-турецкой войне 1806-1812 гг. приняли участие азербайджанские иррегулярные конные формирования численностью 3700 воинов³⁸⁹. Если создание азербайджанских ополчений, принявших участие в русско-иранской войне 1804-1813 гг., носило в основном стихийный характер, то конно-иррегулярные формирования из азербайджанцев, принявшие участие в русско-турецкой войне 1806-1812 гг., создавались по нарядам царского командования и носили более организованный характер. Менялся и социально-классовый состав азербайджанских ополчений.

Когда население стихийно или по призыву своих кяндхуд (сельских старшин) поднималось на борьбу со вторгшимся неприятелем, в ополчения вступали все слои населения, причем преобладали крестьяне. Это подтверждают списки воинов отдельных ополчений, описание боевых действий, списки награжденных жителей отдельных ханств Азербайджана, «всеподданнейшие донесения» и другие документы, хранящиеся в архивах Москвы и Тбилиси³⁹⁰. В тех же случаях, когда дружины, ополчения и другие иррегулярные формирования создавались по указанию царского правительства (по нарядам для ханств и провинций), их социальный состав был несколько иным. Командный состав назначался из беков, агаларов, султанов, магальных наибов, кяндхуд и юзбашей. Рядовой состав набирался из нукеров (ханских слуг), маафов, ремесленников и податных крестьян.

Подробно следует сказать о маафах. С течением времени, после присоединения Азербайджана к России, это сословие уже не отличалось от остального сельского населения, сохранив лишь право за военную службу в составе русской армии не вносить подати в царскую казну.

По свидетельству одного из русских источников периода 20-х годов XIX в., сословие «маафов, хотя и должно было бы [150-151] вступать в состав милиции, но, как многие из них весьма бедны, сельские же общества ответственность за них не могут (ибо наравне с ними маафы не

³⁸⁷ АКАК, т. V, док. 377.

³⁸⁸ Численность азербайджанских ополчений и иррегулярных войск подсчитана автором по неопубликованным материалам: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2899, лл. 85-93; д. 17348, лл. 2-4; д. 4258, лл. 374-375; д. 4278, ч. I; дд. 4290, 4297, 4312; д. 4329, л. 277; д. 4644, л. 27-27 об.; д. 4649; ф. 194, оп. 1, д. 36; ф. 395, оп. 17, д. 155; ф. 476, д. 14; ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 2, д. 14, лл. 317-335; ф. 548, оп. 1, дд. 51, 90, 91; оп. 2, д. 14, лл. 17-21, дд. 830, 832, 834, оп. 3, д. 95, лл. 1-2 об.; ф. 1105, д. 440; ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, д. 1197.

³⁸⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3079, ч. I; см. также: АКАК, т. III, док. 874; т. V, док. 251.

³⁹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2889, лл. 85-93; д. 3079, ч. I; д. 4258, лл. 374, 375; д. 4259, ч. 2, лл. 100-103, 183-186; ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 2, д. 14, лл. 317-321, 320-326, 330-335.

несут податей и повинностей), то посему значительное число маафов не поступало в состав милиции»³⁹¹.

Таким образом, если до присоединения к России маафы составляли ханскую дружину из податных крестьян «и пользовались особыми участками земли, пожалованными от владельцев»³⁹², превращаясь в привилегированную категорию сельского населения, то после присоединения они лишились этих привилегий, за исключением освобождения от податей за военную службу, и впоследствии, в 20-х годах XIX в., разорившись, возвращались в податное состояние. Численность маафов зависела от значимости и стратегического положения того или иного ханства. Разумеется, что число маафов в Карабахском, Кубинском и Ширванском ханствах, в Казахском и Шамшадильском султанствах было намного больше, чем в других владениях Азербайджана. До присоединения Азербайджана к России в Кубинском ханстве войско, состоявшее из маафов, насчитывало от 10 до 25 тыс. человек. В Шекинском ханстве, по данным переписи 1824 г., было 6250 маафов (с членами семей), т. е. 7% податного сословия. Гянджинское ханство до присоединения могло выставить до 3 тыс. конницы и до 5 тыс. пехоты. Ширванское ханство - соответственно до 4 тыс. и до 2 тыс. человек³⁹³. Общая численность всех ополчений (в основном конных), участвовавших в борьбе русской армии с сопротивлявшимися и восставшими азербайджанскими феодалами в период с 1804 по 1811 г., составляла свыше 14 тыс. воинов-азербайджанцев³⁹⁴.

Создание национальных иррегулярных войск в Азербайджане поощрялось царским правительством. В своих внешнеполитических и внутренних интересах, создавая иррегулярные войска из местных народов, царизм укреплял свою колониальную власть в присоединенных владениях Закавказья, привлекая на свою сторону значительную часть феодальной знати и зависимых от нее крестьян. Кроме того, не имея достаточных войск, главным образом конницы, для борьбы с двумя южными противниками, особенно в период наполеоновских войн, царское правительство усиливало действующие в Закавказье войска значительными местными силами, сыгравшими немаловажную [151-152] роль в победоносном для России исходе русско-иранских и русско-турецких войн.

Однако феодально-помещичьи круги Азербайджана не допускали самостоятельных вооруженных действий крестьянских масс и других слоев населения даже против иноземных захватчиков, так как боялись, что это оружие после изгнания врага будет обращено не только против царизма, но и против них. В этом плане политика местных феодалов совпадала с колониальными интересами русского царизма, опасавшегося поголовного вооружения народа и его выступлений против колониального гнета. Поэтому царское командование по окончании военных действий в тех или иных областях, не ожидая окончания войны в целом, требовало от местных феодалов немедленного роспуска ополчений, а в некоторых случаях ограничивало число добровольцев, изъявлявших желание участвовать в войне в составе русских войск. Нередко также во главе азербайджанских ополчений оказывались грузинские дворяне, состоявшие на русской военной службе, или русские офицеры.

Следует отметить, что в период русско-иранской войны 1804-1813 гг. азербайджанские ополчения и всевозможные вооруженные отряды не имели твердо установленной численности. Это объясняется стихийностью их формирования и действий, в большинстве случаев в зависимости от обстановки и неприятельского вторжения в то или иное ханство. В одном месте, т. е. в одном сражении или в одном бою, численность азербайджанских ополчений доходила до 250, 500, 700, 1000, 1500 и даже до 3 тыс. человек, преимущественно конных ополченцев. Эти ополчения в боевых действиях участвовали самостоятельно или в составе русских войск. В этой же войне русской армии вооруженную поддержку оказывали сводные грузинско-азербайджанские ополчения; их численность в некоторых сражениях или боевых операциях доходила до 5 тыс. человек. Какой процент приходился на долю азербайджанцев в составе этих ополчений, трудно определить, но учитывая то, что на протяжении первой трети XIX в. преобладающая часть конных ополчений состояла из азербайджанцев, а грузины и армяне в основном выставляли пешие дружины, то можно полагать, что грузинско-азербайджанские ополчения большей частью своей

³⁹¹ АКАК, т. VII, док. 372.

³⁹² Там же, т. VIII, док. 354.

³⁹³ См.: Г. Б. Абдуллаев, Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией, стр. 109; В. Н. Л е в и а т о в, Очерки по истории Азербайджана в XVIII в., стр. 44; М. Г. Н е р с и с я н, Из истории русско-армянских отношений, кн. I, стр. 92.

³⁹⁴ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4278, ч. 2; АКАК, т. II, док. 1518; т. 111, док. 384; т. IV, док. 984, 1015, 1020, 1026; С. Б р о н е в с к и й, Новейшие географические..., ч. II, стр. 340; Мирза Джамал Джеваншир Карабахский, История Карабага, стр. 94; «Кавказ», 19.1.1846, стр. 13 (Джаробелоканцы до XIX столетия).

состояли из азербайджанцев. Название «грузинская конница» относилось и к тем ополчениям, в составе которых действовали шамшадильские и казахские азербайджанцы, некогда бывшие под властью картли-кахетинского царя. В русско-турецкой войне 1806-1812 гг. участвовали аналогичные ополчения, но создавались они по нарядам царского командования для боевых действий на территории Грузии и Армении, причем в одной военной операции участвовало одновременно до 5 тыс. человек.

Создав многочисленные конные и пешие ополчения, азербайджанцы приняли активное участие почти во всех сражениях [152-153] русско-иранской и русско-турецкой войн начала XIX в., внося тем самым свой посильный вклад в дело разгрома ирано-турецких завоевателей. На полях многочисленных кровопролитных сражений скреплялось ратное содружество русских солдат с азербайджанскими воинами.

Если учесть, что общая численность русских войск, действовавших против иранской армии в начальном этапе войны, составляла около 5 тыс. пехоты и до тысячи сабель кавалерии, а в последующем (после 1808 г. и до конца войны) не превышала 12 тыс. человек, то значение участия азербайджанских конных и пеших ополчений станет вполне очевидным.

Характерным для периода русско-иранской войны 1804-1813 гг. является то, что в борьбе против иранских захватчиков участвовали не только иррегулярные воинские формирования, но и все население ханств и провинций, поднимавшееся с оружием в руках на защиту своего отечества. Все это убедительно свидетельствует о тяготении азербайджанского и других народов Закавказья к России еще в начале XIX в. [153-154]

ГЛАВА II

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ОПОЛЧЕНИЯ И МИЛИЦИОННЫЕ ОТРЯДЫ В РУССКО-ИРАНСКОЙ ВОЙНЕ 1826-1828 гг.

Спустя 13 лет после окончания русско-иранской войны и подписания Гюлистанского мирного договора азербайджанский народ вновь подвергся тяжелому испытанию во время второй русско-иранской войны.

В 1824 г. восточный кризис вступил в новый этап. Немаловажную роль в этом сыграли русско-иранские отношения.

Англия и Франция, укрепляя свои позиции в Турции, не прекращали борьбы за Иран. За 13 лет, прошедшие между двумя русско-иранскими войнами, Иран был ареной дипломатической борьбы между Россией и Англией.

Шах и правящая феодальная верхушка Ирана продолжали вынашивать реваншистские планы, которые возникли сразу же после заключения Гюлистанского мирного договора. Правящие круги Ирана не могли примириться со свершившимся фактом присоединения Закавказья к России и не желали отказываться от своих завоевательных притязаний в отношении Азербайджана и других вошедших в состав России территорий Закавказья. С каждым годом приготовления Ирана к войне принимали более широкий размах. Благодаря активному вмешательству английского правительства в русско-иранские отношения Гюлистанский мирный договор превратился в источник нового военного столкновения Ирана с Россией. Иранцы считали Гюлистанский мирный договор национальным позором и стремились его «стереть». Иранский военный историк Джамиль Гу-занлу считал, что этот договор свел на нет все результаты десятилетних боевых действий между Ираном и Россией и обвинял в подписании договора Аббас-Мирзу¹.

В разжигании нового конфликта между Россией и Ираном немаловажную роль сыграли бесконечные подстрекательства и открытое давление английской дипломатии на тегеранский двор. Англия еще в 1814 г. заставила Иран подписать так называемый «окончательный» или Тегеранский союзный договор, направленный против России и Афганистана. По договору, [154-155] подписанному 25 ноября 1814 г., Фетх-Али-шах обязался по возможности препятствовать всяким попыткам «какой-либо европейской державы» осуществить поход на Индию «через Хорезм, Татаристан, Бухару, Самарканд или по иным путям» (ст. I договора) и в случае англо-афганской войны снарядить армию в помощь Англии за счет ее правительства. В этом же договоре Великобритания подтвердила свое обязательство выплачивать Ирану ежегодную субсидию в прежнем размере и выделять ему войска и военные корабли. Во исполнение Тегеранского договора 1814 г. в последующие годы английское правительство отправило в Иран новых офицеров-инструкторов, инженеров, значительное количество оружия и боеприпасов, различное оборудование для оружейного завода в Тебризе. В. И. Ленин назвал Тегеранский договор 1814 г. оборонительным и наступательным союзом².

Главным регулятором всех внешнеполитических акций английской буржуазии на Востоке была небезызвестная Ост-Индская компания, чья политика являлась политикой английского правительства.

По Тегеранскому договору 1814 г. главным обязательством Англии перед Ираном было обещание добиться пересмотра Гюлистанского мирного договора, т. е. возвращения азербайджанского и других народов Закавказья под власть Каджаров. Обвиняя Россию в проведении политики, направленной якобы к «присвоению персидских земель», английские буржуазные историки XIX в. игнорировали достоверные факты, свидетельствовавшие о том, что ни Азербайджан, ни Грузия, ни Армения никогда не были «исконными персидскими землями»³, а были силой оружия захвачены иранскими феодалами.

Английская буржуазия, заключая союзный договор с шахским Ираном, острее своей политики направляла против интересов России на Востоке, главным образом в Закавказье. «Англичане, - писал Ермолов в Петербург, - опасаясь, чтобы Персия не подпала господствующему

¹ Джамиль Гузанлу, Тарих-и Низами-йи Иран, стр. 812-813.

² В. И. Л е н и н, Тетради по империализму, стр. 704.

³ G. C u r z o n, Persia and Persian Question, vol. II, стр. 589.

влианию нашему и тем же поколебалось счастливое их в Индии обладание, будут препятствовать тому всеми усилиями и стараться возбудить войну в Европе»⁴.

В 1817 г. во время пребывания в Иране во главе русского посольства А. П. Ермолов был свидетелем активной деятельности английской военной агентуры. На смотре, устроенном наследником шаха в честь прибытия русской делегации, Ермолов видел многочисленных англичан-офицеров, стоявших перед фронтом; «некоторые в своих мундирах, другие в угождение персиянам в овчинных шапках»⁵. [155-156]

В течение десяти лет, последовавших за Гюлистанским мирным договором, английская агентура всеми мерами стремилась нарушить мирные, добрососедские отношения между Россией и Ираном и спровоцировать новую войну между ними. Эти усилия были не безуспешными.

К 20-м годам XIX в. интерес Англии к Азербайджану и ко всему Закавказью значительно возрос. Пользуясь разрешенным с 1821 г. беспрошленным транзитом товаров в Иран через Закавказье, англичане все чаще стали посещать Азербайджан, Грузию и Армению. Английские агенты проникали во все сферы деятельности иранского правительства, особенно в военную и дипломатическую.

Британские офицеры, служившие в Индии, возвращались в Великобританию не обычным для них морским путем, более дешевым и удобным, а через Иран и Закавказье. Еще в 1813-1814 гг. «путешествие по Ирану и Закавказью» совершил британский офицер Кенери, собравший обширные сведения и об Азербайджане⁶.

Английские дипломаты и офицеры наводнили тегеранский двор и резиденцию наследника престола Аббас-Мирзы - столицу Южного Азербайджана - Тебриз. Многие сановники тегеранского двора являлись фактически платными агентами Англии. Знатный шахский сановник Абуль-Хасан-хан, ведавший иностранными делами иранского двора, ежегодно получал от английского правительства 3 тыс. туманов⁷.

Ярый противник России, правая рука шаха и зять его, первый министр тегеранского двора Аллахьяр-хан, глава шиитского духовенства муштеид Сеид Кербалайский Мухаммед и даже второй сын шаха, наследник иранского престола, правитель Южного Азербайджана принц Аббас-Мирза были связаны с английскими агентами. Аббас-Мирза, любимый сын Фетх-Али-шаха, окружил себя английскими офицерами, военными и политическими советниками и приступил к формированию, реорганизации и обучению иранской пехоты и артиллерии по английскому образцу. Стремясь сохранить за собой наследие на шахский престол, право на который значительно пошатнулось в результате поражения в русско-иранской войне 1804-1813 гг., он готов был на все во имя восстановления своего престижа в глазах отца, братьев, сановников и всего народа.

Британские офицеры руководили формированием и боевой подготовкой иранской пехоты и личного состава артиллерии. Склады и арсеналы Тегерана и Тебриза заполнялись английскими пушками, ружьями и боеприпасами. Фактически англичане диктовали свою волю шаху и его наследнику, провоцируя их на войну с Россией за возврат Азербайджана и Восточной Грузии. [156-157] Английская дипломатия запугивала шаха «угрозой русского вторжения в Индию».

О давлении англичан на Иран и, в частности о нажиме Ост-Индской компании на шаха, убедительно свидетельствуют показания попавшего в плен к русским войскам 15 сентября 1826 года кратковременного правителя Гянджинского ханства Угур-лу-хана. «Ост-Индская компания, - показывал Угурлу-хан, - платившая персидскому двору в год 800 000 рублей серебром, через посла своего в нынешнем году требовала от персиян непрременную войну с Россией, в противном случае отказывалась продолжать плату и просила возврата уплаченной суммы»⁸.

Англия, как отмечал А. П. Ермолов, «всеми силами старалась противодействовать успехам русской политики и принимала тайное участие во всех дипломатических сношениях Персии»⁹. Английские агенты в роли дипломатических представителей посольств, аккредитованных в Тегеране и Тебризе, с «расточительностью сорили деньгами и дорогими подарками», блеском которых «все окружавшее шаха и Аббас-Мирзу было закуплено и отводило интересам государственным последнее место»¹⁰.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 66.

⁵ Цит. по: Е. Л. Ш т е й н б е р г, Британская агрессия на Среднем Востоке, стр. 49.

⁶ «История Азербайджана», т. II, стр. 34.

⁷ См.: АКАК, т. VI, ч. II, док 573. Рапорт генерала-консула Вацепко от 11 июня 1825 г.

⁸ Кн. Ш е р б а т о в, Генерал-фельдмаршал князь Паскович т. 2, Приложения, стр. 66; «Кавказский сборник», т. XXV, стр. 99.

⁹ АКАК, т. VI, ч. II, док. 341.

¹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 153-154 об.; ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, д. 99, лл. 32-34.

Таким образом, обещав шаху и его наследнику всяческую помощь, англичане толкали Иран на новую кровопролитную авантюру, направленную прежде всего против азербайджанского, грузинского и армянского народов.

Пограничные с Азербайджаном крепости и пункты тщательно укреплялись под руководством полковника английских инженерных войск Монтейса. В Тегеране и Тебризе были основаны литейные заводы, а в Тебризе англичане организовали производство пороха. Монтейс в тылу Отдельного Кавказского корпуса пытался организовать восстания к моменту вторжения иранских войск в Азербайджан. Подстрекательницей во всех этих военных приготовлениях Ирана была Англия, а исполнителем ее воли - наследный принц Аббас-Мирза, который 200 тыс. туманов, или 800 тыс. руб. серебром, полученных от Ост-Индской компании, «употреблял... на улучшение и усиление своих боевых средств, и скоро Персия имела уже до 30-ти регулярных батальонов тысячного состава и до 100 орудий»¹¹.

Таким образом, испытанный метод финансового закабаления восточных государств, примененный некогда английскими колонизаторами в Индии по отношению к местным князьям, не менее искусно был применен и в Иране. Оказавшись по отношению к Ирану «в таком же положении, в каком древние римляне находились по отношению к своим союзникам», англичане «пошли [157-158] по стопам римских политиков». Как говорит Маркс устами одного английского автора, «это была... система откармливания союзников, как мы откармливаем быков, прежде чем их съесть». «Заманив в свои сети союзников по методу Древнего Рима, - пишет далее Маркс, - Ост-Индская компания расправлялась с ними уже по-современному, как это делают на Чейнджалли»¹² в Лондоне.

Бесспорно, что российский царизм, подобно Англии, преследовал на Востоке завоевательные цели. Являясь жандармом Европы, ее «главным оплотом, резервной позицией»¹³, царизм жестокими военно-феодальными методами покорял народы Кавказа и Закавказья и проводил здесь русификаторскую политику. Но, говоря об агрессивной сущности политики царизма на Кавказе и в Закавказье, нельзя забывать об исторически прогрессивном значении присоединения закавказских народов к России, избавившей их от угрозы порабощения и физического истребления более отсталыми восточными деспотическими государствами - султанской Турцией и империей Каджаров.

Русско-иранский конфликт из-за государственной границы и его последствия.

В результате подписания Гюлистанского мирного договора и установления государственной границы между Россией и Ираном, которая в основном проходила по территории Азербайджана и частично по территории Карабахского ханства, оставалось одно не размежеванное пространство, так называемый «треугольник», который послужил предметом горячих споров между Россией и Ираном.

По Гюлистанскому трактату к России вместе с Карабахским ханством отошли части Чугундурского и Капанского магалов, расположенных в треугольнике, который образовал Араке со своими притоками Капан-чаем (Чугундур-чай) и Кяпянкачаем.

Иран и после подписания Гюлистанского мирного договора продолжал удерживать за собой весь этот треугольник, принадлежавший России по условиям договора. Россия же из-за этого продолжала занимать северо-западное побережье оз. Севан, составлявшее северную часть Эриванского ханства, с Севанским монастырем, т. е. исконную армянскую территорию, некогда завоеванную иранскими захватчиками.

Для мирного разрешения территориальных споров был направлен из Петербурга в Тегеран ген. Меншиков, которому было [158-159] предписано «употребить все старания, чтобы склонить» шаха к мирному урегулированию вопроса о границе¹⁴. О стремлении России к миру и, напротив, об агрессивности Ирана свидетельствует тот факт, что «Меншиков был принят весьма дурно и даже встретил на границе многочисленные полчища, вторгшиеся уже... в пределы» Азербайджана¹⁵. Царское правительство в вопросе установления границы предлагало взять за

¹¹ АКАК, т. VI, ч. II, док. 341.

¹² К. М а р к с, Русско-турецкие отношения.-Ост-Индский вопрос, стр.204

¹³ Ф. Э н г е л ь с, Внешняя политика русского царизма, стр. 13.

¹⁴ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 55.

¹⁵ ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 203, п. 200, ед. хр. 15, л. 27

основу акт от 28 марта 1825 г.¹⁶. Больше того, в случае отказа иранского правительства от этого акта Меншикову было разрешено идти «ради сохранения мира даже на уступку южной части Талышского ханства»¹⁷. Но, прибыв в Султанлию (летняя резиденция шаха), Меншиков понял, что война неизбежна. Сам он со своей свитой только в конце августа, после многих унижений и оскорблений со стороны иранского правительства и даже угрозы гибели, смог выехать из Ирана, не добившись цели, поставленной перед ним царем.

Уверенность в успехе новой войны иранскому шаху внушил английский дипломат Шиль, который, находясь в Петербурге, был свидетелем восстания декабристов и «выехал по непростительной оплошности царской полиции из самого Петербурга на другой день (14 декабря) и привез известие в Персию, что в России вспыхнуло междоусобие, а в Грузии (и в Азербайджане. - *Х. М. И.*) почти нет войска»¹⁸.

Но было бы неправильным объяснять захватнические притязания и прямую агрессию шахского Ирана против России и народов Закавказья исключительно вмешательством и провокационной политикой английского правительства. Не следует забывать о подстрекательстве отдельных представителей иранской правящей верхушки и высшего духовенства, пропитанного духом фанатизма и разжигавшего пламя «газавата» как в самом Иране, так и среди мусульманских народов Кавказа. В этом смысле особенную активность проявляли принц Аббас-Мирза и глава духовенства Сеид Кербалайский Мухаммед. Первый в своих агрессивных замыслах даже пошел на конфликт с отцом. В одном из писем Аббас-Мирзе Фетх-Али-шах писал накануне войны: «Зачем хочешь ты расторгнуть мое спокойствие и счастье наших подданных, открывая войну сильной российской державе, которая несколько уже лет сохраняет утвержденную мною с нею связь. Взгляни на других народов, нам сопредельных, и сравни их с русскими, всегда мирными соседями нашими»¹⁹. [159-160]

Роль духовенства в развязывании войны видна из одного официального документа. «Фанатическое иступление, возбужденное в народе Сеидом Кербалайским Магометом, - сказано в источнике, - было пружиной умысла, принятого одним из министров персидского двора Аллаяр-ханом, склонившим верховного сего муллу на свою сторону... Сей последний с кораном в руках начал проповедовать войну, взволновал народ и, двинувшись с толпою подведомственных ему поборников магометова учения, предстал к шаху с требованием разрыва с Россией»²⁰.

В современной иранской историографии наряду с апологией политики шаха появились и правильные оценки внешней политики Каджаров. Иранский историк Ахмед Таджбахш, автор книги «Русско-иранские отношения в первой половине XIX в.», с сожалением пишет о том, что «шах, его наследник Аббас-Мирза, Аллаяр-хан и другие представители иранской правящей верхушки отрицательно отнеслись к продвижению русских в районе озера Севан и, начав войну (1826-1828 гг. - *Х. М. И.*), лишили себя огромной территории в Закавказье»²¹.

Начало русско-иранской войны 1826-1828 гг. Роль населения Азербайджана в создании тыла русской армии

В своих планах войны с Россией иранская феодально-клерикальная верхушка главную «надежду» возлагала на «поголовное возмущение кавказских мусульманских провинций»²² и в первую очередь на Азербайджан. В обозе иранских войск находились изменники азербайджанского народа, бежавшие в Иран. Когда в Азербайджан вторглась полчища иранских сарбазов, Ермолов писал в приказе по корпусу: «...один из сыновей шахских, Аббас-Мирза, издавна дружественно принимавший к себе всех бежавших от нас ханов и разных изменников, ведет их с собою, обещая им возвратить прежние их владения»²³. Эти беглые азербайджанские феодалы «уверяли наследного принца, что при появлении его армии мусульманское население

¹⁶ Предварительный акт, по которому к Ирану отходили часть Карабаха и Талышское ханство, а к России - берег оз. Севан («Кавказский сборник», т. XXIII, док. 42).

¹⁷ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 55.

¹⁸ ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 203, п. 200, ед. хр. 15, л. 27 об.

¹⁹ А х м а д Т а д ж б а х ш, Равабит-и Иран ва Русийе..., стр. 174.

²⁰ ЦГВИА, ф. 446, д. 3, л. 1.

²¹ Там же, л. 2.

²² АКАК, т. VI, док. 633.

²³ ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 231, Погодин II, оп. 15, ед. хр. 42.

Закавказья восстанет и изгонит русских»²⁴. Однако этого не случилось. Население Азербайджана, так же как в период первой русско-иранской войны, вступало в борьбу с ненавистными ему феодалами и с помощью русских войск избавлялось от их деспотического господства.

Эмиссары тегеранского и тебризского дворов, тайно проникавшие в Азербайджан и Дагестан, распространяли ложные [160-161] слухи и поругания магометанской религии русским правительством. Они даже состряпали ложные жалобы и письма шаху, в которых от имени азербайджанцев и дагестанцев просили о «помощи для защиты ислама»²⁵. Несомненно, жалобы эти исходили не от азербайджанских и дагестанских народов, а фабриковались агентами шаха, а также беглыми азербайджанскими и дагестанскими феодалами, изгнанными из своих владений и подвизавшимися при дворах шаха и его наследника. В одной из деклараций царского правительства по случаю войны говорилось, что «Аббас-Мирза... занял часть принадлежавшего России ханства Карабахского, возмутил жителей, разослал поверенных и в соседственные области склонять к бунту мусульман наших подданных и провозглашает повсюду, что цель сей войны есть торжество веры магометовой»²⁶.

Некоторые царские историки акцентировали свое внимание также на национальной и религиозной розни между кавказскими народами. Так, необоснованно они считали, что «древняя Грузия, как в давно забытые времена, была окружена теперь (в 1826 г. - *Х. М. И.*) плотной стеною враждебных мусульманских земель»²⁷. Факты из русско-иранской войны 1826-1828 гг. свидетельствуют о ратном содружестве азербайджанского и грузинского народов в борьбе против общего врага - иранских завоевателей. Убедительным свидетельством тяготения азербайджанского народа к сближению с Россией служит документ периода русско-иранской войны 1826-1828 гг. «Интриги и золото Эриванского сардаря, - говорится в нем, - не могли поколебать верность народа, который день ото дня убеждался в истинной своей пользе... притязания сардаря вынуждали многих... татар... переселиться к нам (русским. - *Х. М. И.*), а к нему переходило только несколько бродяг из числа султанов и агалар»²⁸.

В дворянско-буржуазной историографии России недооценивается роль азербайджанцев в исходе русско-иранской войны. Дореволюционной историографией сводилась на нет та материальная помощь, которую оказывали народы Закавказья русской армии в ходе войны 1826-1828 гг. Однако многочисленные факты, отраженные в подлинных рапортах, походных журналах, военных дневниках, «всеподданнейших» донесениях и в других документах, составленных царскими военными деятелями на Кавказе, убедительно свидетельствуют о той значительной материальной помощи, которую оказывало население Азербайджана и Грузии войскам Отдельного Кавказского корпуса. [161-162]

Достаточно сказать, что в течение этой войны почти все полки и бригады Отдельного Кавказского корпуса, действовавшие на территории Азербайджана, получали от азербайджанского крестьянства продовольствие, фураж, лошадей, волов, вьючных быков, верблюдов, порционный скот, пользовались гужевым и речным транспортом. Кавказский главнокомандующий ген. Паскевич признавал, что «доказательством тому (снабжению армии населением. - *Х. М. И.*) служит как персидская война, так и нынешняя турецкая кампания, Азербиджан содержал войска наши»²⁹. Кроме того, в Шекинской провинции была расквартирована вторая бригада и легкая артиллерийская рота³⁰, которые также получали продовольствие и фураж от крестьян этой провинции. В самом городе Нуха был размещен один пехотный батальон при двух орудиях. Другой пехотный батальон был расквартирован в ближайших к городу селениях. Близ селений Куткашен и Падар на р. Алазани были размещены два пехотных батальона: в селениях Хачмаз, Бум, Ниж, Варташен и Кюснет Закатальского округа - по одному эскадрону Борисоглебского уланского полка. В сел. Алибад, близ Нухи, был расквартирован Серпуховский уланский полк, который снабжался продовольствием и фуражом крестьянами этого селения.

Большую материальную помощь действующим русским войскам оказывало население и Ширванской провинции, в селениях которой были расквартированы подразделения Уланской дивизии и казачьи полки. В частности, крестьяне местечка Баскал, селений Заргеран, Тырджан, Сулут, Мюджи, Кальва Гоузенского магала (округа) обеспечивали продуктами питания и фуражом три эскадрона Уланской дивизии, крестьяне сел. Исмаиллы - один эскадрон, селений Куш

²⁴ «Кавказский сборник», т. XXII, стр. 3.

²⁵ АКАК, т. VI, ч. II, док. 633

²⁶ «Русский инвалид», 23.1826.

²⁷ В. А. П о т т о, История 44-го Драгунского Нижегородского полка, т. III, стр. 3.

²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1030, лл. 6-7.

²⁹ ЦГВИА, ф. 477, д. 68, л. 15.

³⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 1, д. 78, л. 83.

Енгиджа, Талыетан, Диалы, Колынчак Хазауртского магала - два эскадрона. Жители селений Зардоб и Ляки Карасубазарского магала снабжали один эскадрон. Остальные пять эскадронов Уланской дивизии в период всей войны снабжались основными видами продуктов питания крестьянами селений Баргушет, Караджалы, Быгыр, Карабаггал, Карахидир, Инча и Алхасаван Сардаринского магала Ширванской провинции. Три донских казачьих полка, занявших оборону по берегу Куры от Джавата вниз по ее течению, в селениях Алакент, Тюленкоюн, Абдулиан, Гянджали, Мустафалы, Мейнеман и Коврат, снабжались жителями этих селений. Конница русской армии, расквартированная осенью и зимой 1826 г. в Елизаветполе, снабжалась фуражом жителями Казахской и Шамшадильской дистанций. В период военных действий в 1827-1829 гг. эти эскадроны и полки снабжались азербайджанскими крестьянами продовольствием и фуражом³¹. Для русских [162-163] войск, действовавших «в Карабагской и Ширванской провинциях, хлеб доставляется большей частью от жителей»³², - писал Дибич в Петербург 28 февраля 1827 г. В предписании генерала Ермолова Паскевичу говорилось «о размещении... войск ближе к Ширванской провинции, которая одна может дать средства продовольствия войскам в Карабахе»³³.

Русское командование, предвидя «затруднения в продовольствии конницы», перед началом военных действий обратилось за помощью к населению Казаха, Шамшадиля и Борчало, которое добровольно отдало русским войскам свои последние запасы. Для снабжения продовольствием войск Отдельного Кавказского корпуса в период войны при его соединениях были созданы так называемые провиантские комиссии, которые принимали «продовольствие, доставляемое жителями», и распределяли по полкам. Ввиду растянутости линии дислокации войск корпуса «провиантские комиссионеры» имелись даже непосредственно в полках, в которые жители поставляли продовольствие. Так, один из донских казачьих полков, оборонявший подступы к Казахской дистанции и расквартированный в сел. Салахлы, всю осень 1826 г. и зиму 1827 г. снабжался азербайджанскими крестьянами этого селения. Другой донской казачий полк и рота донской артиллерии, расквартированные в сел. Кюракбасан, бесплатно получали от жителей этого селения фураж для лошадей. Почти все полки 20-й пехотной дивизии, занимавшие оборону на территории Азербайджана, по границе с Ираном, снабжались местным крестьянством продовольствием и фуражом.

Часть войск, расквартированных в Грузии, снабжалась грузинским крестьянством и дворянством³⁴. Материальная помощь русской армии со стороны населения Азербайджана не ограничивалась только продовольствием и фуражом. Население сел, расположенных по берегам Куры и Аракса, обеспечивало войска транспортом. На речных небольших судах, так называемых киржимах, азербайджанские крестьяне и рыбаки проходили от «устья Куры до Зардоба» (верховье Куры) за 15-17 дней против течения и доставляли продовольствие и другие грузы, необходимые действующему корпусу, особенно войскам на Тебризском направлении³⁵. На этих судах азербайджанцы успешно перевозили не только продовольствие, но и целые войсковые части и соединения русской армии к местам сосредоточения войск, а также пополнения пехоты и кавалерии в ходе войны. Так, в августе 1827 г. на киржимах азербайджанские крестьяне [163-164] перевезли по Куре от Сальян до Зардоба пехотную бригаду 22-й пехотной дивизии (около 5 тыс. человек).

С помощью азербайджанцев была организована перевозка продовольственных грузов по Араксу, а у Асландузского брода был создан провиантский магазин, в который азербайджанские крестьяне поставляли хлеб, ячмень, скот и т. д.

Население многих азербайджанских провинций выделило Отдельному Кавказскому корпусу только лишь в 1827 г. «для перевозки продовольственных потребностей... до 2000 арб, поднимавших каждая до 50 пудов». Таким образом, войска корпуса благодаря помощи азербайджанцев в период боевых действий в 1827 г. получили 100 тыс. пудов хлеба и других продовольственных грузов³⁶. Один из французских литературных источников свидетельствует, что «плоскостонные суда (киржимы. - Х. М. И.) перевезли» в период русско-иранской войны 1826-1828 гг. при помощи азербайджанцев до Пиразов (по Куре) большое количество продовольственных грузов (12 тыс. мешков сухарей, 1 тыс. мешков крупы, 4 тыс. мешков ячменя, 4 тыс. голов скота) для действующих русских войск. А перевозка этого груза от Пиразов до Гумры

³¹ Там же, лл. 32, 37 об, 38, 40, 56, 65, 83.

³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4326, л. 67.

³³ ЦГИЛ СССР, ф. 1018, оп. 2. д. 120, л. 2.

³⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 548. д. 78, оп. 1, лл. 41. 28-31, 33, 34, 42, 46-48, 53, 54, 69, 71.

³⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4335, лл. 1-2.

³⁶ Там же, д. 4326, л. 66

(Александрополь) была произведена на 450 арбах и 3 тыс. вьючных животных. В 1828 г. местное население выделило для русских войск 1348 повозок и арб и 2250 вьючных животных, которых обслуживали 3696 проводников из крестьян Азербайджана, Грузии и Армении. В том же году на арбах для русских войск было перевезено артиллерийское вооружение, инженерные войска, походные госпитали и 20 тыс. артиллерийских снарядов³⁷. В Карабахской провинции для снабжения русских войск был создан «подвижной магазейн из 400 верблюдов... Для усиления средств подвоза, - писал Ермолов в Петербург, - обращена часть арб из Кубинской провинции, из Ширванской же вьючные быки и сколько есть верблюдов... Перевозка далее от Кюрпикента в Карабаг будет производиться средствами Ширванской и Шекинской провинций и оной способствовать будут жители Карабагской провинции». Только за несколько месяцев первого года войны русским командованием было закуплено у азербайджанских крестьян быков для транспорта: в Казахской дистанции - 2500 голов, в Борчалинской дистанции - 2000, в Шамшадильской - 1000, в Ширванской провинции - 1000 голов. Всего в четырех провинциях было закуплено 6500 голов транспортных быков. Помимо этого население Шеки, Ширвана и Карабаха в «счет податей» выделило для русских войск 5000 вьючных волов. Причем перевозку грузов производили азербайджанские крестьяне этих провинций³⁸. Об этом в одном из документов читаем: [164-165] «Перевозка сих запасов должна производиться на арбах... посредством вольного найма и по наряду от жителей, особенно мусульман»³⁹.

Приведенные факты говорят о существенной поддержке, которую оказали азербайджанцы русской армии в перевозке продовольствия, фуража, боеприпасов, раненых и больных солдат. Эта помощь свидетельствует о расположении населения Азербайджана к русской армии. В своем рапорте командиру Отдельного Кавказского корпуса об азербайджанских деревнях Шекинской и Ширванской провинций один из русских офицеров писал: «Не брать ничего с проезжающих (русских. - *Х. М. И.*) при нынешней дороговизне и при очевидной бедности жителей введено в такое обыкновение, что я с трудом мог заставлять брать от меня следуемое»⁴⁰. В походном журнале другого русского офицера, участника осенних боев 1827 г., записано: «...жители... спешили доставить в отряд (русских войск. - *Х. М. И.*) разные припасы, хотя сами в них почти нуждались»⁴¹.

Жители Южного Карабаха охотно помогали русским войскам и карабахской коннице продовольствием и всем, чем могли. Здесь было передано русским войскам «до 1000 штук рогатого скота». В русский лагерь «доставляемы были жителями... разные съестные припасы»⁴². Немалую материальную поддержку русские войска получали и от населения Грузии и Армении. А. С. Грибоедов писал, что русско-иранская война 1826-1828гг. стоила «закавказским провинциям чрезвычайных пожертвований»⁴³. Разумеется, не следует все виды материальной поддержки со стороны населения Азербайджана и всего Закавказья относить за счет добровольных пожертвований. На разных этапах войны, в зависимости от обстановки и отношения царского командования к населению, эта поддержка выражалась и в виде купли и продажи тех или иных продуктов или даже временами носила характер реквизиции, принудительной поставки транспорта, скота, хлеба и других видов материального снабжения армии. Но часто имел место и элемент добровольности.

Вторжение неприятеля. Вооруженная поддержка русской армии местным населением

19 июля 1826 г. огромная иранская армия, состоявшая из многочисленной регулярной пехоты, иррегулярной кавалерии и имевшая большое количество орудий⁴⁴, под командованием [165-166] Аббас-Мирзы внезапно, без объявления войны, вторглась в пределы Азербайджана. Ее авангард занял Елизаветполь, а главные полки осадили крепость Шушу. Со стороны же Эривани в пределы Армении внезапно вторглись войска эриванского хана. Его конные полчища наводнили

³⁷ М. Л е г а г, d, Les Russes en Asie Mineure 1723-1877, стр. 11.

³⁸ ЦГАДА, ф. 1406, д. 344, лл. 27-27 об. ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 3, д. 59, лл. 1 - 1 об.

³⁹ ЦГАДА, ф. 1406, д. 344, л. 25 об.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, д. 95, л. 1.

⁴¹ Там же, д. 92, л. 107.

⁴² «Русский инвалид», 4.VIII.1826.

⁴³ А. С. Г р и б о е д о в и З а в и л е й с к и й, Проект учреждения Российской Закавказской компании. - «Русские писатели о Грузии», стр. 86-87.

⁴⁴ Общая численность вторгшейся в Азербайджан иранской армии доходила до 60 тыс. человек.

Памбакскую и Шурагельскую провинции. В этой войне, как и в предыдущей, операционное направление, избранное неприятелем, вело в конечном итоге к Тифлису.

Перед самым началом войны Отдельный Кавказский корпус, вернее часть его, расквартированная в Закавказье, была соединена с Кавказской линией всего лишь двумя коммуникационными линиями: Военно-Грузинской дорогой и приморским путем от Баку до Дербента. Таким образом, войска, расположенные в Закавказье, были почти изолированы от войск, расположенных на Северном Кавказе. Это обстоятельство ставило войска Отдельного Кавказского корпуса, противостоявшие противнику, в невыгодное положение, ибо их приходилось дробить на отдельные отряды, что ослабляло ударную силу главной группировки войск, действовавших на главном Тебризском направлении.

К началу военных действий в составе Отдельного Кавказского корпуса находились две пехотные дивизии (21-я и 22-я), Кавказская гренадерская бригада и артиллерия, насчитывавшая 126 полевых орудий. А основная масса сил корпуса дислоцировалась на Северном Кавказе, занимала оборону в Западной Грузии, на границе с Турцией, и несла гарнизонную службу в Тифлисе, Гори, Сурами, Манглисе, Белом Ключе, Цалке, Дербенте, Кутаиси, Редут-Кале, Сухуми и во многих других пунктах, которые невозможно было оставлять без войск ввиду угрозы нападения Турции. Всего в Закавказье к моменту начала войны дислоцировалось 33 батальона пехоты⁴⁵, один регулярный кавалерийский полк, 9 донских казачьих полков. Особый Каспийский морской батальон (гарнизон крепости Ленкорани), 8-й пионерный (саперный) батальон и бакинский гарнизонный батальон. Границу с Ираном прикрывали шесть с половиной пехотных батальонов, из коих в Памбакской и Шурагельской провинциях Армении, т. е. против Эривани, дислоцировались 9 пехотных рот Тифлиского полка, всего 3 пехотных батальона; Карабахскую провинцию и крепость Шушу обороняли 9 рот 42-го егерского полка, т. е. 2 батальона, Елизаветполь - 2 роты 41-го егерского полка, крепость Нуху - одна рота 42-го егерского полка, Ширван - 2 роты 42-го егерского полка⁴⁶.

Эта малочисленная русская пехота, насчитывавшая не более 7 тыс. штыков, противостояла огромной иранской армии, [166-167] вторгшейся в пределы Азербайджана и Армении. Ермолов принадлежал к числу дальновидных стратегов и, будучи военачальником суворовской школы, задолго до начала войны предвидел это сложившееся неравенство боевых сил и средств. Но его неоднократные и настойчивые просьбы о присылке подкрепления разбивались о равнодушие петербургского двора, для которого жизнь сотен и тысяч русских солдат не представляла особой заботы. Царь «благословлял войска на ратные подвиги» с малым числом против десятикратно превосходившего противника. Ермолов не переставал просить помощи и после начала войны и в ходе войны, доказывая постоянно Николаю I, что «корпус Кавказской надо будет умножить большими силами для охранения новых земель и употреблять на то весьма большие издержки»⁴⁷. Обращаясь к царю с просьбой о выделении дополнительных войск, Ермолов доносил ему, что решил использовать азербайджанскую конницу, которая с успехом выполнит роль легкой конницы в войне против Ирана. Император и его Главный штаб требовали от Ермолова наступательных действий, не думая посылать дополнительные подкрепления. Ермолов считал, что «занятие Эриванского ханства нанесет Персии чувствительный удар и, нет сомнения, что все его усилия туда обращены будут». И потому Ермолов «как для твердого занятия Эриванского ханства, так и для скорейшего окончания войны просил средства достаточные»⁴⁸, предостерегая Главный штаб, что «оную (войну. - *Х. М. И.*) протянут персияне весьма долгое время»⁴⁹. Положение иранской армии было несравненно лучше. Ее регулярные части, обученные английскими инструкторами, состояли из 35 пехотных батальонов, или 25 батальонов «сарбазов» и 10 батальонов «джамбазов», насчитывавших всего 38500 штыков⁵⁰. Джамбазы составляли корпус войск, находившихся в личном подчинении шаха. Сарбазы же находились в подчинении Аббас-Мирзы. Батальоны сарбазов, обученные англичанами по европейскому образцу, несомненно превосходили джамбазов по своим боевым качествам, вооружению и обмундированию. Они состояли из 10 рот, «первая рота - гренадерская», или «бахадиран», десятая рота... егерская, или «мухбыран». Два батальона составляли пехотную бригаду под командой «сартипа»⁵¹. Кроме того, в состав иранской армии входила регулярная полевая артиллерия, созданная и обученная теми же

⁴⁵ «Материалы для описания персидской войны», - «Кавказский сборник», т. XXI-XXII.

⁴⁶ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 68.

⁴⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 65-66.

⁴⁸ Там же, л. 74.

⁴⁹ А. М. З о л о т а р е в, Военно-статистический очерк Персии, стр. 63.

⁵⁰ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 59.

⁵¹ ЦГВИА, ф. 446, д. 6, лл. 4-5.

англичанами. Она была сведена в 7 батарей по 6 орудий в каждой. «Регулярная артиллерия, - писал П. Ермолов, - в образовании своем совершенно сходствует с английской и как находящаяся при шахе, так и [167-168] состоящая при войсках Аббас-Мирзы - вся конная»⁵². Кроме регулярной полевой артиллерии пехотные батальоны имели большое количество зембураков (фальконетов). Регулярной конницы в иранской армии почти не было, за исключением личного, конвоя Аббас-Мирзы, но вместо нее набиралась многочисленная иррегулярная кавалерия из кочевых племен, доходившая до 15 тыс. сабель, а также как постоянное войско содержалась 6-тысячная конная милиция из жителей Южного Азербайджана⁵³. Кроме перечисленных войск при шахе и при каждом принце имелись личные отряды численностью «от 3 до 4 тысяч конницы, кои назывались кулампешкмады или передовые слуги». Отряды эти состояли «из разных невольников, а большею частью из сыновей знатнейших особ в Персии и любимцев самого шаха»⁵⁴.

Таковы были силы и боевые средства России и Ирана к началу военных действий второй русско-иранской войны. Театр военных действий делился на три стратегических района, занимавших почти весь Азербайджан и часть Армении. Первый район, или правый фланг, образовывали Памбакская, Шурагельская провинции и Борчалинская дистанция. Вторым районом, или центром, занимал весь Карабах, Елизаветпольский округ, Казах и Шамшадиль. Наконец, третий район, или левый фланг, составляли территории Шекинской, Ширванской и Кубинской провинций, Бакинского округа и Талышского ханства.

Таким образом, почти вся территория Азербайджана представляла собой театр войны, в кровопролитных сражениях которой принимало активное участие население сел и городов. В этот период почти вся граница с Ираном охранялась азербайджанскими пограничными «земскими караулами», состоявшими из вооруженных конных и пеших крестьян. Особенно была усилена охрана второго, или центрального, района театра военных действий, т. е. границы Карабаха, Елизаветпольского округа, Казахской и Шамшадильской дистанций. Первые удары иранских полчищ приняли на себя казаки и азербайджанские ополченцы, оборонявшие пограничные опорные пункты Мирак, Большой Караклис и Балык-чай. Конница эризанского хана 16 июля «кинулась на русские пикеты (в Мираке. - *Х. М. И.*). Девять казаков были схвачены, татары сбиты и прогнаны»⁵⁵. «Балыкчайский пост весьма для нас важный, - писал Ермолов во всеподданнейшем рапорте, - потому что он закрывает вход в жилища наших татар, которых... по недостатку войск должен я употреблять на службу»⁵⁶. [168-169]

Как русское, так и иранское командование придавали очень важное значение Балык-чайскому посту. С целью его усиления 19 июля туда было направлено 200 конных азербайджанцев под командованием русского офицера Снежевского⁵⁷. Из Шамшадильской дистанции туда же прибыли конные ополченцы в количестве 100 человек. Рота пехоты, охранявшая Балык-чайский пост, под натиском превосходивших сил противника 17 июля оставила его и укрылась в Дилижанском ущелье, где и была соединена с азербайджанским конным отрядом, который устремился в Балык-чай и занял его вновь.

25 июля для обеспечения продовольствием действующего отряда из Караклиса был направлен значительный транспорт под прикрытием роты штабс-капитана Воронкова, в числе 166 штыков и 200 конных азербайджанцев. 27 июля этот отряд в районе горы Эшак-Мейдан вступил в неравный бой с крупными силами - иранской пехоты и конницы. Израсходовав все патроны, воины бросились в штыки и сабли, но количественное превосходство противника не позволило им одержать победу. Отряд был разбит. Только 38 человек, проложив себе путь штыками, прибыли в Караклис. В тот же день неудача постигла и другой русский отряд, в районе горы Безобдал. В сражении с многочисленной иранской пехотой и конницей здесь вступили отряды под командованием грузинских офицеров Мача-бели и Чавчавадзе, состоявшие из русских пехотинцев, азербайджанских конных и армянских пеших ополченцев. В результате неравного боя русские, армянские и азербайджанские воины были отеснены с большими потерями. Азербайджанское сел. Кишлак, в районе которого произошло сражение, было предано неприятелем огню, а население уведено в плен. В ночь на 28 июля русским отрядом был оставлен Балык-чайский пост, тем самым открывался путь для вторжения противника в Казахскую и Шамшадильскую дистанции. Положение русских войск осложнялось еще и в связи с вторжением

⁵² Там же, л. 17 об.

⁵³ Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I. стр. 69

⁵⁴ ЦГВИА, ф. 446, д. 5, л. 6 об.

⁵⁵ Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I. стр. 79

⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 40.

⁵⁷ Здесь и далее см.: «Материалы к истории персидской войны», - «Кавказский сборник», т. XXII, № 34. Рапорт Казахского пристава Ермолову 22 июля 1826 г., № 1548.

крупных иранских пехотных и конных сил в район Караклиса, на коммуникации с Грузией. Все посты на границе они вынуждены были сдать неприятелю. 9 августа 1826 г. оставлен был и Караклис, занятый вскоре пятитысячной конницей неприятеля⁵⁸.

Таким образом, начало русско-иранской войны было весьма неудачным для России, войска которой потерпели ряд поражений из-за своей малочисленности и раздробленности на мелкие отряды по всей границе с Ираном. В этой обстановке одновременно 60-тысячная армия Аббас-Мирзы наступала к сердцу Карабаха - крепости Шуше. [169-170]

Древняя крепость Шуша, столица бывшего Карабахского ханства, к этому времени, т. е. 20 июля 1826 г., оборонялась шестью ротами 42-го егерского полка (1500 штыков) и населением Шуши. Армия иранского наследника окружила Шушу со всех сторон. Построенная Панах-Алиханом в 1757 г., крепость к 20-м годам XIX в. обветшала, стены обвалились, и она уже не представляла собой надежного укрепления для оборонявшихся. Единственным преимуществом ее было то, что она стояла на высокой и труднодоступной скале. Шушинская крепость «всегда составляла важный пункт для военных операций, и, если взять с самых времен отдаленных, то она служила оплотом Карабага и несколько раз персидские шахи сею крепостью остановлены были во время браней их с ханом»⁵⁹, - свидетельствует один из русских источников. «Иметь в виду непрременным правилом, - гласил приказ начальника Карабахского отряда русских войск, - что надо победить или умереть и тем приобрести бессмертную славу»⁶⁰.

48 дней 60-тысячная армия Аббас-Мирзы держала в блокаде героическую крепость Шушу, но не могла овладеть ею. Осадные работы иранских войск велись под руководством и при непосредственном участии английских, французских и итальянских военных инженеров, прибывших к стенам Шуши в рядах иранской армии⁶¹. Мужественные русские солдаты при активной помощи населения стойко обороняли крепость. С оружием в руках защищали ее азербайджанцы, армяне - старики, женщины и дети. Узнав о недостатке пороха у русских солдат, жители Шуши вызвались «безвозмездно готовить его в количестве от 20 до 30 фунтов в день». Кроме того, они «готовили картечь или переливали старые ядра»⁶². Помощь населения Шуши и окрестных деревень не ограничивалась этим. Азербайджанцы и армяне снабжали гарнизон крепости всем необходимым и особенно продовольствием. «Сельчане отдали русским солдатам весь свой скот от пяти до шестисот голов на общее пропитание»⁶³. Население Шуши и многих селений Карабаха, как азербайджанцы, так и армяне, проявило мужество, стойкость и военные способности. Азербайджанские и армянские крестьяне пробирались в расположение иранских войск, добывали ценные сведения о численности, боевых средствах и намерениях противника и тем самым оказывали большую помощь русскому гарнизону. В самый тяжелый с. [170-171] период блокады житель г. Шуши, азербайджанец Али-Кули, по приказанию полковника Реута направился с секретными донесениями через расположение иранских войск в Тифлис, к главнокомандующему русским корпусом. Но в пути следования он был схвачен предателями из жителей Карабаха «и отведен к Аббасу-Мирзе, где содержался в железзах», а бумаги, данные ему полковником Реутом, «он успел зарыть в землю». Перенеся жестокие пытки и истязания иранцев, Али-Кули, «найдя средства бежать, прибыл, наконец, в Шушу» и доставил русскому командованию весьма ценные сведения о том, что «Аббас-Мирза проехал в Тавриз. Войск в Агаре и Тавризе нет, артиллерия вся находится в сей столице. Багир-хан... с 300 че-лобиянцами содержит караул выше Худоперийского моста. Шукюр-хан Шахсеванский расположился караулом с 200 чел. конницы против Кара-Пашалы»⁶⁴.

В оборонительных сражениях мужество и отвагу проявляли не только жители крепости Шуши, но и крестьяне многих селений Карабаха. Особенно отличились крестьяне сел. Шушакенд, стойко выдержавшие неоднократные атаки сарбазов и не дрогнувшие под огнем иранских и английских орудий. В обороне Шушакенда не менее отваги и храбрости, чем мужчины, проявили и женщины. Среди отличившихся женщин Шушакенда была известная во всем Карабахе сельчанка Хатаи⁶⁵.

⁵⁸ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 90.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4226, л. 79; д. 4298, л. 40.

⁶⁰ «Кавказский сборник», т. XXIV, стр. 62.

⁶¹ Английский военный инженер Томсон, французский - де Вече, итальянский - Берварди для разрушения стен Шуши подвели мину под крепостные башни и установили две батареи, подвергшие обстрелу город (см.: «История Азербайджана», т. II, стр. 35).

⁶² Б. Л а з а р е в, Вторжение персиян...

⁶³ Там же.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290.

⁶⁵ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 109-110.

Когда начальник Шушинского гарнизона направил майора фон Клугенау к главнокомандующему в Тифлис с секретным донесением о положении в крепости Шуше, его сопровождал азербайджанец, старшина одного из сел Карабаха, а передача ответа Ермолову полковнику Реуту из Тифлиса в Шушу была поручена также азербайджанцу, есаулу Ибрагиму⁶⁶.

Преданность своему воинскому долгу проявили при обороне крепости Шуши жители Карабаха, офицеры русской армии «полковник Мешади-Касум-Ага, майор Имам-Кули-Ага, капитан Исмаил-бек... поручик Мелик Осип Бегляр, поручик Сафар-Али-бек». Все они были награждены «серебряными медалями за персидскую войну»⁶⁷. Сафар-Али-бек с сыном Мамед-Кули-беком, сражавшийся в рядах русских войск ранее. 17 июля 1826 г. был захвачен сторонниками Ирана из местного населения с целью доставки его к Аббас-Мирзе, «обещавшему всенародно подарить 1000 червонцев тому, кто представит ему живым Сафар-Али-бека». Однако он и его сын бежали при помощи одной женщины - курдской крестьянки, которая, «снабдив хлебом, пожелала им от души благополучного пути»⁶⁸. [171-172]

Мужество и храбрость при обороне крепости Шуши показали «шушинские граждане, татары Кязым Али Мардан оглы, Мехти Ибрагим оглы, Зейнал Мешади Хан оглы, Зейнал Абдин, Мирза Рустам Хан Мешади оглы». Все они и многие другие были награждены русским командованием «серебряными медалями за персидскую войну». Приказом по войскам Отдельного Кавказского корпуса от 15 марта 1828 г. за активное участие в боях в составе русского гарнизона «при блокаде крепости Шуши» поименованные ниже азербайджанцы и армяне, жители Шуши, служившие в ведомствах русской администрации, были награждены «медалью за персидскую войну»: переводчик «при Военно-окружном начальнике» Джахангир Агасаров, письмоводитель Карабахского комендантского управления Мирза Джамал, переводчики Мирза Мамед, Ханджан Ага, Шукур Ага и многие другие. Мужество, стойкость и верность воинскому долгу проявил азербайджанский историк первой половины XIX в. капитан русской службы Мирза-Адигезаль-бек, также награжденный серебряной медалью «за персидскую войну»⁶⁹.

Накануне войны Ермолов назначил Мирза-Адигезаль-бека начальником пограничных постов на границе Карабаха с Эриванским ханством. Под его началом в этот период были 60 русских солдат с офицером, 200 конных ополченцев-азербайджанцев и 100 пеших ополченцев-армян. Аббас-Мирза после вторжения в пределы Карабаха неоднократно предлагал Мирза-Адигезаль-беку за большие дары перейти к нему со всем отрядом, однако никакие обольщения не действовали на него. В письме в адрес карабахцев 3 августа 1826 г. Аббас-Мирза писал: «...12 дней я нахожусь под крепостью (Шушой), все вокруг, даже Ширван, Гянджа и весь Карабаг приняли мое подданство, только Мирза-Адигезаль зазнается и мечтает предводительствовать. Принесите мне его голову или самого приведите ко мне. Все богатство его пусть будет Вашим»⁷⁰.

При обороне пограничного поста в результате неравного боя с превосходящими силами иранских войск капитан Мирза-Адигезаль-бек попал в плен. Невзирая на зверства, пытки и истязания шахских палачей, он не только не выдал сведений о русских войсках в Карабахе и Шуше, но даже сумел тайно отправить русскому командованию ценные данные о составе иранских войск⁷¹.

Царская историография, игнорируя мужество, находчивость и преданность воинскому долгу, проявленные Мирза-Адигезаль-беком во время пребывания его в плену, считала, «что ежели бы он и сам перешел за границу, то не заключал в себе никакой важности». Больше того, царское командование в Шуше, забыв [172-173] о его заслугах, мучениях и истязаниях, перенесенных в иранском плену, арестовало его только лишь из-за брата его, Имам-Кули-бека, якобы находившегося при Мехти-Кули-хане Карабахском⁷². Анализируя имеющиеся материалы, мы установили, что Мирза-Адигезаль-бек с честью выполнил воинскую присягу, прошел через все испытания в плену у противника и доставил лично Ермолову ценные сведения о неприятеле⁷³. Ермолов высоко ценил его заслуги. В своих воспоминаниях последний писал: «Он (Ермолов. - Х. М. И.), увидя меня, крепко обнял. Затем мы сели друг против друга и стали беседовать. Он очень обрадовался и в течение трех ночей расспрашивал меня о событиях в Иране. Он радовался и

⁶⁶ Мирза-Адигезаль-бек, Карабаг-наме, стр. 124

⁶⁷ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 130, оп. 1, д. 45, л. 266.

⁶⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 438, л. 6 об.

⁶⁹ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 130, оп. 1, д. 45, лл. 133, 266, 271.

⁷⁰ Мирза-Адигезаль-бек, Карабаг-наме, стр. 136-137. 140.

⁷¹ См.: «История Азербайджана», т. II, стр. 35-36.

⁷² «Кавказский сборник», т. XXIV, стр. 115.

⁷³ Мирза-Адигезаль-бек, Карабаг-наме, стр. 148.

гордился мной. Затем представил меня генералу Дибичу, который... благодарил меня»⁷⁴. Нет необходимости доказывать преданность Мирза-Адигезаль-бека России и воинскому долгу, его роль в русско-иранской войне 1826-1828 гг. и отношение к нему командования Отдельного Кавказского корпуса. Разумеется, Ермолов и Дибич не интересовались бы лицом, «не заключающим в себе никакой важности», тем более не благодарили бы его за заслуги и не произвели бы его в чин капитана с пенсией 400 рублей⁷⁵. Что касается братьев Мирза-Адигезаль-бека, на которых пало подозрение некоторых царских чиновников «о связях» их с Мехти-Кулиханом Карабахским, то в несостоятельности этого нет сомнения. После вторжения иранской армии в Карабах братья Мирза-Адигезаля - Мухаммед-ага и Али-ага, прорвавшись через лагерь Аббас-Мирзы, бежали в Шекинское ханство, спасаясь от бесчинств неприятеля, а другой брат, Мустафа-ага, получив ранение во время пытки палачей Аббас-Мирзы, бежал и скрывался в Карабахе. В 1827 г. Мухаммед-ага, Али-ага и Мустафа-ага в составе войск Отдельного Кавказского корпуса приняли активное участие в русско-иранской войне⁷⁶.

Неоднократные предложения Аббас-Мирзы о капитуляции были решительно отклонены начальником Шушинского гарнизона полковником Реутом. Гарнизон и местное население стойко выносили все тяготы жестокой блокады многочисленного неприятеля. «Они терпеливо скосили все недостатки, бессменно сторожили крепость, работали по ночам и с мужеством готовились противостоять громадным персидским толпам»⁷⁷. Тем временем авангард иранской армии в битве под Шамхором был уничтожен, и русские войска заняли Елизаветполь. Это обстоятельство заставило Аббас-Мирзу поспешно снять осаду Шуши и двинуться к Елизаветполю. Таким образом, [173-174] 48-дневная героическая оборона крепости Шуши, защищавшейся малочисленным русским гарнизоном совместно с азербайджанским и армянским населением, увенчалась успехом.

Продолжительная осада Шушинской крепости была роковой ошибкой иранского командования. Русские воины и население Шуши на 48 дней приковали к ее стенам большую иранскую армию, измотали ее в ожесточенных сражениях и уничтожили большое количество сарбазов, чем дали возможность русскому командованию захватить стратегическую инициативу в свои руки, сконцентрировать разрозненные силы в ударную группировку и обрушиться на неприятеля. Героическая оборона крепости Шуши определила ход всей русско-иранской войны 1826-1828 гг. в пользу русской армии и народов Закавказья.

Происки англо-иранской агентуры и некоторых азербайджанских феодалов против России и народов Закавказья

В тот период, когда основная масса иранской армии безуспешно была занята осадой крепости Шуши, авангард ее в составе двух пехотных батальонов и многочисленной конницы во главе со старшим сыном Аббас-Мирзы, принцем Мухаммед-Али-Мирзой, наступал на Елизаветполь. В дальнейшем эти подразделения, как головной отряд иранской армии, должны были наступать на Тифлис. В обозе войск находился претендент на ханское правление, младший сын Джават-хана Гянджинского, Угурлу-хан, которому шахский двор обещал вернуть владения его отца. «В Елизаветпольский округ, - доносил Ермолов в Петербург, - прислан от Аббас-Мирзы сын последнего хана, и приверженцы его взбунтовали народ. Прибывшие войска персидские утвердили власть хана»⁷⁸.

Развязав вторую войну, иранская феодальная верхушка, вдохновляемая английским правительством большую надежду возлагала на помощь в тылу русской армии проирански настроенных элементов кавказской феодальной знати, мечтавших о восстановлении своих политических привилегий утраченных после присоединения их ханств к России. К этим феодалам Азербайджана и Дагестана относились Мустафа-хан Ширванский, Мехти-Кули-хан Карабахский, Сурхай-хан Казикумыхский, Беюк-хан Кубинский (сын Шейхали-хана), Султан-Ахмед-хан Аварский, грузинский царевич Александр, имеретинский царевич Вахтанг и многие другие феодалы, которые, изменив своей родине и своему народу, бежали в Иран, прислуживались при

⁷⁴ Там же, стр. 149

⁷⁵ Там же, стр. 149, 150.

⁷⁶ Там же, стр. 142, 148

⁷⁷ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 116.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 54.

тегеранском и тавризском дворах, выжидая удобного [174-175] момента для восстановления своей власти в потерянных владениях. «Вся деятельность, - писал Ермолов в Петербург в начале войны, - обращена Аббас-Мирзою на возмущение мусульманских наших провинций. Он успел в том посредством бежавших от нас ханов, которым, дав убежище, оказывал уважение и дружбу».

В бывших своих владениях в Закавказье и Дагестане, в тылу Отдельного Кавказского корпуса, эти беглые феодалы оставляли вассалов - беков и агаллов, с помощью которых проводили свою враждебную деятельность против России и народов Кавказа. В рапорте в Петербург 13. VIII. 1826 г. Ермолов докладывал: «Они (бежавшие ханы. - *Х. М. И.*), возвратясь в прежние свои владения, нашли обширные связи родства и недавно еще оставленных приверженцев. Сими увлечена чернь... особенно легковерная»⁷⁹. Следует учесть, что само сознание народных масс в то время было еще слабо развито, а жестокие военно-феодалские методы управления царской военной администрации в Азербайджане вызвали законное недовольство населения, находившегося под большим влиянием мусульманской религии. Этим пользовались беглые азербайджанские феодалы, их приверженцы и клерикальные круги, призывавшие к «газавату» против «русских гяуров». «Общее против нас восстание мусульман, - писал Ермолов в том же рапорте, - не иначе произведено, как религиею, и оно возбуждает одна священная особа (Сеид Кербелайский Мухаммед. - *Х. М. И.*), находящаяся при Аббас-Мирзе. Он же, со своей стороны, дает подарки и деньги, расточает обещания и подлую ложь»⁸⁰.

Но беглым ханам и духовенству не везде удавалось добиваться успеха, так как идея отторжения Азербайджана от России была чужда преобладающей части населения, которая отказывалась помогать иранским завоевателям и изменившим родине бывшим местным владетелям. Шамшадильская дистанция, например, хотя и была «в возмущении, но главная часть жителей, - писал Ермолов, - остаются приверженными, требуя защиты войск против изменников»⁸¹. Как только огромная иранская армия вторглась в пределы Азербайджана, приверженцы беглых феодалов подняли свои головы и, «играя на литаврах измены мотив восстания, они подняли его звуки ввысь»⁸².

В обозе иранских войск, вторгшихся в Азербайджан, кроме Угурлу-хана Гянджинского находились Мустафа-хан Ширванский и Сурхай-хан Казикумыхский. Причем каждому из этих [175-176] феодалов шах вверил отряд войск, во главе которого они вторглись в пределы бывших своих владений. «В Ширванскую провинцию, - доносил Ермолов царю, - подослан от Аббас-Мирзы беглый Мустафа-хан и ему дана персидская конница довольно многочисленная»⁸³. Одновременно царевич Александр с армией наемников из джарцев напал на Грузию.

Английское золото, проповеди фанатиков мулл, подрывная деятельность части беков и агаларов Азербайджана, а также политика царских чиновников вызвали в некоторых областях восстания против царской власти. В ночь на 28 июля 1826 г. агентами шаха было поднято восстание в Гяндже. Вооруженные жители вырезали все русское население города, гарнизон был разбит, 254 человека захвачены в плен. Лишь небольшой части русских войск с орудиями удалось спастись⁸⁴. 28 июля утром сильный отряд иранской конницы под командованием Угурлу-хана Гянджинского вступил в Гянджу. Восстание, организованное шахскими эмиссарами и проирански настроенной гянджинской феодальной знатью, носило реставраторский характер, и движущей силой его были феодально-клерикальные элементы, хотя в нем приняла участие и часть населения Гянджи, обманутого лживой проповедью мусульманского духовенства и напуганного угрозой уничтожения. Гянджинские повстанцы призывали не только к реставрации ханской власти, но и к возврату под иноземное иго Каджаров.

Шахским эмиссарам при поддержке реакционной феодальной знати, с помощью мусульманского духовенства удалось поднять восстание и в других областях Азербайджана. Стремясь воздействовать на население и возвеличить мощь Ирана, шахские агенты рекламировали захват Гянджи как падение русского владычества в Закавказье⁸⁵. Распоясавшиеся беглые феодалы Азербайджана и Дагестана, подхватив эту версию, ринулись в свои бывшие владения с целью поднять население против России и сколотить армии из мусульманских народов в тылу Кавказского корпуса. В Пуху прибыл сын Селим-хана, в Ширване появился беглый Мустафа-хан во главе многочисленной иранской конницы, в Кубинскую провинцию пробрался Беюк-хан

⁷⁹ Там же, л. 53.

⁸⁰ Там же, л. 54.

⁸¹ Там же, л. 85.

⁸² Мирза - А д и г е з а л ь - б е к, Карабаг-наме, стр. 118.

⁸³ ЦГАДА, ф. 1406, д. 945, л. 19 об.

⁸⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 91, 92.

⁸⁵ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 122.

Кубинский, в Баку - бывший хан Гусейн-Кули с пехотой и конницей, в Талыш -сын Мир-Мустафы-хана Мир-Гасан-хан, бежавший в Иран накануне войны (4 июля 1826 г.), в Дагестан пробрался Сурхай-хан Казикумыхский со своими сыновьями и приверженцами. Но ханы не нашли сочувствия и поддержки среди азербайджанского и дагестанского народов. Лишь небольшая часть феодальной знати азербайджанских ханств, беки, агалары и старшины поддержали их. Старшины [176-177] бывшего Ширванского ханства, «радующиеся возвращению прежней их власти и способам обогащения себя за счет подвластных им, тотчас присоединились к хану» (Мустафе Ширванскому. - *Х. М. И.*), - писал Ермолов в Петербург. Далее он указывал, что Мустафа-хан «нашел в провинции прежних своих приверженцев и умножил число таковых между беками и старшинами, допуская их разорять простой народ по произволу» Приверженцы Мустафа-хана «являлись приветствовать возрождающуюся в крае ханскую власть»⁸⁶, но народ с гневом встретил своего прежнего тирана. Отношение широких масс населения Азербайджана к своим бывшим хозяевам-феодалам видно хотя бы из следующих строк рапорта Ермолова. «Простой народ, - писал он, - неохотно принимает в них (восстаниях. - *Х. М. И.*) участие, доволен будучи состоянием своим, которое ощутительно улучшилось во время нашего управления и сделалось неприкосновенным. Одни владельцы или старшины увлекают народ, пользуясь его легковерностью, и действия свои прикрывают наружностью религии»⁸⁷.

Тенденция прикрывать религией ислама все захватнические походы Каджаров и оправдывать ею выступления кавказской феодальной знати находит отражение и в современной иранской буржуазной историографии. Автор восьмитомной «Истории политических взаимоотношений Ирана с Англией в XIX в.» современный иранский историк Махмуд Махмуд подчеркивает, что Востоку и особенно Ирану присуще единство веры, которое спасает всю нацию, ибо «религия - вечная сила, призывающая народы к единению». Имея в виду все сопредельные мусульманские владения - Кавказ и Среднюю Азию, автор считает, что «государственные различия не должны» их разъединять, ибо главное - это религия⁸⁸.

Когда же потерпевший поражение иранский отряд во главе с Мустафа-ханом Ширванским отступил в пределы Ирана, Ермолов писал: «Из провинции Ширванской осталось весьма немного беков и старшин, но увлеченный силою простой народ и теперь еще не переставал возвращаться из Персии»⁸⁹. Мустафа-хан Ширванский «находился в числе... главных предводителей и, вошед в Ширван, поджигал тамошних жителей к измене, составив из них значительную около себя партию, в коей, действуя вооруженною рукою, способствовал к вытеснению оттуда русских войск, по отступлении которых, утвердись снова в означенной провинции, самоуправствовал в ней, забирал [177-178] казенное имущество и наказал смертью... преданных России» ширванцев⁹⁰.

Вспыхнуло восстание и в Талышском ханстве. Мир-Гасан в отличие от своего отца, Мир-Мустафа-хана, сторонника русской ориентации, накануне войны, 4 июля 1826 г., покинул свои владения и бежал в Иран. 7 июля он во главе своих приверженцев и одного иранского батальона напал на русские кордонные посты в Астаре, Аркеване, Кизил-Агаче и Герме, из коих уцелел лишь только личный состав Астаринского поста, а остальные были истреблены в неравной борьбе⁹¹. Мятежники и иранская пехота во главе с Мир-Гасан-ханом подступили к крепости Ленкорань.

Побег Мир-Гасан-хана в Иран и его борьба против русских войск трактуются в дворянско-буржуазной историографии как непонятные действия этого талышского владельца, отец которого «Мустафа-хан и сам он в 1812 году, укрепившись от персиян в горах, ели лошадей и верблюдов, но не сдались персиянам»⁹². Русские дворянские историки не подвергли анализу причины, побудившие Мир-Гасан-хана к побегу в Иран и к вооруженному нападению на русские пограничные посты, а ограничились лишь описанием внешней стороны событий, видя причину измены хана в надвигающейся персидской войне. Между тем причины перехода Мир-Гасан-хана на сторону Ирана и его враждебные действия против русских войск были более сложными.

В начале XIX в. во всем Талышском ханстве стояли один лишь Каспийский морской батальон численностью в 660 штыков и 50 донских казаков под общим командованием майора Ильинского, который был фактическим начальником Талышского ханства. Майор Ильинский

⁸⁶ См. ГБЛ, Отдел рукописей, ф. м. 9686. лл. 103, 236, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 39. 155; «Утверждение русского владычества на Кавказе», т IV, ч I. стр. 122.

⁸⁷ ЦГАДА., ф. 1406, д. 945, л. 17

⁸⁸ М а х м у д М а х м у д, Тарих-и равабит-и Иран ва Инглис..., т. 1, стр 172.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 1406. д. 945, л. 31 об

⁹⁰ ЦГВИА, ф. 482 «Кавказские войны», д. 49, л. 4

⁹¹ «Утверждение русского владычества», т. IV, ч. I, стр. 123.

⁹² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4326, л. 80 об.

принадлежал к числу ярых колонизаторов, которые, подобно Гимбуту, Лисаневичу, Цицианову и многим другим царским офицерам и генералам, своими жестокостями и притеснениями оставили о себе дурную славу среди народов Закавказья. До назначения в Талыш майор Ильинский занимал должность телавского окружного начальника в Грузии, «где он, делая разные поборы», довел подвластное население до нищеты. В бытность Ильинского в Телави на имя главнокомандующего на Кавказе «поступила жалоба от жителей сел. Велисцихе, что они через переводчика Ениколопова отдали ему, Ильинскому, за спорную землю в лихву 1000 рублей серебром, в чем он при генерале от инфантерии Ермолове изобличен... деньги сии по приказанию генерала Ермолова возвращены жителям, и он, Ильинский, сменен». Назначенный командиром Каспийского морского батальона, Ильинский продолжал грабеж в Талышском ханстве, «где он подобными поступками довел хана Талышского до того, что он в июне [178-179] бежал в Персию и потом первый начал возмущение», невзирая на неоднократные доказательства им своей приверженности к России, имевшей место до назначения в Талыш майора Ильинского. За свои многочисленные злоупотребления властью, взяточничество и грабеж населения Талышского ханства и притеснения самого Мир-Гасан-хана, вынужденного бежать в Иран, майор Ильинский был формально отдан под суд, но фактически его так и не судили⁹³.

Таким образом, причиной выступления талышского хана, кроме указанных в работах дворянско-буржуазных авторов, являлись еще злоупотребления царских властей, пренебрегавших подчас не только интересами местных народов, но ущемлявших даже интересы местных феодалов.

Итак, крепость Ленкорань оказалась под угрозой нападения как иранских войск, так и Мир-Гасан-хана с отрядом мятежных талышцев. Как и в минувшей войне, население Ленкорани укрылось на о-ве Сара; туда же были переведены и семьи русских солдат. 25 июля 1826 г. была предпринята первая попытка иранских войск овладеть Ленкоранью. Свыше 6 тыс. человек иранской пехоты и конницы под командованием фанатика муллы Мир-Азиза осадили Ленкорань и потребовали ее сдачи. Гарнизон решил защищаться до последней возможности. Шесть дней и ночей отважные русские солдаты выдерживали многочисленные яростные атаки иранских сарбазов и усиленный огонь английских орудий. После шестидневной обороны русские солдаты Каспийского морского батальона разместились на о-ве Сара, оставив неприятелю «не крепость, а одни развалины»⁹⁴. Вместе с малочисленным русским гарнизоном на о-в Сара перешло почти все население Ленкорани и окрестных сел. которое, стремясь к подданству России, не раз разделяло все тяготы войны с русскими воинами и кровью доказывало свое желание быть в составе России.

Одновременно с осадой Ленкорани шахский двор направил для восстановления Бакинского ханства и «для возбуждения жителей Бакинской провинции»⁹⁵ бывшего хана Гусейн-Кули, который во главе трехтысячной иранской конницы перебрался через Куру у Джеватской переправы, 26 июля 1826 г. разбил рот. Апшеронского полка и захватил богатые сальянские рыбные промыслы. Промыслы были разгромлены, а местные жители и рабочие промыслов - азербайджанцы - вырезаны. О масштабах причиненного ущерба при разорении сальянских рыбных промыслов свидетельствует тот факт, что доходы с них, исчислявшиеся в «46500 рублей серебром в год», после разорения [179-180] и разграбления иранскими войсками в течение двух лет не поступали «и, по претерпенному откупщиком разорению,, едва ли скоро в надлежащем количестве поступать будут»⁹⁶.

Грабя и разоряя местное население, Гусейн-Кули-хан с конницей подступил к крепости Баку с целью овладеть ею и восстановить свое правление. Для поддержки Гусейн-Кули-хана в Бакинскую бухту вошла многочисленная иранская гребная флотилия. Но надеждам Гусейн-Кули-хана и его хозяев из Тегерана не суждено было сбыться. «Гусейн-хан не нашел себе поддержки в жителях, которые отнеслись к нему довольно индифферентно». Бакинская крепость представляла собой в это время еще довольно укрепленное сооружение. Она была усилена 40 орудиями и состояла из двойных стен и рвов, выложенных камнем. Гарнизон крепости насчитывал 500 старых опытных солдат, на помощь которым вскоре подоспели солдаты каспийского морского батальона с о-ва Сара⁹⁷. Неприятель был опрокинут, и сильная перестрелка «продолжалась с 8-го до 12-го часу дня. Наконец, при помощи орудий с батареей толпы персиян прогнаны за две версты от города». Неоднократные попытки противника взять штурмом Бакинскую крепость не увенчались успехом, и после длительной осады крепости с суши и с моря, не давшей положительных результатов, конница во главе с Гусейн-Кули-ханом поспешно отступила за Куру, т. е. к

⁹³ Там же, лл. 79-80 об.

⁹⁴ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 25-126.

⁹⁵ ЦГВИА. ф. ВУА, д. 4290, л. 86

⁹⁶ АКАК, т. VII, док. 15.

⁹⁷ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 127.

исходному рубежу. Русские солдаты и бакинские ополченцы действовали против неприятеля. Население Апшеронского п-ова и окрестных сел вокруг крепости Баку и самого города, которое Гусейн-Кули-хан намеревался привлечь на сторону Ирана, не приняло его предложения. Несмотря на малочисленность русского гарнизона, «население оказало вооруженную поддержку русским войскам»⁹⁸.

Таким образом, авантюра тегеранского двора, направленная на восстановление Бакинского ханства, позорно провалилась. Разумеется, что малочисленный русский гарнизон, оборонявший Бакинскую крепость и выдержавший многочисленные атаки крупной конной группировки, поддержанной с моря иранской гребной флотилией, не смог бы противостоять превосходящим силам неприятеля и удержать Бакинскую крепость без активной помощи населения Бакинского ханства.

Тем временем Мустафа-хан Ширванский, отряд которого усилился еще несколькими батальонами сарбазов и приверженцев из местной феодальной знати, действовал в Ширване. 26 июля 1826 г. он занял г. Ахсу (Новая Шемаха), расположившись лагерем в ожидании дополнительных иранских войск. [180-181] «Собрав большие толпы мятежников и подкреплен будучи довольно сильною персидскою конницею»⁹⁹, он укрепился в Ахсу. Русское командование приняло решение отбросить вторгшиеся иранские войска во главе с Мустафа-ханом Ширванским. Эта задача была возложена на отряд из 8 пехотных рот и 300 человек азербайджанской конницы из жителей г. Кубы¹⁰⁰. Из Старой Шемахи и окрестных сел в помощь русским войскам была направлена ширванская конница численностью в 200 сабель, которая приняла активное участие в обороне Старой Шемахи, в боях под Гюрджеваном и при разгроме иранских сарбазов под командованием Мустафа-хана Ширванского¹⁰¹.

Ширванская провинция в планах иранских захватчиков и их английских советников занимала особое место. Не менее важное значение придавало Ширвану и русское командование, исходя из стратегических и политических особенностей этой провинции, находившейся на границе Дагестана и занимавшей центральное положение по отношению к другим ханствам Азербайджана. Шахский наследник «Аббас-Мирза приказал жителям Шекинской провинции идти на помощь к Мустафе»¹⁰², но шекинцы не повиновались ему и не выступили против русской армии.

С 26 июля по 8 августа 1826 г. малочисленный русский пехотный отряд совместно с азербайджанскими воинами кубинской конницы и ширванского конного ополчения вел ожесточенные неравные бои с многочисленной иранской конницей и пехотой. В боях против иранских войск и хана Мустафы ярко проявилось ратное содружество русских и азербайджанских воинов. Среди азербайджанских воинов, отличившихся в этих боях, было много жителей Ширванской и Кубинской провинций. В составе русских войск «под начальством генерал-майора фон-Краббе 1826 года с 25 июня по 7 августа в перестрелках с мятежниками у города Старой Шемахи августа 8-го у поселения Гюрджевани... при разбитии бунтовщиков под предводительством Мустафы» проявили мужество и отвагу азербайджанцы, «ширванские граждане, люди простого сословия: Мирза-бек Таги оглы, Гусейн Бектимур оглы, Джебраиль Джаби оглы, Имам Гули Гаджи Мамед оглы, Гасан Гаджи Мамед оглы, Баба Новруз оглы, Баба Кельбали оглы» - всего 24 человека¹⁰³. В этих боях приняла участие и прогрессивно настроенная, ориентирующаяся на Россию часть азербайджанских беков Ширвана: Ага Киши бек Бала Бек оглы, Гасан бек Мирза Гусейн Бек оглы, Ших Мамед Бек Ага оглы, Ширали Бек Мамед Бек [181-182] оглы, Расул Бек Гаджи Ахмед Султан оглы и др. Все жители Ширвана, принявшие участие в этих боях, за боевые заслуги были награждены боевыми российскими медалями. Большую стойкость проявил житель Старой Шемахи, впоследствии штабскапитан русской кавалерии Мирза Мамед Гусейн-бек Исмаил-бек оглы. «За отличие при поражении Мустафы-хана» он был произведен «в подпоручики от армии с жалованием в год по 120 рублей серебром»¹⁰⁴. В сражениях против неприятеля проявил храбрость, мужество и верность своему воинскому долгу житель Старой Шемахи, капитан русской службы Камбай-бек, родной брат знаменитого наездника, штабс-капитана русской кавалерии Умбай-бека, который впоследствии, в русско-турецкой войне

⁹⁸ «Морской сборник», № I. 1846. т. V. стр. 164

⁹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 71-72.

¹⁰⁰ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I. стр. 129.

¹⁰¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1105, д. 485, лл. 4 об., 9, 9 об.

¹⁰² ЦГВИА СССР. ф. ВУА. д. 4290, л. 72-72 об.

¹⁰³ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 130, оп. 1, д. 45, лл. 131, 132, 135.

¹⁰⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1105, д. 409. лл. 3-4.

1828-1829 гг., героически сражался, командуя конным ополчением 2-го конно-мусульманского полка против турецких захватчиков, и погиб 19 июня 1829 г. в Соганлукском сражении.

Но, несмотря на разгром Мустафа-хана у деревни Ших-Мезит 7-8 августа 1826 г., русские войска вынуждены были оставить Ширван и отступить к Кубе, где проирански настроенная феодальная знать уже успела поднять восстание. 18 сентября огромные массы иранской пехоты и конницы осадили крепость Старую Кубу. В рапорте в Петербург от 10 октября 1826 г. Ермолов доносил: «Один из сыновей шахских находится в оной (в Кубинской провинции. - *Х. М. И.*) с войсками и ему содействует бывший хан Ширванский Мустафа»¹⁰⁵. Воспользовавшись отсутствием русских войск в Дагестане, шах направил туда ярого противника России Сурхай-хана Казикумыхского, снабдив его английским золотом для сколачивания недовольных в тылу русских войск. Но он не был допущен в свои прежние владения генерал-майором русской службы Арслан-ханом Кюринским, «человеком, - как отмечается в источнике, - верным и усердным, который старшего сына своего прислал к войскам "русским" с 300 человеками конницы»¹⁰⁶. Усилия иранского шаха и англичан поднять народы Дагестана и Кубинской провинции Азербайджана на «священную войну» против России положительных результатов не дали, и планы англо-иранских захватчиков провалились. В такой критический для русских войск момент население Азербайджана и Дагестана отказалось участвовать в восстании против России и даже переслало все прокламации иранского шаха к главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом¹⁰⁷.

Шах и английские офицеры намеревались вытеснить русские войска из Закавказья и опрокинуть их за Терек. [182-183]

Провал англо-иранского плана создания в тылу Кавказского корпуса антирусских ополчений

Большую надежду возлагали шах и его английские советники на вооруженные ополчения кавказских народов, которые должны были насчитывать, по обещаниям эмигрировавших азербайджанских, грузинских и дагестанских феодалов, около 180 тыс. пеших и конных воинов.

«В Кубинскую провинцию, - писал Ермолов, - подослан им (Аббас-Мирзою. - *Х. М. И.*) также сын бывшего Ших-Али-хана (Беюк-хан. - *Х. М. И.*), известного злодея, умершего в бегах. Доселе весьма немногие присоединились к нему». Кроме того, в Кубинскую провинцию прибыли «под командою Шихали-Мирзы... 2 тыс. сарбазов, 50 орудий, 800 чел. - персидской конницы и 400 чел. - ширванской»¹⁰⁸. Одни из сыновей шаха был направлен «в Ширван и в Кубу для возмущения народа»¹⁰⁹, но значительная часть жителей «в провинции не изменили в верности России»¹¹⁰. Однако обещания беглых кавказских владетелей не были оправданы. Народы Кавказа не поднялись на «священную войну» против России, а, напротив, организовав ополчения, выступили против иранских захватчиков в составе русских войск. Лишь отдельные приверженцы изгнанных азербайджанских феодалов примыкали к последним и добивались локальных удач в провинциях Азербайджана. Но среди азербайджанских владетелей были и активные сторонники присоединения к России, такие, как правитель Зардоба Рагим-бек, старшина Лемберанского магала Мамед-Гусейн, старшины магалов Нагорного Карабаха Касум-бек. Мелик Аслан и др. В период боев в Ширванской провинции Рагим-бек Зардобский принял активное участие в боях против иранских отрядов и против Мустафа-хана. В конце сентября, успев скрыть в лесу шесть больших лодок, Рагим-бек Зардобский помог «переправить в Зардоб войска русские через Куру благополучно». В ходе русско-иранской войны он не раз добывал ценные сведения о численности, намерениях и действиях противника и доставлял их в штаб русских войск. Во время боев за Ширван Рагим-бек направил в разведку сына жителя Зардоба, Магеррама, «который уничтожил паромы на Зардобе», что вынудило неприятеля потерять время на возведение новой переправы у Сальян. При выполнении этого задания сын Магеррама был убит.

Много ценных сведений добывали и доставляли русскому командованию крестьяне Карабаха и Ширвана, ходившие в разведку в тыл иранских войск. Так, азербайджанец Абдурахман доставил интересные данные о намерениях, силах, [183-184] средствах, расположении и

¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 160

¹⁰⁶ Там же, л. 85.

¹⁰⁷ Там же, л. 72.

¹⁰⁸ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 72, 86-86 об., 155.

¹⁰⁹ ЦГИА СССР, ф. 4, 1018, оп. 2, д. 392, л. 4

¹¹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 161.

направлении войск Аббас-Мирзы и его брата Али-шах-Мирзы 22-23 сентября 1826 г. 22 сентября 1826 г. Абдурахман сообщил русскому командованию о том, что Аббас-Мирза с войском до 10 тыс. пехоты и конницы прибыл в Ханбагы, соединился с 10-тысячным отрядом брата и расположился лагерем. 23 сентября Абдурахман сообщал в русский штаб, что Аббас-Мирза хочет идти к Агару¹¹¹. Мамед-Гусейн Лемберанский сообщил 1 октября 1826 г. главнокомандующему русскими войсками весьма ценные сведения, полученные им путем засылки разведчиков в лагерь врага. «Меньшой брат Шекинского хана Хаджи-хан, - писал Мамед-Гусейн Лемберанский, - прибыл в сел. Пиразы, где главная через Куру переправа, и, собрав все лодки, намерен с конницею переправиться на правый берег Куры, разграбить селения Карабахской провинции. Сын же Мустафа-хана, Али-Кули-Ага, в то же время, переправясь через Куру в Зардобе, намерен разорить нижние селения Карабаха»¹¹². Позднее, в октябре 1826 г., житель Карабаха азербайджанец Мустафа был направлен в глубокий тыл иранской армии, откуда благополучно возвратился и представил русскому командованию важные данные о противнике. «Аббас-Мирза из г. Агара, - доносил Мустафа, - прибыл 2 октября в Махризлу с 4 тыс. конницы и 1000 сарбазов, артиллерия его все еще расположена в Кендаре, ибо в место, где он имеет ныне пребывание, по худобе дороги оную привести не может; войска же его продовольствием изобилуют»¹¹³. Житель Ширвана Гаджи-Ахмед-Султан в напряженный момент боев тайно доставил из Тифлиса от главнокомандующего на Кавказе в г. Старую Шемаху командиру русского отряда полковнику Мищенко письменное распоряжение о дальнейших действиях. К середине сентября 1826 г. события в Кубинской провинции достигли наивысшего напряжения. Военные действия русских войск и азербайджанских ополченцев против многочисленных иранских войск и отрядов Беюк-хана продолжались с еще большим ожесточением. В результате ложных уверений иранских эмиссаров, азербайджанского духовенства и враждебных действий некоторой части феодально-помещичьих кругов Кубинской провинции население последней, в основном крестьянство, присоединилось к восставшим феодалам. Казалось, успех должен был быть на стороне иранских завоевателей, но в ходе войны многие, разобравшись в истинном положении вещей, откололись от феодалов и мулл и выступили против иранских захватчиков. Таким образом, значительное количество населения в Кубинской провинции «не изменили в верности»¹¹⁴. - как писал Ермолов в Петербург 10 октября 1826 г. [184-185]

Сын Аббас-Мирзы, Ших-Али-Мирза, с пехотой находился в 28 км от Кубы и не осмелился вступить в открытое сражение с русскими и азербайджанскими отрядами. В этот период в боях против иранских войск отличились воины-азербайджанцы кубинского конного ополчения, насчитывавшего 240 сабель и действовавшего в составе отряда Мищенко совместно с подразделениями Апшеронскою и Куринскою пехотных полков. Храбро сражались в этих ожесточенных боях в течение сентября и первой половины октября русские пехотинцы Апшеронского и Куринскою пехотных полков, воины-азербайджанцы кубинского конного ополчения, жители г. Кубы и крестьяне окрестных сел. Особенно отличились «при блокаде неприятелем Кубы... Ага Киши Бек Бала оглы,¹¹⁵ тот же Мирза Мамед Гусейн-бек Исмаил-бек оглы, который «того же числа (14 сентября. - *Х. М. И.*) по 24 сентября при блокаде персидскими войсками крепости Старой Кубы, в сражениях и перестрелках находился»¹¹⁶. В жестоких неравных боях неприятель был не только разгромлен, но и отброшен далеко за пределы Кубинской провинции. В течение первой половины октября 1826 г. русские части и азербайджанские конные ополчения гнали неприятеля! до Куры. «С 25-го того же месяца (сентября. - *Х. М. И.*) октября по 13-е при преследовании от Кубы персидских войск» азербайджанцы Кубинского конного ополчения проявили ратное мастерство и умение преследовать неприятеля, не давая ему опомниться. В преследовании 14 октября разгромленные толпы иранских сарбазов, гулямов и остатки мятежников были наситигнуты русскими и азербайджанскими волнами на Куре, у Джаватской переправы. Стремительном ударом в штыки и сабли русские пехотинцы и азербайджанские кавалеристы под общим командованием полковника Мищенко окончательно добились остатки готовых к переправе неприятельских войск, часть которых унесла бурная, полноводная Кура. Мужеством и ратным мастерством отличились азербайджанские воины Кубинского и Ширванского конных ополчений: Заит-бек Гаджи Ахмед Султан оглы, Мехти-бек Гаджи Ахмед Султан оглы, Ибрагим-бек Гаджи Мустафа-бек оглы,

¹¹¹ Там же, лл. 155-156, 157-157 об, 172-172 об

¹¹² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 156-157 об

¹¹³ Там же, л. 186

¹¹⁴ Там же, л. 160

¹¹⁵ Там же, л. 199; ЦГИА Азерб. ССР, ф. 130, оп. 1, д. 45, л. 131.

¹¹⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1105, д. 409, лл. 3-8

Рагим-бек Мелик Фетали оглы, Мирзали-бек Рагим-бек оглы, Селим-бек Рагим-бек оглы, Касым-бек Рагим-бек оглы, Ахмед-бек Рагим-бек оглы, Джафар-бек Гаджи-бек оглы, Махмуд-Ага Гаджи-Ага Гаджи Мамед оглы, Мустафа-бек Ибрагим-хан оглы, Потибек Алисултан-бек оглы, Гусейн-бек Потибек оглы, Юсуф-бек Гаджи Абдул-Керим оглы¹¹⁷.

В то время, когда в Кубинской и Ширванской провинциях происходили описанные события, иранские отряды заняли Шекинскую провинцию, где их поддержал прибывший из-за [185-186] границы сын Селим-хана, Гусейн-хан, снабженный шахом крупной суммой денег. Расчеты шаха и его английских советников на Гусейн-хана и на всеобщее восстание населения Шекинской провинции провалились. Гусейн-хан ограничился тем, что занял Нуху, вытеснив из нее небольшой русский гарнизон, и предался безмятежному времяпрепровождению «в раззолоченных покоях своего Нухинского дворца»¹¹⁸. Шекинская провинция временно оказалась под властью нового феодала, Гусейн-хана. Бесчинства и грабежи беглого шекинского хана вызвали гнев и возмущение населения Шекинского ханства. В то же время джаробалакенские джамааты, обманутые иранскими эмиссарами, собирали свои силы для нападения на Кахетию и штабы Ширванского пехотного и Нижегородского драгунского полков. Аббас-Мирза требовал от Гусейн-хана соединения сил с джарцами для совместных действий против русских. Для координации действий джарцев и шекинского хана Аббас-Мирза послал царевича Александра, навстречу которому Джарское общество послало старшин с приглашением¹¹⁹. Население Шекинской провинции выступило против своих феодалов. До прихода русских войск оно совместно с конными ополчениями Ширванской и Кубинской провинций организовало оборону. Для срыва наступления неприятеля были поставлены земские караулы от гор Хозоуртского магала до Куры. Туда же были направлены 150 человек кубинской конницы и часть ширванской, которые заняли переправы по Куре от сел. Альвента до Джавата.

В освобождении Шекинской провинции от восставших феодалов и от отрядов грузинского царевича Александра приняли участие также и ополчения из селений Зардоб и Альвент Ширванской провинции, которые выставили вооруженные отряды для охраны берегов Куры. Отряды азербайджанских ополченцев, сформированные зардобским наибом Рагим-беком и альвентским наибом Новруз-Али-беком, охраняли берег Куры от сел. Тюрпиксита до Тюлянкюна¹²⁰.

Временная победа ханов была вызвана малочисленностью войск Отдельного Кавказского корпуса, разбросанных небольшими гарнизонами и отрядами по всей русско-иранской границе, политикой духовенства и враждебным отношением к русской армии части населения Азербайджана. Таким образом, «вторжение персиян в Закавказский край» могло «иметь некоторый успех только в первое время, пока войска, имеющиеся под рукою, не успеют еще против них сосредоточиться»¹²¹.

Пока часть русских войск совместно с населением Карабахской, Ширванской, Шекинской и Кубинской провинций вели боевые действия против превосходящих сил неприятеля, в [186-187] районе Елизаветполя русское командование концентрировало ударную группу для поражения главных сил шаха. Но поскольку войск было недостаточно, Ермолов продолжал обращаться за помощью к императору, однако последний оставался равнодушен к его доводам.

Николай I не доверял Ермолову, подозревая его в связях с декабристами, и заменил его своим любимцем Паскевичем. Пока генерал следовал из Петербурга в Тифлис, Ермолов сколачивал силы для отпора иранской армии. Командование ударным отрядом он возложил на ген. Мадатова, армянина по национальности, знавшего азербайджанский язык. Первая победа русских войск, грузинских и азербайджанских ополчений была одержана над значительными силами неприятеля, предводительствуемыми царевичем Александром, орудовавшим в конце августа 1826 г. в Шамхорских горах Азербайджана.

Тем временем кольцо блокады героической крепости Шуши сжималось все теснее и теснее. Перед русским командованием стояла очень важная задача: разбить авангард неприятеля в Елизаветполе, вынудить шахского наследника снять осаду Шуши и разгромить главные силы (около 30 тыс. человек) после их подхода к Елизаветполю. Авангард иранской армии, насчитывавший около 2 тыс. человек регулярной, обученной англичанами пехоты (сарбазы и шахская гвардия), до 8 тыс. сабель иррегулярной кавалерии, 4 орудия и 20 фальконетов на верблюдах под командованием старшего сына Аббас-Мирзы, принца Мамед-Мирзы, занял

¹¹⁷ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 130, оп. 1, д. 45. лл. 131-132

¹¹⁸ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 134.

¹¹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 85-96, 198 об, 201.

¹²⁰ Там же, л. 214

¹²¹ ЦГВИА, ф. 194, «Давыдов Д. В.», оп. 1. д. 37, л. 3

Шамхор, готовясь атаковать малочисленный русский отряд, наступавший по направлению к Дзегаму.

Русский отряд состоял из 3 батальонов пехоты (Грузинского, Херсонского и сводного) численностью и 2900 штыков, имел 12 орудий и 1360 сабель конницы, образованной из 150 казаков и 1210 азербайджанцев и грузин¹²². Азербайджанская конница состояла преимущественно из жителей Казахской дистанции.

На равнине под Шамхором, у подножия Дзегамских гор, разыгралось кровопролитное сражение между малочисленными русскими, азербайджанскими и грузинскими войсками и вдвое превосходившими силами иранской пехоты и конницы.

Утром 3 сентября авангард русского отряда, состоявший из пехоты, казаков и азербайджанских воинов, подвергся нападению головного отряда противника. Завязалась сильная перестрелка, казаки и азербайджанцы ринулись в пики и сабли, разбили силы неприятеля и преследовали его до речки Шамхорки. Ермолов писал об этом сражении: «Пехота (иранская. – *Х. М. И.*) осталась без помощи и конница наша, состоящая из 800 человек казаков, грузинского ополчения и... татар Казахской дистанции, стремительно ударив на бегущих, отрезала отступление пехоте. Все пришло в величайшее замешательство и [187-188] страх, смешались нестройные толпы»¹²³. На речке Шамхорке укрепился весь иранский корпус, готовый атаковать русский отряд. Боевой порядок иранских войск представлял собой полумесяц, выдвинутый в сторону наступавшей русской пехоты. Русская и азербайджанская конница, поддержанная огнем 8 орудий, перешла вброд Шамхорку и вступила в кавалерийский бой на флангах неприятеля. Когда же иранская кавалерия атаковала русскую пехоту, то русская, грузинская и азербайджанская «кавалерия налетела с обоих флангов, - и вся неприятельская конница, смятая решительным ударом, понеслась назад»¹²⁴. Шахская гвардия была почти вся изрублена. «Казаки, грузины и татары, - писал Мадатов, - повсюду преследовали бегущих, - и на пространстве 15-ти верст устлали поле неприятельскими телами»¹²⁵.

Паскевич в рапорте царю 10 сентября 1826 г. доносил: «Поражение неприятеля гораздо значительнее, нежели я воображал, вся дорога от Шамхора на расстоянии 20 верст наполнена мертвыми телами, они (иранцы. - *Х. М. И.*) имели 6000 кавалерии, 2 батальона лучшей пехоты и 4 орудия... Они... бросились бежать и были поражены казаками... и грузинами, бросившиеся в горы персияне были побиты здешними татарами... считают потерю у неприятеля убитых, раненых и разбежавшихся до 2000 человек»¹²⁶. Таким образом, отборная часть иранской армии, состоявшая из шахской гвардейской пехоты и кавалерии, сформированной из воинственных племен кюрдхожеванцев, аб-дулмаликов и бахтияров, под командованием лучших военачальников Ирана Мамед-Мирзы, Мамед-Кули-хана, Аллахверды-хана, Мамед-Рафи-хана и Мамед-Заман-хана, была наголову разгромлена небольшим отрядом русской пехоты и азербайджанской и грузинской конницы.

Казаки, азербайджанцы и грузины уничтожили почти всю шахскую гвардию и гнали неприятельскую кавалерию до р. Кюррак-чай за Елизаветполем. В рапорте Ермолову от 10 сентября 1826 г. Мадатов писал: «...казаки, подкрепляемые казахскими [воинами] гнали неприятеля в десять раз числом их превосходящего и вытеснили из Шамхора с невероятной скоростью»¹²⁷. Особенно отличились в Шамхорском сражении азербайджанские кавалеристы из Казаха, что отмечалось в донесениях и рапортах русских военачальников.

В Шамхорском сражении наиболее отличились азербайджанские воины: поручик Хаджи Махмуд-ага, Таги-бек Гусейнбеглинский, Мехраль-бек Гусейнбеглинский, Осман-ага [188-189] Асланбеков, Гусейн-ага Мустафа оглы, Халил-ага Махмудбеков, Махмуд-Гасан-ага Усуб-ага, Ибрагим-ага, Али-ага Салех-ага, Аслан-ага Мамед Шарифов, Эюб-ага Ибрагимов, Раджаб-ага Мамедризов, Аллахяр Дилибазов, Сулейман-ага Усубов, Мансур-ага Абдул Керимов, Гасан-ага Касаманский, Ага-Киши Мустафаев, Асадулла Кахраман оглы, Гусейн Абас-бек оглы, Атам Агабеков, Гюльмамед Абдул Керимов и др. Все воины-азербайджанцы, как отмечено в источнике, «всегда требовали быть впереди... и были необыкновенно храбры». В знак признания боевых заслуг азербайджанца Хаджи Махмуда и грузина Яссе Андроникашвили Мадатов направил через них донесение командиру корпуса о результатах Шамхорской битвы¹²⁸.

¹²² «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 152

¹²³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 93-94

¹²⁴ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 153-154.

¹²⁵ Кавказский сборник», т. XXIV (письмо Мадатова к Ермолову от 3.IX.1826).

¹²⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290. лл. 105-106 об.

¹²⁷ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 130, оп. 1. д. 10, лл. 1, 6-8.

¹²⁸ Там же, лл. 17-18.

Среди отличившихся участников Шамхорского сражения были люди не только бекско-агаларского сословия, но и крестьяне, о чем свидетельствуют списки награжденных, представления и наградные листы. В одном из списков в числе других отличившихся перечисляются и крестьяне из Казахской дистанции: Махмуд Латип оглы Латип, Ахмед Бошкара оглы, Хаджи Молла Ибрагим оглы, Чопур Насиб оглы, Курдали Гасан оглы, Ахмед Али Кули оглы, Молла Имамверди Тукли баш оглы, Карим Пир Махмед оглы, Мустафа Абар оглы, Вели Сари оглы, Керим Салман оглы, Халил Айвар оглы, Таир Верди Ашур Карим оглы, Гасан Кожа оглы, Кевхи Карамеш, Вели Елчи оглы, Ибрагим Танри Кули оглы, Курбан Караси оглы, Гасан оглы Ахверди, Шарип Зал оглы, Усуп Ожах Кули оглы, Гусейн Гасан оглы, Ахмед Халил оглы¹²⁹.

Шамхорская битва 3 сентября 1826 г. была ярким свидетельством боевого содружества русской армии с азербайджанскими и грузинскими иррегулярными войсками, еще раз кровью доказавшими свое стремление к дружбе с Россией.

Таким образом, ни шах, ни его английские вдохновители, несмотря на большие затраты, агитацию и помощь восставших феодалов и их приверженцев, не добились создания в тылу Отдельного Кавказского корпуса кавказских ополчений для борьбы с Россией. Напротив, и население Азербайджана, и созданные русским правительством ополчения, и милиционные войска сражались в составе русских войск против иранских захватчиков.

Елизаветпольское сражение и участие в нем азербайджанских ополчений. Дальнейший ход войны

9 сентября 1826 г. главные силы русского корпуса соединились с группой ген. Мадатова в Елизаветполе, взятого без единого выстрела русскими войсками 4 сентября 1826 г. [189-190]

После позорного шамхорского поражения Аббас-Мирза поспешно снял блокаду с крепости Шуши и устремился к Елизаветполю с целью взять реванш. Об этом генерал Мадатов был предупрежден братом Мирзы Адигезаль-бека - Мустафа-агой, который пробрался через расположение неприятеля к Елизаветполю¹³⁰. Узнав о снятии блокады с Шуши, русское командование сконцентрировало ударную группу под Елизаветполем для встречи армии наследного принца, подошедшей к р. Тертеру¹³¹. Паскевич с войсками прибыл в Елизаветполь 10 сентября 1826 г.

Русские войска построились на поле сражения, неподалеку от могилы великого азербайджанского поэта XII в. Низами Гянджеви, памятник над которой стал немым свидетелем знаменитой Елизаветпольской битвы 13 сентября 1826 г. На правом фланге первой линии русских войск боевые порядки заняли 2 казачьих полка и батальон 41-го егерского полка; в центре находились 12 орудий Кавказской гренадерской бригады: левый фланг замыкал батальон Ширванского пехотного полка, азербайджанская и грузинская конница примыкала к ним с левой стороны. Во второй линии находились егеря и карабинеры с двумя легкими орудиями¹³². Русский отряд насчитывал 8700 человек. И эта горсть русских войск и закавказских ополчений должна была принять на себя удар огромной иранской армии Аббаса, у которого было 15500 человек регулярной пехоты, 24 орудия, 10700 сабель кавалерии и значительное число фальконетов на верблюдах¹³³. Иранская армия имела следующий боевой порядок: 18 пехотных батальонов тысячного состава построились в одну линию, имея в интервалах батареи из четырех или трех орудий. За батальонами стояла готовая к бою многочисленная артиллерия (фальконеты) на верблюдах. Иррегулярная кавалерия была построена по обоим флангам войск. На правом фланге во главе части кавалерии действовал беглый гянджинский владетель Угурлу-хан¹³⁴. Резерв иранской армии состоял из двух батальонов регулярной шахской гвардии и 4 тыс. регулярной кавалерии.

Шахская гвардия в составе нескольких батальонов атаковала русскую пехоту, огибая ее левый фланг. Одновременно масса кавалерии ринулась на грузино-азербайджанское ополчение. Но в этот момент драгуны Нижегородского полка вломились в неприятельский строй, и его

¹²⁹ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 130, оп. 1, д. 40, л. 30

¹³⁰ М и р з а А д и г е з а л - б е к. Карабаг-наме, стр. 144-145.

¹³¹ «Русская старина», 1874, т. 31, стр. 151-152.

¹³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 115-116; «Боевые подвиги Кавказской армии», стр. 69

¹³³ ЦГИА. СССР. ф. 1018, оп. 2, д. 392, л. 3; ЦГВИА, ф. ВУА. д. 4347, ч. 2

¹³⁴ Там же, д. 4290, л. 153

шеренги одна за другой стали ложиться под ударами шашек. Началось страшное побоище. Русская регулярная кавалерия, азербайджанская и грузинская [190-191] конница наседали на шахских гвардейцев, которые защищались отчаянно. Характерен эпизод, свидетельствующий о взаимодействии и боевом содружестве русской пехоты и драгунов с азербайджанской и грузинской иррегулярной конницей. Когда густые колонны иранских гулямов атаковали левый фланг, удерживаемый поредевшим Ширванским пехотным полком, эскадроны «грузинской и татарской милиции... обскакав овраг и поддержанные двумя эскадронами Нижегородского драгунского полка, стремительно ударили им во фланг и обратили в совершенное бегство»¹³⁵.

Этот жаркий бой русской и грузино-азербайджанской конницы с регулярной иранской пехотой и конницей закончился полным разгромом противника. «Когда разнесся дым, - пишет дореволюционный историк, - и улеглась поднятая шумною кавалерийскою битвою пыль - сарбазов более не существовало, и только на горизонте виднелись остатки разбитой, уходившей с поля сражения, конницы». Таким образом, левый фланг иранской армии был разгромлен. Командир Нижегородского драгунского полка полковник Шабельский, «приказав грузинам и татарам преследовать бегущих... быстро построил свои сильно поредевшие эскадроны и повел их на помощь» к центру русского отряда, «где кипела жестокая битва»¹³⁶. Драгуны, азербайджанские и грузинские кавалеристы преследовали неприятеля до Куракчайской станции, где стоял богатый иранский лагерь. «Драгуны, грузины и татары, - доносил Шабельский, - проскакали еще верст семь и за лагерь. Несмотря на то, что их было слишком мало, чтобы поспевать везде, и при них не было конной артиллерии, они нанесли персиянам громадный урон»¹³⁷. Разгромленные иранские войска в панике бежали к Араксу. В руках русских войск остались богатые трофеи. 2 лагеря, 4 знамени, одно орудие, 1 фальконет, до 80 патронных и зарядных ящиков и до 1100 пленных солдат, 2 батальонных командира и 7 офицеров. В числе пленных был и кратковременный правитель Гянджинского ханства Угурлу-хан, настигнутый на р. Тертере русской конницей.

В Елизаветпольском сражении героически боролась Азербайджанская иррегулярная конница. 58 воинов-азербайджанцев, особо отличившихся в этом сражении, были награждены боевыми российскими орденами и медалями¹³⁸, причем большая часть награжденных принадлежала к крестьянам.

Елизаветпольское сражение показало силу боевого содружества русских, азербайджанских и грузинских воинов. Ничто не помогло хваленому иранскому военачальнику Аббас-Мирзе выиграть сражение, хотя он и заявлял накануне своим [191-192] приверженцам, «что ему надобно победить или умереть, и употребил все силы, чтобы увеличить армию, которую, однажды потерявши, никогда не будет иметь»¹³⁹.

Елизаветпольское сражение и победа, одержанная в нем, имели исключительно важное значение для судеб всех народов Закавказья, избавившихся благодаря этой победе от опустошительного нашествия огромной иранской армии, угрожавшей их существованию.

Елизаветпольская битва была одним из крупных военных событий в Закавказье в первой трети XIX в., и потому она занимает значительное место в военной истории как русского, так и закавказских народов. После этого сражения Иран уже не мог оправиться и восстановить свой военный престиж. Проигрыш и этой войны, развязанной иранскими реваншистами при активной помощи английского правительства, был предreshен.

В достижении этой победы немаловажную роль сыграли население и ополчения Азербайджана. Кровью, пролитой совместно с русскими и грузинскими воинами, азербайджанцы доказали свое стремление к сближению с Россией. Эти факты замалчиваются дворянской историографией. Военные историки князь Щербатов, Дубровин, Гурьянов не придавали значения помощи азербайджанцев даже при освещении Шамхорской битвы и Елизаветпольского сражения. Более того, они приписывали населению только враждебные действия, тогда как азербайджанцы с оружием в руках сражались в рядах русской армии против иранских завоевателей. Помощь азербайджанских и грузинских ополчений была настолько эффективной, что даже главный штаб русских войск признавал необходимость вооруженной помощи азербайджанцев и грузин. Несмотря на то что петербургский двор и царский генералитет презрительно относились к народам Закавказья, называя их не иначе, как «дикарями» и «хищниками», они были вынуждены

¹³⁵ «Русская старина», 1874, т. XI, стр. 498-499.

¹³⁶ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 172.

¹³⁷ Там же, стр. 173.

¹³⁸ «История Азербайджана», т. II, стр. 38.

¹³⁹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 4290, л. 119

признать эффективной помощь «местной грузинской и татарской конницы, кои... не без пользы могут быть употреблены в действие»¹⁴⁰.

Факты выступлений некоторой части населения Елизаветпольского округа, Шамшадильской и Казахской дистанций, направленных против царских властей и против царских войск, действительно имели место, но они никак не могут служить свидетельством враждебного отношения всего населения к России. Выступления эти носили локальный характер, были кратковременны, и движущей силой их являлось не крестьянство, а феодально-клерикальные элементы, противники присоединения к России и приверженцы изгнанных азербайджанских ханов. Этим волнениям «объективно благоприятствовало и недовольство, народных масс произволом царской администрации», чем [192-193] в своих интересах пользовались «возвратившиеся из бегов ханы», которые исполняли «усердно... приказания» Аббас-Мирзы и вооружали народ для «поддержания мятежа в мусульманских провинциях»¹⁴¹.

Широкие массы населения Азербайджана не принимали участия в выступлениях, направленных против России, «значительная часть населения выступала на стороне русской армии, оказывая ей немалую поддержку»¹⁴².

В этот период население пограничных с Ираном провинций Азербайджана страдало от нападений иранских отрядов. Так, в Шамшадильскую дистанцию после Елизаветпольского сражения пробрались иранские войска и, разорив две деревни, увлекли до двухсот душ в плен, а шестьдесят человек убили. В Борчалинской дистанции были разорены две деревни. Упадок экономики наблюдался в это время во многих областях Азербайджана, Грузии и Армении. В одном из документов описываемого периода сказано, что торговля тогда «приостановилась в ходе своем. Возделывание земли и посевы противу прежних лет должны быть скудные потому, что крестьяне заняты военными транспортами. Доходы казенные пришли в великий упадок и не скоро могут быть восстановлены»¹⁴³. Ширванская провинция в результате нашествия иранских захватчиков и разорительных набегов Мустафа-хана Ширванского пришла в такой упадок, что после войны 1826-1828 гг. едва дала дохода 24 тыс. руб. серебром, тогда как менее богатая и менее обширная Шекинская провинция могла дать после войны 118 252 руб. серебром¹⁴⁴. Это сравнение свидетельствует о том, что Ширванская провинция пострадала в русско-иранской войне больше других провинций. В таком же положении была и Карабахская провинция. Эриванский хан своими набегамы причинял большой экономический ущерб граничащим с его ханством азербайджанским землям, что лишало продовольствия как самих жителей, так и русские войска, действовавшие на этом направлении. Грабительские полчища хана отнимали «у жителей средства заняться осеннюю распашкою земли»¹⁴⁵.

Но ни разорения, ни угрозы иранских феодалов не могли склонить азербайджанское население - крестьянство, горожан и ремесленников - на сторону иранских захватчиков. Население Шамшадильской дистанции даже при отсутствии русских войск и измены своих старшин не поколебалось и осталось верным России. Население соседней Казахской дистанции в то же время также подверглось нападению эриванского хана, но [193-194] азербайджанцы выступили с оружием в руках против его отрядов.

На помощь азербайджанцам Шамшадильской и Казахской дистанций спешно выступил Ермолов. Перед этим он писал в Петербург: «Я сегодня (12 сентября 1826 г. - *Х. М. И.*) выступаю в Казахскую и Шамшадильскую дистанции, дабы не допустить сардаря Эриванского грабить приверженных к нам»¹⁴⁶, т. е. азербайджанцев. С помощью азербайджанцев Казахской и Шамшадильской дистанций русские войска разбили отряды эриванского хана и отбросили их за пределы своих земель. Весть о поражении многотысячной иранской армии с радостью была встречена во всем Азербайджане. Когда русские войска с азербайджанской иррегулярной конницей вошли в г. Елизаветполь, народ встретил их как избавителей¹⁴⁷. Разгромленные остатки отборной иранской армии поспешно покидали пределы Азербайджана, а отряды, занявшие другие провинции Азербайджана, в панике бежали по направлению к Ирану.

Беюк-хан Кубинский поспешил снять осаду Кубы и с шеститысячным войском направился на юг. Мустафа-хан Ширванский с горстью своих приверженцев покинул Шемаху и направился к

¹⁴⁰ Там же, лл. 98-98 об

¹⁴¹ Там же, лл. 98-98 об., 174.

¹⁴² «История Азербайджана», т. II, стр. 37

¹⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4326, лл. 198-198 об

¹⁴⁴ АКАК. т. VII, док. 21.

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 161.

¹⁴⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 101-102.

¹⁴⁷ «История Азербайджана», т. II, стр. 38.

Куре. Убегая из Ширвана, Мустафа-хан силой, с помощью своих приверженцев, уводил в Иран большое количество азербайджанских семейств. Сын Мустафа-хана, Али-Кули-бек, по указанию отца принудительно собирал из беков и простого народа конницу, с помощью которой он намеревался угнать ширванских жителей в Персию. Но ширванские беки и народ, составлявшие конницу при Али-Кули-беке, узнав об этом, укрылись в своих домах. Характерно, что брат Мустафа-хана Ширванского, Гашим-хан, в противоположность ему был сторонником русской ориентации и принял активное участие в русско-иранской войне 1826-1828 гг. на стороне русской армии, в составе отряда ген. Краббе. В составе этого же отряда принимал активное участие в русско-иранской войне вышеупомянутый Умбай-бек.

Когда разгромленные иранские войска в октябре 1826 г. в панике отступали к Араксу, а Мустафа-хан с остатками своих приверженцев пытался угнать ширванских жителей в Иран, «брат Мустафы-хана, Гашим-хан, Умбай-бек и другие ширванские беки, находившиеся при генерал-майоре Краббе, с частью ширванской конницы поехали преследовать увлеченный Мустафою-ханом ширванский народ, которого часть уже обратили назад»¹⁴⁸. Русские войска и азербайджанская конница, преследуя разгромленного неприятеля, преодолевали по 30-35 км в сутки и быстро достигли р. Аракс, через которую беспорядочно, в [194-195] панике переправлялись жалкие остатки некогда «могучей, громоносной» армии шахского наследника.

В это время эриванский хан Гасан-хан, пользуясь отсутствием русских войск, вторгся со своими отрядами в Шамшадильскую дистанцию со стороны оз. Севан и разорил ее. В планы эриванского хана входило соединение с силами царевича Александра и совместное вторжение в Грузию. В середине сентября 1826 г. в Отдельный Кавказский корпус после трехлетней отставки прибыл герой Отечественной войны 1812 г., поэт и партизан - ген. Давыдов Денис Васильевич. Он был назначен начальником отряда войск, оборонявших границы Азербайджана с Ираном, вместо князя Севарсамидзе. Кроме русских пехотных и казачьих частей и подразделений, в отряд Давыдова входили азербайджанская и грузинская конница, насчитывавшая более тысячи сабель. Этот отряд по приказу Ермолова был направлен против Гасан-хана Эриванского, а 21 сентября 1826 г. близ Миракского укрепления, у подножия горы Алагез, вступил в бой с четырехтысячным войском хана. Давыдов повел в атаку пехотинцев Тифлисского пехотного полка, азербайджанских и грузинских конных ополченцев. Неприятель, занявший сильные позиции в Миракском укреплении, стремительным ударом русских пехотинцев и лихим налетом азербайджанских и грузинских кавалеристов был опрокинут в ущелье р. Мирак. Отряд Давыдова 22 сентября перешел границу Эриванского ханства и вступил на землю неприятеля. Дальновидный Ермолов считал преждевременным углубляться далеко в пределы врага и потому запретил как Давыдову, так и Паскевичу вести наступательные действия до конца 1826 г. В этот период Ермолов находился на подступах к Шекинскому ханству, где еще продолжалось восстание, поднятое реакционной феодальной верхушкой.

В результате активных действий русских войск и азербайджанских ополчений восстание в Шекинской провинции было подавлено. Волнения утихли и в других провинциях Азербайджана (в Кубе, Ширване). Причем изгнанию иранских захватчиков, мятежных ханов и их приверженцев способствовал народ. В своем рапорте в Петербург Ермолов писал: «...если большая часть беков была виновна в самой гнусной измене, то простой народ был обрадован изгнанием ханов»¹⁴⁹.

Возвращаясь из Нухи в октябре 1826 г., Ермолов писал: «Здесь нашел я черный народ довольным, что прекратилось, зверское управление хана, который делал ужасные неистовства, но большая часть беков совершенные изменники»¹⁵⁰. 17 октября 1826 г., уже в период отступления, тысячный иранский конный отряд всадников вторгся в азербайджанское селение [195-196] Джебраиль Карабахского ханства. Разграбив сел. Джебраиль, иранский отряд через Худоферинскую переправу перешел на противоположный берег Аракса. 19 октября он разорил и разграбил деревню Маралиан на Араксе и «насильно переправил через Араке» всех жителей этой деревни. 20 октября иранские конные отряды ворвались в села азербайджанцев по р. Козлучай, чтобы увести их с собой.

Вместе с разбитыми иранскими войсками в Иран бежало много беков, перешедших на сторону восставших ханов, там же оказался и «простой народ... увлеченный туда силою», но «мало-помалу» народ возвращался «на свои пепелища»¹⁵¹.

¹⁴⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 183, 187 об.

¹⁴⁹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV ч. I, стр. 188

¹⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, д. 155, л. 1.

¹⁵¹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 183.

Довольно значительную помощь русской пехоте в изгнании иранских захватчиков оказала сформированная из азербайджанских добровольцев карабахская иррегулярная конница. Русские войска в период вторжения неприятеля в Карабах испытывали острую нужду в кавалерии. «Конница. - писал Ермолов, - составляющая в теперешнее время главнейшие силы неприятеля... более опасна для Карабага и может продолжать беспокойства жителей, производя в земле опустошения набегами». Исходя из этого, Ермолов предписал: «...по недостатку у нас кавалерии надобно искать средств в коннице Карабахской. Конные пограничные караулы, составленные из азербайджанцев Карабахской провинции, после изгнания неприятеля из Ширванской и Шекинской провинций, были сведены в единое конное ополчение и направлены против иранских войск, действовавших в Кафане и Баргушете»¹⁵². Это ополчение разбило неприятеля, и в провинции был восстановлен порядок.

На азербайджанскую иррегулярную конницу были возложены весьма ответственные задачи. В предписании начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса управляющему мусульманскими провинциями ген. Абхазову указывалось: «Набрать из карабахских жителей сколь возможно более кавалерии. Милиция эта должна была не только прикрывать вместе с регулярными войсками страну от вторжения неприятельских партии, но еще способствовать к предупреждению их набегов, делая беспрестанные наезды в границы»¹⁵³.

В начале ноября 1826 г. для защиты границы по Араксу русским командованием был сформирован иррегулярный конный отряд, состоявший из азербайджанцев Карабахской провинции. В предписании главнокомандующего ген. Мадатову говорилось: «Со всей Карабахской провинции для защищения границы по Араксу снарядить 500 человек конницы, которая должна относиться во всем к главному нашему посту, должствующему [196-197] учредиться в Ах-Оглане, Шуше или в другом месте»¹⁵⁴. По своей организации и тактике это конное ополчение уже имело много сходного с регулярной кавалерией русской армии. Это ополчение делилось на конные сотни, вроде эскадронов. За вооружение, обеспечение продовольствием и фуражом этого конного ополчения были ответственны магальные наибы Карабахской провинции, которые выставляли своих ополченцев. В обороне Джаватской переправы на Куре активное участие приняло конное ополчение (250 человек) из жителей Кубинской провинции под командой капитана Иса-бека, офицера «отличной храбрости», тяжело раненного в бою.

В начале декабря 1826 г. Аббас-Мирза и царевич Александр с помощью восставших феодалов Азербайджана и Дагестана спровоцировали выступление лезгинского населения, граничащего с Шекинской провинцией, и двинули на Нуху значительный отряд с целью восстановления ханского правления, претендентом на которое был Гусейн-хан, проживавший в Астрахани. Аббас-Мирза выделил ему большую сумму денег, «дабы призвать горцев и вместе с джарскими лезгинами войти в Кахетию, для чего готов был грузинский Александр царевич». Еще в 20-х числах октября Гусейн-хан Шекинский, грабя и разоряя население Шекинской провинции, «прорвался в Карабахскую землю у переправы Котеван»¹⁵⁵. На защиту Шекинской провинции выступило почти все ее население. Шекинцы быстро сформировали большое конное ополчение и, вооружив его, выставили к своим границам. В этот период в Шекинской провинции русского гарнизона не было, а отряд русских войск под командованием Ермолова прибыл в Нуху лишь 9 декабря 1826 г., когда неприятель уже отказался от своего намерения из-за активных действий шекинской конницы¹⁵⁶.

В кампании 1826-1827 гг. совместно с русскими поисками в боях участвовала ширванская и кубинская конница, состоявшая из азербайджанцев и насчитывавшая до тысячи «отборных и исправных оружием и лошадьми»¹⁵⁷ всадников. И кампании 1827 г. и в последующих боях в составе кавалерии Отдельного Кавказского корпуса активно действовало конное ополчение из борчалинских азербайджанцев, насчитывавшее до 5 тыс. человек. Это борчалинское конное ополчение приняло участие в освобождении от иранских захватчиков не только территории Азербайджана, но и Армении¹⁵⁸. Конница эта представляла собой легкую маневренную кавалерию и действовала совместно с русскими регулярными пехотными и кавалерийскими полками. Так называемая «мусульманская кавалерия Борчалинской [197-198] дистанции» активно действовала

¹⁵² ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, д. 119, лл. 1, 2 об.

¹⁵³ Там же, д. 92, л. 81.

¹⁵⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, лл. 246-247.

¹⁵⁵ Там же, лл. 204, 209

¹⁵⁶ «Утверждение русского владычества на Кавказом», т. IV, ч. I, стр. 189

¹⁵⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 548. оп. 1, д. 91, л. 64

¹⁵⁸ ЦГВИА, ф. 476, д. 14, л. 3.

совместно с Севастопольским-пехотным полком летом и осенью 1827 г. в районе Судакента. горы Алагез и Эчмиадзина¹⁵⁹. 13 августа 1827 г. отряд в составе двух пехотных рот, одного орудия, азербайджанской конницы и казаков выступил к Судакенту. Конная разведка азербайджанцев доставила командиру отряда ген. Сипягину сведения о том, «что неприятель предположил сего числа сделать нападение» на другой русский отряд с артиллерией под командованием ген. Лаптева, наступавший от Амамлов, через ущелье. Задачей отряда Сипягина было предотвращение нападения неприятеля на отряд Лаптева, соединение с ним и общее наступление на Судакент. На подступах к последнему направленная в разведку азербайджанская конница донесла, что неприятель, около 5 тыс. человек кавалерии и пехоты, занял дорогу к Судакенту. При подходе русского отряда к селению «толпы неприятельской кавалерии атаковали татар и кинулись на пехоту, но быв встречены огнем артиллерии... рассеялись и в беспорядке отступили». Оправившись, неприятель еще трижды атаковал русскую пехоту и азербайджанскую конницу, но всякий раз с уроном откатывался на исходные позиции. В последний раз «татарская кавалерия... ударила во фланг неприятельских стрелков, что еще более их смешало», а затем совместно с казаками азербайджанцы преследовали неприятеля. Отступивший от Судакента противник 14 августа сгруппировался, и около 4 тыс. человек остановились у горы Алагез, где на них обрушился отряд русской пехоты, вынудивший их отступить в горы. К вечеру противник «тесним был батальоном 40-го егерского полка и борчалинскими татарами»¹⁶⁰. Впоследствии один из русских офицеров, полковник Фредерике, писал об азербайджанцах, сражавшихся в рядах русских войск за освобождение Восточной Армении от иранских захватчиков: «...долгом справедливости считаю сказать, что мусульмане, несмотря на возлагаемые на них трудные поручения, верно и усердно служили по день нашего выступления из Гумров, и команда их, за исключением убитых и раненых, ни одним человеком не уменьшилась»¹⁶¹.

Вскоре спокойствие восстановилось и в Джаро-Белоканской области, где также было поднято восстание.

К началу 1827 г. все провинции Азербайджана, за исключением Талышского ханства, были очищены от иранских захватчиков, и население вновь обрело покой, возвратясь в свои жилища. До «трех тысяч семейств (азербайджанцев.- *Х. М. И.*), ушедших с персиянами» во время мятежей, поднятых беглыми ханами, «и теперь возвращенных на родину, горьким опытом узнали, как мало могли они надеяться на защиту Персии, не [198-199] предохранившую их от ограбления ее же подданными»¹⁶². В освобождении занятых шахскими войсками провинций Азербайджана приняли активное участие азербайджанские конно-иррегулярные отряды, составленные из жителей многих провинций. Особенно отличалась конница ширванская и кубинская.

Несмотря на то что в течение 1826 г. часть населения Азербайджана, обманутая беглыми ханами и перешедшими на их сторону беками, была втянута в мятежи, направленные на восстановление ханской власти и феодальной раздробленности и выступала против власти России, успехи русской армии во многом были обусловлены дружественным расположением к ней большинства населения Азербайджана и его активной материальной и военной помощью.

Военные действия на территории Южного Азербайджана и помощь его населения русской армии

Население Южного Азербайджана, так же как и население Северного Азербайджана, ненавидело власть Каджаров и всячески помогало русской армии в войне против Ирана, стремясь к союзу с Россией. Большую помощь населению Южного Азербайджана оказали ополчения, состоявшие из населения Северного Азербайджана. А в отряд ген. Мадатова, действовавшего в Карадагском ханстве, входили азербайджанское и армянское ополчения, около 4 тыс. человек. Большинство ополченцев составляли крестьяне Карабахской и Ширванской провинций¹⁶³. Этот отряд в начале января 1827 г. занял столицу Карадагского ханства - Агар. В занятии Агара большую помощь русским войскам оказали и местные жители, которые «сами жили персидские

¹⁵⁹ ЦГИА СССР. ф. 1018. оп. 2, д. 92, лл. 12-14 об.

¹⁶⁰ ЦГВИА, ф. 194, оп. 1, д. 36, лл. 112-113.

¹⁶¹ ЦГВИА, ф. 184, оп. 1, д. 52, л. 5.

¹⁶² «Зима в Карабаге», стр. 8.

¹⁶³ ЦГВИА, ф. ВУА. д. 4312, л. 24.

магазины с провиантом и истребляли фураж, чтобы не дать возможности персиянам возвратиться сюда на зиму»¹⁶⁴.

Военные действия, завершившиеся к концу 1826 г. разгромом крупных сил иранских войск, возобновились только в начале апреля 1827 г. Части Отдельного Кавказского корпуса перешли в наступление и углубились в Южный Азербайджан и Восточную Армению, находившиеся еще под властью Ирана.

Военные действия развернулись в двух направлениях: карабахский отряд русских войск действовал на Араксе и вел бон за овладение переправой и Худаферинским мостом, а авангард корпуса под командованием ген. Бенкендорфа через Акзибеюкский перевал шел к Эривани. 20 апреля 1827 г. отряд Мадатова овладел Худаферинским мостом и переправой через Аракс, а [199-200] главные силы корпуса, заняв покинутый и разоренный иранцами Эчмиадзинский монастырь, 23 апреля двинулись к Эривань Азербайджанское и армянское население всячески помогало русским войскам, наступавшим на Эривань. 24 апреля 1828 г. главные силы Отдельного Кавказского корпуса вплотную подошли к Эриванской крепости и блокировали ее. 30 апреля неприятель произвел вылазку, но был отбит с большим уроном. 8 мая при повторной вылазке крупной конной группировки неприятеля произошло кровопролитное сражение на р. Абаран. близ Эривани, в результате которой противник потерял более 600 человек убитыми и утонувшими, были взяты богатые трофеи, пленено 53 человека, в том числе знатные военачальники из Карадагского ханства и Хоя. Территория, на которую вступил русский корпус, была обращена иранскими полчищами «в безлюдную пустыню»¹⁶⁵. Пятитысячный конный отряд Гасан-хана Эриванского опустошил провинцию, сжег армянские и азербайджанские деревни, уничтожил хлеб и стал «избивать тех армян и татар, которые занимались поливкой посевов вопреки воле сардара»¹⁶⁶.

Осада Эривани русскими войсками длилась два месяца. Не добившись здесь успеха, войска двинулись на Нахичевань.

Главные силы Отдельного Кавказского корпуса к этому времени насчитывали 4800 штыков пехоты и 3800 сабель регулярной и иррегулярной конницы. Неприятель же имел более значительные силы: Аббас-Мирза с 10-тысячным корпусом стоял в Хое; гарнизон столицы Южного Азербайджана - Тебриза состоял из 10 тыс. регулярной пехоты; в Уджане находился Фетх-Али-шах с 20-тысячной армией; у Худаферинского моста, на Араксе, - один из сыновей шаха; Гасан-хан с курдской конницей стоял на границе Эриванского ханства.

После утомительного 20-километрового марша русские войска без боя 26 июня 1827 г. овладели крепостью Нахичевань, после чего часть русской пехоты и кавалерии при 22 орудиях подступила к крепости Аббасабад. Эта крепость имела важное стратегическое значение, так как являлась оплотом владычества шаха в Нахичеванском ханстве и обеспечивала переправу через Аракс.

4 июля на выручку Аббас-абадского гарнизона двинулась 16-тысячная армия под командованием Аббас-Мирзы. В иранской хронике середины XIX в. этот замысел Аббас-Мирзы трактуется как «мудрый план разгрома» русских войск двухсторонним охватом в районе крепости Аббасабад¹⁶⁷.

5 июля 1827 г. при урочище Джеван-булах, у ручья под таким же названием, столкнулись неравные силы противников. [200-201] Иранская конница численностью около 16 тыс. сабель атаковала малочисленный русский корпус, едва насчитывавший 8 тыг. человек. Но благодаря храбрости русских солдат сражение было выиграно. Неприятель потерпел жестокое поражение. Только убитых насчитывалось более 400 человек, большое количество с обеих сторон было ранено, в плен взято до 200 человек, захвачены богатые трофеи и знамена. Джеванбулахское поражение иранской армии предрешило судьбу крепости Аббасабад. гарнизон которой капитулировал 7 июля 1827 г 2700 пленных, 23 орудия и множество трофеев были плодами победы русского корпуса¹⁶⁸.

В осаде и штурме крепости Аббасабад активное участие приняли разжалованный в рядовые декабрист Пущин¹⁶⁹ и Аббас-Кули-Ага Бакиханов¹⁷⁰. Считаясь политически неблагонадежным, сосланный на Кавказ Пущин хотя фактически исполнял должность корпусного инженера и

¹⁶⁴ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 194.

¹⁶⁵ Там же, стр. 235, 239.

¹⁶⁶ Там же, стр. 236.

¹⁶⁷ М у х а м м а д Т а г и - х а н М у с т а у ф и, Сипахр-и насих ат-таварих.

¹⁶⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, д. 432, лл. 3-5; АКАК, т. VII, док. 515; ЦГВИА. ф. ВУА, д. 4316. л. 5 об.

¹⁶⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 432 л. 4 об

¹⁷⁰ ЦГИА. Азерб. ССР, ф. 979, оп. 1, д. 1, л. 1.

проявил незаурядные способности как при предыдущих осадах, так и в осаде и штурме Аббасабада, тем не менее так и не был удостоен «высочайшего» внимания. Даже Паскевич, разгневанный на бездарного корпусного инженера полковника Литова за неправильную организацию осадных работ под Аббасабадом, заявил ему: «Я мог бы тебя сделать солдатом, но не хочу, а его [он указал на Пущина] я хотел бы произвести в полковники, но не могу. А вот что я могу: от сего числа не ты у меня начальник инженеров, а он»¹⁷¹. Не подлежит сомнению, что Пущин и Бакиханов были дружны и совместно участвовали в сражении действующего отряда Отдельного Кавказского корпуса. За боевые «отличия, оказанные при осаде крепости Аббасабад 5 июля 1827 года», Аббас-Кули-Ага Бакиханов был «произведен в штабс-капитаны»¹⁷². В штабе Отдельного Кавказского корпуса в качестве переводчика служил один из представителей малочисленной прогрессивной азербайджанской интеллигенции, майор русской службы Мирза Магеррам Гаджибеков, который за боевые заслуги в сражениях русско-иранской войны был награжден орденами и пенсией¹⁷³.

Один из военачальников Аббасабадского гарнизона, Эхсан-хан, хотел сдать крепость еще в начале 1827 г., «от имени своего сарбазского батальона просил послать его на службу против персиян, так как с этого момента он считал себя подданным»¹⁷⁴ России. Командир Нахичеванского батальона [201-202] Эхсан-хан, или, как его называли, Беюк-хан, был «сыном Келбали-хана, который за приверженность, оказанную России в начале XIX столетия, был лишен зрения персиянами»¹⁷⁵ «По сдаче крепости Эхсан-хан, - пишет дворянский историк, - открыто принял нашу (русскую. - Х. М. И.) сторону и остался в своей небольшой резиденции Ордубаде». Во время нападения сильного иранского отряда на Ордубад в 20-х числах июля 1827 г., предупрежденный русским командованием о том, «что он не должен рассчитывать на русские войска», Эхсан-хан решил организовать «свою собственную вооруженную силу», но просил у русского командования «только ружей и одну пушку. Доставив Эхсан-хану 400 ружей и одно орудие, русский отряд вернулся в свой лагерь»¹⁷⁶.

Иранский военачальник Керим-хан с отрядом конницы и сарбазов прибыл к селению Сеагруд «против Ордубада и расположился лагерем в намерении атаковать оной»¹⁷⁷. Малочисленный гарнизон Ордубада под начальством Эхсан-хана стойко выдерживал осаду трехтысячного отряда неприятеля. В течение восьми дней «с горстью своих приверженцев он выдерживал блокаду в Ордубадском замке и последние 36 часов не имел даже воды». На помощь осажденному Ордубаду русское командование спешно направило батальон пехоты, сотню казаков, два орудия, грузинское и армянское конные ополчения¹⁷⁸. Ордубад был занят, а иранский отряд отступил за Араке. «Все имущество передавшихся жителей избавилось от рук неприятельских»¹⁷⁹.

Поражение под Джеванбулахом и падение Аббасабада внесли смутение в лагерь Аббас-Мирзы, который, получив 7 июля 1827 г. «через убежавших сарбазов известие о сдаче крепости... заплакал и говорил: какой я несчастный человек, войска разбегаются, отец не дает средств вести войну, теперь к довершению и крепость сдали»¹⁸⁰.

На полях сражений русско-иранской войны 1826-1825 гг. кровью скреплялось ратное содружество русских солдат с азербайджанскими ополченцами. Ярким свидетельством этого является сражение 13 августа 1827 г. у подножия Алагеза, на подступах к Эчмиадзину. 25-тысячная иранская армия при 24 орудиях под командованием Аббас-Мирзы 4 августа 1827 г. вторглась в пределы Эриванской провинции и 13 августа, «пробравшись скрытными ущельями, в разных пунктах» к русскому лагерю, «сильными толпами сделала нападение на передовые [202-203] казачьи посты, которые с отличною храбростью удерживались до прибытия пехоты», после чего многочисленный неприятель был разбит с большими потерями. В то же время до «4 тысяч неприятельской кавалерии» заняли исходные рубежи для атаки между горой Алагез и лагерем русских войск. Эту новую группировку противника атаковали 2 батальона русской пехоты, 2 казачьих конных орудия, отделения «Кегерновых ракет и до 5 тысяч человек Борчалинской

¹⁷¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 432, лл. 5-5 об

¹⁷² ЦГИА Азерб. ССР, ф. 979, оп. 1, д. 1, л. 1.

¹⁷³ Н. А. Т а р - з а д е, К участию кавказцев-студентов..., стр. 32.

¹⁷⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 432, л. 16 об.

¹⁷⁵ ЦГВИА, ф. 194, д. 36, л. 87 об.

¹⁷⁶ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 266-267.

¹⁷⁷ ЦГВИА, ф. 194, д. 36, л. 96 об.

¹⁷⁸ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 268

¹⁷⁹ ГБЛ, Отд. рукописей, Записки Отдела рукописей, вып. 20

¹⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, д. 312, л. 2.

(азербайджанской. - *Х. М. И.*) конницы. Неприятель, будучи в превосходных силах, прогнан был с потерей в горы».

Еще ярже о боевом содружестве русских воинов с азербайджанскими, грузинскими и армянскими ополченцами свидетельствует знаменитое Ушаганское сражение, разыгравшееся 17 августа 1827 г. на земле Армении, вблизи селений Аштарак и Ушаган. В нем вновь проявили исключительное мужество и храбрость русские пехотинцы, азербайджанские кавалеристы, грузинские и армянские ополченцы.

В Ушаганском сражении приняла участие иранская армия, состоявшая из 25 тыс. кавалерии и пехоты и 27 орудий, которые побатарейно были размещены на укрепленных высотах вдоль Эчмиадзинской дороги. Русские войска состояли из одного пехотного батальона, 6 полубатальонов пехотных полков, одного казачьего полка, 500 казаков из разных полков, 12 орудий, 5-тысячной азербайджанской иррегулярной конницы, ратников грузинской и армянской пеших дружин по 100 человек в каждой¹⁸¹. Общая численность русского отряда составляла около 3 тыс. пехоты, до 6 тыс. кавалерии и 12 орудий.

Дворянско-буржуазная историография царской России, подробно освещавшая Ушаганское сражение 17 августа 1827 г., совершенно прошла мимо факта участия в этом сражении в составе русских войск азербайджанской конницы, грузинской и армянской пеших дружин. Так, один из военных историков, В. А. Потто, пишет, что численность русского отряда не превышала 2800 человек при силах противника, доходивших «до 30 тысяч пехоты и конницы с 22-мя орудиями»¹⁸². Неточность сведений о численности русских и иранских войск у В. А. Потто очевидна. Несомненно, отряд в 2800 человек при всех условиях, не в состоянии был бы одолеть 30-тысячный вражеский корпус, усиленный 22 орудиями.

Изучив некоторые неопубликованные источники, можно утверждать, что участие пятитысячной азербайджанской конницы, грузинской и армянской пеших сотен в Ушаганском сражении не подлежит сомнению. Благодаря этим ополчениям численность русского отряда достигла 9 тыс. человек. Будучи [203-204] усилен 12 орудиями, отряд смог, хотя и при больших потерях, одолеть 25-тысячный корпус неприятеля.

Битва под Ушаганом завершилась победой русских, азербайджанских, грузинских и армянских воинов. Ушаганская победа имела исключительно важное значение, так как лишила неприятеля важнейших коммуникаций, пересекавших сообщение с Эчмиадином и закрывавших всю Эриванскую провинцию и пути в Грузию через Памбак. В ходе военных действий 1826-1827 гг. азербайджанцы выполняли роль разведчиков и доставляли русскому командованию весьма ценные сведения о намерениях и численности противника.

14 августа 1827 г. при выполнении боевого задания русского командования по разведке расположения и боевых средств иранских войск под Эчмиадином несколько «татар были... захвачены неприятелем, двум из них выкололи глаза и двум отрезали нос». В ночь на 15 августа 1827 г. русское командование направило «сильную партию», состоявшую из азербайджанских разведчиков, «для открытия осадной артиллерии» противника. И ночью же были получены сведения «через посланных... татар что в сей день передовой транспорт осадной артиллерии ожидается только в Амамлы»¹⁸³. Житель Ширванской провинции Аллахяр Алекпер оглы, увиденный в плен иранскими войсками в конце сентября 1827 г., дошел до Джаватской переправы и 29 сентября 1827 г. доставил русскому командованию ценные сведения о намерении иранского командования вторгнуться в Ширванскую провинцию через Куру и Джаватскую переправу с помощью беглого .Мустафа-хана Ширванского, который намеревался «напасть на Сальяны и Карабаг и разграбить жителей, для чего собрано им значительное число конницы»¹⁸⁴. Благодаря сведениям о противнике, доставленным Аллахяром Алекпер оглы, планы иранского командования были сорваны.

К концу августа Аббас-Мирза вновь собрал многочисленное войско и двинул его к Эчмиадину, рассчитывая на реванш за Ушаганское поражение. В район Ах-Оглана, близ крепости Шуши, 25 августа вступил неприятельский кавалерийский отряд около 3 тыс. человек. Аббас-Мирза вновь «послал людей в Дагестан, Шекинскую провинцию и Ширвань, дабы там произвести возмущение», одновременно им туда же был направлен Мустафа-хан Ширванский для организации восстаний против России¹⁸⁵.

¹⁸¹ ЦГВИА, ф. 194, оп. 1, д. 36, лл. 111-112 об., 122-123 об

¹⁸² «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. 1, стр. 281, 286

¹⁸³ ЦГВИА, ф. 476, д. 14, л. 4.

¹⁸⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 1, д. 91, л. 13 об.

¹⁸⁵ ЦГВИА, ф. 194, оп. 1, д. 36, лл. 123-123 об.

Русское командование, создав ударную группу в составе трех пехотных полков, сводного гвардейского полка и трех кавалерийских полков, 27-30 августа 1827 г. направило ее к Эривани. Богатые запасы хлеба и другого продовольствия были [204-205] сосредоточены в крепости Сардар-абад, стоявшей на равнине у подножия Алагеза¹⁸⁶.

Гасан-хан, брат Гусейн-Кули-хана Эриванского, перед падением Сардар-абада говорил своим приверженцам: «Я знаю силу русского оружия и предугадываю падение Эривани и Сардар-абата, но в это же самое время обойду русских и вторгнусь в их земли для грабежей и разорения»¹⁸⁷. Фактически Гасан-хан угрожал азербайджанскому и армянскому народам, которые не раз терпели его жестокости.

В ночь на 20 сентября крепость Сардар-абад пала. Гасан-хан Эриванский, лично руководившим обороним крепости, успел бежать в Эривань. В крепости были найдены крупные запасы пшеницы, ячменя и других продуктов.

26 сентября началась осада крепости Эривань. Предложение русского командования прекратить кровопролитие и капитулировать было встречено иранцами отказом.

По данным дореволюционных источников, большинство населения Эриванского ханства состояло из азербайджанцев. В крепости и «Ереванской области, - писал Паскевич, - считают 10000 семейств магометанских (азербайджанских - *Х. М. И.*) и только 3000 армянских»¹⁸⁸. Вся крепость «Эривань стояла в огне; смятение в городе было полное, жители и дети с воплем бегали по узким улицам, стараясь укрыться от носившейся за ними повсюду смерти; наконец, огромная толпа бросилась к Гасан-хану с требованием сдачи»¹⁸⁹ крепости и города, но он был неумолим. На другой день, 1 октября, «ужас и смятение в городе сделались всеобщими, поутру жители, показавшись на стенах, начали махать шапками и давать знаки», что они сдаются. Жители Эривани, азербайджанцы и армяне, еще раньше готовы были сдать город русским войскам, но Гасан-хан угрозами и силой оружия удерживал их от этого. Все же они открыли северные ворота, и впустили в крепость русские войска. После кровопролитных боев 1 октября к исходу дня Эриванская крепость была полностью в руках русских войск, которым активно содействовало население Эривани. Более 3 тыс. пленных иранских солдат во главе с комендантом крепости Субхан-Кулиханом, 46 орудий и 4 знамени были плодами победы русского корпуса¹⁹⁰.

Покорение Эривани объективно сыграло положительную роль в судьбах азербайджанского и армянского народов, которые были включены в состав Российского государства и навсегда избавлены от жестокой тирании иранских феодалов. [205-206]

Жители Эривани и всей области, как армяне, так и азербайджанцы, жертвовали свои запасы для обеспечения русских войск. В знак «особенной приверженности своей» к России командиру русского отряда, штурмовавшему Эривань, было «поднесено... обществом армянским чрез архиепископа Нерсеса две тысячи рублей серебром; старшины магометанские принесли до 1000 рублей серебром для раздачи войскам в Эриванской провинции»¹⁹¹.

Большое значение имело взятие Эривани и в политическом отношении. Правящие круги султанской Турции после взятия Эривани умерили свой агрессивный пыл по отношению к России. «Успехи оружия нашего, - писал Паскевич 23 ноября, - против персиян имели большое влияние на турок, по получении известия о взятии Эривани эрзерумский сераскир послал тот же час нарочного курьера с донесением в Константинополь, и с тех пор они весьма учтивы в сношениях с нами»¹⁹².

Оставив Эриванскую крепость без поддержки, Аббас-Мирза с крупными пехотными и конными силами устремился к Нахичевани, чтобы уничтожить группировки русских войск, прикрывавших арьергард главного корпуса и защищавших границы Нахичеванской области. Во главе этой группировки стоял генерал русской службы Эристов, грузин по национальности. Отношения Эристова с Паскевичем были очень плохие. Последний сковывал инициативу своих подчиненных и не доверял им, стараясь всегда приписать себе их успехи. Невзирая на строгое указание Паскевича о запрещении наступления на территорию Южного Азербайджана, Эристов решил действовать сообразно сложившейся обстановке, безотлагательно требовавшей наступления на Южный Азербайджан.

¹⁸⁶ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 291; М. Щ е р б а т о в. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. II, стр. 250.

¹⁸⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4326, л. 129.

¹⁸⁸ Там же, д. 4329, л. 280.

¹⁸⁹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 299.

¹⁹⁰ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 288, оп. 1, д. 1, л. 2 об

¹⁹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 89 об.

¹⁹² Там же, лл. 14 об., 15

Население Южного Азербайджана стремилось к сближению с Россией. Еще в 1826 г., когда русские войска совместно с ширванской и карабахской конницей вступили в Южный Азербайджан, население радостно встречало их и готово было сдать свою столицу. 2 октября 1827 г. был занят без боя г. Маранд. В овладении Марандом русскому отряду помогли местные жители - азербайджанцы. Большую поддержку русскому отряду азербайджанцы оказали в беспрепятственном продвижении к Тебризу. Жители г. Хоя проводили русских по малоизвестным горным дорогам. По свидетельству Эристова, они просили его поспешить с занятием Тебриза. «Города открывали свои ворота русским войскам, присылали депутации, передававшие просьбу населения, чтобы Россия не возвращала его под иго ненавистных Каджаров. По пути к Тебризу к русским войскам присоединился южно-азербайджанский конный отряд, состоявший из 2 тыс. добровольцев»¹⁹³. [206-207]

Аллахяр-хан, начальник Тебризского гарнизона, принимал все меры к тому, чтобы население приняло участие в обороне города. По его приказу горожан, не выполнявших его указаний, пытали, отрезали им носы, уши, выкалывали глаза. Но решение тебризцев сдать город русским войскам без боя было непоколебимо. Глава мусульманского духовенства Тебриза Ага-Мир-Феттах открыто перешел на сторону русских и призывал народ последовать его примеру. Русских солдат «езде встречали как своих покровителей, и даже находившиеся на работе в полях спокойно продолжали оную», - сообщалось в «Русском инвалиде».

Аллахяр-хан «употреблял все средства величайшей жестокости, чтобы склонить к защите жителей но, несмотря на это, его усилия остались тщетны». Старшины города «в сопровождении множества народов» вышли навстречу русским войскам «и по своему обыкновению усыпали дорогу цветами и закололи несколько быков», тем самым «изъявляя величайшую радость»¹⁹⁴, - писала та же газета.

Генерал Эристов принял депутатов от тебризцев, которые вручили ему ключи от крепости, и 13 октября 1827 г. русский отряд без единого выстрела, с музыкой и барабанным боем вступил в Тебриз.

Все боевые и продовольственные запасы иранской армии, склады, богатый арсенал, пороховой и литейный заводы, богатый трон наследника иранского престола Аббас-Мирзы, его жезл, 40 орудий и 2 знамени¹⁹⁵ - вот тот далеко не полный перечень трофеев русского отряда, занявшего Тебриз без боя.

Таким образом, благодаря активной поддержке русской армии азербайджанским населением столица Южного Азербайджана, резиденция наследника шахского престола - Тебриз - была взята без кровопролития.

Безусловно, для взятия Тебриза, укрепленного крепостью и цитаделью, усиленного шеститысячным гарнизоном регулярных войск и 40 крепостными орудиями, русскому командованию потребовались бы более значительные силы пехоты, артиллерии и длительная осада крепости, а это в свою очередь вызвало бы необходимость значительных продовольственных и боевых запасов, которыми не располагали русские войска, зашедшие в глубь Южного Азербайджана и оказавшиеся на большом удалении от главных сил Отдельного Кавказского корпуса. Поэтому активная помощь азербайджанского населения приобретает весьма важное значение.

Сдача Тебриза означала для Ирана потерю всего Южного Азербайджана с его огромными богатыми запасами боеприпасов, продовольствия и двумя военными заводами, построенными [207-208] англичанами. Иран уже не в состоянии был продолжать войну и вынужден был заговорить о мире. Тебризцы просили русское командование о том, «чтобы по заключении мира город не был возвращен Персии». Ненависть тебризцев к Каджарам была настолько велика, что «между ними не было недостатка в охотниках, вызывавшихся провести русский отряд и помочь ему захватить самого Аббас-Мирзу»¹⁹⁶.

Следует отметить, что потеря Тебриза означала не только потерю Южного Азербайджана, но и ставила под угрозу столицу шаха - Тегеран, путь к которому с падением Тебриза был открыт для русской армии. После взятия Тебриза в нем было создано временное правление из представителей русского военного командования и горожан. Начальником временного правления Южного Азербайджана был назначен ген. Остен-Сакен, комендантом крепости Тебриз был назначен декабрист, полковник И. Г. Бурцов, а инструкция по управлению Тебризом и всем Южным

¹⁹³ «История Азербайджана», т. II, стр. 41.

¹⁹⁴ «Русский инвалид», 1827, № 285; 1827, № 300.

¹⁹⁵ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 306.

¹⁹⁶ «Русская старина», 1897, т. 2, стр. 74-75

Азербайджаном составлена выдающимся русским поэтом-драматургом и дипломатом А. С. Грибоедовым.

В состав временного правления Южного Азербайджана по указанию царского правительства вошел глава тебризского духовенства муштеид Ага-Мир-Феттах, который способствовал русским войскам в занятии Тебриза. «Он оказал много услуг, - писал Паскевич, - как член временного правления Азербайджанского. Дисциплине войск наших и его внушением обязаны мы спокойствием Тавриза»¹⁹⁷.

Разумеется, царское правительство в своей завоевательной политике в Закавказье и Южном Азербайджане опиралось как на местных феодалов, недовольных Каджарами, так и на представителей высшего мусульманского духовенства, которых всеми мерами оно старалось привлечь на свою сторону, предоставляя им большие права, привилегии, земельные пожалования и крупные суммы денег. Царские власти в своей колонизаторской политике использовали и другого представителя высшего мусульманского духовенства - тифлисского азербайджанского ахунда Мулла Мухаммеда Али Сальянского, который именовался Шейх-уль-Исламом Закавказским и имел даже свою специальную «канцелярию» в Тифлисе, учрежденную царским правительством¹⁹⁸.

7 ноября 1827 г. в местечке Дейкарган начались переговоры между Аббас-Мирзой и Паскевичем.

В свите Аббас-Мирзы, выделенной для переговоров, были английские офицеры. Русская сторона поставила следующие условия: 1) уступка России ханств Эриванского и Нахичеванского; 2) очищение иранскими войсками Талышского ханства; 3) контрибуция в сумме 30 млн. руб. серебром. [208-209]

В ходе переговоров шах поставил условием для их дальнейшего ведения очищение русскими войсками Южного Азербайджана и отвод их на Аракс. С таким требованием он направил в Дейкарган своего уполномоченного, министра иностранных дел Мирза-Абуль-Хасан-хана.

Причиной такого резкого оборота дел послужило решение турецкого султана, давно готовившегося к реваншу после поражения в войне 1806-1812 гг, объявить войну России. Он уведомил об этом Фетх-Али-шаха, которому советовал не спешить с заключением мира, обещая вооруженную помощь.

Кроме того, новый претендент на шахский трон, второй сын шаха - Гасан-Али-Мирза, приписывая все неудачи Ирана в войне бездарности Аббас-Мирзы, с восьмьютысячным войском прибыл в Тегеран и объявил о своем решении лучше умереть, чем выплатить России хотя бы один червонец контрибуции. Фанатически настроенная часть населения Тегерана под влиянием проповедей примкнула к Гасан-Али-Мирзе. «В мечетях раздался ярый призыв на войну с неверными, и из столицы послали в Мешхед за священным зеленым знаменем пророка»¹⁹⁹.

При активном подстрекательстве английской дипломатии и под нажимом турецкого султана Фетх-Али-шах прервал переговоры о мире в Дейкаргане. Русским войскам был дан приказ о возобновлении наступления, в ходе которого был занят г. Урмия, без боя сдан г. Ардебиль.

В Ардебиле до прихода русских войск «вспыхнул мятеж и жители, ворвавшись в крепость, сами обезоружили сарбазов. Между тем старейшины города отворили ворота и встретили подходивший отряд с хлебом и солью»²⁰⁰.

Население Южного Азербайджана приняло активное участие в боевых действиях и оказало существенную поддержку наступающему русскому корпусу. В Тебризе была сформирована 12-тысячная азербайджанская конница для содействия русским войскам. Жители города предлагали русскому командованию «значительные пособия деньгами, хлебом и вьючным... скотом для движения русских войск к Тегерану, чтобы остаться во владении России»²⁰¹.

Почти весь город и округ Южного Азербайджана «последовали примеру Тебриза. Жители Хоя прислали к генералу Паскевичу депутацию с ходатайством не посылать войск против города, так как они и без того готовы сдать его, если вся область будет присоединена к России»²⁰².

Падение Ардебилля и близость русских войск к Тегерану вызвали панику тегеранского двора. Дальнейшее сопротивление было бессмысленно, и шах заговорил о мире. В Уджанский [209-210] замок к главнокомандующему русскими войсками шах направил нового уполномоченного, английского посланника Макдональда, с сообщением о своем согласии на все условия мира,

¹⁹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329. л. 14.

¹⁹⁸ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 288, оп. 1. д. 1, л. 1

¹⁹⁹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. I, стр. 313.

²⁰⁰ «Русский инвалид», 1827, № 300, стр. 314

²⁰¹ «История Азербайджана», т. II, стр. 447.

²⁰² «Русская старина», 1897, т. 2, стр. 76

требуемые российским правительством. В этот период части Отдельного Кавказского корпуса дислоцировались в основном на территории, занятой в результате войны. Характерно, что в квартирное расписание русских войск были включены и закавказские ополчения. В частности, азербайджанская конница, состоявшая из жителей Казахской дистанции, дислоцировалась в сел. Шули, в Южном Азербайджане, I Грузинская дружина - в крепости Эривань. а I, II и III армянские дружины - в крепости Сардабаде²⁰³.

Туркманчайский мирный договор и его значение в судьбах народов Закавказья

Англия выступила посредником в переговорах между Россией и Ираном. Английское правительство несомненно не стремилось к мирному урегулированию русско-иранского вопроса, но, опасаясь полного разгрома Ирана, захвата его столицы и дальнейшего продвижения русской армии на юг и юго-восток, оно поспешило подписать мирный договор на условиях, выставленных Россией.

Британская миссия в Тегеране стремилась добиться хотя бы неофициального посредничества в заключении мирного договора между двумя государствами.

После падения Тебриза и морского сражения в Наваринской бухте 20 октября 1827 г., ускоривших развязывание русско-турецкой войны, непосредственные задачи английской дипломатии в Иране резко изменились. Если до названных событий Англия помогала Ирану вести войну против России, то после них «в связи с успехом русских войск и русской торговли в Северном Иране ее задачей стало добиться заключения мира, выгодного для Ирана, и сохранения английского влияния в Иране»²⁰⁴ Помимо английского посланника Макдональда важную роль в русско-иранских и русско-английских отношениях в Иране в этот период играл секретарь британской миссии в Тегеране Макнейль. через посредничество которого шахское правительство согласилось произвести предварительную выплату 5 куруров (2500000 туманов). Иранская делегация на мирных переговорах в Дейкаргане под нажимом британской миссии предложила русской стороне передать оба экземпляра (на французском и персидском языках) будущего трактата до его подписания в руки Макдональда. Это предложение русской [210-211] делегацией не было принято, а в Тегеран 2 декабря для ускорения выплаты предварительной суммы с ультиматумом был направлен капитан Генерального штаба В. Д. Вольховский, сосланный на Кавказ за причастность к восстанию декабристов. 19 декабря Вольховский писал из Тегерана: «Ныне господин Макнейль все меры употребляет для убеждения шаха и приближенных его к скорейшему заключению мира, на каких бы то ни было условиях, ибо, зная положение Персии, он полагает, что продолжение войны будет иметь пагубнейшие последствия для царствующего дома»²⁰⁵.

Подобная оценка редкого поворота политики Англии в Иране в конце 1827 г. характерна и для иранской историографии. В иранских хрониках отмечалось, что «русское наступление привело в ужас английского посла в Иране Макдональда, который считал, что успехи русских войск в конечном итоге угрожают безопасности Британской Индии, и потому он отдал шаху 200 тыс. туманов, чтобы последний расплатился с русскими и приостановил их наступление»²⁰⁶.

В маленьком, селении Южного Азербайджана Туркманчае, близ Тебриза, 18 февраля 1828 г. возобновились мирные переговоры между русским главнокомандующим и наследником иранского престола.

Российское правительство уполномочило Паскевича потребовать от шаха присоединения к России Южного Азербайджана, территорию которого населяли единокровные братья нынешнего азербайджанского народа.

Участник туркманчайских переговоров в составе миссии России А. С. Грибоедов также высказывал мысль о присоединении южных областей Азербайджана к России. Грибоедов считал необходимым обеспечить независимость южных областей Азербайджане Он писал: «Сама провинция (Южный Азербайджан. - *Х. М. И.*) прокормит 20 тысяч милиции (ополчения. - *Х.*

²⁰³ ЦГВИА, ф. ВУЛ, д. 4239, л. 10 об.

²⁰⁴ Л. С. Семенов, Россия и международные отношения на Среднем Востоке..., стр. 121.

²⁰⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 97.

²⁰⁶ Б. П. Б а л а я н, Присоединение Закавказья к России., стр. 196.

М. И.), образованной из народа, известного духом недовольства против нынешнего своего правительства»²⁰⁷.

Британские колонизаторы, понимая экономическое и стратегическое значение Южного Азербайджана и считая, что это «наиболее производительная и культивируемая провинция Персидской империи», приложили все усилия к тому, чтобы заставить Россию отказаться от присоединения Южного Азербайджана. В связи с надвигавшейся войной с Турцией царское правительство спешило заключить мирный договор с Ираном. Договор был подписан 22 февраля 1828 г.

По условиям Туркманчайского мирного трактата Иран уступал России «в совершенную собственность ханство Эриванское по сю и по ту сторону Аракса и ханство Нахичеванское». Кроме [211-212] того, шах обязывался выплатить России контрибуцию в сумме 20 млн. руб. серебром. По условиям трактата (ст. 8) иранское правительство обязывалось гарантировать свободу торговли России на Каспийском море и в Иране. Одним из важных пунктов Туркманчайского трактата было подтверждение пункта "Гюлистанского трактата об исключительном праве России иметь военный флот на Каспийском море"²⁰⁸. Этот пункт явился сильным ударом по интересам Англии, стремившейся к созданию военного флота на Каспии. Туркманчайский мир значительно укреплял стратегические позиции российского царизма на Кавказе, особенно в Закавказье, и способствовал дальнейшему расширению политического и экономического влияния России в странах, тяготевших к Каспийскому морю.

Туркманчайский мирный договор положил конец кровопролитным русско-иранским войнам первой трети XIX в. и зафиксировал отказ шахского Ирана от притязаний на Закавказье и Дагестан.

Само собой разумеется, что русский царизм, ведя захватническую войну с шахским Ираном, вовсе не думал о судьбе азербайджанского и других народов Закавказья, хотя и прикрывал свою политику «благородной освободительной миссией» по отношению к этим народам, а вел войну за территориальные захваты и за преобладание своего влияния на Среднем Востоке. Но при всем реакционном содержании целей русского царизма, установившего в присоединенном Азербайджане и во всем Закавказье жестокий колониальный режим, объективно результат русско-иранской войны и заключение Туркманчайского мирного трактата сыграли прогрессивную роль в судьбах азербайджанского, грузинского и армянского народов. Население Азербайджана и его воинские иррегулярные конные и пешие ополчения приняли активное участие в русско-иранской войне в 1826-1828 гг. на стороне русской армии, хотя колониальные цели даризма были совершенно чужды народу.

Следует отметить, что поддержка населением Азербайджана русской армии в русско-иранской войне 1826-1828 гг. по сравнению с русско-иранской войной 1804-1813 гг. носила более широкий, массовый и повсеместный характер.

Помимо партизанских действий населения на захваченной врагом территории, в боевых действиях в составе войск Отдельного Кавказского корпуса участвовали азербайджанские конные и пешие ополчения, свыше 12 тыс. человек²⁰⁹. Эти так называемые [212-213] «земские ополчения», или «дружины», «мусульманская», или «татарская», конница представляли собой в отличие от азербайджанских ополчений периода первой русско-иранской войны более организованные и дисциплинированные иррегулярные войска. Если во время первой русско-иранской войны «земские ополчения» возникали стихийно или создавались по призыву кяндхуд, беков, агаларов и в основном состояли из феодально-зависимых крестьян (райятов), лично зависимых от беков крестьян (ранджбаров) и маафов, то во второй русско-иранской войне наряду с такими ополчениями большое число их создавалось по нарядам царского правительства, распределявшимся между провинциальными комендантами, окружными начальниками, магальными наибами, моуравами дистанций и т. п. По нарядам царского правительства предписывалось брать «с нескольких дворов - одного человека»²¹⁰. По сравнению с райятами и ранджбарами маафы были на привилегированном положении, и их военная служба продолжалась и в мирное время. Ополчения же из райятов и ранджбаров после войны распускались по домам.

²⁰⁷ «История Азербайджана», т. II, стр. 44

²⁰⁸ ПСЗРИ, т. III, № 1794, стр. 123-130.

²⁰⁹ Численность азербайджанских ополчений и милиционных отрядов подсчитана автором по неопубликованным материалам: ЦГВИА, ф. 194, оп. 1, д. 36 лл. 112-113; ф. 476, д. 14, лл. 1-3; ф. ВУА, д. 4290, лл. 93-94, 246-247; д. 4297. л. 22; д. 4312, л. 24; ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, д. 119, л. 1; ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 1. д. 51; д. 90. л. 2; д. 91, л. 54; оп. 2, д. 830, лл. 13-13 об.: ф. 1105. д. 440, лл. 16-17; ЦГИА Азерб. ССР, ф. 130, сп. 2, д. 10, лл. 17-18; д. 45. лл. 131-133, 135. 266. 271.

²¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 3, д. 116, л. 1.

Азербайджанские ополчения периода второй русско-иранской войны носили такой же феодальный характер, как и в период первой. По своему содержанию же и действиям в отличие от сугубо феодальных ополчений времен междоусобия ополчения, участвовавшие в русско-иранской войне 1826-1828 гг., были народными, и интересы их в борьбе против иноземных захватчиков в определенной мере совпадали с внешнеполитическими интересами царской России.

Но «феодальные ополчения были достаточны для кратковременных предприятий и в случае частых раздоров соседних владельцев». Созыв и формирование азербайджанских ополчений основывались «на древнем обычае, который па всякого имеющего землю и крестьян» налагал «обязанность служить на войне». Земские ополчения, подобно древним «феодальным» дружинам, не имела «возможности продолжать службу сию долго на своем иждивении»²¹¹, т. е. со своим снаряжением, вооружением и конем, а также продовольствием и фуражом. Азербайджанские ополчения, действовавшие и 1826 г., не снабжались царским правительством. Поэтому они не в состоянии были «служить целую кампанию без содержания и платы от казны». Ополченцев - крестьян, маафов и прочих - в некоторых провинциях обеспечивали всем необходимым их беки и агалары, которые сами обязаны были «в случае войны служить лично при своем владельце за уступленное ему поместье»²¹².

Надо сказать, что во многих ханствах Азербайджана в первое время после их присоединения к России «в частном землевладении не произошло почти никакого изменения». Все беки, [213-214] агалары и другие местные феодалы, не проявившие враждебности по отношению к царским властям, продолжали по-прежнему «управлять деревнями». Эта привилегия, предоставленная местным феодалам, свидетельствует о том, что после присоединения Азербайджана к России царизм стремился превратить местных феодалов в свою надежную опору²¹³.

Таким образом, если до ликвидации ханств в Азербайджане беки и агалары, будучи вассалами ханов, обязаны были в случае войны служить лично со своей дружиной при своем владельце, то после изгнания ханов и упразднения ханств они, превратившись в вассалов царского самодержавия, в его опору в Азербайджане, обязаны были в случае войны участвовать со своими ополчениями и боевых действиях или в составе русских войск, или самостоятельно. Царское правительство почти не изменило систему формирования азербайджанских ополчений в войне 1826-1828 гг. руководствуясь тем, что азербайджанцы, как и все народы Закавказья, «привыкли выставлять ополчение, а большая часть их, по своей воинственности», выставляла «его даже охотно, если только русское начальство» принимало «в должное внимание местные нравы и туземную общественную иерархию, не разрушая ее в распределении военного начальствования и подчиненности»²¹⁴.

Следует отметить, что в ходе второй русско-иранской войны царское правительство и военное министерство убеждались в эффективности вооруженной поддержки русской армии азербайджанскими и другими закавказскими национальными ополчениями. В отличие от периода первой русско-иранской войны царское военное командование в планах довольно крупных сражений, в «квартирном расписании» войск, в «подробных реляциях», в «строевых рапортах войск Отдельного Кавказского корпуса» определенное место уделяло азербайджанским иррегулярным формированиям. Социальный состав этих формирований, как и в период первой войны, был разнороден, но в 1826-1828 гг. численность представителей господствующих классов (беков, Агаларов, кяндхуд, есаулов, магальных наибов и т. п.) значительно увеличилась. Это и понятно, ибо политика царизма по привлечению на свою сторону местных феодалов накануне войны привела к тому, что многие из них, и особенно местные дворяне (беки), изменили свои проиранские симпатии, стали ориентироваться на Россию и служить царю, хотя в начале войны часть этих беков и оказалась в лагере противников России. Но как бы ни было велико число представителей господствующих классов в этих ополчениях, все же их рядовой состав набирался из крестьян, маафов, ремесленников.

Если в документах царского командования периода первой русско-иранской войны крайне редко встречались наградные [214-215] листы, списки награжденных с перечислением фамилий и имен отличившихся азербайджанцев или подробные описания подвигов их в сражениях, те официальные документы и частная переписка периода второй русско-иранской войны изобилуют как именными списками отличившихся и награжденных азербайджанцев, так и описанием их

²¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4809. лл. 7, 9.

²¹² Там же. лл. 7 об., 9 об.

²¹³ И. М. Г а с а н о в. Частновладельческие крестьяне..., стр. 42

²¹⁴ Р. А. Ф а д е е в, Записки о кавказских делах, стр. 200

боевых действий и отличий на полях войны в боевом содружестве с русскими солдатами, с грузинскими и армянскими ополченцами. Среди этих документов очень много таких, которые свидетельствуют о ратных подвигах рядовых воинов, азербайджанских крестьян и простых горожан²¹⁵.

Во второй русско-иранской войне наряду с вооруженной помощью население оказало существенную материальную поддержку войскам Отдельного Кавказского корпуса, что в значительной мере способствовало победе над иранскими войсками.

Необходимо также подчеркнуть, что накануне и в ходе второй русско-иранской войны азербайджанские воинские иррегулярные формирования, помимо непосредственного участия в боевых действиях, несли самостоятельную пограничную службу на границах Азербайджана, Грузии и Армении с Ираном, что свидетельствует об окончательно закрепившемся стремлении населения Азербайджана к сближению с Россией. Охраняя важные пограничные посты, укрепления и горные проходы, азербайджанские пограничные «земские» ополчения принимали зачастую на себя первые удары вторгавшихся в пределы Закавказья иранских войск.

Как существенный фактор следует отметить, что в период русско-иранской войны 1826-1828 гг. число сторонников русской ориентации в Азербайджане по сравнению с периодом первой русско-иранской войны 1804-1813 гг. значительно возросло и охватило более широкие слои крестьян, ремесленников и горожан.

---

²¹⁵ См.: ЦГВИА, ф. 395, оп. 132/372. д. 63, л. 2; д. 165, л. 5; ф. ВУА. д. 4290, л. 173; ЦГИА Груз. ССР. Ф. 1105, д. 440. лл. 6-7; ЦГИА Азерб. ССР ф. 130, оп. 10, лл. 17-18; д. 45, лл. 131-135, 266-271.

ГЛАВА III

БОЕВОЙ ВКЛАД АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ИРРЕГУЛЯРНЫХ ВОЙСК В ПОБЕДУ РОССИИ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1828-1829 гг.

Политика царизма в Закавказье в конце 20-х годов XIX в. и борьба между сторонниками русской и ирано-турецкой ориентации в Азербайджане

В восточном вопросе основную роль для царской России играли стратегические и международные соображения, но не меньшее значение придавалось и экономическим мотивам. Проливы Босфор и Дарданеллы, считавшиеся ключевыми для господства на Черном и Средиземном морях, представляли собой главную цель политики русского царизма. «Торговое значение Дарданелл и Босфора, - писал Ф. Энгельс, - делает их одновременно также первоклассными военными позициями, то есть такими позициями, которые будут иметь решающее значение в каждой войне»¹. В этой связи особое значение приобретали Кавказ и Закавказье, к которым и были устремлены «жадные взоры» как русского царизма, так и англо-французских колонизаторов. По этому поводу К. Маркс писал: «Тот, кто держит в своих руках устье Дуная, господствует и над самим Дунаем - этим путем в Азию... Если эта держава владеет к тому же еще и Кавказом, тогда ей принадлежит Черное море»².

Внешняя политика царизма в первой половине XIX в. отвечала интересам помещиков и буржуазии, заинтересованных в освоении окраин империи и овладении наиболее удобными торговыми путями к внешним рынкам. Это усилило колониальные тенденции царизма, особенно по отношению к Черному морю и Кавказу.

Невзирая на бесспорность того, что широкие массы населения сами во многом способствовали присоединению Закавказья к России, царское самодержавие установило в Закавказье систему так называемого комендантского управления, которая по существу мало чем отличалась от режима военной оккупации.

В этот период в Азербайджане еще продолжалась борьба между сторонниками русской ориентации и ее противниками, связанными с Ираном и Турцией, но перевес был безусловно на стороне первых, ибо к 20-м годам XIX в. весь Азербайджан [216-217] окончательно вошел в состав России, а ханства были превращены в провинции и округа Российской империи.

Недовольство русскими властями проявляли лишь отдельные приверженцы и сподвижники бежавших в свое время в Иран или изгнанных феодалов. Используя недовольство и отдельные выступления крестьян против царской администрации, эти люди пытались реставрировать господство своих и иранских феодалов. К числу таких недовольных в Азербайджане принадлежал бывший ширванский владетель Мустафа-хан, который впоследствии поступил на службу к турецкому султану, выполняя роль агента в Азербайджане и Дагестане³, в Грузии царевич Александр, который пребывал постоянно в Иране и часто посещал Турцию, в Дагестане - родственник Сурхай-хана Казикумыкского Хаджи Омар, который осуществлял связь между шахом и султаном и появлялся с письмами и воззваниями султана в Азербайджане и Дагестане⁴. Не находя опоры среди населения своих бывших владений, эти феодалы искали поддержки у враждебных России сил за рубежом, становясь, таким образом, агентами Турции и Ирана. Те же феодально-помещичьи круги Азербайджана (беки, агалары, султаны) и их приверженцы, которые принимали участие в войне против Турции, руководствовались личными корыстными целями, стремясь за «верную службу» получить пожалования императора и сохранить свое привилегированное положение в условиях царского режима.

Об отношении народов Азербайджана, Грузии и Армении к внешнеполитическим событиям данного периода убедительно свидетельствует массовое переселение азербайджанцев и армян в пределы тех областей, которые включались в состав России. После ухода русских войск с какой-либо территории по условиям мирных трактатов или же из тактических соображений вслед за

¹ Ф. Э н г е л ь с, Действительно спорный пункт в Турции, стр. 14

² К. М а р к с, Лорд Пальмерстон, стр. 408

³ ЦГИА Груз. ССР, ф. II, д. 8, л. 174 об.

⁴ Там же, л. 180.

ними уходили тысячи жителей, не желавших оставаться под властью Ирана или Турции. Крестьяне, ремесленники и прочее население многих азербайджанских провинций участвовали в войне, связывая с ней свои надежды на избавление от нескончаемых чужеземных нашествий, но не сознавая при этом истинных намерений русского царизма.

Начало войны и создание азербайджанских ополчений для вооруженной помощи русской армии

Русско-турецкая война 1828-1829 гг. нашла свое отражение в многочисленных работах дореволюционных, зарубежных и советских историков. Однако предметом исследования их было [217-218] преимущественное освещение хода военных действий на Балканском театре этой войны и частично действий Черноморского флота. Они интересовались главным образом боевыми действиями 2-й армии, а судьба Отдельного Кавказского корпуса и тем более участие в войне национальных иррегулярных войск не были предметом их исследования. Между тем значимость Кавказского театра русско-турецкой войны 1828-1829 гг. становится очевидной при подробном знакомстве с ходом и результатами боевых действий на нем. Оценивая значение Кавказского театра войны 1828-1829 гг., следует отметить, что азиатская часть Турции, т. е. Анатолия, имела важное стратегическое и торговое значение для Османской империи и, прилегая вплотную к территории присоединенных к России областей Закавказья, имела также важное значение для России. Основным военно-операционным направлением русско-турецкой войны было Карс - Эрзерум - Трапезунд для русской стороны и Эрзерум - Карс - Ардаган - Тифлис - для турецкой.

Главной задачей царского командования было осуществление форсированного марша через Соганлугский хребет и Армянское нагорье в глубь Анатолии, разгром главных сил анатолийской армии турок на промежуточных рубежах Ахалкалаки, Ахалцых, Карс, Канлы-чай, Милли-Дюз, овладение столицей Анатолии - Эрзерумом, дальнейшее наступление на Трапезунд и создание угрозы столице Османской империи - Константинополю. Стратегическое значение Карса и Эрзерума отмечал К. Маркс, подчеркивая: «Если Карс является ключом к Эрзеруму, то Эрзерум является ключом к Константинополю и центром, где сходятся стратегические и торговые пути Анатолии»⁵. Таким образом, от падения Эрзерума зависел победоносный исход войны для России. От падения же Тифлиса зависел победоносный исход войны для Турции. В статье «Священная война» Ф. Энгельс в конце октября 1853 г. писал: «Эрзерум с турецкой стороны, Тифлис - с русской можно считать двумя непосредственными операционными базами, потеря которых привела бы неизменно к потере всей прилегающей области. Поэтому успешный штурм Эрзерума русскими решил исход кампании в Азии в 1829 г.»⁶.

Значение Эрзерума в русско-турецких войнах подчеркивается и в современной турецкой историографии⁷.

Война России с Турцией в 1828-1829 гг. носила несправедливый характер. Но, невзирая на это, для народов Закавказья она объективно сыграла прогрессивную роль. Благодаря России азербайджанский народ, так же как и народы Грузии и Армении, был спасен от физического истребления феодалами [218-219] Высокой Порты и фанатического шахского Ирана, за спиной которых всегда стояли Англия и Франция.

«В истории, - указывал В. И. Ленин, - неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения...»⁸. Именно такой войной для народов Закавказья явилась русско-турецкая война 1828-1829 гг., избавившая их от ирано-турецкого гнета.

Огромная Османская империя в первой трети XIX в. переживала тяжелый кризис, который пагубно повлиял на вооруженные силы. Численность турецкой армии была очень велика, но ее оснащенность и тактика были на крайне низком уровне, в результате чего лишь небольшая часть ее представляла собой боеспособную маневренную силу. Цвет турецкой армии - янычары и ленники-сипахи - к 1826 г. утратили свою былую мощь и перестали представлять собой боевое

⁵ К. Маркс, Падение Карса, стр. 637.

⁶ Ф. Энгельс, Священная война, стр. 450.

⁷ См.: Ф. Н. Агмоглу, Siyasi tarih dersleri, стр. 144; Uçok C o ş k u n, Siyasi tarih, стр. 120

⁸ В. И. Ленин, Социализм и война, стр. 311.

ядро османской армии. «...Прежние военные силы были уничтожены, - писал К. Маркс, - новых рекрутов, слабо дисциплинированных, было всего 33000 человек»⁹.

В 1826 г. Махмуд II провел военную реформу, уничтожил всех янычар, сжег их дома и имущество и попытался создать с помощью английских и французских военных инструкторов новую регулярную армию - низам. Эта армия численностью в 65 тыс. человек не имела высокой боевой выучки и не отвечала требованиям военного искусства той эпохи. Что же касается 10 тыс. сипахов и 100-тысячной иррегулярной кавалерии, то эти войска представляли собой разноязычные, плохо организованные вооруженные толпы, не знакомые с тактикой и не соблюдавшие в ходе сражений никаких боевых порядков.

Турецкий историк Ниязи Акшит признает в своей работе, что «прецкая армия не была готова к войне [1828-1829 гг.]. Два года назад было уничтожено янычарское войско, а новое дисциплинированное регулярное войско не было еще создано»¹⁰.

Преимуществом противника были удобные коммуникации, близость к театру военных действий баз снабжения и выгодные естественные рубежи (горы Малого Кавказа и Армянское нагорье), укрепленные многочисленными труднодоступными замками, крепостями, чего не имела в то время Россия.

В летопись истории русско-турецкой войны 1828-1829 гг. вписаны яркие страницы совместной борьбы русских, азербайджанских, грузинских, армянских и дагестанских воинов против турецких завоевателей. [219-220]

Еще в марте 1828 г. царское командование распорядилось организовать для несения пограничной службы ополченские отряды, рассчитывая собрать 1000 пехотинцев и 1500 кавалеристов из азербайджанцев и около 600 человек пехоты из армян¹¹. Перед кампанией 1828 г. из азербайджанцев некоторых провинций были собраны конные ополчения и направлены в укрепленные лагеря для участия в боевых операциях в составе войск Отдельного Кавказского корпуса. Эти ополчения, или, как их называли тогда, земские войска, имели своего начальника, в каждой сотне находилось по одному старшине с тремя помощниками в звании обер-офицеров и по десять человек в звании унтер-офицеров. Этим войскам было предписано из сборных пунктов Гумри и Цалка направиться к границе и «не позже 15 числа мая (1828 г. - *Х. М. И.*)... находиться при главном отряде»¹².

В мае 1828 г. из азербайджанцев были сформированы пешие и конные ополчения численностью до 2500 человек. Наряду с этим русским командованием был сформирован «один сарбазский (пехотный. - *Х. М. И.*) батальон из эриванских мусульман» под командой офицера-азербайджанца. Помощником командира батальона был назначен русский штабс-офицер. Батальон состоял из 8 пехотных рот, в каждой роте было 2 обер-офицера, 9 унтер-офицеров, 3 музыканта и 130 рядовых. Всего в чем насчитывалось 16 обер-офицеров, 72 унтер-офицера, 26 музыкантов и 1040 рядовых¹³.

Отдельный Кавказский корпус, боевое содружество русских декабристов и азербайджанцев

Русско-турецкая война 1828-1829 гг. обнажила все рутинные каноны николаевской военной системы.

Она велась на двух самостоятельных театрах, без стратегической согласованности и без координации боевых действий войск. Такие «стратеги» царской России, как Дибич, составляя план войны, исключительное внимание уделяли Балканскому театру, игнорируя важное стратегическое и политическое значение Кавказского театра. Один лишь Ермолов в 1826 г., командовавший тогда войсками на Кавказе и придававший огромное значение этому театру, предложил царскому Главному штабу свои соображения по части взаимодействия дунайских армий с войсками Кавказского корпуса. Он правильно оценивал важное значение наступательных действий Кавказского корпуса в Закавказье, считая, что этим будет достигнуто отвлечение крупных турецких сил от Балканского театра войны, занятие [220-221] подступов глубокого тыла

⁹ К. М а р к с, Западные державы и Турция, стр. 13.

¹⁰ N j a s i A k ş i t, Tarih, стр. 188

¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 277.

¹² ЦГИА, Груз. ССР, ф. 548, оп. 3, д. 95, л. 8.

¹³ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 277, д. 17348, лл. 2-4.

Османской империи и разгром ее вооруженных сил охватывающим двусторонним ударом с обоих театров.

Царский Главный штаб, Николай I и его советники сосредоточили все внимание на Балканах, положившись в Закавказье на бездарного, нерешительного и честолюбивого Паскевича. пользовавшегося особой любовью царя и юлько благодаря этому поднявшегося до высокого поста главнокомандующего и получившего фельдмаршальский жезл.

Силы, выделенные царским самодержавием для ведения войны с Турцией, явно не соответствовали задачам, поставленным перед армиями. Войска, которым предстояло начать кампанию на Балканах, были малочисленны и плохо оснащены. Кроме того, боевые качества их были крайне низкими. Высший командный состав 2-й армии представляли невежественные, бездарные, безынициативные и малограмотные в стратегическом и тактическом отношении генералы Витгенштейн, Воинов, Рот¹⁴ и др. Аракчеевский дух царил среди командного состава армии. Плац-парадная муштра довела над всеми видами боевой подготовки войск, 2-я армия страдала пороками, присущими всем вооруженным силам самодержавной России той эпохи.

Но, невзирая на аракчеевщину, в рядах русской армии в этот период жили и прогрессивные традиции русского военного искусства. В отличие от русских войск, дислоцированных в центре России, в Отдельном Кавказском корпусе прогрессивные боевые традиции получили особенно сильное развитие. В самые мрачные времена разгула аракчеевщины Отдельный Кавказский корпус, которым командовал один из видных учеников Суворова, герой Отечественной войны 1812 г. А. П. Ермолов, продолжал жить своей, отличной от других корпусов, жизнью. Как и во всей русской армии, в Кавказском корпусе «имелась прослойка, выделявшая искренних патриотов и талантливых полководцев, которые честно служили родине и, наперекор давлению сверху, улучшали действительно боевые качества армии, поднимая ее авторитет на полях сражений»¹⁵.

Характер боевых действий в горах позволял личному составу корпуса идти вразрез с неразумными требованиями царских уставов. Войска корпуса были воспитаны на прогрессивных традициях суворовской и кутузовской военной школы, развитию которых в кавказских войсках содействовали декабристы, офицеры и солдаты, сосланные Николаем I на Кавказ после подавления декабрьского восстания. В. И. Ленин высоко оценил декабристов и историческое значение их первого в России вооруженного выступления для свержения самодержавия. [221-222] «Дворяне, - писал Ленин, - дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество „пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников", да прекраснодушных Маниловых. „И между ними, - писал Герцен, - развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, войны-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабелепия"»¹⁶.

В этот период Кавказ, где не прекращались военные действия, был для декабристов местом ссылки. Среди рядовых солдат было немало «штрафных и ссыльных» участников крестьянских и солдатских волнений. Среди офицеров и солдат, служивших в Кавказском корпусе, имелся значительный процент сосланных «политически неблагонадежных», не желавших примириться с аракчеевскими «нововведениями» и реакционным режимом, насаждаемым в русской армии после Отечественной войны 1812 г.

К началу 1827 г. в частях Отдельного Кавказского корпуса числилось до 2800 солдат-декабристов. В числе сосланных на Кавказ декабристов были выдающиеся прогрессивные военные деятели И. Г. Бурцев, М. И. Пущин, Коновницын, Д. Искрицкий, Семичев, В. Толстой, З. Чернышев, В. Д. Вольховский, Н. Н. Раевский и многие другие. Генерал-майор И. Г. Бурцев, разжалованный в рядовые, бывший гвардии капитан М. И. Пущин, капитан В. Д. Вольховский, генерал-майор Н. Н. Раевский, Д. Искрицкий сыграли большую роль в войнах против Ирана и Турции, занимая важные командные должности. По их славу как выдающихся знатоков военного дела присвоил себе главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевич.

В частях Отдельного Кавказского корпуса проходили боевую службу и другие сосланные на Кавказ декабристы, такие, как Бестужев-Марлинский и Мусин-Пушкин.

В Нижегородском драгунском полку служил и брат А. С. Пушкина Лев Сергеевич Пушкин, принявший непосредственное участие в сражениях против турок, где проявил хладнокровие и бесстрашие. Бок о бок с русскими солдатами и офицерами из опального сводного гвардейского

¹⁴ Ген. Рот был одним из отъявленных палачей декабристов, который жестоко подавил восстание Черниговского полка.

¹⁵ М. И. К а л и н и н, О коммунистическом воспитании и воинском долге стр. 666.

¹⁶ В. И. Л е н и н. Памяти Герцена, стр. 255.

полка¹⁷, Нижегородского драгунского, Сводного уланского, Херсонского гренадерского, 41-го егерского полков и других частей и соединений сражались азербайджанские воины из конных ополчений. [222-223]

Общение с декабристами благотворно сказалось на развитии передовой идеологии народов Закавказья, в том числе и азербайджанского народа. «Декабристы оказались в живой связи кавказских народов с русским общественным движением»¹⁸. Среди боевых друзей декабристов на Кавказе были полковник русской службы Аббас-Кули-Ага Бакиханов, капитан первого конно-мусульманского полка Фараджулла-бек, поручик Фехрат-бек и др.

Беззаветная храбрость и отличная боевая служба декабристов в частях Отдельного Кавказского корпуса в период русско-турецкой войны 1828-1829 гг. не избавили их от секретного надзора командования корпуса. Ген. - майор Бурцов, полковники Леман, Миклашевский I, капитан Семичев, Пыхачев, поручики Гангелов, Добринский, подпоручики Малютин, Кожевников, прапорщики Коновницын, Арцибашев и многие другие декабристы по «высочайшей воле» из-за «прикосновенности их к делу о злоумышленных обществах» подверглись тайному надзору¹⁹. Но, несмотря на это, Паскевичу не удавалось полностью изолировать их и лишить возможности дружеского общения между собой и с новыми сослуживцами по армии²⁰, в том числе и с азербайджанскими офицерами и рядовыми бойцами азербайджанских конных полков.

В этом особая заслуга принадлежит ген. Раевскому, сыну знаменитого героя Бородина. Он был сослан на Кавказ за «прикосновение» к декабристам, после заключения в Петропавловской крепости. В русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Раевский командовал Нижегородским драгунским полком, который в период всей войны действовал в самом тесном контакте с конными азербайджанскими полками. Между русскими драгунами под командованием Раевского и азербайджанскими воинами сложилось боевое содружество, скрепленное кровью во многих сражениях против турецких захватчиков. В ходе войны Раевский неоднократно назначался командиром сводной азербайджанской кавалерийской бригады, выполнявшей важные боевые задачи. Через него азербайджанские офицеры и воины общались с декабристами и в часы затишья, и во время военных действий²¹.

В период жесточайшей политической реакции и разгула великодержавного шовинизма, в обстановке грубого произвола царских сатрапов и насилий крепостников-феодалов декабристы, служившие в Отдельном Кавказском корпусе, проявляли сочувствие и подлинный гуманизм к тем, кого официальная пресса именovala не иначе, как «хищниками» и «дикарями». Декабристам было чуждо предвзятое мнение чванливой петербургской [223-224] знати о пародах Кавказа. Уважая национальные традиции народов Закавказья, в том числе азербайджанского народа, декабристы проявляли глубокий интерес к их богатому прошлому, их древней и своеобразной культуре. Декабристы всячески содействовали боевому содружеству русских частей и азербайджанских конных полков, действовавших в операциях против турецких войск в 1828-1829 гг.

Офицеры-декабристы и офицеры, причастные к декабрьскому восстанию, руководили многими боевыми операциями, выполняемыми азербайджанскими конными полками. В частности, Н. Н. Раевский командовал сводной кавалерийской бригадой, в которую входили азербайджанские полки в кампанию 1829 г. Азербайджанские воины в составе конницы под командой Н. Н. Раевского с успехом выполняли ответственные боевые операции (взятие крепости Хертвис, Соганлугское сражение)²². Об исключительном доверии к азербайджанским воинам и о высокой оценке их декабристами свидетельствует тот факт, что декабрист И. Г. Бурцов в самый ответственный момент сражения под сел. Харт 19 июля 1829 г. на прорыв турецких позиций взял с собой 2-й конно-мусульманский полк²³.

Почти все декабристы, сосланные на Кавказ в конце 20-х годов XIX в., принимали участие в войнах с Ираном и Турцией. Они расценивали эти войны как освободительные для народов Закавказья.

Активное участие населения Закавказья в борьбе, которую зела Россия против Турции, материальная и моральная поддержка, оказываемая русским войскам азербайджанцами, грузинами

¹⁷ См.: ЦГИА Груз. ССР, ф. 143-8, оп. 1, д. 601, лл. 13-15. Из солдат Московского и Гренадерского полков, принимавших наиболее активное участие в событиях 14 декабря 1825 г., был сформирован сводный гвардейский полк, который в августе 1826 г. прибыл в Тбилиси в составе 38 офицеров и 1282 рядовых.

¹⁸ М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. II, стр. 449

¹⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 1, д. 77, лл. 488-489 об.

²⁰ Вейденбаум, Декабристы на Кавказе, стр. 484.

²¹ См.: А. С. Пушкин, Путешествие в Арзрум, стр. 378; И. К. Ениколопов. Современники о Бакиханове, стр. 31

²² «Архив Раевских», т. I, стр. 454

²³ «История военных действий в Азиатской Турции в 1828-1829 гг.», ч. II (см. АКАК, т. VII, док. 804), стр. 198-201.

и армянами, являлись важным фактором, способствовавшим успешному для России исходу войны. В результате дружественного расположения части населения Азербайджана, Грузии и Армении к русским войскам они не чувствовали себя во враждебной среде и знали, что за спиной имеют надежный тыл.

Взятие русской армией крепостей Карс, Ахалкалаки, Хертвис, Баязид

Летняя кампания на Кавказском театре войны началась с наступления русских войск на Карсском направлении. Преодолев естественные преграды, войска корпуса 17 июня 1828 г. подошли к Карсу.

19 июня авангард русских войск приближался к крепости Карс. Но едва войска достигли высот перед крепостью, «как многочисленная конница выступила из оной и стремительно [224-225] бросилась на передовые казачьи полки»²⁴, которые по приказанию командования стали отходить к правому флангу. «Уверенный в успехе, неприятель понесся за казаками, а в сие мгновение на усиление казаков ринулись русские уланы Сводного уланского полка» с линейным казачьим, татарским ополчением и двумя орудиями с целью «отрезать неприятеля от крепости»: с другой стороны на турецкую кавалерию двинулись саперы 8-го пионерного (саперного. – *Х. М. И.*) батальона с 4-мя орудиями казачьей артиллерии под командованием Бурцова. «Стройность и быстрота» кавалерийской атаки, произведенной уланами, линейными казаками и азербайджанскими всадниками «под огнем крепости во фланг неприятеля, смяла его и причинила жестокое поражение». Неприятельская конница, потеряв до 300 человек убитыми и ранеными и большое количество лошадей, в панике устремилась обратно в крепость Карс.

В рапорте в Петербург 19 июня 1828 г. русский главнокомандующий писал: «Невзирая на отважность неприятельской конницы, которая бросилась в рукопашный бой, наша иррегулярная кавалерия (казаки и азербайджанские всадники. - *Х. М. И.*) ничем не уступала ей в сем роде сражения»²⁵.

22 июня русская пехота, казаки и азербайджанская конница штурмом овладели крепостью Карс. Европейские путешественники сравнивали крепость Карс с Гибралтаром, считая ее неприступной. «Трофеями победы были 151 орудие, 700 пудов пороха, множество снарядов и других запасов»²⁶. Уже в этом сражении приняли участие азербайджанцы, которые составляли так называемую «татарскую конницу», входившую в состав Отдельного кавалерийского отряда вместе со Сборным линейным казачьим и Донским полками²⁷.

В осаде и штурме Карса принял активное участие Аббас-Кули-Ага Бакиханов, награжденный за мужество и храбрость.

При осаде Карса проявили храбрость также поручик Мирза Мамед Гусейн-бек Исмаил-оглы и др. В боевых операциях 1828 г. приняли участие азербайджанские конные и пешие иррегулярные отряды. Всего участвовало 2700 человек - 500 человек ширванского конного ополчения, 300 человек шекинского ополчения, 200 человек Борчалинского, конного отряда, входившего в конвой главнокомандующего Кавказским корпусом, около 100 человек и пехотного батальона, состоявшего из 1156 эриванских азербайджанцев²⁸.

Участник войны ген. Муравьев-Карский писал, что воины азербайджанских конных отрядов «служили хорошо и были [225-226] грозой для турок, совершая победы... в преследовании бегущего неприятеля, на коего набегали с удивительной быстротой и неотступностью»²⁹. Дореволюционный историк П. Зубов признавал, что азербайджанцы «с большой легкостью владеют оружием, отличные кавалеристы, храбры и неустрашимы, что... доказали на опыте в последние персидскую и турецкую войны»³⁰. «Карабахские татары, - писал один из русских генералов, - при всякой встрече с турками первые впереди храбро дрались»³¹.

²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4644, лл. 60-63.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 238, л. 2.

²⁷ ЦГВИА, ф. 477, д. 85, лл. 3-6.

²⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 2, д. 830, лл. 17-21, 33, 34; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4644, л. 27; д. 17348, лл. 3-4, ф. 477, д. 85, лл. 3-6.

²⁹ «Русский архив». 1894, кн. 3, стр. 380

³⁰ П 3 у б о в, Картина Кавказского края, стр. 156-157.

³¹ «Древняя и новая Россия», 1877, № 8, стр. 302.

В районе Ахалцыха в атаке против турецкого вспомогательного корпуса 9 августа 1828 г. вместе с солдатами Херсонского гренадерского полка под пушечными выстрелами противника действовало и азербайджанское конное ополчение. В рапорте царю от 10 августа 1828 г. Паскевич вынужден был писать: «...кавалерия наша с примерною твердостью выдержала сильный пушечный огонь. Турецкая конница три раза бросалась на нашу, но всегда наводима нашею татарскою конницею на батарею 4-х орудий... после сего всякий раз татарская конница с отважностью преследовала их, будучи поддержана Нижегородским драгунским и Сводным уланским полками»³².

Паскевич поощрял азербайджанскую знать - беков и агаларов, составлявших командный состав конных ополчений, щедро вознаграждая их подарками, деньгами, офицерскими чинами, боевыми орденами и медалями. Он стремился привлечь их на свою сторону, с тем чтобы создать более многочисленные ополчения для войны против Турции и укрепления колониальной власти царизма в Азербайджане. Награды и всевозможные поощрения получали также и рядовые всадники и ополченцы, которых царское командование старалось заинтересовать в службе. Но служба в иррегулярных частях и участие в войне рядового состава были вызваны не корыстными мотивами, а нежеланием оставаться под игмом ирано-турецких феодалов.

Уже в первых боях с турецкими войсками определилось боевое содружество русских солдат с азербайджанскими воинами. Часто это содружество превращалось во взаимодействие на поле боя. В одном из донесений Паскевич писал: «...все войска с криком „Ура!“ бросились вперед в штыки... Ширванский полк без выстрела овладел одним бастионом штурмом при сильнейшем неприятельском огне... Быстрое и удачное овладение бастионом произвело сильное влияние на неприятеля, тогда татары наши и казаки ворвались во второй лагерь, а регулярная кавалерия быстро вошла в третий»³³. О взаимодействии русских войск с азербайджанской конницей свидетельствуют бои по овладению двумя сильно укрепленными крепостями противника [226-227] Ахалкалаки и Хертвисом; первая взята штурмом батальоном Ширванского пехотного полка под командованием полковника Бородина, а вторая сдалась полковнику Раевскому по появлении его с татарским ополчением³⁴. Крепость Хертвис, расположенная в неприступном ущелье на речке Топоровани при впадении ее в Куру, составляла довольно сильно укрепленную позицию. Раевский 26 июля 1828 г. «с татарским ополчением, опустившись с высоких утесов Куры», имел задачу «стараться обложить крепость и пресечь путь бегущим из оной. Подступив к крепостным стенам», преодолев неимоверно трудную дорогу, Раевский под артиллерийским огнем «с 20 татарами занял цитадель, прежде нежели подоспело .. подкрепление». Трофеями этой победы азербайджанцев были «13 пушек, одна мортира, до 1000 четвертей хлеба и значительные артиллерийские снаряды»³⁵. В результате двух штурмов в плен взято 300, убито и ранено до 600 человек противника.

Следует отметить, что, овладев крепостью Хертвис, азербайджанцы создали возможность русской пехоте успешно штурмовать Ахалцых, так как первая прикрывала подступы ко второму.

Конец августа увенчался победой русских войск, овладением всего Баязетского пашалыка, с крепостями Баязид, Топрак-кала и укреплением Диадин.

Русский отряд, состоявший из двух батальонов пехоты, трех отдельных рот, 200 казаков и 400 азербайджанцев при 6 орудиях, под командованием ген. Чавчавадзе выступил 25 августа 1828 г. из деревни Аргаджи к Баязиду. После упорного боя с неприятельской конницей численностью 1300 сабель русские солдаты и азербайджанские ополченцы 27 августа заняли укрепленную деревню Зангезур, а после сильного штурма сдалась крепость Баязет, в которой были взяты 12 орудий, «3 знамени... 180 пудов пороху и значительные магазины провианта и фуража». Там же было захвачено много пленных во главе с комендантом крепости Билюль-пашой. В этих боях (27 и 28 августа) кровью было скреплено боевое содружество русских солдат с азербайджанскими и армянскими ополченцами, которые, взаимодействуя, отразили все вылазки неприятеля и вынудили его поспешно покинуть крепость. Противник потерял только убитыми 80 человек³⁶.

³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4644, л. 187.

³³ Там же

³⁴ Там же, ф. 477, д. 61, 1828, л. 1

³⁵ Там же, ф. ВУА, д. 4644, л. 132

³⁶ Там же, д. 17358, лл. 4-4 об, ЦГИА Груз. ССР, ф. 1105, д. 106, лл. 23-26.

Азербайджанские конно-иррегулярные полки

Однако, несмотря на успехи, положение русских войск из-за их малочисленности и разбросанности опорных пунктов, а также из-за большого количества операционных направлений [227-228] было тяжелое. Кроме того, сам характер горного театра войны, полного неожиданностей и опасностей, еще более усложнял действия русских войск на Кавказе. Николай I требовал от Кавказского корпуса развития успеха с наличными силами, не обещая реальной помощи и стремясь лишь облегчить положение второй армии на Балканах. Даже личные симпатии царя к Паскевичу не помогли, и Кавказский корпус оставался сильно потрепанным, с большим недокомплектом офицеров и особенно солдат. В этих условиях особенно велика была роль кавказских ополчений, иррегулярных конных и пеших формирований.

В русско-турецких войнах 1806-1812 гг. и особенно 1828-1829 гг. театром военных действий был не Азербайджан, а Грузия и Армения. Поэтому его население непосредственного участия не принимало, но из азербайджанцев Карабаха, Шеки, Ширвана, Казаха, Шамшадилы, Гянджи, Нахичевани и других провинций были сформированы добровольные конно-иррегулярные отряды и даже кавалерийские полки и пехотный батальон, численность которых доходила до 4500 человек³⁷. В предыдущих русско-иранских и русско-турецких войнах эти так называемые земские войска или «татарские ополчения» чаще формировались местными ханами, беками из подвластных им нукеров, маафов или остальных крестьян; в период же русско-турецкой войны 1828-1829 гг. так называемые «конно-мусульманские полки» или пехотный азербайджанский батальон были сформированы русским командованием примерно по образцу русских казачьих войск.

Вплоть до 20-х годов XIX в. в Азербайджане существовало феодальное войско. Разумеется, в начале XIX в. в Азербайджане, так же как и в Грузии и Армении, не было правильно организованного постоянного национального войска или какой-либо твердо установленной системы отбывания воинской повинности. В случае военной необходимости по призыву ханов беки и агалары «собирали каждый в своих землях определенное число ратников, вооружали их и с ними шли под знамена своих сардарей»³⁸. Эти ратники входили в состав войска, в котором сверх того по призыву хана должны были участвовать беки со своею прислугою и подвластные им крестьяне. Набору подлежали как бекские, так и казенные крестьяне³⁹.

В ходе русско-турецкой войны 1828-1829 гг. русским командованием по инициативе и при активном участии Аббас-Кули-Ага Бакиханова, а также при помощи других прогрессивных деятелей Азербайджана, активных сторонников русской ориентации, были созданы иррегулярные азербайджанские [228-229] воинские формирования, конные и пешие части. Непосредственное участие в организации и комплектовании конно-мусульманских полков приняли декабрист И. Г. Бурцов и Н. Н. Раевский. Эти полки по своей форме носили бесспорно феодальный характер и создавались по старому принципу организации феодальных войск. Классовый состав этих формирований был различен. Во главе подразделений стояли беки, агалары, кяндхуды, а рядовой состав набирался в основном из маафов, ремесленников и податных крестьян.

Ополчение из азербайджанцев, участвовавших в русско-иранской войне, были расформированы, что вызвало гнев Николая I, который хотел из национальных ополчений сформировать постоянные части, «полки в виде казачьих, способных нести пограничную службу и после войны»⁴⁰.

На вопрос главного штаба о причинах роспуска ополчений до окончания кампании Ермолов ответил: «Собрание здешних ополчений основывается на древнем обычае, который на всякого, имеющего землю и крестьян, налагает обязанность служить на войне». В течение всей русско-иранской войны русским командованием несколько раз формировались и распускались азербайджанские, грузинские и армянские ополчения, они не имели возможности продолжать службу «дольше 1½ – 2-х месяцев на своем иждивении. Впоследствии иррегулярные формирования из азербайджанцев стали создаваться на более длительный срок и в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. приняли участие от ее начала до конца, причем в 1829 г. Уже вновь созданные конно-мусульманские полки были на полном содержании царского правительства и, действуя против турок совместно с "русскими" войсками, были весьма полезны»⁴¹.

³⁷ Там же, ф. ВУА, д. 4329, л. 277; д. 4644, л. 27 об; д. 17348, лл. 2-6.

³⁸ В. Н. И в а н е н к о, Гражданское управление Закавказьем..., стр. 139, 190.

³⁹ АКАК, т. VII, док. 372.

⁴⁰ См.: ЦГИВА, ф. ВУА, д. 1303, л. 3.

⁴¹ В. Н. И в а н е н к о, Гражданское управление Закавказьем. Стр. 189, 191.

Царское командование на Кавказе, составляя для предстоящей кампании особую иррегулярную кавалерию из закавказских народов, назначило «собрать один полк из мусульман, принадлежащих к Грузии татарских дистанции и Елизаветпольского округа»⁴². Газета «Кавказ» писала впоследствии, что командование для увеличения ударной силы корпуса решило «образовать конную милицию из мусульман наших закавказских мусульманских провинций наравне с грузинскими дружинами, которые находились в армии»⁴³. Сам факт добровольного вступления азербайджанцев в формируемые русским командованием конные полки свидетельствует о стремлении их к сближению с Россией и о ненависти, питаемой к турецким завоевателям. Об этом, в частности, говорит следующая запись 1829 г. В одном из писем архива Раевских: [229-230] «Джарская молодежь просила у Раевского позволения стать в ряды наших мусульманских полков. Словом, создавались такие отношения, лучше которых желать было нечего»⁴⁴.

Об этом же свидетельствуют опубликованные в официальной прессе статьи и письма. «Успех этого плана, - писала газета „Кавказ“, - (т. е. плана формирования азербайджанских конных полков. - *Х. М. И.*), казавшегося в глазах некоторых генералов... неисполнимым или чрезвычайно затруднительным, превзошел даже ожидания».

Реакционные царские генералы, презиравшие народы Кавказа, с недоверием отнеслись к идее создания азербайджанских иррегулярных войск, считая их единоверцами противников России, неспособными к военной службе в ее интересах. Однако подобная оценка возможности создания азербайджанских иррегулярных войск очень скоро была опровергнута жизнью. «При первом же известии, - писала газета „Кавказ“, - что русское командование удостоивает наших закавказских мусульман счастья стать в ряды наших войск, они наперерыв стремились в милицию, так что в короткое время образовалось несколько конных мусульманских полков, которые отправились в действующую армию, гордясь тем, что они будут сражаться вместе с русскими»⁴⁵. Азербайджанцы «вызвались поднять оружие против турок... успех формирования конных полков в мусульманских провинциях был необыкновенный, и в короткое время сверх назначенного числа всадников записалось весьма много охотников»⁴⁶.

Воины-азербайджанцы были одеты в черкески с золотыми и серебряными галунами, в шаровары и высокие остроконечные папахи с нашитыми на них цветными суконными звездами⁴⁷, отличавшими их друг от друга. Каждому полку было пожаловано особое полковое знамя, богато украшенное, с азербайджанскими надписями с обеих сторон. Знамена каждого полка и кенгерлинской конницы имели свой цвет, соответствовавший цвету звезд на папахах бойцов. Знамена были из плотного шелка, обрамленного золотой бахромой с трех сторон, а на древках были прикреплены по две кисти. Полки имели превосходный вид. Бойцы были опрятно и красиво одеты, отлично вооружены, сидели на кровных жеребцах карабахской породы. Азербайджанскими полками восторгались высшие круги николаевской России, в том числе иностранцы.

Вооружение рядовых всадников составляли ружья, сабли и кинжалы. Офицеры имели помимо этого и пистолеты. [230-231]

Командирами полков назначались офицеры русской регулярной кавалерии, помощниками же их были азербайджанцы из беков и агаларов, которым присваивались чины кавалерии русской армии.

В предписании главным приставам азербайджанских дистанций в Грузии гражданский губернатор Грузии писал: «...онный (третий азербайджанский полк. - *Х. М. И.*) будет подчинен русскому чиновнику... других же чиновников в составе полка сверх... 500 всадников предоставляется набрать в следующем числе: помощник полкового командира из самой почтеннейшей агаларской, бекской или ханской фамилии, пять султанов для командования сотнями и пять наибов в помощь им также из лучших агаларских, бекских фамилий. Десять векилей или урядников из расторопнейших юзбашей и кетхудов». Этот принцип организационной структуры третьего конно-мусульманского полка был применен впоследствии и при организации остальных полков.

⁴² ЦГИА Груз. ССР, ф. 1105, оп. 1, д. 106, л. 23.

⁴³ «Кавказ», 1. IX.1890.

⁴⁴ «Архив Раевских», т. I, стр. 463.

⁴⁵ «Кавказ», 6.IX.1890, стр. 2-3.

⁴⁶ «История военных действий в Азиатской Турции в 1828-1829 г.у, ч. 2, стр. 48.

⁴⁷ У первого полка звезды были крамье, у второго - белые, у третьего - желтые, у четвертого - голубые, у кенгерлинской конницы - зеленые.

Каждый конно-мусульманский полк делился на пять конных сотен, в каждой из них было по одному султану, по одному наибу и по два векиля. «Всем чинам должен был быть именной список с обозначением какой кто провинции, магала и селения»⁴⁸.

Обоза в конных азербайджанских полках не было, но вместо него по штату полка было положено 85 вьючников, которые сопровождали в походах по две лошади каждый, а одна вьючная лошадь в свою очередь обслуживала двух всадников.

Конные полки и другие формирования собирались на время войны и носили иррегулярный характер. По окончании военных действий они распускались по домам, но по приказу русского командования должны были в любое время вновь собираться для участия в войне.

Наряды на комплектование азербайджанских полков были распределены штабом Отдельного Кавказского корпуса между начальниками провинций. «О формировании сих полков, - читаем в одном из источников, - предписано было местным начальникам, а именно: о 1-м и 2-м - военно-окружному в мусульманских провинциях начальнику, о 3-м - грузинскому гражданскому губернатору, а о последнем - управляющему Армянской областью»⁴⁹.

Первый полк состоял только из коренных жителей Карабахской провинции, второй - из жителей Ширванской и Шекинской провинций, третий - из азербайджанцев Борчалинской, Казахской и Шамшадильской дистанций и Елизаветпольского округа, четвертый - из азербайджанцев Эриванской и Нахичеванской провинций, пятый - из особого воинственного [231-232] азербайджанского племени кенгерли, обитавшего в Нахичеванской области. «Кенгерлинцы, - писалось в прессе, - не хотели отставать от других закавказских жителей. Они составили особую конную милицию под начальством своего аги и храбро действовали везде вместе с нашими войсками»⁵⁰. Основной боевой состав полка насчитывал 500 сабель, 100 человек составляли вспомогательный состав.

В организации азербайджанских конных полков был заинтересован Главный штаб русских войск. 29 марта 1829 г. Паскевич доносил начальнику Главного штаба: «Для увеличения... числа кавалерии при действующих войсках... назначил сформировать четыре... полка из татар дистанций, принадлежавших к Грузии, и провинций: Карабахской, Ширванской, Шекинской а Армянской областей (бывшие Эриванское и Нахичеванское ханства. - *Х. М. И.*), присовокупляя, что полки сии будут казне гораздо менее стоить, чем содержание казаков, ибо они в полном составе будут только на время военных действий».

Кроме кавалерийских иррегулярных полков русское командование накануне кампании 1829 г. против Турции проектировало формирование конно-артиллерийских подразделений из грузин, азербайджанцев и армян, которых оно намеревалось «сим способом приохотить к регулярной военной службе». Но основным родом войск, в который набирались азербайджанские воины, была кавалерия. В одном из документов, адресованных на имя главнокомандующего Кавказским корпусом, говорится, что император, «даровав знамена мусульманским полкам, предположить, конечно, изволил иметь мусульманские полки, если не постоянно собранными, то во всегдашней готовности к сбору»⁵¹.

Анализируя историю создания азербайджанских иррегулярных войск в период русско-турецкой войны 1828-1829 гг., нельзя не заметить единую основу принципов комплектования и уставов азербайджанских, грузинских и армянских иррегулярных формирований с некоторыми различиями лишь внешнего характера. Азербайджанские формирования назывались «конно-мусульманскими полками» и «сарбазскими батальонами», грузинские - «гурийской милицией», «мингрельской милицией», «имеретинским ополчением» или общим названием «грузинская милиция», армянские формирования - «армянскими пешими батальонами». Для создания азербайджанских конных полков царским командованием были выработаны «Предварительные распоряжения по предмету формирования полков» и «Положение для формирования Эриванского батальона», аналогичные [232-233] «Предположениям для формирования грузинской милиции» и «армянских батальонов», которые являлись своеобразными уставами для этих формирований.

Хотя полки создавались по принципу добровольности, но по особым приказам царской администрации допускались отклонения от этого принципа. В марте 1829 г. царское командование решило набрать дополнительное пешее и конное «земское» ополчение в Грузии, причем ополчения эти должны были создаваться уже не по прежнему принципу, по которому сбор

⁴⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1105, д. 106, л. 23

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 90, д. 66, л. 1.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 17358, лл. 4-4 об.; ЦГИА Груз. ССР, ф. 1105, д. 106, лл. 23-26; «Кавказ», 6 IX.1890, стр. 3.

⁵¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 17358. лл. 3-3 об., 4-4 об. : ф. 395, оп. 18, д. 38 лл. 10-11; АКАК, т. VII, док. 372.

производился местными дворянами, из числа своих же крестьян. По новому методу принудительно набиралось по одному ополченцу от каждых пяти дворов. Сбор же был поручен представителям царской администрации, а не местным дворянам, как ранее.

Еще за два года до этого Ермолов предупреждал Главный штаб о том, что «лучше держаться обычаев земли, веками укоренившихся».

Эти новые способы комплектования местных ополчений вызвали возмущение и недовольство маафов, податных крестьян и ремесленников, которые приняли этот новый набор за введение в Грузию рекрутского набора. «Необычайность условий этого набора... и самый способ созыва ополчения через чинов полиции вызвал»⁵² волнения населения в Тифлисе, Горийском уезде, в Кахетии. Волнения охватили также и азербайджанские дистанции: Борчало, Шамшадиль, Казах и Елизаветпольский округ. Грузины и азербайджанцы не отказывались от службы в иррегулярных формированиях и участия в войне, но опасались «25-летней солдатчины» и потому выступали за сохранение былых форм организации ополчения, которые давали им возможность и гарантии отпуска по домам после окончания военных действий.

Первыми в Азербайджане выступили жители Елизаветпольского округа, следовавшие примеру грузин Карталинии и Кахетии. Маафы, крестьяне, ремесленники и другие слои населения Елизаветпольского округа «равным образом объявили окружному начальнику, что ни под каким видом не соглашаются составить» ополчение, но готовы все «поднять оружие и выступить на защиту отечества и собственности своей»⁵³.

Выступления азербайджанцев против царских властей и командования имели место не только среди населения, подлежащего набору, но и в уже сформированных и укомплектованных полках. Особенно серьезные волнения были в третьем конно-мусульманском полку, состоявшем из азербайджанцев - борчалинцев, казахцев, шамшадильцев и гянджинцев. Командиром полка был есаул Мещеряков, помощником его - Гусейн-ага, житель Казахстана. Перед выступлением в поход большая часть [233-234] полка отказалась следовать к месту назначения, заявив, что полк собран русским командованием «обманом, дабы взять в солдаты: последствие бунта, случившегося между грузинами, дурно утешенного»⁵⁴. Ни убеждения, ни угрозы командира полка не могли сдержать волнения. Многие ускакали в свои дома, остальные, разъехавшись по полю, стали заряжать ружья. Царское командование отвечало на эти действия третьего полка угрозами вызвать карательное войско для его усмирения и уничтожить весь состав с семьями.

Волнения в Грузии и Азербайджане были прекращены после того, как Паскевич распорядился временно не набирать грузинских ополчений. Причиной прекращения восстаний среди азербайджанцев царская историография считала «незаурядные» способности Паскевича, а также роль мусульманского духовенства и действия бывшего тебризского муштеида Ага-Мир-Феттаха, приглашенного Паскевичем в Тифлис и щедро вознагражденного царем. Особым рескриптом ему был пожалован дорогой бриллиантовый перстень, «украшенный высочайшим вензелем». Вручение ценного царского дара было поручено Паскевичу⁵⁵, который в своей политике по отношению к населению Азербайджана использовал муштеида Ага-Мир-Феттаха. Царское правительство могло использовать Ага-Мир-Феттаха для достижения своих военных, экономических и политических целей в мусульманских областях Закавказья лишь потому, что ислам в ту эпоху оказывал сильное влияние на их население. Ага-Мир-Феттах помогал военной администрации в сборе податей с населения и в снабжении войск. О том, какое большое значение придавало царское правительство роли местного духовенства в создании национальных иррегулярных войск, говорит то, что муштеид Ага-Мир-Феттах был назначен верховным правителем мусульманского шиитского духовенства всего Закавказья и сверх особенного вознаграждения «ему была назначена пенсия в 2000 червонцев ежегодно»⁵⁶.

Что касается роли Паскевича в создании азербайджанских конных полков, то ее слишком преувеличивают как царские и зарубежные историки, так и официальная пресса. «Обращение Паскевича с мусульманами, - пишет газета „Кавказ“, - вообще до такой степени привязало их к нему, что четыре полка из них оказали чудеса храбрости во всех последовавших сражениях».

Дореволюционные авторы необоснованно приписывают Паскевичу не только участие в создании конно-мусульманских полков, но даже «дальновидность» и «гениальную изобретательность», плодом чего якобы и явилась мысль об организации [234-235] конных

⁵² В. Н. И в а н е н к о, Гражданское управление Закавказьем..., стр. 190.

⁵³ АКАК, т. VII, док. 287.

⁵⁴ «Русский архив», 1894, кн. 4.

⁵⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, оп. 1, д. 37, лл. 2 об. - 3.

⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4331, лл. 2 об., 8-8 об.

азербайджанских полков⁵⁷. Такого же мнения придерживается и Фонтон, который представляет азербайджанцев не иначе, как азиатами, в отношениях с которыми якобы «русский главнокомандующий был тактичен» и «сумел своим проворством небезыскусно предотвратить... так долго длившуюся ненависть и слепой фанатизм мусульман против христиан»⁵⁸.

Причины успешного набора в конно-мусульманские полки и их боевого содружества с русскими войсками бесспорно значительно серьезнее и глубже. Несмотря на то что конно-мусульманские полки по своей форме носили феодальный характерно своему содержанию и образу действий они были народными и выступали на защиту грузинского и армянского народов от турецких и иранских захватчиков.

В состав кавалерии Отдельного Кавказского корпуса входили четыре азербайджанских конных полка, конница Кенгерлы и другие формирования из азербайджанцев. Личный состав азербайджанской конницы в военное время был на содержании царского правительства и в смысле материального обеспечения приравнивался к русским регулярным и казачьим полкам. Азербайджанскому ополчению было приказано «производить от казны продовольствие на основании получаемого казачьими полками»⁵⁹.

В период военных действий офицеры и рядовые всадники азербайджанских конных полков получали увеличенное жалованье. Офицеры - равное окладам офицеров Нижегородского драгунского полка, всадники - по 15 руб. серебром, кроме того, фураж на лошадей «наравне с казачьими полками».

Любовь к коню издавна была характерна для азербайджанских воинов, а потому русское командование, формируя национальные ополчения, учитывало эту особенность азербайджанцев. В проекте формирования конных полков, представленном генералу Паскевичу, было указано, что «татары предпочтительно поступать должны в конницу»⁶⁰. В рапорте начальнику Главного штаба командир Кавказского корпуса писал, что «Тифлисскому Военному Губернатору... поставлено... на вид стараться устроить... ополчение из грузин - пешее, из татар - конное». Вполне понятно, что рядовой состав из крестьян лошадьми обеспечивали беки, агалары и избашы, а маафы, будучи на постоянной военной службе при феодалах, имели «собственную верховую надежную лошадь»⁶¹.

Конная сотня являлась основной тактической единицей азербайджанской кавалерии. Конная сотня, как и весь полк, по [235-236] своей численности и организации была аналогична кавалерийскому эскадрону регулярных и казачьих кавалерийских полков русской армии.

Боевую подготовку конно-мусульманские полки проходили под руководством русских инструкторов и по той программе, по которой проходили боевую выучку русские кавалерийские полки. В своих воспоминаниях один из русских военачальников, ген. Муравьев-Карский, под командованием которого часто действовали конно-мусульманские полки, писал: «Я успел привести их (азербайджанские полки. - *Х. М. И.*) в некоторый род регулярства; они строили эскадроны, ехали справа по шести и по три. Я им делал смотры, как регулярным войскам, сводя сотни в кружок и расспрашивая их о претензиях».

В заключение инспекторского смотра для третьего конно-мусульманского полка были устроены традиционные скачки, во время которых казахи, шамшадильцы, борчалинцы и гянджинцы джигитовали на своих быстроногих скакунах. «Я смотрел скачку их (азербайджанцев. - *Х. М. И.*) поодиночке, - пишет ген. Муравьев, - приказав каждому из них на всем скаку выстрелить - лучший прием их наездничества, что было исполнено с надлежащим порядком». В завершение боевой подготовки конно-мусульманским полкам производились такие же инспекторские смотры, как и регулярным кавалерийским частям русской армии. Так, 27 мая 1829 г. по окончании тактических занятий русским командованием был произведен «инспекторский смотр первому мусульманскому полку по всем правилам», предусмотренным для регулярных кавалерийских полков. На этом смотре была отмечена высокая воинская дисциплина и конно-строевая выучка конно-мусульманского полка, русское командование отметило «чрезвычайную послушливость в людях».

Рядовые всадники конно-мусульманских полков несли все обязанности, предусмотренные уставом для солдат регулярных русских частей как в военной обстановке, так и в период между походами. Так, рядовые всадники азербайджанских полков назначались «в караул... и часовые строго исполняли свою обязанность. Часто азербайджанские всадники наряжались в ординарцы к

⁵⁷ «Кавказ», 6.IX.1690, стр. 3

⁵⁸ F. de Font on. La Russie dans l'Asie Mineure..., стр. 455.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4644, л. 22 об.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 90, д. 66, лл. 44, 46.

⁶¹ Там же, ф. ВУА, отд. II, ч. I, д. 4336, л. 1; ф. 90, д. 66, лл. 1-2.

главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом и были всегда исправны в своей должности»⁶².

Конные сотни азербайджанских полков действовали в боях не только в составе всего полка, но и отдельно, придаваясь посотенно казачьим, драгунским, уланским, кавалерийским полкам или пехотным, карабинерным, мушкетерским, егерским и гренадерским полкам русской армии.

Планом русского командования предусматривались и действия национальных воинских формирований, из которых наиболее [236-237] многочисленным была азербайджанская конница, составлявшая более половины всей русской кавалерии, действующей против турецкой армии на Закавказском театре войны. Не меньшее значение русское командование придавало и азербайджанскому пехотному батальону, насчитывавшему более 1000-штыков.

Мероприятия турецкого правительства. Весенне-летние бои 1829 г. Ратное содружество русских, украинцев, азербайджанцев, грузин и армян

Турецкое правительство, готовясь к кампании 1829 г, не ограничилось мероприятиями, проведенными внутри своего государства. Тайно связавшись с реакционными представителями феодальной верхушки бывших азербайджанских и дагестанских ханств, недовольных проникновением России, правительство Турции направило во многие провинции и ханства Азербайджана и Дагестана своих эмиссаров, призывавших народ к священной войне за ислам. В начале 1829 г. Мейданский паша Хаджи Салех, назначенный султаном сераскиром арзрумским, обратился с воззванием к азербайджанцам и дагестанцам, в котором призывал их «ополчиться всем могуществом... и воздвигнуть брань только справедливую» против «неверных врагов», т. е. против России. В своем воззвании турецкий верховный правитель обещал мусульманам Закавказья и Дагестана «избавить города мусульманские от рук неверного народа и вбить знамя... в городе Тифлисе, с очищением городов от войск, подобных сатане». «Нужным нахожу известить вас, - писал Хаджи Салех азербайджанцам и дагестанцам, - что согласно воле божией 1-го числа зиль-гаджа (11 июня) выступил я со многими регулярными войсками против неверного народа, пишу Вам воззвание сие, по получении коего и узнании воли правительства и предложения оно, Вы обязаны начать войну с врагами религии... а также вменяется Вам в обязанность восстать на поражение врагов... и выгнать из тех мест, коих лишены Вы»⁶³.

Воззвание турецкого сераскира к азербайджанцам и дагестанцам было послано и распространено в Азербайджане и Дагестане через бывшего Ширванского хана Мустафа-хана, бежавшего в Иран, родственника Сурхай-хана Казикумыкского - Хаджи-Омара; приверженца арзрумского сераскира; Аджи-Сулеймана и других представителей феодальной верхушки Азербайджана и Дагестана, ставших агентами Турции и Ирана. «Посылая к Вам воззвание сие, - писал арзрумский сераскир, - через высокостепенство приверженного и усердного к нашей [237-238] Высокой Порте, благонадежного, храброго и достойного Мустафу-хана Ширванского, который назначен со стороны правительства векилем (поверенным), я предлагаю Вам к нему доверие, исполнять предложение его и посылать к нему людей, бумаги, а в случае надобности лазутчиков и объясните ему, Мустафе-хану, предметы, какие только у Вас имеются»⁶⁴.

В этот период Хаджи-Омар, пробравшийся в Азербайджан и Дагестан, вернулся через Самух в Тебриз к Аббас-Мирзе с письмом от джарских феодалов. Джарцы извещали Аббас-Мирзу о получении фирмана от турецкого султана с призывом к священной войне против русских, «за веру магометанскую». Аналогичные письма были направлены джарцами через Хаджи-Омара и бежавшим некогда в Иран закавказским и дагестанским ханам, жившим при дворе Аббас-Мирзы. В частности, эти письма Хаджи-Омар передал Мустафа-хану Ширванскому, Гусейн-хану Шекинскому, Гусейн-Кули-хану Бакинскому, Беюк-хану Кубинскому и сыну Сурхай-хана Казикумыкского Нух-беку.

Эти изменники во имя своих личных выгод и восстановления былой власти выполняли роль тайных турецких агентов. Однако население Азербайджана и Дагестана не отозвалось на воззвание верховного главнокомандующего турецкой армии. Больше того, азербайджанцы выступили с оружием в руках против турецких феодалов.

⁶² «Русский архив», 1894, кн. 4, стр. 508, 509, 515.

⁶³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 8, л. 171-173.

⁶⁴ Там же, л. 174 об.

Русские войска с наступлением зимы были отведены на зимние квартиры в Грузию. В занятых крепостях (Каре, Ахалцых, Баязид и др.) были оставлены небольшие русские гарнизоны.

Общая численность наступавшей армии противника доходила до 30 тыс. человек пехоты и конницы. Русские же летнюю кампанию 1829 г. начинали с еще меньшими силами, нежели в минувшей кампании. Весенняя кампания началась с кровопролитного сражения под Ахалцыхом при укрепленном сел. Цурцкаб 1 мая 1829 г.⁶⁵. В этом сражении русский отряд и азербайджанская конница (первый конный полк) под общим командованием декабриста ген. Бурцева наголову разбили пятитысячный турецкий отряд под командованием Ахмед-паши Аджарского.

Мужеством, храбростью и стойкостью в числе других отличились и азербайджанские воины первого конно-мусульманского полка. Характеризуя их боевые действия, Бурцов писал, что «карабахская конница в сражении 1-го мая при укрепленном селении Цурцкаб... несколько раз бросалась в атаку вместе с нашею кавалериею»⁶⁶. Газета «Северная пчела» писала об этом сражении следующее: «Турки смешались, рассеялись и [238-239] побежали... в преследовании их по горам на пять верст отличились наиболее мусульмане карабахские. Имея легких и быстрых лошадей, они нещадно рубили своих единоверцев; один из них убил байрактара (знаменосца. - Х. М. И.) и привез знамя в Карс к главнокомандующему, который наградил его знаком „Военного ордена“ и десятью червонцами. Противник, преследуемый первым конно-мусульманским полком, потерял до 1500 чел. убитыми и ранеными, а 400 чел. было взято в плен»⁶⁷. 1 июня 1829г. произошло крупное сражение в районе Дигура, на р. Посховчай. Шеститысячная турецкая кавалерия была разгромлена и рассеяна малочисленной русской пехотой, казаками и азербайджанскими всадниками. В самый разгар боя на помощь сражавшимся подошел авангард Ахалкалакского отряда, в составе которого был 3-й конно-мусульманский полк. Турки, не выдержав удара русской пехоты и лихой кавалерийской атаки азербайджанцев, прекратили бой и пустились в беспорядочное бегство. Среди награжденных в приказе по Отдельному Кавказскому корпусу от 3 сентября 1829 г. за храбрость в бою первого июня значилось много русских и азербайджанских офицеров и рядовых⁶⁸.

Второго июня на небольшой поляне, в районе деревень Нижний и Верхний Чаборио, разыгралась кровопролитная битва, в которой целый турецкий корпус был разгромлен небольшими силами русских. С исключительной храбростью сражались русские гренадеры Херсонского гренадерского полка под командованием декабриста Бурцева, азербайджанцы - воины второго мусульманского полка и волонтеры из азербайджанцев. Интересен довольно яркий эпизод, характеризующий ратное содружество русских и азербайджанцев в решительную минуту при разгроме турецких войск. В разгар сражения первого июня шесть рот Херсонского гренадерского полка бросились в штыки на турецкие батальоны, число которых в десять раз превосходило количество русских солдат. В этот момент третий конно-мусульманский полк вел кавалерийский бой с турецкой кавалерией далеко, на правом фланге русских позиций.

«Наступила страшная минута. Можно было думать, что неприятель, в десять раз превосходящий силами эту храбрую горсть, сейчас же сомнет ее дружным ударом. Но тут случилось обстоятельство, бесповоротно решившее судьбу турецкого корпуса: из-за фланга пехоты лихо вынесся только что прибывший на поле битвы 3-й конно-мусульманский полк и, напутствуемый добрым пожеланием Бурцева, с резким криком... ринулся на турок». В этот же момент в тылу турецкого корпуса появилась и колонна казаков. «Не выдержав страшной атаки татар», внезапно произведенной из-за фланга пехотной цепи, смущенные [239-240] появлением русских у себя в тылу, «неприятельские войска бросились в беспорядочное бегство». Донские казаки и азербайджанцы преследовали их. «Мусульмане на легких и быстрых конях, опередив донцов, нещадно рубили своих единоверцев». Конница, составленная из «борчалинских, казахских и шамшадильских татар, захватила знамя... заставила неприятеля бросить две пушки, еще два знамени, множество выюков и, наконец, весь лагерь со всем имуществом, снарядами и продовольствием». В турецком лагере азербайджанцами «захвачены были целые табуны верблюдов и палатка главнокомандующего со всем имуществом и перепиской его с сераскиром»⁶⁹.

Многие русские, украинские и азербайджанские воины были награждены боевыми орденами. В числе других орденом Анны 4-й степени был награжден по «засвидетельствовании генерал-майора Бурцева об отличной храбрости и усердии, оказанных в сражениях против турок... 1-го и 2-го июня при селениях Дигур и Чаборио... прапорщик 3-го азербайджанского полка Усуп-

⁶⁵ Там же, ф. 11, д. 113, л. 3-3 об.

⁶⁶ Там же, ф. 548, оп. 1, д. 113, лл. 5-5 об., 6, 32.

⁶⁷ «Северная пчела», 30.VII.1829. Письмо из Карса 5 июня 1829 г.

⁶⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 1, д. 113, лл. 1-7.

⁶⁹ «Битва при Дигуре и Чаборио», стр. 17-20.

Ага-Мамед-Гасан-оглы»⁷⁰. Противник потерял в сражении под Чаборио до 1200 человек только убитыми, а главнокомандующий едва спасся бегством, оставив свой жезл, доставшийся в качестве трофея третьему конно-мусульманскому полку. 3 июня под Карсом главнокомандующий русским корпусом Паскевич произвел смотр войск, на котором вызвал из строя всадника третьего конного полка, который отбил в бою под Чаборио оранжевое турецкое знамя с вышитой луной, и тут же собственноручно прикрепил к его груди военный орден и подарил десять червонцев⁷¹. В представлении главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом в Петербург для награждения наиболее отличившихся в сражениях 1 и 2 июня 1829 г. воинов дается краткая характеристика того или иного подвига, совершенного русскими и азербайджанскими воинами. В частности, о действиях воинов третьего конно-мусульманского полка можно судить по характеристике, данной главнокомандующим его командиру, есаулу Мещерякову. «Командуемый им вновь сформированный мусульманский полк, - пишет главнокомандующий, - содержит в строгой дисциплине и в лучшем порядке и. поступив с оным в отряд генерал-майора Муравьева, был послан... туманной ночью на 2-е июня к турецкому лагерю для открытия неприятеля, что исполнил с неустрашимостью и точностью. А в следующий день во время сражения при сел. Чабория, подкрепив донских казаков, ударил с полком во фланг неприятеля, обратил в бегство оно и взял общее с казаками орудие». Этот документ свидетельствует не только о боевых отличиях азербайджанских воинов этого полка, но и о его [240-241] взаимодействии на поле боя с русской казачьей частью. Командиры сотен третьего конно-мусульманского полка «Асадулла Бек Вели Ага оглы и Шах Мамед Али Наги оглы, командуя вверенными им частями... в сражении 2 июня личною храбростью подавали пример подчиненным своим»⁷².

В середине июня 1829 г. вновь прибывшая часть турецких сил расположилась на Меджингертской дороге в Соганлугскии горах. Для разгрома новой группировки противника русское командование выделило пехотные батальоны, артиллерию, три конно-мусульманских полка, а также Кенгерлинский конный полк. Отряд этот был разбит на две части, которыми командовали декабрист Бурцов и ген. Сергеев. Бурцов со своей колонной, в состав которой входили три азербайджанских конных полка, «не замеченный неприятелем, проделал вечером переход в 12 верст» и подошел к турецким позициям. Сергеев же «с казаками и Кенгерлинским ополчением овладел лесными рубежами и занял там позицию». Следовало атаковать турецкий лагерь в районе ущелья Дели-Муса-Перун для отвлечения основных сил неприятеля. «Эта трудная задач была доверена полковнику Фомину с казачьим полком и татарским ополчением. Под прикрытием ночи этот отряд... подходит к Милли-Дюзу в полнейшей тишине. Он берет приступом вражеские пикеты, атакует аванпосты, опрокидывает их и, проникнув до укреплений, он наводит страх на турок, которые бросаются к своим ружьям и готовятся к бою».

Таким образом, достигается цель: главные силы противника в панике и брошены для сопротивления отряду Фомина. Ему навстречу выступили 50 тыс. кавалеристов, но казаки и кенгерлинцы с арьергардными боями, сохраняя свои силы, «проводят отступление с редкой искусностью. То уклоняясь от их удара, то держа их на почтительном расстоянии... отвлекают и заманивают подалее от лагеря». Итак, изматывая противника, отряд казаков и азербайджанских кавалеристов к 8 часам утра 13 июня 1829 г. благополучно возвратился в свое расположение, успешно выполнив задачу по отвлечению главных сил неприятеля от действий против основных сил русского корпуса. Благодаря ночной атаке казаков и кенгерлинцев, которая отвлекла внимание врага, главные силы Отдельного Кавказского корпуса успешно и незаметно достигли флангов неприятеля и заняли рубеж в 8 км от него. Столь неожиданное появление главных сил русских войск вынудило противника поспешно отступить.

После отступления, пополнив силы, турецкое командование направило основные войска в район крепостей Кепри-Кей и Гасан-Кала. Оно намеревалось силою передового отряда заманить русский корпус в глубь Соганлугских гор и там его разбить основными силами. Русские, разгадав планы турок, решили [241-242] ударить по их авангарду, а затем обрушиться на основные силы, не дав им получить помощь авангарда. 9 июня 1829 г. весь Отдельный Кавказский корпус, насчитывавший 14 тыс. человек и 60 орудий, расположился на пути из Карса в Эрзурум, у сел. Котанлы. Здесь были сконцентрированы все русские пехотные полки, регулярные кавалерийские полки, казаки, артиллерия, а также четыре конно-мусульманских полка, конница Кенгерлы и пехотный батальон из нахичеванских азербайджанцев⁷³.

⁷⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 1, д. 113, л. 3 об.

⁷¹ «Утверждение русского владычества на Кавказе», стр. 265.

⁷² ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 1, д. 113, лл. 3-4, 7, 10-34.

⁷³ F. de Fonton, La Russie dans l'Asie Mineure..., стр. 421.

Столица Анатолии - Эрзурум в планах русского командования занимал основное место, и его захват должен был осуществиться в летнюю кампанию 1829 г. Произведя соответствующую разведку расположения турецкого авангарда, войска русского корпуса совместно с азербайджанской конницей 13 июня 1829г. начали переход через Соганлугский хребет. Главные силы корпуса были разделены на три наступавшие колонны. Причем в каждую колонну помимо русских пехотных полков вошли азербайджанские конные полки и пеший батальон. В первую колонну вошел 3-й конно-мусульманский полк, во вторую - пеший батальон нахичеванских азербайджанцев и конный полк кенгерлинцев. «Третья колонна была составлена из сводной кавалерийской бригады под командованием ген. Раевского, в которую вошли Нижегородский драгунский, Сводный уланский и 1, 2 и 4-й конно-мусульманские полки. Арьергард корпуса составляли 30 казаков, 50 азербайджанских всадников, 2 роты Херсонского гренадерского полка и 2 турецкие пушки (трофейные)».

Достигнув высот хребта в полном составе, русский Главный корпус 17 июня выслал к Бардусской долине в разведку боем первый конно-мусульманский полк, где, по предварительным данным, укрепился в каменных завалах отряд турок. Соприкоснувшись с неприятелем, полк спешился и начал перестрелку. Когда были израсходованы все патроны, на помощь подоспел батальон Эриванского карабинерного полка и казачий полк. «Турки встретили» их «на близком расстоянии весьма сильным батальным огнем».

Первый конно-мусульманский полк, составив левое крыло наступавшей цепи пехоты, невзирая на убийственный огонь турок, с криком «ура» ринулся «карьером и первый вскочил в неприятельские завалы. Произошла кровавая резня. Половина турецкой пехоты, отброшенная влево, была прижата к отвесной скале, и раздраженные татары рубили ее беспощадно». Часть полка стремительной атакой опрокинула турецкую кавалерию и обратила ее в бегство, турецкий отряд был разбит. Из 1200 человек пехоты и 400 человек конницы, «бывшей в деле», турки потеряли 300 человек убитыми и 800 человек пленными, остальные в панике бежали в горы. Командир особого отряда турок едва успел ускакать от острых сабель азербайджанцев. «По [242-243] показаниям пленных, сам Осман-паша едва успел спастись от быстрого преследования 1-го мусульманского полка».

О действиях первого конно-мусульманского полка в Бардусской долине 17 июня 1829 г. из Гасан-Кале в Петербург было сообщено следующее: «Мусульмане наши, бросившись на бегущих, сбили их с кручи в овраг, причем положили на месте» многих, «отняли 9 знамен и привели в плен 70 турок». Атака русских карабинеров и азербайджанской конницы была настолько внезапной и стремительной, что при больших потерях неприятеля атаковавшие потеряли немногих. Поражение особого отряда, как первая победа на подступах к Эрзеруму, имело исключительно большое значение⁷⁴.

Таким образом, расчеты турецкого командования выдвинуть отдельный передовой отряд на эрзерумскую дорогу, чтобы угрожать авангарду Отдельного Кавказского корпуса, полностью провалились благодаря успешному взаимодействию русских и азербайджанских воинов. В своем стремительном наступлении на Эрзурум русские войска подошли к Загинской долине в Соганлугских горах и на подступах к сел. Канлы 19 июня приготовились к сражению с соединенными турецкими корпусами под командованием сераскира.

Турецкая пехота, прикрывая конницу, была готова к атаке над речкой Канлы-чай, а резервы турецкого корпуса расположились в лесах. Но первая атака 12-тысячной турецкой конницы была отражена. Воспользовавшись этим выгодным моментом боя, русские войска перешли в контратаку. Цепи контратакующей пехоты поддерживали азербайджанская конница и казаки. Под тяжким ударом кавалерийской атаки центр турецкого корпуса был окончательно прорван, а левое крыло отброшено к подножию гор. На правом же фланге неприятельских войск сражение приняло ожесточенный характер. С фронта и с тыла турецкая конница численностью до 6 тыс. сабель надвигалась густыми колоннами на русское войско. В эту критическую минуту боя Сводный уланский полк, дивизион нижегородцев, Донской казачий полк, первый конно-мусульманский полк и линейные казаки с одной стороны, а казаки сводного Черноморского полка с конницей кенгерлы и второго Донского полка с другой - ринулись на турецкую кавалерию и, опрокинув, прогнали ее далеко за пределы поля сражения.

Когда турки в панике отступили в свой лагерь, против центра русской конницы появилась турецкая пехота и кавалерия во главе с самим арзрумским сераскиром. Это была половина 30-тысячного турецкого корпуса, собранного для наступления на русских. Русское командование

⁷⁴ Об этом сражении подробно см.: АКАК, т. VII, док. 791.

немедленно решило ударить по туркам и с этой целью экстренно создало особый отряд из пехотных подразделений и трех конных азербайджанских полков. [243-244]

Азербайджанские конные полки показали в этом сражении свое высокое боевое мастерство, героизм и отвагу. Русский историк и писатель П. Зубов, бывший очевидцем Согоанлугского сражения, писал: «Надо видеть сии полки в сражении, чтобы судить о них: это молния, это огонь раздраженного бога, упавший вдруг с неба в середину неприятелей и рассыпавший смерть и ужас. Я видел их 19 июня 1829 г. на высотах Согоанлуга в том знаменитом бою, где сам Сераскир Арзрумский и храбрый Гагки-паша (главнокомандующий всеми турецкими войсками в кампании 1829 г.) с 50000 воинами не устояли против горстки русских... и до сего времени с восторгом вспоминаю чудеса храбрости, совершенные перед моими глазами полками мусульманскими»⁷⁵

В Канлычайском сражении русские гренадеры и карабинеры проявили исключительную стойкость и мужество. А драгуны, казаки и азербайджанские кавалеристы, взаимодействуя: с русской пехотой, нанесли турецкому корпусу жестокое поражение.

На следующий день, 20 июня, русский корпус приготовился к решительному наступлению на турецкий лагерь, в котором были сосредоточены все оставшиеся из 50-тысячного корпуса силы турок, собранные султаном для защиты Малой Азии.

Русские войска были разделены на пять колонн: три пехотные и две кавалерийские. В первой кавалерийской колонне наступали первый и четвертый конные азербайджанские полки совместно с регулярными кавалерийскими полками (Нижегородским драгунским и Сводным уланским).

В боях 19 и 20 июня на р. Канлы-чай и в Согоанлугских горах особенный успех русским войскам принесли русские гренадеры, черноморские казаки, нижегородские драгуны, а также первый, третий и четвертый азербайджанские полки, самостоятельно выполнившие важную боевую задачу по разгрому турецких войск⁷⁶.

Турки, запертые в Согоанлугских горах в своем собственном лагере и лишенные всякой связи с Эрзерумом, под прикрытием огня со всех батарей намеревались отступить, тем более что до их сведения дошли подробности катастрофы корпуса сераскира 19 июня.

Из-за опоздания русской регулярной кавалерии турецкий корпус, воспользовавшись этим, бросил всю артиллерию и успел спастись без значительных потерь.

Азербайджанские конные полки в этом бою проявили еще одно замечательное боевое качество - умение самостоятельно преследовать противника на большие расстояния от поля сражения для полного его разгрома. Из восьми конных полков, [244-245] брошенных за неприятелем, действительно преследовали только два конно-мусульманских полка, остальная кавалерия или оставалась в резерве, или же действовала отдельно, без взаимной поддержки и связи.

Преследование отступающего противника как новый вид тактики русских войск, действовавших в Закавказье, было введено в Кавказском корпусе благодаря наличию такой маневренной кавалерии, как азербайджанская иррегулярная конница. Азербайджанские полки преследовали, как правило, отступавшего неприятеля, не давая ему опомниться и перегруппироваться для контр наступления. Этого «прежде турки никогда не видали, будучи разбиты нами (русскими. - *Х. М. И.*), - писал один из русских военачальников, - они не находили покоя в бегстве своем и поражались с конца на расстояние 30 или более верст, теряя обозы свои, выюки и множество пленных... действия и подвиги сих полков, из коих один 3-й, постоянно находился под начальством генерала Муравьева, приводили в ужас турецких солдат и офицеров»⁷⁷. Азербайджанцы захватили у неприятеля в этом бою богатые трофеи: «из 19 турецких знамен 17 были захвачены ими»⁷⁸. В боях 19 и 20 июня русская пехота успешно взаимодействовала с азербайджанской конницей. В самый разгар сражения 19 июня, когда гренадерская бригада под командованием декабриста Бурцова «выдерживала сильный артиллерийский бой, из Ханского ущелья вдруг вынеслось пять или шесть тысяч всадников (турецких. - *Х. М. И.*) и ринулось на Бурцова». С правого фланга неприятеля на русских гренадер устремилась другая часть турецкой пехоты и конницы. Таким образом, Херсонский гренадерский полк попал под двойной удар 10 или 12 тыс. турок. «Была минута, когда все думали, что Бурцев пропал, так как за дымом и пылью неясно мелькали только массы несущихся всадников. Но когда дым рассеялся - каре стояли, а вражеская конница уносилась от них в разные стороны». Сильный

⁷⁵ П. Зубов, Шесть писем о Грузии и Кавказе...

⁷⁶ ЦГВИА, ф. 477, д. 81, л. 14.

⁷⁷ «Русский архив», 1894, № 3, стр. 379-380.

⁷⁸ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. 2, стр. 299.

натиск турецкой конницы был отражен, а артиллерийский обстрел заставил неприятельский центр податься назад. В эту минуту в бой вступила кавалерийская бригада Раевского, которая, быстро обскакав гренадер, развернула фронт, и Раевский повел в атаку два дивизиона Нижегородского полка. С ним неприятеля атаковали две сотни казаков. Блестящую атаку слева поддерживал казачий полк Карпова, справа - 3-й азербайджанский полк.

Особенно отличились в этом бою русские рядовые солдаты, унтер-офицеры и азербайджанские всадники. «Унтер-офицер Капкин, опередив всех на своей быстрой лошади, одни врезался в ряды неприятеля»⁷⁹ и сражался до тех пор, пока не подошли [245-246] драгуны и воины 3-го азербайджанского полка, которые выручили своего боевого друга. После Согоанлугской победы Паскевич в своем рапорте императору от 25 июня 1829г. писал: «Имея счастье со всеподданнейшим поздравлением моим с сею знаменитою победою повергнуть к стопам Вашего величества 19 отбитых у неприятеля знамен, не должен умолчать о похвальном усердии... находящихся со мною полков мусульманских; службой их я совершенно доволен; во всех сражениях они дрались отлично храбро, в атаках были всегда впереди, бросались даже мужественно и твердо на неприятельскую пехоту; большая часть пушек, знамен и пленных отбита ими».

Потери в русских войсках 19 и 20 июня «не превышали 100 человек и большею своей долей легли на мусульманские полки, которые всегда были впереди»⁸⁰.

В числе убитых в Согоанлугском сражении 20 июня 1829 г. азербайджанцев был известный своей храбростью наездник Умбай-бек. А. С. Пушкин, находившийся в это время в действующем корпусе, был очевидцем Согоанлугского боя. Гибель штабс-капитана Умбай-бека нашла свое яркое отражение в его произведении «Путешествие в Арзрум». Она описана следующим образом: «С одной стороны колонны шли на турецкий лагерь, с другой - конница готовилась преследовать неприятеля. Я поехал было за Нижегородским полком, но лошадь моя хромала. Я отстал... Подъезжая к лощине, увидел я необыкновенную картину. Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненый смертельно... Умиравший бек был чрезвычайно спокоен»⁸¹. Другой очевидец гибели Умбай-бека, полковник Радожицкий, писал в своих походных записках: «Возвращаясь к парку (артиллерийскому. - *Х. М. И.*), я видел на поле трогательную сцену: лежал смертельно раненный, один из наших мусульман. Раненый был до половины раздет, рубашка окровавлена, на левом боку и на бритой голове два больших сабельных рубца... Обратив голову ко мне, он выразительно всматривался в меня тусклыми умирающими глазами»⁸². Управляющий мусульманскими провинциями ген. И. Н. Абхазов в своем письме Н. Н. Раевскому 20 апреля 1829 г. писал: «Штабс-капитан Умбай-бек славный молодец, храбрый, раненый, постоянно преданный к нам и всегда отличный заслугами»⁸³. Перед смертью Умбай-бек просил передать Паскевичу, что он умирает, верный русским⁸⁴.

После соганлугской катастрофы турецкая армия уже не могла оправиться, Порта была бессильна остановить победоносное движение Отдельного Кавказского корпуса в глубь страны. [246-247]

Эрзерум - столица Малой Азии, сильнейшая крепость во всей Анатолии и турецкой Армении, являлся главной целью кампании 1829 г. Благодаря мужеству и храбрости русских солдат, помощи азербайджанской конницы и армянских ополчений Эрзерум был взят. В штурме Эрзерума приняли активное участие азербайджанский пехотный (сарбазский) батальон⁸⁵ и все азербайджанские кавалерийские полки⁸⁶.

Эрзерумская операция была наиболее крупной, и в ней также имело место взаимодействие русских войск с азербайджанскими иррегулярными войсками. Азербайджанский пехотный батальон штурмовал Эрзерум вместе с севастопольским пехотным полком. Около 500 человек Кенгерлинского конного полка штурмовали Эрзерум совместно со сводным Черноморским конным полком. Конно-мусульманские полки общей численностью около 2400 человек вошли в кавалерийскую группу, куда вошли также Нижегородский драгунский и Сводный уланский полки⁸⁷. Таким образом, в штурме Эрзерума в составе русских войск приняли непосредственное

⁷⁹ В. П о т т о, История 44-го Драгунского Нижегородского полка, т. III, стр. 108.

⁸⁰ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. 2, стр. 302.

⁸¹ А. С. П у ш к и н, Путешествие в Арзрум, т. IV, стр. 378.

⁸² «Военный журнал», кн. I, стр. 16.

⁸³ «Архив Раевских», т. I, стр. 452.

⁸⁴ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. 2, стр. 303.

⁸⁵ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5051, ч. 2.

⁸⁶ См. там же, ф. 477, д. 81, лл. 9-10.

⁸⁷ Там же, ф. ВУА, д. 1051, ч. 2.

участие около 4 тыс. азербайджанцев. Однако это не нашло своего отражения в дворянско-буржуазной историографии России, несмотря на то что в этой операции роль азербайджанских иррегулярных войск была довольно значительна.

7 июля 1829 г. русский отряд под командованием Бурцева подошел к крепости Бейбурт, взял ее штурмом, а 9 июля пала крепость Хнис.

Тем временем турки, собрав до 10-12 тыс. человек, укрепились у селения Гюмиш-хана и продолжали собирать силы. 18 июля неприятель прибыл в сел. Харт и укрепился в нем с целью наступления на Бейбурт.

18 июля «разъезды 2-го мусульманского полка, расположенного при сел. Верзагане... открыли во многих селениях по Офской границе и преимущественно в сел. Харт неприятельскую пехоту со знаменами», занявшую две дороги: одну несколько правее Трапезундской и Офскую. В то же утро передовой отряд 2-го конно-мусульманского полка вступил в бой с турецкой пехотой на Офской дороге. В бою за овладение сел. Харт вновь отличились азербайджанские воины этого полка, которые в самую критическую минуту боя на рысях обогнули правый фланг и с другими подразделениями русских ударили по неприятелю Бурцев, желая довершить успех атаки, двинул пехоту с другой стороны селения, а сам повел в атаку 2-й конно-мусульманский полк, который с места в карьер ринулся на врага. Турки были выбиты из своей позиции, прогнаны на скат левых возвышений, но радость успеха атаки конно-мусульманского полка была [247-248] омрачена тяжелым ранением Бурцева, который «во время атаки, преследуя турок, получил из пистолета рану пулею в грудь навывлет»⁸⁸, из-за чего приостановилось преследование разгромленного неприятеля⁸⁹.

Хартская долина была заполнена трупами турецких солдат и офицеров. Гренадеры Херсонского полка и воины второго азербайджанского полка мужественно сражались и понесли значительные потери.

Обнаружив трехтысячный турецкий лагерь из пехоты и конницы, второй конно-мусульманский полк тотчас атаковал неприятеля, но был опрокинут. Оправившись, азербайджанцы повторили атаку и снова были отбиты. В это время Раевский с остальной кавалерией и первым конно-мусульманским полком подоспел к месту схватки, и тогда второй конно-мусульманский полк, в третий раз бросившись в атаку, ворвался в турецкий лагерь и нанес противнику жестокое поражение, полностью истребив оставшиеся турецкие войска.

В этом бою трофеями конно-мусульманских полков были две пушки, одно знамя, весь лагерь, артиллерийский парк с 5 тыс. снарядов и множество пороха. Кроме того, азербайджанские кавалеристы захватили обоз с имуществом многих деревень, награбленным противником, большое количество скота и много лошадей. Было пленено 150 человек вместе с важными турецкими чиновниками. Убитыми в этом бою турки потеряли 300 человек. В битве под Хартом и в разгроме трехтысячного турецкого лагеря особенно отличились мужеством и храбростью бойцы и офицеры Грузинского гренадерского полка, Эриванского карабинерного полка, двух рот Херсонского гренадерского полка, первого и второго конных азербайджанских полков, Нижегородского драгунского и Сводного уланского полков⁹⁰. Все эти части русской армии были малочисленны и сильно измотаны длительными боями, но сила духа русского солдата и ратное содружество с азербайджанскими кавалеристами принесли Кавказскому корпусу победу над многочисленным противником.

В боях под Хартом численность азербайджанцев составляла почти 50 процентов всей конницы русского отряда. В кавалерийской бригаде Раевского действовали немного более тысячи русских бойцов и около тысячи азербайджанских всадников.

Боевые успехи конных азербайджанских полков на заключительном этапе войны

Второй и четвертый конно-мусульманские полки и конница кенгерлы получили задание по пути в Грузию ликвидировать скопления противника в районах Ольтиси - Нариман. Эти [248-249] части, две мортиры и одна саперная рота под общим командованием подполковника Аргутинского-Долгорукова направились к крепости Ольтиси. 16 сентября азербайджанская конница столкнулась близ деревни Сурп-Саркис с неприятельской кавалерией. 1300 делибашей

⁸⁸ АКАК, т. VII, док. 804.

⁸⁹ Тяжело раненный генерал-майор Бурцев скончался 23 VII, 1829 г.

⁹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5053. л. 2.

(сорвиголовы – тур.) укрепились на выгодной высоте дороги по ущелью перед деревней. Пехота и орудия, отстав от конных полков, остались далеко позади. Коннице пришлось действовать без поддержки пехоты и артиллерии⁹¹.

В авангарде отряда на сей раз действовал 2-й азербайджанский полк. Командир отряда вызвал добровольцев для немедленной атаки противника. «Выдвинулись все чешре сотни разом. Самолюбие татар было задето, и никто не хотел оставаться сзади». Командир 2-го азербайджанского полка Кувшинников «сам повел первую сотню; за ним ринулась вторая под личным начальством Аргутинского, а остальные две, поддерживая это движение, наступали уступом. Весь 4-й полк остался в резерве. Но лишь одна головная сотня ринулась в карьер, как остальные, так сказать, вырвались из рук своих начальников и устремились в бой без всякого приказа»⁹². Азербайджанские полки трижды атаковали турок, но каждый раз, опрокинутые, они укреплялись на выгодных позициях. Наконец азербайджанские кавалеристы, преследуя бегущих, ворвались в деревню, где произошла последняя и самая горячая схватка. Тем временем 4-й азербайджанский полк, обскакав деревню, ударил делибашам в тыл. Поражение было полное.

Азербайджанские полки и конница кенгерлы решили, таким образом, важную боевую задачу самостоятельно. В течение боя под 13 азербайджанцами были убиты лошади, но они продолжали сражаться спешными и дрались в рукопашной схватке, окруженные многочисленными делибашами. Они захватили у турок два знамени. В бою и во время бегства турки потеряли до 100 человек убитыми и 54 взятыми в плен, 17 азербайджанцев было ранено. Второй и четвертый полки продолжали марш к Ольтиси, где укрепился неприятель, расположив свою конницу вблизи крепости в глубоком Джуджурском ущелье, у деревни того же названия. Находившийся в авангарде 4-й азербайджанский полк первым вступил в бой, атакованный делибашами в узком ущелье. Ввиду численного превосходства командир полка, спешив своих азербайджанцев, начал понемногу отступать к равнине. Турецкая конница, таким образом, позволила выманить себя из крепкой позиции. Спешенные воины отходили назад. Отбивая наседавшую турецкую конницу и выведя ее на выгодное место, они дружно переходили в атаку, дрались долго и упорно в рукопашном бою. Воины 2-го азербайджанского полка отбили у турецких байрактаров пять знамен⁹³. В самую [249-250] критическую минуту боя вся бригада ударила по неприятелю, опрокинула его и преследовала за хребет гор.

«Долгом считаю свидетельствовать, - писал Паскевич в Петербург 23 сентября 1829 г., об отличной храбрости мусульманских полков, кои во всяком случае не перестают являть новые образцы их усердия и привязанности к российскому правительству. Мне весьма приятно видеть в них сей дух мужества. Добытые ими семь знамен и ключ крепости (Ольтиси. - *Х. М. И.*) буду иметь счастье повергнуть к стопам В. И. В. вслед за сим». Ольтисийская победа доказала, что конные иррегулярные формирования представляют собой «те превосходные боевые части, какими явились конно-мусульманские полки»⁹⁴. Многие командиры и рядовые всадники азербайджанской конницы за боевые заслуги проявленные в боях были удостоены высоких боевых наград⁹⁵.

На Дунайском театре войны русские корпуса перешли через Балканский хребет и овладели Адрианополем. Авангард русских войск находился в двух шагах от Константинополя. Султан запросил мира. Русское правительство предъявило свои условия, на которые Турция согласилась, и 2 (14) сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мирный договор, по которому она уступила России весь восточный берег черного моря от Анапы на севере до пристани Св. Николая на юге и часть Ахалцыхского пашалыка. Русским подданным предоставлялись права беспрепятственной торговли в Османской империи. Проливы Босфор и Дарданеллы оставались открытыми для русских и западноевропейских торговых судов. Молдавия и Валахия временно оккупировались

⁹¹ АКАК, т. VII, док. 814

⁹² «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. 2, стр. 416

⁹³ АКАК, т. VII, док. 814

⁹⁴ Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. 2, стр. 416-417

⁹⁵ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 130, оп. 1, д. 59, лл. 12, 18; ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 2, д. 834, лл. 141-180; ф. 1105, д. 440, л. 9. (Особенно отличились в боях азербайджанские воины кенгерлинской конницы, рядовые всадники Баба-бек Джафар оглы, Ага Керим Фетали оглы, Имам Кули Али оглы и др. Названные азербайджанские воины и многие другие из этого полка были награждены «Золотой медалью на георгиевской ленте». Мужество, храбрость и умение командовать конницей во время атак и при преследовании неприятеля проявили: помощник командира первого конно-мусульманского полка штабс-капитан Гюльмамед-бек, помощник командира второго конно-мусульманского полка капитан Гусейн-бек Шихали Ширванский, начальник сотни шекинских всадников Муртузали-бек, наиб третьего конно-мусульманского полка Расул-бек Гаджи Ахмед оглы, наиб второго конно-мусульманского полка Шир Али-бек Мамед бек, командир отряда ширванской конницы штабс-капитан Мирза Мамед Гусейн Исмаил-бек оглы, помощник командира третьего конно-мусульманского полка Гусейн-ага. Многие азербайджанцы служили в русских полках. В сборном линейном казачьем полку проходили боевую службу жители г. Кубы Али Паша Ага и Юзбаша Зейнал, которые в штурме Эрзерума отличились «противу неприятеля храбростью».)

русскими войсками. Султан обязывался выполнять условия Аккерманской конвенции, касавшиеся Дунайских княжеств и Сербии, а также признавал Лондонский договор и акт [250-251] 10 (22) марта 1829 г. относительно границ и политического устройства Греции⁹⁶.

Адрианопольский мир укрепил позиции России на Среднем Востоке и на Балканах, создал условия для расширения торговли на Черном море и, что особенно важно, ускорил развитие экономики Закавказья.

Таким образом, победа над Турцией закрепила факт присоединения всего Закавказья к России.

* * *

В марте 1831 г. четырем конно-мусульманским полкам и кенгерлинской коннице были вручены победные знамена. По этому поводу в специальном воззвании на русском и азербайджанском языках главнокомандующий 18 марта 1831 г. писал: «Принимая с неизменным благоволением труда и подвига, коим ознаменовали себя храбрые мусульмане во всех военных действиях и походах 1828-1829 гг., соизволили вновь бывшие четыре мусульманских полка и конницу Кенгерлы пожалованием каждому из них особого знамени, в доказательство отличного... внимания и верности к заслугам всадников, составляющих сии храбрые ополчения»⁹⁷. Для принятия знамен главнокомандующий вызвал из Шуши, Шемахи, Елизаветполя, Эривани и Нахичевани в Тифлис наиболее отличившихся командиров и воинов.

Обобщая данные о численности воинов-азербайджанцев, мы установили, что в первый год русско-турецкой войны численность азербайджанских конных и пеших иррегулярных войск доходила до 3400 человек, из коих свыше тысячи составляло пехотное ополчение⁹⁸. Во втором же году войны в составе кавалерии Отдельного Кавказского корпуса против турецких войск успешно действовали азербайджанская конница, насчитывавшая более 3 тыс. сабель, и пеший батальон численностью около 1200 человек.

Уже само по себе наличие в составе действовавших войск, насчитывавших до 14 тыс. человек, свыше 4 тыс. азербайджанских воинов показывает, какой существенный вклад внесли они в победу над Турцией.

Четыре конно-мусульманских полка, кенгерлинский конный полк и азербайджанский пеший батальон приняли непосредственное участие во всех крупных боевых операциях войны. Много азербайджанцев за храбрость и боевые отличия в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. были награждены боевыми [251-252] российскими орденами и медалями⁹⁹. В частности, за боевые отличия, проявленные только в сражениях под крепостью Ахалцых 5 и 9 августа 1828 г., 47 офицеров-азербайджанцев были награждены орденами Анны 3-й степени, Владимира 4-й степени с бантом и золотой медалью на георгиевской ленте. В рукопашных схватках и в кавалерийских атаках получили тяжелые ранения 24 азербайджанца - рядовых воина, а 14 азербайджанцев-рядовых были контужены. Более 20 азербайджанских рядовых всадников конных ополчений, «отличившихся особенно в сражениях под Ахалцыхом, равно 7-го и 17-го числа августа 1828 года», были награждены орденом св. Георгия 5-й степени¹⁰⁰.

За одну лишь кампанию 1829 г. наряду со многими боевыми орденами и медалями, которыми были награждены офицеры и рядовые всадники азербайджанских конных полков и ополченцы пешего батальона, 162 рядовых всадника были награждены георгиевскими крестами, серебряными медалями с надписью «За храбрость», серебряными медалями на георгиевской ленте и другими наградами¹⁰¹. Только за «отличия, оказанные в минувшем 1829 г., - писал Паскевич в приказе по корпусу от 8 сентября 1829 г., - мусульманскими полками: 17 июня при разбитии войск Осман-паши на р. Хункерчай, 19 и 20 июня при уничтожении корпуса сераскира Арзрумского, разбитии войск трехбунчужного Гагки-паши и овладении укрепленным лагерем сего последнего, за исключением уже розданных в сии полки 52-х знаков (георгиевских крестов. - *Х. М. И.*), 12 всадников 1-го и 3-го конных азербайджанских полков и 4 пеших ополченца азербайджанского пехотного ополчения были награждены „Георгиевским крестом“. За боевые отличия, проявленные

⁹⁶ См.: Н. С. К и н я п и н а, Внешняя политика России первой половины XIX в., стр. 148-149.

⁹⁷ Музей истории Азербайджана, см. ф. Новая история, инв. 582/1412-2792, рескрипт главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом.

⁹⁸ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 277; д. 17348, лл. 3-4 об.

⁹⁹ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 130, оп. 1, д. 59, лл. 12-18; ЦГИА Груз. ССР, ф. 458, оп. 2, д. 834, лл. 141-160; ф. 1105, д. 440, л. 9

¹⁰⁰ ЦГВИА, ф. 395, оп. 17, д. 155, лл. 356-356 об.. 365.

¹⁰¹ Там же, лл. 415-427.

в сражении под Хартом 19 июля 1829 года, 14 рядовых воинов 2-го азербайджанского полка были награждены теми же знаками отличия»¹⁰²

Однако необходимо подчеркнуть, что, оказывая военную помощь русским войскам, сражавшимся в Закавказье, азербайджанцы, так же как грузины и армяне, руководствовались не внешнеполитическими и колониальными целями русского царизма, а стремлением избавить свою страну от угрозы разорительных нашествий турецких феодалов. [252-253]

---

¹⁰² Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русско-иранские и русско-турецкие войны первой трети XIX в. усилили ненависть народов Закавказья к шахским и османским захватчикам, грабившим сотни лет мирное и беззащитное население. Эти войны стали важным этапом в подъеме освободительного движения народов Кавказа против ига Каджаров и Османской империи. Совпав с процессом присоединения Закавказья к России, русско-иранские и русско-турецкие войны затормозили, но не приостановили этот процесс, ибо они не могли задуть борьбу народов Кавказа против своих извечных врагов - шахского Ирана и османской Турции.

В результате этих войн народы Закавказья избавились от опасности порабощения феодальными восточными деспотиями, хотя на плечи трудового народа Азербайджана, как и всего Закавказья, теперь ложилось новое иго - гнет царских колонизаторов. В борьбе против общего врага складывались, крепились и расширялись связи прогрессивной части России с народами Кавказа. В ходе этой борьбы широкие массы населения Азербайджана не только не оставались пассивными зрителями событий, но и приняли активное участие в войнах, предопределив тем самым свою историческую судьбу, связав ее с Россией. Если широкие массы населения Азербайджана начиная с 1801 г. придерживались российской ориентации, активно поддерживали русскую армию, умножая ее победы на полях сражений, то в лагере господствующих классов до 30-х годов XIX в. наблюдался раскол, хотя значительная часть феодально-клерикальных кругов Азербайджана придерживалась русской ориентации.

Азербайджанские крестьяне, выступая в период присоединения Закавказья к России против социального и национального гнета российского царизма, не стремились к отторжению от России, а боролись против колонизаторских методов управления царской военной и гражданской администрации и их злоупотреблений.

Таким образом, на основе изложенного материала, подкрепленного подлинными документами, мы пришли к выводу, что избавление Закавказья от угрозы порабощения Каджарским [253-254] Ираном и султанской Турцией было достигнуто ратным трудом, воинским мастерством, стойкостью русских солдат и боевым вкладом закавказских воинских иррегулярных частей, ополчений и населения в победу над общим врагом. Самая значительная роль в вооруженной, экономической и моральной поддержке русской армии в период всех войн с 1804 по 1829 г. бесспорно принадлежит крестьянству Азербайджана, Грузии и Армении, ибо вооруженные пешие и конные дружины, ополчения и иррегулярные полки прежде всего состояли из вооруженных крестьян. Помимо иррегулярных частей и подразделений существовали многочисленные партизанские отряды, возникавшие стихийно в тылу захваченной неприятелем территории, также включавшие крестьян. Другие слои населения, такие, как нукеры и маафы, освобожденные от податей благодаря военной службе, являлись теми же крестьянами, пользовавшимися некоторыми привилегиями.

Важно отметить эволюцию азербайджанских воинских иррегулярных формирований в течение четверти века, т. е. с 1804 по 1829 г. Следует подчеркнуть, что за указанный период в принципах формирования азербайджанских иррегулярных войск, их структуре, назначении и вооружении, а также в социальном и численном составе происходили постоянные перемены в зависимости от внешнеполитической, внутренней обстановки и взаимоотношений между царским правительством и населением Азербайджана, как и всего Закавказья.

Если в начале XIX в. азербайджанские ополчения набирались по феодальному принципу формирования войск местными владельцами на короткое время или вели партизанскую борьбу, то в 20-х годах иррегулярные войска формировались царским командованием по указанию правительства и на весь период войны. Организационные принципы национальных войск, сформированных по указанию правительства, были приравнены к русским регулярным и казачьим частям. По мере роста численности и совершенствования организации азербайджанских иррегулярных частей увеличивались и расширялись боевые задачи, выполнявшиеся ими весьма успешно.

В изучаемую эпоху в Азербайджане, так же как в Грузии и Армении, не существовало постоянного войска или какой-либо твердо установленной системы отбывания воинской повинности. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы о возникновении и развитии азербайджанских воинских формирований от стихийно поднимавшихся «обывательских» и «земских» отрядов до иррегулярных «конно-мусульманских полков» и даже бригад позволяют сделать вывод о некоторой единой системе в создании национальных войск в Азербайджане, что временно допускалось и даже поощрялось царским правительством. Если в период первой русско-

иранской войны азербайджанские ополчения выполняли локальные боевые задачи, что [254-255] несомненно сыграло свою положительную роль, облегчив в целом положение русских войск, то во второй русско-иранской и во второй русско-турецкой войнах на азербайджанские иррегулярные войска русским командованием были возложены более серьезные боевые задачи, от успешного выполнения которых зависел исход крупных сражений и операций общего масштаба.

Таким образом, азербайджанские иррегулярные отряды и полки с первых дней военных действий, в ходе всех войн, до изгнания последнего вражеского солдата с территории Закавказья, несли боевую службу в рядах действующих русских войск, деля вместе с ними и ополчениями других народов Закавказья тяжесть и невзгоды продолжительной суровой борьбы, радость и славу многочисленных боевых успехов.

Подчеркивая большую помощь азербайджанского парода русской армии и боевой вклад азербайджанских иррегулярных войск в достижение победы над общим врагом, мы не стремились умалить роль регулярных русских войск, сыгравших безусловно главную и решающую роль в изучаемых войнах. Больше того, одной храбрости и отваги, которыми обладали азербайджанские воины, было бы далеко не достаточно для успешных действий против крупных, обученных по европейскому образцу ирано-турецких армий. Велика роль русского солдата, который передавал свой опыт, знания, обучал воинскому мастерству азербайджанских воинов и ополченцев других национальностей Кавказа. В ходе войн русское командование снабжало оружием и боеприпасами как иррегулярные азербайджанские войска, так и население многих провинций.

Вполне понятно, что русская армия в рассмотренных войнах победила именно потому, что она была регулярной и имела соответствующую боевую выучку, опыт и закалку, а также оснащение, вооружение и особенно артиллерию.

Разумеется, большая роль принадлежала декабристам, генералам и офицерам суворовско-кутузовской школы и другим прогрессивным военным деятелям передового русского военного искусства, как Котляревский, Ермолов, Раевский, Вельяминов, Давыдов, Бурцов, Вольховский, Пущин, Бестужев и многие другие.

Но без вооруженной помощи населения Азербайджана и его иррегулярных войск, без помощи населения всего Закавказья и их ополчений, без материальной и моральной поддержки всего населения русской армии трудно было бы одержать победу. Дружба русского, азербайджанского, грузинского и армянского народов была продемонстрирована в войнах первой трети XIX в. Приведенный в работе материал опровергает ложную трактовку дворянско-буржуазных историков царской России о вражде кавказских и русского народов. Утверждения об «извечном антагонизме христиан и магометан», рекламируемые в угаре великодержавного шовинизма дореволюционной кавказско-[255-256] ведческой историографией, выглядят крайне несостоятельно после объективного изучения документов. Русские, азербайджанцы, грузины и армяне, объединившись, вели вооруженную борьбу с общим врагом. Не говорит ли о дружбе русских и азербайджанских воинов тот факт, что азербайджанцы, даже в условиях отсутствия русских гарнизонов, в ходе войн оказывали упорное сопротивление иранским захватчикам и твердо, ценою огромных потерь удерживали города, крепости и боевые позиции до подхода русских войск?

Заметим, что боевое содружество и взаимная помощь населения Закавказья не ограничивались рамками узконациональных интересов этих народов, а выходили далеко за их пределы. Свидетельством этого служат факты участия крупных вооруженных ополчений из азербайджанцев в освобождении Грузии и Армении от ирано-турецких завоевателей или факты участия грузинских и армянских воинских дружин в освобождении Азербайджана от иранских захватчиков.

Следует отметить, что весьма важным обоснованием боевого содружества русских войск и азербайджанских ополчений, как и всего населения Азербайджана, является известное совпадение на определенных этапах национальных чаяний азербайджанцев, грузин и армян с государственными интересами России. У них были общие враги - шахский Иран и Османская империя.

Разумеется, внешнеполитические, колониальные мотивы, игравшие главную роль в политике российского царизма, были совершенно чужды широким массам населения Азербайджана.

Присоединение Азербайджана к России не означало еще освобождения азербайджанского народа от эксплуатации и угнетения вообще. В результате победы над иноземными захватчиками и присоединения Азербайджана к России азербайджанский народ оказался под гнетом местных феодалов и российского царизма с характерными для него военно-феодальными методами

управления. Но войны против Ирана и Турции и присоединение к России навсегда избавили азербайджанский народ от жестокостей восточных деспотий, веками угнетавших его.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла азербайджанскому народу, так же как и всем народам Кавказа, подлинное освобождение от социального и национального гнета. Боевое содружество русского и азербайджанского народов, скрепленное кровью их сынов в борьбе с общими врагами, нашло дальнейшее развитие в войнах против врагов Социалистического Отечества.

Героические сыны Советского Азербайджана продолжили и умножили славные боевые и революционные традиции своих предков, боевое содружество с русским и другими народами СССР в грозные годы Великой Отечественной войны 1941-[256-257] 1945 гг., внося достойную лепту в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Народы Азербайджана, Грузии и Армении, сблизившись с русским народом и вступив совместно с ними в борьбу против царской России после победы Великой Октябрьской социалистической революции, под руководством Коммунистической партии достигли небывалого расцвета экономики и культуры. Известно, что по многим экономическим и культурным показателям социалистические республики Закавказья давно опередили многие капиталистические страны, в том числе страны зарубежного Востока.

К славному пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции азербайджанский народ пришел со значительными достижениями в экономике и культуре, в строительстве нового коммунистического общества, внося свой вклад в общее дело всех равноправных народов нашей многонациональной Родины.

Храня боевые традиции своих героических предков, возрожденный азербайджанский народ воздает должное их ратному труду, верности воинскому долгу, бескорыстному служению идеям дружбы с русским народом, протянувшим ему свою руку в тяжелые годы борьбы против иноземных захватчиков, против царизма и местных эксплуататоров.